

Вольф Цопф

ЭСЭСОВЦЫ В «КОТЛЕ»

Разгром
горной дивизии СС «Норд»

**ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Вольф Цопф

**ЭСЭСОВЦЫ
В «КОТЛЕ»**

**РАЗГРОМ ГОРНОЙ ДИВИЗИИ СС
«НОРД»**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
Ц 80

Оформление серии С. Курбатова

Цопф В.

Ц 80 Эсэсовцы в «котле». Разгром горной дивизии СС «Норд» / Вольф Цопф ; [пер. с англ. Д. Кунташева]. М : Яуза-пресс, 2011. — 384 с. — (Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0160-2

Эта дивизия была создана для боевых действий в экстремальных условиях. Это соединение по праву считалось элитой войск СС — в отличие от обычных частей Вермахта эсэсовские горные стрелки не боялись ни русской зимы, ни морозов, ни снегопадов. В годы Второй Мировой 6-я горная дивизия СС «Норд» (*6 SS-Gebirgs-Division «Nord»*) отличилась как на Западном фронте, так и на Восточном — в Советском Заполярье и Карелии, где вступила в бой уже в июле 1941 года. Но ни специальная подготовка, ни богатый боевой опыт, ни фанатичная преданность фюреру не спасли эсэсовских горных стрелков от разгрома. Эта книга посвящена последним боям дивизии «Норд», участником которых был сам автор: «Мы уничтожили вражеский танк,бросив в открытый люк последнюю гранату-«толкушку» с длинной ручкой. Вместе с остатками своей роты, состоявшей теперь из семерых бойцов, я шел в авангарде горнопехотной дивизии СС, прорывавшейся из плотного кольца окружения...»

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0160-2

© Д. Кунташев, пер. с англ., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

Посвящается всем сражавшимся за Винген,
американцам и немцам

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге с необычайной подробностью описываются тактические детали малоизвестного, но крайне важного сражения, происходившего в последние месяцы Второй мировой войны. Книга повествует о необычном подразделении, по многим причинам выпавшем из поля зрения американских военных историков. Как отмечено в брошюре Центра военной истории армии США, посвященной Арденнско-Эльзасской кампании (опубликованной к 50-летней годовщине сражения), страницы истории и отдельные этапы этой операции остаются едва приоткрытыми. Книга Вольфа Цопфа «германским взглядом» пополняет растущий пласт литературы, посвященной этому едва ли не позабытому сражению, оказываясь в одном ряду с такими произведениями, как «When the Odds Were Even» (1994) Кейт Бонн и «Winter Storm» (1991) Лиз Поммо — или же с последней книгой Ричарда Энглера, где объединены исторические исследования и личные впечатления автора, — «The Final Crisis» (1999).

Повествуя о боевых действиях пехотных батальонов и рот, как с германской, так и с американской сторон, автор детально и реалистично воссоздает картину переднего края. Как отметил генерал Эйзенхаузер в своей книге «Крестовый поход в Европу», морозной зимой 1944—1945 годов (самой суровой с начала столетия) «...на долю пехоты, из всех видов вооруженных сил самой привычной ко всему, выпал практически весь набор тягот и лишений». Вполне справедливо как для немцев, так и для нас, о чем лучше всего свидетельствует книга,

написанная пехотинцем, непосредственным участником боев.

Это история войны в чистом виде, связзывающая реальные события и результаты кропотливых архивных поисков с личными впечатлениями автора и других участников сражения — по обе его стороны. Книга объясняет, почему во время последней наступательной операции германских войск на Западном фронте — операции «Нордвинд» сражение за Винген-на-Модере оказалось в центре самого пристального внимания корпусных и полевых командиров двух сражавшихся группировок.

Я познакомился с автором по прошествии более чем тридцати лет с момента событий, описываемых в его книге, на встрече, где собирались ветераны моей 70-й пехотной дивизии армии США и его 6-й горной дивизии СС «Норд». Меня всегда поражало то, как встречаются бывшие противники, воевавшие друг против друга. В 12 лет я маршировал на бойскаутском параде в родном городе. Тогда, в 1929 году, этот праздник назывался «Днем примирения», и я на всю жизнь запомнил ветеранов Гражданской войны, ехавших впереди процессии на автомобилях и мирно обсуждавших общее боевое прошлое. Когда в 1946 году мой батальон был выведен из боевого состава, меня прикомандировали к «военно-историческому» отряду, занятому работой с пленными немецкими генералами, сочинявшими мемуары об участии в войне. Работая с ними в тесном контакте, я поразился тому, насколько быстро враждебность сменялась искренним стремлением к сотрудничеству профессионалов двух противоборствующих сторон, отныне работавших ради достижения общей цели — задокументировать свой боевой опыт, общий и личный.

Разумеется, на первой встрече ветеранов 70-й пехотной дивизии и 6-й горной дивизии СС «Норд» все мы чувствовали себя не в своей тарелке. Одни из нас пришли в одиночестве, другие с женами — воочию увидеть тех, кто в студеные дни начала 1945 года отчаянно

пытался уничтожить нас в Вогезских горах. Но теперь перед нашими глазами были не дьяволы в лыжных шапках, засевшие в домах небольшого городка, и не тела убитых, неуклюже застывшие на залитом кровью снегу. Мы, американцы, глядя на бывших врагов, видели в них живых людей, и — как ни удивительно — понимали, что у нас с ними куда больше сходств, нежели различий.

Впоследствии у меня было две возможности встретить прежних врагов по корейской и вьетнамской войнам, и оба события лишь усилили чувство, что если политики стараются демонизировать противника, пробудить ненависть к нему, то профессиональным военным непозволительны ни излишняя эмоциональность, ни категоричность в выводах. Первого офицера из коммунистического Китая я встретил уже будучи в отставке, оказавшись в 1982 году в приемной ООН. Разговарившись по поводу нашего военного прошлого, мы обнаружили, что сражались друг против друга во время корейской войны. Когда в завязавшемся разговоре мой собеседник и его китайские товарищи поинтересовались, не испытывал ли я чувства ненависти, я ответил, что нет, ничего такого не было, это не ненависть, а лишь работа профессионального военного — и мне показалось, что ответ приятно их удивил. Обмен мнениями закончился тем, что меня пригласили на конференцию, которую проводил в Пекине их Институт стратегических исследований. После конференции нас привезли на смотр в стрелковую дивизию Народно-освободительной армии Китая — и, когда стоя на трибуне, я отдавал честь приветствовавшему меня командиру, меня переполняли весьма странные ощущения. Весной 1953 года, в «Порк-Чопе» и «Олд-Болди», я и представить себе не мог ничего подобного даже в самых смелых мечтах.

Позже, уже на другой конференции — в Техасском технологическом институте, меня представили генерал-лейтенанту из коммунистического Вьетнама, и, хотя ат-

мосфера была напряженной, к концу конференции мы куда непринужденнее обменивались мнениями по во-просам тактики. Результатом всех этих разговоров стало мое твердое убеждение, что сражавшиеся друг против друга ветераны, на своей шкуре познавшие, что такое фунт лиха, — это и есть те, кто по окончании войны ве-дет стороны к примирению. Более того, я не в состоянии ненавидеть своих бывших противников — хотя знаю как факт: все те, против кого мы сражались, стояли за свои правительства и идеалы, ненавистные нам как тог-да, так и сейчас.

Прочитав эту книгу, вы заметите, что подразделения, в которых служили герр Цопф и я, с точки зрения чело-века военного имеют довольно много общего.

Как поясняет Вольф в замечательном отрывке, пред-усмотрительно включенном в книгу, летом 1941 года дивизия СС «Норд» оказалась неподготовленной к уча-стию в боевых действиях. Тяжелейшие потери не могли не подорвать репутации этого соединения, причем не только в глазах одержавшего верх противника, но и дру-гих частей и подразделений Вермахта, воевавших по со-седству на Арктическом фронте. Из-за нехватки лично-го состава в частях американской пехоты, требовавшейся для отражения германского наступления в Арденнах и Эльзасе, полки 70-й пехотной дивизии (включая наш 276-й) также были брошены в бой прежде времени. В результате за первые две недели января 1945 года эти части понесли значительные потери, самые тяжелые из всех частей 7-й армии. Это навлекло на нас суровую критику армейского командования и вызвало язвитель-ные комментарии со стороны более опытных офицеров других подразделений. По прошествии времени допол-нительные тренировки, полученный опыт, солдатское мужество и продолжавшееся кровопролитие избавили нас от полученного вначале клейма, но есть урок, кото-рый обязан помнить каждый нынешний командир: пот, пролитый на тренировке, сохраняет жизни в бою.

К тому же есть и другие общие черты. За годы армейской службы я научился высоко ценить дисциплинированные подразделения, ориентированные на действие. Насколько можно судить по данной книге (а также по свидетельствам товарищей по оружию из 1-го и 3-го батальонов нашего полка), егеря из 6-й горнопехотной дивизии СС «Норд» даже на самом последнем этапе войны оставались одними из лучших. За почти три с половиной года боевых действий у Полярного круга солдаты из дивизии СС «Норд» одержали множество выдающихся побед невзирая на то, что их практические результаты были сведены на нет сепаратным соглашением, заключенным между финнами и Советами 19 сентября 1944 года. Исходя из личного опыта действий в Корее и Вьетнаме я могу с полной уверенностью утверждать, что высокий боевой дух подразделения, мужество, готовность к самопожертвованию и отличная тактическая подготовка оказываются ничем перед лицом уступок противнику, более значимых с geopolитической и стратегической точек зрения. Лучшими солдатами и самым серьезным противником, с которым имела дело 276-я пехотная дивизия, оказались представители дивизии СС «Норд» — хотя в отличие от всех прочих именно они участвовали в операции, проваленной на другом театре военных действий. На мой взгляд, это неоспоримое доказательство профессионализма самой высокой пробы.

Помимо общих организационных моментов, у нас с Вольфом Цопфом было много совпадений и в судьбах. Мы оба пошли в армию молодыми людьми. Во время операции «Нордвинд» мы оба были старшими офицерами, и каждый из нас занимал в своем батальоне должность, вторую по рангу. По стандартам мирного времени, мы были слишком молоды для столь ответственных должностей: Вольфу было двадцать два года, мне — двадцать семь лет. (Обычно в мирное время или в армиях, долгое время не воевавших, на такие должности могут рассчитывать лишь 34—37-летние.) Хотя у нас были молодые

жены, к которым мы искренне надеялись вернуться, мы оба записались в действующую армию добровольцами, причем в пехоту, имея полное представление о связанных со службой в этом роде войск опасностях. Встретившись через много лет после окончания войны, мы выяснили, что и он, и я много путешествовали, с удовольствием изучая другие страны и культуры. Будучи в армии, я служил то в Европе, то на Ближнем Востоке, то в Азии, а Вольф, на гражданке ставший инженером, долго работал в Африке, Азии и Северной Америке.

Пожалуй, самым важным фактором, определившим развитие наших ветеранских контактов с автором и его боевыми товарищами, было их отношение к пленным, захваченным в ходе описанных в книге боевых действий. По свидетельствам с немецкой стороны, бои в Вингене и его окрестностях носили не менее ожесточенный характер, чем те сражения, в которых им приходилось участвовать на Восточном фронте. Это подтверждается данными о потерях: вингенская группировка приступила к выполнению задания, имея 725 горных стрелков, и вышла из боя всего с 205 бойцами. В ходе этой неудачной для нас операции в районе Вингена-на-Модере подразделением Вольфа было взято в плен более 300 американских солдат из 45-й и 70-й пехотных дивизий. Фактически Вольф лично отвечал за количество пленных и обращение с ними. По окончании сражения немцы отпустили всех пленных, отобрав оружие, а восемь офицеров, которых немецкие военные собирались вывезти в свой тыл, ушли сами, причем никто не пытался их остановить. Весь период ожесточенной схватки в Вингене и окрестностях санитары и врачи вингенской боевой группировки, а также персонал захваченного немцами пункта помощи 1-го батальона 179-го пехотного полка работали вместе в составе объединенного пункта, которым руководил старший военврач СС. Медики оказывали первую помощь, исходя только из тяжести полученных ран, невзирая на национальность. Все это

подтверждено американскими ветеранами, служившими со мной в одном полку, и является удивительным примером благородства на войне, где куда чаще приходится сталкиваться с насилием и бесчеловечностью.

Вспомним, что меньше чем за три недели до описываемых событий другое подразделение из состава Ваффен-СС учинило жестокую расправу над безоружными американскими солдатами и гражданским бельгийским населением в Мальмеди и его окрестностях. Всего в нескольких десятках километров от Вингена другая дивизия Ваффен-СС и десантники Люфтваффе расстреляли взятых в плен союзников. На подобном фоне автор и его горные пехотинцы выглядят отнюдь не худшим образом.

В боевой обстановке нарушения законов ведения войны — явление отнюдь не беспрецедентное. Упомянутые законы нарушаются солдатами любой армии, но массовые убийства совершаются только теми подразделениями, где боевой дух низок, ослаблено управление, низка или отсутствует боевая выучка. Я знаком с предметом больше, чем хотелось, поскольку участвовал во вьетнамской войне и в звании генерала занимал должность заместителя командира дивизии «Америкал» как раз после массового убийства мирных жителей в деревне Маилаи-4. Однако, хотя исправно воюющие подразделения и не совершают массовых убийств пленных, тем не менее в горячке боя трудно ожидать, чтобы они не делили раненых на чужих и своих. Но именно так поступило командование вингенской группировкой, и этот факт подтвержден людьми, которых я знаю лично. Повидимому, такое поведение было характерно для дивизии в целом. Последние данные, опубликованные подполковником армии США в отставке Хью Фостером в его книге о третьем сражении за Рейпертсвиллер, доказывают, что пару недель спустя после Вингена военные из подразделения дивизии СС «Норд», аналогичного подразделению Вольфа, подобным же образом обраща-

лись с захваченными ими 400 американскими пленниками.

Вольф не скрывает гордости за свое подразделение, однако честно и объективно пишет о провалах и неудачах, начиная с уровня своего батальона, упомянув и самый серьезный просчет, вследствие которого во время схватки за Винген он практически остался без связи. Уникальным в аспекте детализации видением событий первой недели операции «Нордвинд» Вольф развенчивает некоторые из ставших уже традиционными заблуждения по поводу состояния германской армии на завершающем этапе Второй мировой войны. Вольф и его товарищи по оружию напоминают о том, что следует избегать всякого рода обобщений, рассматривать каждую часть или подразделение в отдельности, и в этом смысле его повествование выходит за рамки общепринятых взглядов, с тем чтобы вновь пролистать малоизвестные, но ничуть не менее важные страницы истории войны.

*Теодор Мэтэксис,
бригадный генерал армии США (в отставке).
Саутерн-Пайнес, штат Северная Каролина.
Февраль 2001*

Во время сражения за Винген майор Мэтэксис служил старшим помощником командира 2-го батальона 276-го пехотного полка, входившего в оперативно-тактическую группу «Херрен». Уже несколькими днями позже он принял командование над батальоном и до конца войны оставался в должности его командира. Всего через несколько дней после описанных в книге событий батальон Мэтэксиса атаковал и взял штурмом город-крепость Лихтенберг, после чего участвовал в ожесточенных боях за Рейпертсвиллер в Буа-де-Лихтенберг. В период войны в Корее Мэтэксис служил старшим помощником командира, а затем, в ходе упорных сражений за аванпосты «Порк — Чоп — Хилл» и «Олд — Болди»,

ВОЛЬФ ЦОПФ

был командиром 17-го пехотного полка. Впоследствии, уже находясь в Германии, он командовал авиадесантной группой 8-й пехотной дивизии. Далее Мэтэксис был назначен на должность заместителя командира 1-й бригады 101-й авиадесантной дивизии (частично развернутой) во Вьетнаме, потом был заместителем командира 82-й авиадесантной дивизии в Форт-Брэгге, штат Северная Каролина, некоторое время спустя служил во Вьетнаме командиром и заместителем командира дивизии «Америкал». Его последним назначением было управление группой обеспечения американских военных поставок в Камбодже в 1972 году. Ныне Мэтэксис преподает на одном из факультетов Американского военного университета.

НА РАССВЕТЕ 7 ЯНВАРЯ 1945 ГОДА

Трепещущие сполохи горевшего за моей спиной американского танка освещали сцену, которая в другое время могла сойти за пастораль: зимний хвойно-лиственный лес, широко раскинувшийся на увенчанном гребнем пологом склоне всего менее чем в 100 метрах от нас. Не стихавшая метель быстро увеличивала глубину снега, приглушая звуки и создавая иллюзию безмятежности. За языками пламени горящей машины едва угадывался лес, скрытый темнотой или, скорее, не темнотой, а тем неясным полумраком, что возникает из отраженного лунного света и подшучивает над нами, заставляя вздрагивать при виде каждой тени и скрывая от нас истинные опасности.

Было еще рано, около 7.00 утра. Вражеский танк мы задержали всего минуту назад, бросив в открытый люк последнюю гранату-«толкушку» с длинной ручкой. Я находился в авангарде 3-го батальона нашего 12-го полка горнопехотной дивизии СС, прорывавшегося из плотного кольца окружения. С батальоном выходили остатки 11-й роты, от которой осталось всего семь человек, сумевших пробиться из Вингена-на-Модере¹. Я выбрал эту роту, чтобы находиться в «голове» нашего скрытного просачивания из вражеского кольца. Остальные силы батальона, насчитывающие всего 110 человек, двигались

¹ Следует отметить, что в этой части Франции есть два населенных пункта с одним и тем же названием — Винген. В данной книге речь идет исключительно о Вингене-на-Модере.

примерно в 300 метрах позади нас. Силуэт американского танка мы различили только за поворотом лесной горной дороги, по которой мы взбирались с командовавшим ротой обершарфюнером¹. Внезапно из темноты возник «Шерман», заняв собой всю дорогу сразу. Издали мы почему-то не заметили темную громадину. Судя по белой пятиконечной звезде, это был американский танк, развернувшийся в противоположном от нас направлении.

Впереди, в каком-то десятке метров, мимо танка только что проскользнули шестеро наших солдат — то ли они не заметили машины, то ли им было на нее наплевать. Подкравшись к танку поближе, мы с обершарфюнером услышали разговор, доносившийся из открытого люка. Конечно, экипаж заметил, что мимо танка из тыла к передовой прошли люди. Мы видели, как танковый пулемет повел стволом, взяв на прицел наших горных стрелков, медленно уходивших в темноту.

Едва в танке разорвалась брошенная нами граната, я, перескочив через придорожную канаву, бросился в лес, надеясь отыскать дерево потолще, чтобы укрыться за ним: боекомплект мог рвануть в любую секунду. Должно быть, мой напарник бросился в другую сторону; теперь я был один. И, что было хуже всего, я умудрился обронить где-то американский карабин, которым запасся еще в Вингене, в дополнение к висевшему на поясе пистолету.

В лесу было подозрительно тихо, и я не слышал ничего, кроме треска бушевавшего внутри танка пламени (огонь еще не добрался до боезапаса!). На самом деле это было затишье перед бурей. Раздался ружейный выстрел, и мою правую икру навылет пробила пуля 30 калибра (7,62 мм). Этот одиночный выстрел послужил предлюдьем адской какофонии.

¹ Эквивалентно воинскому званию техника-сержанта армии США.

В свете горящего танка я сумел разглядеть меткого стрелка, сгорбившегося в стрелковой ячейке, расположенной метрах в пятнадцати от меня чуть выше по склону. Он целился, намереваясь выстрелить еще раз. Выхватить пистолет не оставалось времени, поэтому я, повинуясь интуиции, решил ошеломить противника, бросившись прямо на него. Но он все же успел выстрелить, однако чудом промазал. Рухнув на него, я слегка оглушил солдата, двинув кулаком по каске.

Тем временем противник опомнился, и американцы стали отбивать атаку с тыла. К нарастающим звукам оружейной пальбы добавилось отрывистое стаккато автоматных очередей. Теперь уже точно надо было искать, где укрыться, и я втиснул «джи-ай» еще глубже в нору, которую теперь пришлось поделить на двоих. Вытянув раненую ногу, я почувствовал что-то мягкое, поначалу приняв это за собаку, свернувшуюся в теплом закутке. Но, нет, оказалось — это еще один джи-ай, так и не сумевший выбраться из спального мешка! Отбросив их винтовки за бруствер, я, пригрозив американцам «вальтером» П-38, объявил их своими пленниками.

Ставив с головы лыжную шапку (с эдельвейсом, «мертвой головой» и орлом — ничего подобного у американцев, надо понимать, не было), я осторожно поднял голову и осмотрелся. Подтвердилось то, чего я больше всего опасался: соседние стрелковые ячейки расположились менее чем в полутора десятках метров по обе стороны от меня. Но пока что в предрассветной мгле меня за врага не принимали.

После этой краткой стычки наш батальон собрался с силами, и мои товарищи внезапно атаковали позицию американцев, на которой теперь по воле случая оказался и я. Во время атаки едва ли не вплотную ко мне промелькнули силуэты наших — им ничего не стоило швырнуть гранату в мою нору. Надо же! Спастись, укрывшись в американском окопе, чтобы через полчаса погибнуть от руки своих!

Размахивая форменной лыжной шапкой, я отчаянно закричал: «Сюда! Сюда!» Но крики были напрасны. Мои мольбы тут же потонули в грохоте пулеметных и автоматных очередей, треске винтовочной пальбы и еще более ужасающих звуках от плюхавшихся кругом американских мин.

Не сумев привлечь внимания, я оставил эти попытки, так как заранее знал, что предпринятый нами штурм скоро придет к концу. Всего за два часа до этого я занимался сбором и распределением оставшегося в батальоне оружия и боеприпасов. Мы имели в наличии не более 90 выстрелов на пулемет — капля в море, учитывая возможности наших новых скорострельных MG-42. Как и следовало ожидать, наши отступили под натиском явно превосходящих сил американцев. В конце концов, обходя опорные пункты противника, уцелевшие солдаты двух наших батальонов небольшими группами просочились сквозь американские оборонительные линии, чтобы позднее благополучно соединиться с нашей оперативной группой «Шрайбер» в долине ручья Ротбах.

В то время как мои бойцы, сопровождаемые слепыми разрывами американских мин, исчезали в лесу, я продолжал сидеть в окопе вместе с двумя американскими солдатами. Мы начали негромко переговариваться на английском. Тут оказалось, что долгое отсутствие практики сильно навредило моим скучным школьным познаниям. Это не могло пригодиться в березовых лесах Северной Карелии¹, где наша часть провела всю войну — всю, кроме последней недели боевых действий! В конце концов, я сообразил, что американец, верхом на котором я сидел, был родом из Бостона, а его приятель — из Техаса. Насколько я смог уловить, они не служили в этой части, а были прикомандированы из стоявшего в прикрытии противотанкового взвода.

¹ Карелия, где мы провели большую часть войны, находилась на Востоке; мы всего неделю воевали на Западном фронте.

Наконец у меня появилось время, чтобы перебинтовать раненую ногу. Вскрыв сухой паек, мои пленники поделились со мной. Подкрепившись, мы выкурили несколько американских сигарет, которыми я предусмотрильно запасся в Вингене. Затем я приступил к делу, возможно, самому важному в этой ситуации, и достал из планшета карту — ту самую, где была ясно обозначена наша запасная позиция. Выдрав нужный кусок, я сжег его.

Я лихорадочно раздумывал, пытаясь выработать некий реальный план выбраться из этой нелепой ситуации и уйти к своим. Слава богу, я хорошо ориентировался на местности и ни минуты не сомневался, что смогу их отыскать. Однако из этого ничего не вышло. Я оставил свою затею, молясь о скором наступлении ранней зимней ночи.

Впрочем, ночь миновала всего час-другой назад. Еще раз высунувшись из ячейки, я увидел, что при свете дня американские солдаты с опаской покидают позиции, чтобы осмотреть поле боя перед — или, точнее, за линией своей обороны.

Похоже, они подбирали раненых на этом участке обороны — сначала своих, может, и наших тоже подберут.

Скрипя снегом, в мою сторону двинулась небольшая группа с сержантом во главе. В последний момент мне удалось накинуть на себя одеяло одного из моих пленников. Из-под одеяла я слышал, как сержант подошел к брустверу и сказал парню из Бостона, чтобы тот вместе с его группой отправлялся собирать раненых. Второй джи-ай остался лежать в укрытой части стрелковой ячейки, куда не мог проникнуть взгляд сержанта. Под прикрытием одеяла я ткнул ему под ребра дулом «валтера», намекая подыскать приятное оправдание и остаться на месте, чтобы не выдать моего присутствия. Я услышал, как под аккуратным нажимом моего пистолета он промямлил в ответ что-то вроде: «Плохо себя чувствую». В целом, он не кривил душой. Сержант что-то недовольно проворчал в

ответ. Впрочем, у него не было ни желания, ни времени на препирательства, поэтому он направился к следующей стрелковой ячейке.

Однако я рано радовался. Минут через пятнадцать все тот же сержант вернулся в сопровождении группы своих людей и, обращаясь к американцу, прорычал: «Если уж ты так обленился, что не хочешь выползти из окопа, хотя бы отдай это чертово одеяло». Видимо, одеяло потребовалось для переноски раненых. Недолго думая, сержант ухватил за край одеяла и рванул его на себя.

Тут на несколько долгих секунд все онемели. Я снизу вверх смотрел на собравшихся у окопа американцев, а они, не веря глазам, уставились на меня. Я первый очнулся от ступора; вытащив из «валтера» обойму, я отбросил пистолет к деревьям. Только после этого группа пришла в себя, все вокруг завопили во всю глотку, пытаясь выгнать меня из окопа.

Впервые за несколько часов встав на ноги, я попросил сержанта отвести меня «к командиру». Меня сразу же поволокли куда-то в южном направлении, а двоим моим бывшим «военнопленным» тут же крепко влетело за трусость от своих же товарищей.

По прошествии тысячи с лишним дней боев у Полярного круга с Красной Армией, после долгих трех недель отступления по территории Финляндии и перестрелок с финнами — бывшими товарищами по оружию — мое противостояние с американской армией ограничилось всего неделей боев в январе 1945 года.

ПРЕЛЮДИЯ К ОПЕРАЦИИ «НОРДВИНД»: ПЕРВЫЕ ТРИ ГОДА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДИВИЗИИ СС «НОРД»

I. КРАТКИЙ ОБЗОР

Архивные документы 6-й горнопехотной дивизии СС «Норд» начинаются 24 февраля 1941 года и заканчиваются 3 апреля 1945 года. За время существования дивизии ее солдаты провели:

— 1214 дней боевых действий против Советской армии на финско-советском фронте на участках Салла-Кандалакша¹ и Кестеньга — Лоухи германского северного театра военных действий (с 1 июля 1941 года, Салла — и до 28 сентября 1944 года, север Куусамо);

¹ Как правило, в книге используются финские названия местных объектов (топонимы), в годы войны также применявшимися немецкими военными. В ряде случаев для облегчения ориентации по современным картам к финским названиям прибавляется транслитерация русского наименования. Карельская автономная республика (столица — Петрозаводск) с 795 тысячами населения, занимавшая территорию в 172 400 квадратных километров, сначала была заселена финнами. Коренное население составляли карелы — этнические финны, говорившие по-фински. Интересно, что одной из первых уступок, сделанных Москвой этому народу, было разрешение ставить впереди привычные названия и записывать их латинскими буквами, оставляя на втором месте написанные кириллицей русские эквиваленты.

— 23 горестных¹ дня боев с финской армией, от Кеми/Торино до Рованиеми и до Муонио (с 7 по 29 октября 1944 года), а также:

— 92 дня боев против армии США в Северных Вогезах (операция «Нордвинд»), в саарско-мозельском треугольнике, в горах Хунсрюк и Фогельсберг — (со 2 января (Фюхстхал) по 3 апреля 1945 года (Бюдингенвальд, к северо-востоку от Франкфурта-на-Майне)).

II. СВЕДЕНИЯ О ВОИНСКОМ ПОДРАЗДЕЛЕНИИ

Истоки

Оперативная группа² (Kampfgruppe) СС «Норд» была сформирована в соответствии с секретным письмом берлинского штаба Ваффен-СС, подписанным 24 февраля 1941 года. [1] Этот приказ можно считать «свидетельством о рождении» не только оперативной группы

¹ Не поймите неправильно: слово «горестные» относится к дням боевых действий против финнов, наших братьев по оружию, с которыми мы так долго бок о бок сражались против общего советского врага!

С лета 1941 года до осени 1942 года я участвовал в этих сражениях в качестве срочнослужащего 6-го артиллерийского полка «Норд». После окончания юнкерской школы СС «Бад Тольц» в 1943 году я служил в 3-м батальоне 12-го горнопехотного полка «Михаэль Гайссмайр». Во время отступления с севера Карелии и после этого, вплоть до 7 января 1945 года, я служил батальонным адъютантом. В то время штабу нашего батальона не хватало офицеров, и мои обязанности примерно соответствовали таковым старшего помощника командира батальона в армии США.

² Строго говоря, «оперативная группа» представляла соединение воинских частей, собранных для решения конкретной задачи, и подлежала расформированию после выполнения этой задачи или же в случае изменения оперативной обстановки. Термин «оперативная группа», используемый в данной книге, соответствует данному определению. Но иногда (как и в этом случае) под «оперативной группой» понималось некое ядро, вокруг которого в дальнейшем должна была формироваться дивизия. Как мы увидим, в американской армии использовалось похожее название «тактическая группа» для аналогичных подразделений, участвовавших в вогезской кампании, например, для оперативной группы «Херрен», ставшей ядром формирования 70-й пехотной дивизии.

СС «Норд», но также всей созданной в 1942 году 6-й горнопехотной дивизии СС «Норд». Именно эта дивизия впоследствии участвовала в последней наступательной операции германской армии на Западе, операции «Нордвинд».

Оперативная группа СС «Норд» была организована как механизированное соединение на базе 6-го и 7-го пехотных полков¹ СС и батальона связи, уже размещенных на севере Норвегии на момент подписания приказа о создании оперативной группы.

Тот же приказ определял формирование других боевых единиц для дальнейшего включения в состав вновь созданной оперативной группы «Норд» к 15 марта 1941 года. К ним относились:

- персонал штаба оперативной группы,
- отдел картографов,
- две саперные роты,
- разведывательный батальон,
- офицер по снабжению штаба и другие вспомогательные единицы.

Позднее в оперативную группу временно добавили 9-й пехотный полк СС², стоявший на побережье Северного Ледовитого океана в Киркенесе, а также зенитный батальон. Все эти части были сосредоточены в районе Киркенеса на севере Норвегии в апреле — мае 1941 года³.

В то же самое время Германия и Финляндия достигли секретной договоренности о сотрудничестве на уровне главных штабов. [2] 30 ноября 1939 года Советы напали на Финляндию. В ходе «Зимней войны» 1939—1940 годов финны на глазах изумленного мира три с половиной

¹ Бывшие 6-й полк СС «Мертвая голова» из Праги и 7-й полк СС «Мертвая голова» из Брно, дислоцировавшиеся в оккупированной Чехословакии.

² Бывший 9-й полк СС «Мертвая голова».

³ Киркенес, Норвегия, находится на 69-й параллели (69 градусов 40 минут северной широты). Для сравнения — мыс Барроу, Аляска, находится на 71-й параллели (71 градус 17 минут северной широты).

месяца сдерживали коммунистического «левиафана». Обороняясь на линии Маннергейма (названной так в честь маршала финской армии, 72-летнего барона Карла Густава Маннергейма), они в безнадежных обстоятельствах продемонстрировали исключительную волю к победе. Несмотря на гневные протесты Лиги Наций и последовавшее 14 декабря исключение Советского Союза из этой организации, наступила предсказуемая развязка. Вынужденно согласившись с советскими требованиями, финны капитулировали. По финско-советскому мирному договору, заключенному в Москве 2 марта 1940 года, финны уступали СССР Карельский перешеек, крупный город Выборг с прилегающими плодородными землями, с военно-морской базой Ханго, расположенной на входе в Финский залив, и землями по соседству с городами Салла и Алакуттри, к северу от Полярного круга. В общей сложности Советский Союз захватил территорию примерно в 42 000 квадратных километров, где проживало около 450 тысяч человек, вынужденных переселиться в Финляндию. В героической, но безуспешной борьбе финны потеряли убитыми около 20 000 солдат. Около 10 000 бойцов получилиувечья. [3]

Через полтора года эти потери были еще свежи в памяти каждого патриотически настроенного финна. Финны надеялись взять реванш, а Германия хотела обеспечить действия партнера, решившего отомстить и восстановить не только достоинство нации, но также утраченные территории и природные ресурсы. Это сотрудничество — хотя и неформальное, но плотное — привело к возникновению настоящего братства по оружию. К тому же финская армия оказалась хорошо подготовлена к тому, что они сами назвали «войной-продолжением».

По соглашению о транзите, заключенному между германским и финским правительствами 22 сентября 1940 года в Берлине, хорошо оснащенные техникой механизированные колонны оперативной группы СС «Норд» 7 июня 1941 года совершили марш из Север-

ной Норвегии в Финляндию и перешли новый мост в местечке Нируд, переброшенный через реку Пасвик-Эльв, обозначавшую норвежско-финскую границу в этом районе. В 5.00 утра разведывательный батальон СС «Норд», состоявший из примерно 80 мотоциклов БМВ-750, двигавшихся впереди оперативной группы, при ярком свете полярного дня пересек реку Пасвик-Эльв. [4] Выпрямившись на мотоциклах и в колясках, на которых стояли пулеметы MG-34S, личный состав разведывательного батальона СС повел механизированную колонну оперативной группы по арктическому шоссе к Рованиеми, находившемуся в 370 км¹.

После трехдневного механизированного перехода части оперативной группы СС «Норд» разбили лагерь в окрестностях Рануа, далеко за Полярным кругом и к югу от административной столицы финской Лапландии, города Рованиеми. Начался период полярного дня, когда солнце круглые сутки не сходило с небосклона, и личному составу предстояло с этим свыкнуться.

18 июня «Норд» вышел на последний, 300-километровый участок марша. Части двигались в северном направлении, с пунктом назначения в Мяркяярви, вблизи недавно проведенной финско-советской демаркационной линии и города-крепости Салла. [5]

За день до этого оперативная группа СС «Норд» получила статус полноценной механизированной пехот-

¹ Финское арктическое шоссе построили в 1920-е годы, чтобы связать железнодорожный узел Рованиеми — столицы самой северной провинции Финляндии Лапи (Лапландия) с бухтами Петсамо (сегодня это русский город Печенга) и Лиинахамари, которые, как и расположенный в 150 км к востоку крупный советский порт Мурманск, круглый год оставались свободными от льда. Арктическое шоссе, в чем-то похожее на шоссе Аляска—Канада, протянулось на 533 км и обеспечивало перевозку грузов в любое время года. Кроме больших грузовиков с прицепами по шоссе ходили автобусы. В результате Второй мировой войны Финляндия утратила оба порта, отошедшие СССР, а также все арктическое побережье и залежи руды, богатой никелем, в Колосюкки (сегодняшний русский город Никель). Теперь шоссе заканчивается на границе Финляндии с Российской Федерацией в деревне Виртаниеми, что в 380 км от Рованиеми.

ной дивизии и обозначение «дивизия СС «Норд». [6] Приказ из Берлина пришел, когда части группы еще находились в Рануа, и его текст огласил новый командир дивизии, бригадефюрер Карл-Мария Демельхубер. Согласно приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, Демельхубер и прибывший с ним совершенно новый штаб целиком и полностью заменили штаб оперативной группы и прежнего командира, бригадефюрера Рихарда Херрманна — причем это произошло за считанные дни до начала боевых действий!

Дивизия СС «Норд» прошла маршем через Куусамо, снова пересекла Полярный круг (на этот раз — с юга) и остановилась в назначенному районе между Мяркяярви (сегодня это новая Салла) и Келлоселка (у самой границы). Тем временем командир дивизии произвел инспекцию вверенной ему части, и увиденное повергло его чуть ли не в шок. Хотя и не по вине личного состава, соединение оказалось совершенно неподготовленным к боевым действиям!

23 июня, через 6 дней после прибытия и вступления в должность, бригадефюрер Демельхубер изложил свое мнение командиру 36-го корпуса. В официальном письме на имя генерала кавалерии Ханса Фейге командир дивизии «Норд» сообщал, что ввиду неудовлетворительной боевой подготовки дивизии он, Демельхубер, снимает с себя ответственность за ввод вверенной ему части в бой. Демельхубер заверял, однако, что, если ему дадут возможность и непродолжительное время на подготовку, то он сможет быстро поправить дело. [7]

Ответ генерала кавалерии Фейге бригадефюрер Демельхубер получил днем позже. Фейге благодарил его за честную оценку состояния боевой подготовки дивизии и заверял Демельхубера в своей уверенности в том, что твердая решимость и боевой дух его солдат должны компенсировать недостатки в их подготовке. [8]

Было совершенно ясно, что ни генерал кавалерии Фейге, ни командующий армией, штаб которой разме-

щался в Норвегии¹, генерал-полковник фон Фалькенхорст не сумеют избавить дивизию «Норд» от участия в быстро приближавшейся битве. Всего двумя днями ранее, 22 июня 1941 года, началась операция «Барбаросса» — вторжение Германии и ее многочисленных союзников на территорию Советского Союза. Дивизии «Норд» предстояло идти в бой неподготовленной.

Но Демельхубер не сдался. 30 июня он составил первый рапорт о состоянии дивизии. [9] В числе прочего, рапорт отражал цифры действительных боевых возможностей дивизии за сутки до вступления в бой:

- 306 офицеров,
- 1159 младших командиров,
- 8040 военнослужащих рядового состава.

В разделе «Оценка возможностей командиром дивизии» он прямо перечислил все имевшиеся минусы, включая полное отсутствие боевой подготовки, как индивидуальной, так и коллективной. В дополнение он написал, что командиры и личный состав не несут ответственности за недостаточную выучку, поскольку им не дали возможности пройти соответствующую боевую подготовку на должном уровне. По мнению командира дивизии, большинство командиров, начиная с ротных и кончая полковыми, имели весьма смутное (при условии, если вообще имели!) представление о методах ведения современной войны.

Артиллерия дивизии проводила боевые стрельбы всего один раз — и ни разу во взаимодействии с пехотой. В свою очередь, пехотные командиры никогда не действовали при поддержке артиллерии. Противотанковые расчеты ни разу не вели огонь из своего оружия, как и зенитчики. Не проводилось никаких совместных учений с целью отработки боевого взаимодействия. Не хватало обеспечения и вспомогательного персонала (особенно серьезной была нехватка квалифицированного офицер-

¹ Германская армия, штаб-квартира которой располагалась в Норвегии, носила наименование «Норвегия».

ского состава), а моторизованный транспорт представлял пестрый набор машин различных производителей и моделей, что превращало их обслуживание и ремонт в настоящий кошмар.

С другой стороны, бригадефюрер Демельхубер оценил солдатские качества своих бойцов как «хорошие и, в ряде случаев, очень хорошие».

В конце донесения, повторяя аргументы из письма от 23 июня, Демельхубер написал, что дивизия будет готова к бою по истечении «двух-трех» месяцев учебы по обычному плану, положенному для вновь формируемых подразделений данной численности и типа. Рапорт о состоянии дивизии был отослан в штаб 36-го корпуса генералу Фейге и в Берлин, в главный штаб Ваффен-СС.

Таково было истинное положение с дивизией «Норд» накануне войны (в противовес описанному в научных трудах — к примеру, в работе Стейна и Вегнера [10]).

Злополучное начало

22 июня на Восточном фронте началась операция «Барбаросса». На Северном театре операций ничего не происходило до 29 июня. На севере Финляндии предполагалось осуществить план под кодовым названием «Зильберфукс» («Серебристая лисица»), согласно которому Мурманская железная дорога перерезалась ударом трех корпусов в нескольких местах, что должно было воспрепятствовать прокладке Советами обходного рельсового пути. Мурманская железная дорога была одной из артерий жизнеобеспечения Советского Союза из остального мира и потому являлась самой главной и абсолютной целью операции. Удар, лишавший Советы этого важного пути, следовало нанести по четырем направлениям:

— самый северный коридор: «Арктический фронт» с Мурманском в качестве основной цели горного корпуса «Норвегия» (Gebirgskorps Norwegen) под командованием

генерал-лейтенанта Эдуарда Дитлья, а также 2-й и 3-й горных дивизий и 9-го пехотного полка СС;

— центральный коридор: фронт «Салла — Алакуртти — Верман», где овладение Кандалакшой поручалось 36-му корпусу под командованием генерала Фейге, а также 169-й пехотной дивизии и дивизии СС «Норд» при поддержке финской 6-й пехотной дивизии;

— два южных коридора: фронт «Кестенъга», где Лоухи были целью финского 3-го корпуса под командованием генерал-майора Хьяльмара Ф. Сииласву и финской группы «Йот»; фронт «Ухтуа» — на котором силами финской группы «F» предполагалось захватить Кемь.

Общее управление вышеперечисленными силами на севере Финляндии возлагалось на штаб фон Фалькенхорста, находившийся в Рованиеми, Норвегия. Финская и германская стороны договорились, что граница сфер влияния пройдет с запада на восток, через Оулу; армия «Норвегия» будет действовать к северу от этой линии, а остальная территория перейдет под контроль финской армии под командованием уже 75-летнего маршала Маннергейма, который будет осуществлять контроль над операциями на юге из своей ставки в Миккели.

В противовес опыту, полученному на других театрах военных действий, здесь, на севере, не практиковалось использование войсковых соединений смешанного финско-германского национального состава. Два штаба, а именно штаб армии «Норвегия» и ставка финского главного командования, не поддерживали тесного контакта, а также не осуществляли совместного оперативного планирования, не проводилось и совместных командно-управленческих действий. [11] Такая невыгодная и неуклюжая ситуация, возымевшая негативные последствия, была навязана финским парламентом, пытавшимся создать картину полной независимости страны от германского влияния.

После 22 июня, с началом войны между Германией и Советами, финское правительство решило объявить миру, что в этом конфликте Финляндия является нейтраль-

ной стороной и намерена оставаться таковой как можно дольше. Разумеется, страна будет вынуждена защитить себя, в случае если Советский Союз нападет на нее так же, как в 1939 году. (В этом вопросе существует некоторое непонимание, вызванное заявлением Гитлера от 22 июня, в котором он объявил, что финны стоят плечом к плечу с немцами и что они намерены вместе защищать финские земли.) [12]

Чтобы оградить свой нейтралитет, финское командование запретило своим войскам пересекать финско-советскую границу, даже для ведения разведки. Командование армии «Норвегия» последовало примеру финнов. Тем не менее в отсутствие заявлений о войне с любой стороны, 22 июня советская авиация бомбила финские города, а утром 25 июня начались ковровые бомбардировки финской территории.

Только за 25 июня от бомбовых ударов серьезно пострадали 15 финских поселений — хотя финские летчики утверждали, что за шесть часов первой атаки они сбили 26 советских самолетов. Дополнительно в тот же день Советская армия начала обстреливать финские города на границе региона. [13]

Несмотря на эти провокации, командование финских и германских армейских частей, находившихся с противоположной стороны границы, не отвечало, продолжая воздерживаться от боевых действий.

На секретном заседании финского парламента премьер Вильгельм Рангелл сделал вывод о том, что Советский Союз напал на его страну, «де-факто» существует состояние войны и Финляндия должна защищаться всеми имеющимися у нее военными средствами. На закрытом голосовании парламент вынес решение о доверии правительству.

28 июня командование финской армии отменило приказ о запрете ведения разведки на советской территории и вперед были выдвинуты патрули. 10 июля на всей протяженности финского южного фронта начались бои.

В обстановке почти полного вакуума и смятения, воцарившихся из-за повсеместного отступления лучших советских частей, продвижение финской армии приняло триумфальный характер. Финны быстро отвоевали древние финские земли, утраченные по Московскому договору от 12 марта 1940 года.

С возвращением потерянных земель и населения финны достигли основных целей «войны-продолжения». В следующие 38 месяцев войны, воюя рядом с германскими союзниками, финское правительство прилагало все усилия, чтобы не выглядеть в глазах Запада германским «сателлитом». [14]

Ситуация на севере была существенно иной. 29 июня германские войска силами двух горных дивизий генерал-лейтенанта Дитла перешли в наступление в Северном коридоре. В середине дня 1 июля в Центральном коридоре их примеру последовали солдаты 36-го корпуса Фейге. Им в спины светило полярное солнце. В середине «полярной ночи» время дня утрачивало смысл: за сутки солнце проходило в небе огромный круг, не заходя за горизонт и ярко сияя все 24 часа!

В тот же день на южном участке 3-й финский корпус генерал-майора Хьяльмара Силясву пересек границу восточнее Куусамо и Суомусалми, намереваясь атаковать Киестинки (Кестеньга) и Ухтуа (теперь — Калевала).

Фейге выстроил свои части следующим порядком:

- левый (северный) фланг — 169-я пехотная дивизия,
- центр — дивизия СС «Норд»,
- правый (южный) фланг — финская 6-я пехотная дивизия.

Плохо обученные 6-й и 7-й пехотные полки СС, входившие в дивизию СС «Норд», получили крещение огнем такой силы, от которой содрогнулись бы войска, прошедшие даже самую лучшую боевую подготовку. В лобовой атаке укреплений, получивших известность как «лесная крепость Салла», эти неподготовленные части оказались лицом к лицу с 42-м стрелковым корпусом

Красной Армии в составе 104-й и 122-й стрелковых дивизий, усиленных примерно 50 танками. [15] Эта и последовавшие за ней лобовые атаки не только не увенчались успехом, но и вызвали панику в рядах пехоты СС, впервые оказавшейся в бою.

Постигшая дивизию «Норд» катастрофа имела множество причин. [16] В отсутствие нормальной разведки, столь критичной для любой атаки, командиры всех уровней действовали буквально вслепую. Артиллерийская подготовка с закрытых позиций и бомбовый налет пикирующих бомбардировщиков «Штука» вызвали сильный пожар, затруднявший движение в сухом лесу, через который наступала пехота. В таких условиях было трудно ориентироваться даже опытным военным, а для наспех подготовленных командиров 6 и 7-го пехотных полков СС ситуация была безнадежной. Даже немногим ветеранампольской и французской кампаний не случалось прорыться сквозь чащу плотного вечнозеленого подлеска. К тому же густой дым пожара не позволял наблюдать оборонительные позиции Советов и буквально ослеплял командиров, уже лишенных «зрения» из-за отсутствия разведывательных данных.

Впрочем, не все трудности были следствием ошибок или неопытности германских военных. За 15 месяцев оккупации Советы возвели у границ занятой ими территории мощные фортификационные укрепления. Вполне сознавая огромное значение незамерзающего порта в Мурманске и железной дороги, связывающей город с остальными частями советской империи, противник превратил этот сектор в надежную крепость, обороняемую хорошо обученными войсками.

Местность, укрепленная Советами, имела много преимуществ с точки зрения обороны. Местность с советской стороны границы располагалась на 250—450 метров выше уровня местности с финской стороны — так, что финская территория простреливалась и просматривалась на глубину до 5 км. Вдоль убийственно опасных границ стояли и искусно замаскированные танки, раз-

вернутые на запад и врытые в землю по башню. Советы сделали хороший выбор в 1940 году, отбирая эти земли у финнов!

Поразительно, но большей части злоключений, выпавших на долю германских военных, можно было избежать. После поражения в «Зимней войне» 1939—1940 годов финская армия не сидела сложа руки. Военные тщательно следили за советским военным строительством в оккупированной Финляндии — включая подготовку в высшей степени подробных, доведенных почти до совершенства отчетов о возведимых в Салла укреплениях. В июне финны сделали нечто вроде приветственного жеста, вручив новым союзникам внушительные папки с собранными материалами.

Офицер по разведке (то же, что G-2 в армии США) из штаба «Норвегии», подполковник (я не стану называть его фамилию), получил папки, бегло их просмотрел и отложил в сторону. По самонадеянности он не удосужился еще раз ознакомиться с этими не имевшими цены данными или поделиться информацией с командирами подразделений, которым предстояло идти на штурм Саллы. [17]

Такой вопиющий непрофессионализм имел предсказуемо гибельные последствия. Дивизия СС «Норд» получила приказ на лобовую атаку практически неприступных укреплений и в результате понесла тяжелейшие потери. Два отправленных в бой пехотных полка потеряли 16 офицеров и 245 солдат убитыми или пропавшими без вести и более 307 раненых. За первые 11 дней боев основной эшелон наступления дивизии СС «Норд» потерял около 20% личного состава! [18] Можно лишь представить, как сильно ударили эти потери по боевому духу, уверенности и единству.

Вдобавок к этим тяжелым последствиям пострадало и добре имя соединения. Первая операция дивизии СС «Норд» оказалась крупнейшим провалом, не менее чем на год боевых действий запятнавшим целую дивизию германских войск. [19] В дальнейшем, после некоторой реорганизации, обучения и устранения эффектов, вы-

званных поражением, дивизия превратится в «лучшее формирование германской пехоты на всем Восточном фронте на начало 1945 года» [20]. Но те, кто служил под знаком «хагалруне», еще помнят позор, выпавший на долю «Норда» в этой первой боевой операции¹. Шанс произвести первое впечатление выпадает лишь раз. Однако в данном случае история поражения дивизии «Норд» должна рассматриваться с учетом последующих успехов этой части. Это справедливо и для многих других воинских формирований (например, для 1-й пехотной дивизии США, разбитой и утратившей боевой дух под Кассерином!), которые превращались в образцовые постепенно, за счет упорства командиров и выносливости солдат.

В конце концов, 8 июля 1941 года Салла пала. В то время как дивизия «Норд» продолжала лобовые атаки оборонительных позиций, оперативная группа «Шак» 169-й пехотной дивизии с успехом обошла Саллу с севера, а пробивавшаяся на юг сквозь девственные леса финская 6-я дивизия сделала попытку отрезать противника, заняв узкий проход у озера Кайрала. Это так сильно действовало на командира советского корпуса, что тот вывел войска из Саллы.

Как только закончилось сражение за Саллу, дивизию СС «Норд» на некоторое время расформировали.

6-й пехотный полк СС и артиллерийский полк из состава дивизии присоединили к финской группе «Йот» — соединению с численностью бригады, входившему в финский 3-й корпус, наступавший со стороны финского Куусамо в направлении устья реки Сохъяна и Киестинки. 7-й пехотный полк СС присоединили к 169-й пехотной дивизии для усиления перед наступлением на Кайралу и Алакуртти. Разведывательный батальон «Норд» был придан финской 6-й пехотной дивизии для прикрытия правого фланга дивизии во время наступления на Кайралу.

¹ «Хагалруне» или «Hail Rune» — древнегерманский знак жизни и смерти, похожий на снежинку. Этот знак, ставший символом дивизии, изображали на автомашинах и прочей технике.

Все части дивизии «Норд», временно поступавшие в распоряжение финского командования, в значительной мере выиграли от этого слияния. Тогда же некоторые финские стрелковые взводы были, в свою очередь, приданы германским пехотным ротам. Находились инициативные командиры, которые, идя еще дальше, усиливали выделенные для патрулирования германские стрелковые взводы отделениями из финских солдат. Языковые проблемы возникали крайне редко — почти все финские офицеры говорили по-немецки. Новички из числа германских командиров и солдат многому научились от этих бывалых финнов, щедро делившихся своими знаниями и опытом, полученным за месяцы горьких боев против теперь уже общего коммунистического врага.

9-й пехотный полк, без потерь освободившийся от выполнения второстепенных задач на арктическом побережье и также не получивший боевого опыта, присоединился к 7-му пехотному полку СС и разведбатальону «Норд», войдя в состав 38-го корпуса, двинувшегося на Кандалакшу, расположенную у Мурманской железной дороги. Вместе с 169-й пехотной дивизией и финской 6-й дивизией эти части действовали успешно: 1 сентября захватив Алакуртти, они продвинулись затем до самой реки Войта и озера Верман. В этом районе, примерно в 70 километрах к западу от Кандалакши, германские войска перешли к обороне (так называемый «Верманский фронт»), которую с успехомдерживали вплоть до самого отступления немецкой армии в сентябре 1944 года (операция «Бирке»), обусловленного заключением финско-советского сепаратного соглашения о прекращении огня. Кандалакшу захватить не удалось, как не удалось взять Мурманск и Лоухи. Германским и финским войскам также не удалось хотя бы временно нарушить железнодорожное сообщение на каком-либо участке. Понятно, что невыполнение поставленной задачи привело к серьезным и, возможно, роковым в стратегическом отношении последствиям.

После впечатляющего успешного начала операции

германо-финские силы в составе объединенного 3-го корпуса финской армии снова увидели тщетность всех своих попыток перерезать Мурманскую железную дорогу в районе Лоухи. Применяя для окружения советских войск финскую тактику «мотти» (то есть организации «котлов»), части 3-го корпуса время от времени просачивались между островками наиболее серьезного сопротивления Красной Армии, окружая, а затем — уничтожая противника. Иногда одновременно устраивалось несколько таких «котлов». Создание таких небольших «котлов» показало свою эффективность в основном в лесистых районах, где излюбленная немецкая тактика более масштабного окружения осложнялась разреженностью боевых порядков, нередко приводившей к выскальзыванию зажатых в кольцо сил противника.

К 19 июля объединенные финско-германские войска достигли перешейка у селения Сохьяна/Софьянга. Здесь генерал-майор Сииласву и его люди, совершившие стремительный и внезапный прорыв, столкнулись с почти непреодолимой естественной преградой. Узкая горловина между озером Пяя и еще более крупным озером Туоппа дополнительно разделялась рекой Сохьяна, за которой были развернуты значительные силы советских войск.

Штурм оборонительных линий на Сохьянском перешейке начался 30 июля. В то время как главные силы атакующих штурмовали оборону противника, один батальон нападавших воспользовался небольшими лодками и, форсировав северо-западную часть озера Туоппа, вышел в тыл советских войск. После трех дней ожесточенных боев сопротивление Советов было сломлено, и части 3-го финского корпуса вошли в город Кестенъга, расположенный на северном берегу озера Туоппа.

В тот момент Красная Армия бросила в бой свой, по-видимому, последний резерв на данном участке: 500 бойцов военизированного трудового батальона (собранных по лагерям вдоль Мурманской железной дороги), 600 че-

ловек из охраны штаба советской 14-й армии и один батальон пополнения из гарнизона в Мурманске. [21]

Из Кестенъги шла неплохая гравийная дорога, связывавшая город с селением Лоухи на Мурманской железной дороге, находившейся всего в 58 километрах. Параллельно гравийной, время от времени пересекая ее, проходила железнодорожная ветка, также выходившая к основной Мурманской линии железной дороги в селении Лоухи. Двигаясь от Кестенъги вдоль железнодорожной насыпи, финны из дивизии «Йот» остановились в пункте, расположенном всего в 32 километрах от их основной цели, селения Лоухи. Здесь Красная Армия вновь оказала упорное сопротивление. Из Архангельска, расположенного на Белом море, прибыла свежая 88-я стрелковая дивизия, буквально в последний момент остановившая финско-германские войска.

25 августа генерал-майор Сииласву сообщил генерал-полковнику Фалькенхорсту, что его части измотаны и он не видит возможности продолжать наступление на Лоухи в отсутствие подкрепления — финской дивизии с опытом боевых действий в лесной местности. Встретившись с командующим «Норвегии» и начальником его штаба, полковником Эрихом Бушенхагеном, Сииласву доложил, что имеет в своем распоряжении всего 6 финских батальонов и 3 пехотных батальона Ваффен-СС, но в результате боев от личного состава двух батальонов СС осталось всего 280 человек, способных идти в бой¹. Этим силам противостояло как минимум 13 батальонов пехоты Советов, большей частью свежих и укомплектованных личным составом почти до штатной нормы. [22] По оценке финского командира, противник

¹ Даже эти шокирующие цифры не отражают ту действительно мрачную ситуацию. 4 сентября в кратком докладе об обстановке оперативный офицер, майор из дивизии СС «Норд» информировал офицера, прибывшего на смену из Ваффен-СС, что в его распоряжении находится считаное число подразделений. Вдобавок многие солдаты болели дизентерией и воевали буквально в нижнем белье. (Из письма вновь прибывшего офицера, Йоахима Руоффа, которое было написано 19 сентября 1994 года Эриху Эхлерту.)

имел реальную возможность обойти его войска с фланга на северном участке и перерезать линии обеспечения из Кестенъги, ударив в южном направлении позади занимаемой финнами позиции.

Фон Фалькенхорст приказал финскому 3-му корпусу остановить наступление и перейти к обороне. Он пообещал отдать Сииласву пехотные части, оставшиеся от дивизии СС «Норд» (два батальона 7-го пехотного полка СС) и вскоре выведенные из состава 36-го корпуса, занимавшего сектор Алакуртти.

2 сентября подкрепления достигли Куусамо и заняли оборонительные позиции между железной дорогой и дорогой Кестенъга — Лоухи. [23] В начале сентября штаб «Норвегии» приказал вернуть «Норду» все части, на тот момент входившие в состав дивизии (кроме батальона разведки, находившегося в секторе 36-го корпуса восточнее Алакуртти). Это воссоединение дивизии было первым после «катастрофы при Салле».

В конце августа в дивизию СС «Норд» прибыло первое пополнение из центра обучения Вильдфлекен/Рон — всего около 700 человек¹. Этот контингент, в составе которого не было ни одного члена «Альгемайнे»-СС («общих» сил СС), отправили в запасной батальон в Кокосами для дополнительного обучения особенностям боевых действий в лесах крайнего Севера. Прибывшие военнослужащие в основном представляли собой рядовых солдат, призванных в Ваффен-СС.

Последнее германское наступление на участке Кестенъга — Лоухи началось в первой половине ноября 1941 года. В период октября давление Красной Армии в секторе 3-го финского корпуса значительно ослабло. Германская авиаразведка доложила о перемещении советских войск, значительная часть которых перебрасы-

¹ Вильдфлекен расположен в горах Рон на северо-западе Баварии. Что интересно, в период американской оккупации и впоследствии этот район активно использовался в качестве тактического полигона армии США. (*Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 196; *Kaltenegger R. Die Gebirgsstruppen der Waffen-SS, 1941–1945. Podzun-Pallas, 1994. S. 11*).

валась на другие фронта. Как Сииласву, так и Фалькенхорст сразу оценили эту ситуацию, на их взгляд обещавшую возможность перерезать Мурманскую железную дорогу около Лоухи.

По плану Сииласву задача прорыва обороны Советов к северу от линии железной дороги ставилась финской дивизии «Йот» (бывшая оперативная группа «Йот», выросшая до дивизии). Дивизия «Норд» должна была пойти в обход и окружить врага.

Атака последовала 1 ноября в 6.30 утра, после артиллерийской подготовки по линии советских ДОТов. Стояли морозы: температура опустилась до -20°C (-4°F). На второй день финско-германские войска вышли на отметку 23,4 км и заблокировали дорогу на восток, чтобы помешать отходу обороняющихся и не допустить подхода подкреплений¹. Как обычно, здесь использовали тактику «мотти», причем одновременно создавалось множество таких небольших «котлов».

Оперативная группа под командованием штурмбаннфюрера Франца Шрайбера² в составе 1-го батальона 6-го пехотного полка СС, усиленного 11-й ротой полка, вышла на высоты севернее отметки 20,4 км и блокировала участок между 18-м и 23-м, чтобы не допустить выхода советских войск на север через дорогу.

Клин наступления прочно засел в обороне Советов. Дальнейшие усилия должны были завершить разгром основной части советских войск к западу от Лоухи. Путь к Мурманской железной дороге был бы открыт.

Основная проблема германских и финских войск заключалась в разнообразных опорных пунктах, основа-

¹ Здесь «дорога» — это дорога Кестеньга — Лоухи. Как принято в Восточной Европе, расстояние до следующего города отмечается километровыми столбами высотой 2,5 метра. На дороге Кестеньга — Лоухи перекресток к северу от Кестеньги принят за «нулевой» километр, а Лоухи — за 58-й километр. Для лучшей ориентации действия и объекты в этой зоне описываются с помощью дорожного километража.

² Впоследствии, уже в звании штандартенфюрера, Шрайбер примет участие в сражении за Винген-на-Модере, где будет командровать 12-м горнопехотным полком СС.

тельно укрепленных Советами и нередко состоявших из нескольких объединенных сооружений, в которых противник стойко отбивался от повторявшихся атак. Как отмечали многие наши соратники, сражавшиеся в других частях Советского Союза (в отличие от тех, кто воевал в Бельгии и Франции), солдаты и командиры Красной Армии не имели привычки легко сдаваться. Будучи отрезанными от своих войск или в случаях, когда положение могло казаться безнадежным, русские упорно оборонялись. Урон, который они наносили, нередко брал верх над нашими тактическими соображениями (особенно это было характерно для финнов).

Во время финско-германского наступления — этой последней попытки захватить Лоухи и удержать этот населенный пункт до конца войны, в боях с одним лишь 7-м полком СС враг потерял около 1400 военнослужащих убитыми, 542 человека — пленными и несчетное количество ранеными. Также были захвачены большие запасы оружия и амуниции. Также высокими оказались германские потери в период с 1 по 13 ноября.

6-й пехотный полк (-)¹ СС: 49 убитых в бою, в том числе 3 офицера, 171 раненый, 369 заболевших (в 90% случаев — обмороженные).

Оперативная группа Шрайбера: 19 убитых в бою, 76 раненых, 115 обмороженных.

7-й пехотный полк СС: 34 убитых в бою, включая 2 офицеров, 135 раненых. [24]

Особенно тяжелые потери выпали на долю финнов 3-го корпуса, особенно — из дивизии «Йот». Только за неделю они потеряли 83 офицера, или третью часть всего офицерского состава. Что, разумеется, сильно расстроило маршала Маннергейма. Для страны с населени-

¹ Принято считать, что часть, лишенная одного из важных подчиненных подразделений, уменьшает свои боевые возможности. Такая часть отмечается на схеме знаком (-). Точно так же часть, которой дополнительно придано одно или несколько подчиненных подразделений, считается увеличившей боевые возможности и отмечается на схеме знаком (+).

ем в 3,5 миллиона человек возместить такие потери было невозможно — уже не говоря о том, чтобы продолжать их нести. [25]

Поэтому 17 ноября, с учетом приближения зимы, командир 3-го финского корпуса приказал остановить наступление. К 24 ноября наши войска укрепили позиции обороны на линии примерно от 22-го километра железнодорожной ветки Кестеньга — Лоухи до 22-го километра автодороги Кестеньга — Лоухи. У германской стороны создалось впечатление, что Сииласву утратил интерес к продолжению наступательных действий уже 9 ноября, несмотря на то, что к этому времени сопротивление окруженного врага было в основном сломлено.

После 17 ноября Сииласву предоставил «Норду» свободу действовать в одиночку и продолжать наступление, если командование дивизии посчитает это нужным. Сииласву пообещал, что в случае успеха финские части могут поддержать дальнейшие операции. Но к этому времени имевшиеся ранее возможности были утрачены, поскольку Советы уже ввели в бой два стрелковых полка из состава 186-й дивизии¹. Тем самым успехи оперативной группы Шрайбера и других наступавших на Лоухи германских и финских сил сводились к нулю.

Так закончилась последняя серьезная попытка захватить Лоухи и перерезать Мурманскую железную дорогу. Последствия были катастрофическими для Германии и в высшей степени благоприятными для советского врага и его союзников.

За шесть месяцев боев, к концу 1941 года, дивизия СС «Норд» понесла крайне тяжелые потери. В списке боевых потерь значились 41 офицер, 1000 военнослужа-

¹ Через много лет после окончания войны стало известно, что нежелание Сииласву продолжать ноябрьское наступление было вызвано не только тяжелыми потерями, которые несли его войска, но также сильным давлением со стороны правительства Финляндии. 27 октября правительство США жестко предостерегло Финляндию от нападения на Мурманскую железную дорогу и нарушения пути для транспортировки американских поставок Советскому Союзу. (Земке, 182)

щих младшего командного состава. Потери ранеными и больными составляли 95 офицеров, плюс 2300 бойцов рядового состава и младших командиров. [26] Больными числились в основном обмороженные — и это неудивительно, учитывая, что в конце года температура опускалась до -40 — 50°C (-40 — 60°F). Тем не менее значительное количество обморожений также указывало на недостаточную организационную подготовку действий пехоты. Так же, как практически все германские части, действовавшие южнее, в группах армий «Север» и «Центр», войска на территории Финляндии почти не имели зимнего обмунирования и амуниции. Гитлер не хотел верить, что война против Советов может растянуться на зимний период, и, не подготовившись к такой возможности, Генеральный штаб в Берлине пошел у него на поводу. Трудно в это поверить, но хотя боевые действия на Крайнем Севере начались только в июле, а в октябре температура упала значительно ниже нуля, большая часть германских войск (за исключением 2-й и 3-й горных дивизий) и корпуса «Норвегия» оказались совершенно не укомплектованными для войны в условиях Арктики и понесли закономерные потери.

Огромное количество пострадавших серьезно повлияло на боеспособность дивизии. Основная тяжесть выпала на долю линейных и тяжеловооруженных рот 6-го и 7-го пехотных полков СС (начальной численностью около 2900 человек), а также разведывательного батальона «Норд» (начальной численностью около 650 человек). Из-за большого числа пострадавших эти подразделения обновили свой состав почти на 100%. Части, пусть медленно, но подходившие им на смену, состояли из настоящих солдат Ваффен-СС — таких же, какие приходили с пополнением в самом конце 1941 года.

Но иногда такие пополнения состояли не из граждан Германии, а из этнических немцев («фольксдойче»), в основном выходцев из юго-восточной части Европы. Потомки германских поселенцев, отправленные вла-

стителями старой Австро-Венгерской империи в данубийских (т.е. приданайских) провинциях, были немцами не только по происхождению — они принадлежали одной культуре и говорили на одном языке. Они быстро осваивались на разных уровнях дивизионной иерархии. Прибытие этих людей, прошедших интенсивную подготовку в центре Вильдфлекен/Рон и в 1942 году возместивших потери первого состава пехоты, набранного из «Альгемайнे»-СС, полностью изменило характер дивизии. Теперь дивизия состояла не из бывших полицейских, слабо обученных в военном отношении, — тех убило, покалечило — либо они превратились в настоящих вояк. Новое пополнение, или, точнее, подкрепление, состояло из молодых, годных и обученных бойцов, неплохо подготовленных к боевым действиям. Но, даже с учетом пополнения, ситуация с личным составом дивизии на 22 января 1942 года выглядела следующим образом:

	Потребность	Наличие	Недостача
Офицеры	491	329	142
Младшие командиры	2081	1338	743
Рядовой состав	10144	8225	1919
Всего	12716	9892	2804

В дивизии определенно хватало места для пополнения!

1942 год: изменение характера боев

Для воевавших на участке Кестенъга — Лоухи в дивизии СС «Норд» наступавший 1942 год должен был стать особенным в силу двух обстоятельств:

— завершения перехода от наступательных действий к оборонительным;

— преобразования дивизии в горную дивизию СС «Норд».

Другие особенности действий «Норда» в 1942 году были в значительной мере обусловлены приказом, по-

ступившим из берлинского штаба главнокомандования Вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht*), или ОКВ. Приказ, датированный 10 октября 1941 года¹, предписывал генералу Фалькенхорсту, командующему армией «Норвегия», следующее:

— после разгрома сил Советов вблизи основных целей воздержаться от попыток прорыва в направлении Мурманска;

— оборонять в первую очередь никелевые рудники к югу от Петсамо; готовить наступление на восток с целью в 1942 году овладеть полуостровом Рыбачий и Мурманской железной дорогой;

— для сохранения боеспособности и надежной защиты оборонительных позиций во время долгой зимы построить укрытия и обучить личный состав действиям в зимних условиях;

— произвести реорганизацию войск и обеспечить передачу финского 3-го корпуса и других подразделений в распоряжение финского верховного главнокомандования. [27]

Несмотря на по-настоящему арктические условия, возведение зимних убежищ шло полным ходом. Каждый пехотный взвод построил себе укрытие за оборонительной позицией на основной линии обороны. Это были прочные блиндажи, неуязвимые для обычного артиллерийского огня (кроме разве что прямого попадания снаряда гаубицы калибра 152 мм и более). Стены состояли из двух рядов еловых и сосновых бревен, между которыми находилась примерно 60-сантиметровая прослойка из каменистой земли. Крыша имела приблизительно ту же конструкцию. Все укрытия были тщательнейшим образом замаскированы местной растительностью, на деле служившей двум целям — скрывая позицию от наблюдения с воздуха и эффективно рассеивая дым от металлических печей, обогревавших укрытия в зимние месяцы.

¹ Приказ главнокомандования Вермахта. — OKW/WFSt/Abt. L. (1.Op) Nr. 441 696/41-gKdos Chefsache.

Оборона дивизии на участке Кестеньга — Лоухи имела открытые фланги, что нетипично для XX века и чревато окружением. Каждый из четырех изначальных «коридоров» (или участков) — арктический фронт горной армии «Норвегия», фронт Салла — Алакуртти — Верман 36-го корпуса, участок восточнее Кестеньги (наш) и фронт Ухтуа финской группы «F» — состоял из цепи оборонительных позиций небольшой протяженности, превращенных в изолированные опорные пункты, между которыми располагалась по сути «ничейная» земля. Чтобы не упускать контакта с неприятелем, велось патрулирование. Тем не менее некоторые германские части находились на удалении до 100 км друг от друга.

Эти огромные, не занятые войсками прорехи были естественной средой для советских партизанских групп, многие из которых хорошо ориентировались в районе. Они действовали в сельской местности на участке Кестеньга — Лоухи, группами по 20—50 человек (причем среди них были даже женщины!), концентрируясь в основном у единственной дороги, протянувшейся почти на 200 километров в сторону Финляндии, по которой шло снабжение германо-финского фронта в Кестеньге. Излюбленными целями партизанских рейдов были устроенные вдоль дороги пункты снабжения и госпитали, обеспечивавшие действия боевых частей. По дороге следовали конвои, сулившие партизанам хорошую добычу. При средней скорости всего в 30 км/час требовалось не менее шести часов, чтобы конвой покрыл расстояние от складов снабжения до основной линии обороны. Партизаны входили через огромные дыры в обороне, нападали на медленно двигавшиеся конвои, а потом растворялись в бесконечных лесах. Обычно партизаны носили немецкую форму и оружие. Такие нападения приносили особенно значительный ущерб тыловым охранным частям, где служили в основном солдаты старшего возраста. Для ответа на активно продолжавшиеся партизанские набеги на главных дорогах были выставлены часто расположенные

женные блокпосты и контрольно-пропускные пункты с численностью от отделения до взвода. Между постами ходили патрули, однако партизаны оставались занозой, вызывавшей постоянную организационную, а иногда и оперативную неопределенность на фронте¹.

Конечно, в течение зимы 1941/42 года как германо-финские, так и советские силы возвели во всех четырех коридорах неприступные укрепления. На позициях взводов стояли мощные бревенчатые доты с пулеметами и противотанковыми ружьями. Подходы к дотам заграждались противопехотными минами и препятствиями для защиты от танков. Фронт по обе стороны оставался неподвижным в следующие 33 месяца, и из-за непреодолимого характера укреплений боевые действия переместились на фланги. В этом секторе северный край германской обороны опирался на южный берег озера Туоппа. Именно здесь сосредоточила свои основные усилия Красная Армия.

Пока части армии «Норвегия» в соответствии с октябрьским приказом главного штаба готовились к весеннему возобновлению боевых действий, по другую сторону фронта Советы делали в точности то же самое. В конце зимы они начали строить дороги, вдоль которых устроили склады со значительными запасами, особенно боеприпасов. Советы предвидели наступление в разгар весенней распутицы, когда это обеспечит им огромные преимущества. Снабжение германских сил приходи-

¹ В начале мая 1995 года, решив отметить 50-ю годовщину окончания войны в Европе, финны пригласили ветеранов всех армий, сражавшихся на севере Финляндии, на встречу в приграничный город Салла («новая» Салла), расположенный за Полярным кругом. Второй после финнов по числу участников оказалась группа ветеранов из Германии, а третей — группа шведских военных, служивших в этом секторе в период «Зимней войны» 1939–1940 годов. Самой немногочисленной была группа из России, насчитывавшая всего 8 человек. Из этих восьми пятеро оказались партизанами, среди которых было три женщины, причем у всех участников имелось множество наград. Против их присутствия особенно сильно возражали шведы, напиравшие на то, что приглашать нужно именно ветеранов боевых действий, а не «бандитов, нападавших, чтобы тут же скрыться».

лось обеспечивать по разбитой 200-километровой дороге, каждый метр которой подвергался партизанским атакам, в то время как пути снабжения советских войск уходили всего на 20 или около того километров до Мурманской железной дороги, к тому же обеспечивающей возможность быстрой переброски значительных воинских масс. Это преимущество сыграло роль в приближавшемся весеннем наступлении Советов.

Зимой 1941/42 года произошли значительные перемены в структуре управления германскими силами на театре военных действий. 28 декабря 1941 года Гитлер приказал генерал-полковнику фон Фалькенхорсту убрать штаб армии «Норвегия» из отеля «Похьянхови» в Рованиеми и вернуться в Осло. 15 января 1942 года на основе этого штаба был создан штаб новой армии, получившей наименование 20-й армии «Лапландия» (с 24 июля 1942 года — 20-я горная армия «Лапландия»), которой командовал генерал горной пехоты Эдуард Дитль, до этого командовавший горным корпусом «Норвегия» на Арктическом фронте. Дитль, популярный как «герой Нарвика», считался хорошим командиром и в том же 1942 году был представлен к званию генерал-полковника. [28]

Попытки командования 20-й армии выполнить предначертания фюрера и продолжить наступательные действия оказались сведены к нулю весенным наступлением Советов, начавшимся 24 апреля и продолжившимся до конца мая.

Наступление было начато вслед за предпринимавшимися в течение месяца безуспешными атаками 758-го стрелкового полка Советов на германском левом фланге к северу от дороги Кестенъга — Лоухи.

На этом участке (Кестенъга и Ухтуа) Красная Армия задействовала против германо-финских войск две дивизии пехоты, причем 23-я стрелковая дивизия охраны с двумя отдельными бригадами (в том числе 8-я лыжная бригада) атаковали северный фланг дивизии «Норд» и

ее северного соседа, финской дивизии «Йот». Эта попытка, осуществленная на обособленном участке впереди и сзади левого фланга германо-финского фронта, вначале оказалась успешной. 8-я лыжная бригада почти перерезала единственный путь снабжения к западу от пересечения дорог в Кестенъге! От запланированного Советами окружения нас спасло лишь своевременное и решительное использование резервов, выдвинутых со стороны Куусамо.

Решительными контратаками силы Советов были отброшены и, благодаря использованию тактики «котлов», по большей части уничтожены. Гроза была ликвидирована спустя месяц после начала советского наступления, которым руководил лично командующий 26-й армией Советов. Потери советских сил (по подсчетам и оценкам) из 40-тысячного эквивалента 4 дивизий были ужасающими: 15 000 убитых в бою и неизвестное количество раненых. [29] Дивизия СС «Норд» с 1 апреля по 31 мая 1942 года потеряла убитыми двух офицеров и 157 солдат срочной службы, 21 офицер и 769 солдат были ранены, и еще 28 человек пропали без вести.

Однако «Норду» не суждено было участвовать в дальнейших операциях в качестве пехотной дивизии. 17 июня дивизию СС «Норд» официально преобразовали в усиленную горную дивизию СС «Норд». Такое организационное изменение никоим образом не вызвалось необходимостью воевать в горных условиях (под это определение не попадали даже самые высокие холмы на участке фронта Кестенъга — Лоухи) — скорее, причиной были некоторые особенности зоны боевых действий.

То, что считалось «дорогой», растянулось на 190 км от Куусамо, где находились основные склады дивизии и «батальонные обозы»¹ частей, задействованных в основ-

¹ Термин «батальонные обозы» относится к грузовикам и другим транспортным средствам, служащим для перевозки боеприпасов, провизии и различного снаряжения. Обычно полевой госпиталь также является частью обоза.

ной линии обороны. После 6—7-часового путешествия по территории, кишевшей партизанами, припасы попадали на транспорт, развозивший все по частям, расположенным непосредственно на линии обороны. Таким условиям идеально соответствовали организационная структура горной дивизии и положенная ей техника, включая подразделения обеспечения с грузовиками для перевозки по горным долинам, а также выночных животных и личный состав для переброски грузов в горной местности.

Преобразование в горную дивизию имело и другие преимущества. Выдаваемые в таких подразделениях рюкзаки обеспечивали более удобную переноску снаряжения.

В октябре два батальона из артиллерийского полка «Норд» получили специальные горные гаубицы, разбирающиеся для обеспечения удобства их транспортирования выночными животными по самой труднопроходимой местности. Через горы никак не могли пройти грузовики с гаубицами более крупного калибра 105 мм «Модель 18», которыми до этого оснащались батальоны артиллерийского полка. Теперь в распоряжении артиллерийского полка дивизии «Норд» было два батальона (в общей сложности 24 полевых единицы) 75-мм переносных гаубиц, один батальон (12 единиц) легких прицепных 105-мм гаубиц и батальон с двумя батареями (всего 8 единиц) тяжелых 150-мм гаубиц «Модель 18» и одной батареей из 4 105-мм орудий.

Реорганизация не оставила почти никакого сходства с первоначальным обликом дивизии СС «Норд». Из «старых» 6-го и 7-го пехотных полков СС было сформировано три батальона, в том числе два горнопехотных и один мотопехотный. 1-й батальон 6-го пехотного полка СС стал 1-м батальоном 6-го горнопехотного полка СС, 3-й батальон 7-го пехотного полка стал 3-м батальоном 6-го горнопехотного полка, а 1-й батальон 7-го пехотного полка СС стал мотопехотным батальоном дивизии

СС «Норд». Два других новых горнопехотных полка состояли из совершенно новых батальонов, собранных из пополнений с численностью роты, которые формировались на основе батальонных штабов, состоявших из ветеранов «Норда» — офицеров и младшего комсостава. Таким образом, вобрав в себя опыт 18 месяцев боевых действий, горная дивизия «Норд» получила серьезное пополнение из молодых, готовых к бою солдат.

Эти маревые роты, прибывавшие с августа 1942 года, частью состояли из уже упомянутых этнических немцев, выходцев из юго-восточной Европы, прошедших интенсивное обучение способам ведения войны в горных условиях в Вильдфлекен/Роне и переброшенных сначала в Данциг, на поезде. После этого они пересекли Балтийское море и прибыли в один из финских портов в Ботническом заливе. Совершив еще одно путешествие, на этот раз — на финском паровозе, работавшем на дровах, они оказались в северной оконечности пролива, в Оулу.

В Оулу находился большой тренировочный лагерь для вновь прибывших войск, устроенный бригадефюрером Матиасом Кляйнхайстеркампом, сменившим Карла Мария Демельхубера. Шестинедельными тренировками, на которых всех прибывших готовили к боевым действиям в лесах Карельского фронта, руководил армейский офицер из 18-го горного корпуса, подполковник Бойзен. [30] Индивидуальные и коллективные занятия завершали процесс сплачивания прибывших рот в монолитные боевые подразделения, готовые к любым трудностям войны на Крайнем Севере и действиям против самого жесткого противника.

Летом 1942 года генерал Дитль и штаб его 20-й армии «Лапландия» продолжили выполнение директивы фюрера от 10 октября 1941 года, передав финский 3-й корпус в распоряжение главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма. Вся ответственность в секторе Кестенъга — Лоухи перешла к недавно созданному 18-му горному корпусу под командованием генера-

ла горной пехоты Франца Боме, в прошлом — военного коменданта Сербии. Таким образом, под контроль 18-го горного корпуса отошли как горная дивизия СС «Норд», так и недавно прибывшая армейская 7-я горная дивизия. С передачей Маннергейму финского 3-го корпуса в коридоре Ухтуа окончательно установилась граница германской и финской зон оперативного контроля. Германская зона простиралась от Северного Ледовитого океана на севере до южной линии фронта Кестеньга — Лоухи на юге. Южнее находилась финская зона. Постепенно, по мере того как финны наращивали усилия в направлении, представлявшемся с их точки зрения основным оперативным театром (а именно в направлении южной Карелии), контроль в секторе Ухтуа также перешел к 18-му горному корпусу.

Хотя боевые действия как против партизан, так и против регулярных войск продолжались в течение лета и осени 1942 года, с обеих сторон не проявлялось сколько-нибудь значительной наступательной активности. В этой части директивы фюрера так и не была выполнена. Мурманская железная дорога продолжала оставаться живительной артерией, пополнявшей военный потенциал Советов за счет тех кораблей из союзных конвоев, которым удалось спастись от атак подводных лодок и атак самолетов Люфтваффе в северной Атлантике и Северном Ледовитом океане. Однако зимой 1942/43 года подразделения из состава горной дивизии СС «Норд» начали операции, позволившие добиться если не прекращения, то хотя бы временного нарушения этого потока.

С преобразованием в горную дивизия получила оборудование (и ожидания высшего командования, рассчитывавшего, что мы тут же научимся его применять!), предназначенное для движения тактических подразделений «Норда» по глубокому снегу — на лыжах и снегоходах, с похожими на лодки волокушами, на которых могло транспортироваться тяжелое вооружение, раненые солдаты, боеприпасы или провизия. При помощи

нагрудной упряжи боец мог тащить волокушу по самому глубокому снегу, проникая туда, куда было невозможно проникнуть в условиях долгой арктической зимы. Велась интенсивная отработка «зимней мобильности». Мы учились не только ходить на лыжах и снегоступах, укладывать и таскать волокуши, но также — среди прочего — отличать старый лыжный след от свежего и на глаз определять, насколько тяжелой была поклажа у лыжников.

Обычно лыжные переходы совершались подразделениями численностью около взвода, но также велась отработка совместного движения целых рот. Тренировки были полезными — тем более что та зима оказалась снежной. С октября 1942 года по май 1943-го средняя глубина снежного покрова составляла от 1 до 1,5 м.

Благодаря этой новоприобретенной способности к быстрому перемещению подразделения горной дивизии СС «Норд» смогли выполнять диверсионные операции на отдельных участках Мурманской железной дороги. Такие рейды выполнялись группами численностью около взвода при поддержке саперов и, как правило, вместе с отделением финских пехотинцев. Рейды имели целью подрыв секций железнодорожного пути. Участники таких походов, иногда занимавших неделю или более, проходили расстояние в 60 км. Чтобы остаться незамеченными при подходе и отходе от целей операции, участники облачались в белые маскхалаты и несли с собой выкрашенное в белый цвет оружие и снаряжение. Лыжня маскировалась замыкающим, который волочил за собой ветки или даже небольшое деревце, заметая следы, оставшиеся от движения патруля.

Излюбленными мишенями командиров подобных операций были железнодорожные мосты. При верном выборе цели и удачном исполнении взорванный мост мог остановить движение сразу на несколько дней. Советы, однако, построили вдоль дороги военизированные трудовые лагеря, располагавшиеся на близком расстоя-

нии друг от друга. Там же запасли огромное количество материалов для устранения любых повреждений в полном объеме, включая лес для восстановления разрушенных опор мостов.

Жесткие условия, при которых выполнялись столь длительные миссии, проходившие зимой за оборонительными линиями противника, диктовали свои жесткие правила. Если участник патруля заболевал или получал ранение в ходе операции, его оставляли на маршруте в замаскированной позиции, снабдив запасом пищи и боеприпасами, чтобы он мог защитить себя в случае обнаружения. Боец мог лишь надеяться, что через несколько дней его подберут при возвращении одного из своих патрулей. Если отставшего не подбирали — значит, удача от него отвернулась, поскольку идти по следу группы было весьма опасным предприятием: вместо того чтобы заметать следы, участники патруля часто оставляли за собой особые «лыжные» мины, зарытые прямо в лыжню и присыпанные дюймом снега.

1943 год: стабильность и выдержка

Большая часть 1943 года прошла в почти рутинной обстановке. Перемещений войск по фронту не было или почти не было, но каждая из сторон делала попытки обойти другую с фланга в северной части коридора. Оборона стала более прочной, и укрытия, такие как батальонные командные пункты и связанные с ними укрепления, были значительно усовершенствованы. Планировщики из главного штаба в Берлине не раз испытывали желание перебросить столь значимое подразделение, каким была горная дивизия СС «Норд», с «позабытого фронта» на участки Восточного фронта с гораздо более напряженной обстановкой. Своими надежными и профессиональными действиями дивизия заработала отличную репутацию. Собственно, это и вызвало к жизни упомянутую идею берлинского штаба, с каждым днем

все сильнее чувствовавшего необходимость поиска резервов, отвечавших растущим запросам без того огромного Восточного фронта, и озабоченного решением других проблем, от борьбы с партизанами на Украине и на Балканах до помощи итальянским союзникам или предотвращения британского прорыва в Северную Африку. Наконец, ситуация на участке фронта в районе Кестенъги выглядела слишком стабильной, чтобы держать здесь столь значительную горную дивизию. Возможно, рассуждали в штабе, если линия фронта отступит назад, на западный берег реки Сохьяна, то оборону на узком перешейке между озерами Пяя и Туоппа смогут держать силы одной дивизии, а высвободившийся «Норд» можно будет перебросить туда, где боевые возможности этой части найдут лучшее применение.

Однако при дальнейшем рассмотрении все варианты переброски дивизии на новое место были отвергнуты. Хотя возможно удержать более узкий фронт силами одной дивизии, такое положение сохраняется лишь в течение летнего периода. Зимой озера покрываются льдом, превращаясь в широкую дорогу, пригодную для движения самой тяжелой техники. К тому же каждой весной Советы затевали попытки обхода наших позиций на дороге Кестенъга — Лоухи, а это требовало не только удержания фронта, но и переброски воинских подразделений для защиты флангов. В результате после рассмотрения обстановки «Норд» остались на прежней позиции в Северной Карелии.

В целом на начало 1943 года ситуация с личным составом в дивизии выглядела значительно лучше, чем за год до этого:

	Потребность	Наличие	Недостача
Офицеры	725	560	165
Младшие командиры и рядовой состав [31]	21 126	20 176	950

Конечно, с офицерами дело обстояло хуже, чем годом ранее. Сказывалась нехватка офицеров, особенно младших командиров, вызванная быстрым наращиванием численности Ваффен-СС в период 1942—1944 годов. Это также указывало на неспособность школ, готовивших кандидатов в офицеры (юнкерских школ СС) своевременно восполнять потери, выпадавшие на долю боевых частей.

В 1943 году дивизия «Норд» получила свое окончательное название. В августе всем дивизиям Ваффен-СС присвоили номера в соответствии с их «стажем». Горная дивизия СС «Норд» получила наименование 6-й горной дивизии СС «Норд», а 6-й и 7-й горнопехотные полки СС были перенумерованы соответственно в 11-й и 12-й. Наряду с этим, по общей традиции Ваффен-СС, 11-й полк получил имя собственное. В память о месте создания 6-го полка «Мертвая голова», сформированного в Праге, 11-й горнопехотный полк получил наименование «Рейнгард Гейдрих» по имени бывшего руководителя службы контрразведки СС, убитого в 1942 году чешскими коммандос, прошедшиими подготовку у англичан. Под этим названием дивизия воевала до конца войны, в том числе — в Эльзасе.

1943 год связан с еще более значительным усилением организационной структуры дивизии. В течение года в состав дивизии влились два подразделения норвежских добровольцев.

В конце января прибыла рота норвежской полиции под командованием норвежского офицера ССoberштурмфюрера Йонассена. После необходимого адаптационного обучения в центре подготовки в Оулу роту передали разведывательному батальону «Норд». В сентябре к дивизии присоединился лыжный батальон «Норвегия» (по-норвежски — «Нурье»). В его рядах служили не только норвежцы, но также датчане и шведы, которых объединяло желание воевать не против западных сил союзников, а исключительно против Советов (для многих

стремление бороться с коммунизмом было главным мотивом вступления в батальон). Это подразделение заняло оборонительные позиции на левом фланге дивизии.

С включением указанных подразделений в состав «Норда» дивизия по-настоящему превратилась в усиленную горную дивизию, располагавшую двумя батальонами пехоты (мотострелковым и «Нурье») сверх обычного, а также различными дополнительными подразделениями обеспечения.

1944 год: глубокие изменения

Если 1943 год не принес почти ничего нового, то в 1944 году все было по-другому! Дивизии пригодились все до единого полученные подкрепления.

Именно в этот год Советы начали большое наступление против финнов на главном участке Ладожско-Карельского фронта. Этот штурм и частичный успех, достигнутый в сражении с потрепанной финской армией, позволили Москве надавить на Финляндию и добиться прекращения огня и решения о финско-советском перемирии. Правда, первая, мартовская попытка Советов не увенчалась успехом. Однако Германия, в 1943 году потерявшая Италию как своего союзника, готовилась к такому повороту и хорошо видела всю опасность заключения подобного сепаратного мира.

В этом же году Красная Армия предприняла самую серьезную на тот момент попытку обойти левый фланг германских сил к северу от Кестенъги. Лето 1944 года принесло кровавые сражения за Сеннозеро, за участие в котором 6-я горная дивизия СС «Норд» будет награждена мечом.

Подготовка к наступлению Советов началась 7 марта с нападения на опорный пункт обороны «Норда» около Шапкозера (русское название озера Хэт), расположенного на значительном удалении от основной линии обороны. Этот опорный пункт защищали 2-я рота лыжного

батальона СС «Нурье» и один взвод разведывательного батальона СС «Норд».

Красные пошли на штурм в темноте, в 1.00 ночи. Благодаря высоким снежным заносам атакующие без потерь пересекли три полосы минных заграждений и прорвали внешнюю оборонительную линию. Выйдя прямо в центр позиций опорного пункта, русские применили огнеметы, уничтожив часть из десяти оборонительных бункеров. Однако до рассвета ситуация была восстановлена контратакой «Норда».

С рассветом красные вернулись,бросив на штурм еще две сотни бойцов, остановленных и расстрелянных при свете начинавшегося дня. В этой атаке нападавшие попали под перекрестный огонь двух тяжелых пулеметов, бивших из пары уцелевших бункеров. Ход советской атаки окончательно переломила контратака взвода резерва из батальона разведки, стоявшего в Сеннозере (шесть километров к югу). Подразделения «Норда» захватили 24 советских пленных, включая командира батальона, штурмовавшего их позиции. Нападавшие остались на поле боя 91 убитого и много оружия, в том числе, что интересно, 42 американских автомата! Потери «Норда» составили всего 3 убитых и 5 тяжелораненых. Чтобы оказать медицинскую помощь, раненых эвакуировали через озеро на гидроплане. [32]

10 июня Советская армия начала новое крупное наступление против главных сил финнов на южном участке фронта Ладога — Карелия, вызвавшее новый политический кризис в Финляндии. Политическим и военным руководителям в Берлине пришлось трезво рассмотреть возможность заключения сепаратного перемирия с СССР и потери Финляндии. Генерал-полковник Дитль, командующий 20-й горной армией «Лапландия», вместе с генералом Эглером, командиром 18-го горного корпуса, вылетели в Германию на совещание по поводу этой серьезной ситуации, в целом угрожавшей германскому военному присутствию в Финляндии. На обратном

пути после завершения дебатов их самолет потерпел катастрофу в окрестностях Зальцбурга. Оба генерала погибли. [33] В результате этого трагического для всей германской армии случая 28 июня в Рованиеми командование 20-й армией принял генерал-полковник Лотар Рендулич, бывший командующий 2-й танковой армией, участвовавший в контрпартизанских операциях на Балканах. 18-й горный корпус передали генерал-лейтенанту Фридриху Хохбауму, бывшему командиру 43-й пехотной дивизии на Украине.

21 июня 1944 года, в дни летнего солнцестояния, 12-й пехотный полк СС получил наименование «Михаэль Гайссмайр» — дань признательности большому числу этнических немцев, служивших в этой части (в XVI веке Гайссмайр был народным предводителем в германском Южном Тироле). С тех пор все служившие в этом полку стали носить на левом рукаве черную полоску из синтетического шелка шириной 30 мм с вышитой серебристо-серой геральдической надписью.

Всего через несколько дней после того, как нам была оказана эта высокая честь, и в связи с началом советского наступления на юге Финляндии подразделения «Норда» вступили в битву за Сеннозеро. В наступлении участвовали лучшие силы трех дивизий Советов (целиком 205-я стрелковая дивизия, а также части 83-й и 367-й дивизий). Атаку возглавляли три отдельных лыжных батальона прорыва (1-й, 83-й и 364-й).

Столь значительное превосходство в силах позволило врагу преодолеть сопротивление опорных пунктов, удерживавшихся на самом левом фланге дивизии разведывательным батальоном СС «Норд» и лыжным батальоном СС «Нурье». Вскоре стало очевидным, что целью мартовской атаки на наши позиции была разведка боем, которую затеяли для выяснения количества наших сил и протяженности оборонительных позиций в этом районе.

Складывалось впечатление, что с подавлением германских опорных пунктов на севере ничто более не ме-

шало Советам перерезать единственный путь снабжения германской армии по всему фронту в окрестностях Кестенъги и даже выйти в финский пограничный район Куусамо. Авиационная разведка сообщила, что Советы начали строить новую железнодорожную линию от Мурманской железной дороги через густые леса на запад, прокладывая путь со скоростью почти один километр в день.

В результате, по данным еще одной авиаразведки, как дивизия «Норд», так и 18-й горный корпус своевременно задействовали свои резервы. Дивизия «Норд» оперативно ввела в бой 6-й мотострелковый батальон, которым командовал гауптштурмфюрер Готлиб Ренц. 18-й корпус отправил в бой свой резерв — 82-й лыжный батальон (составленный в основном из австрийцев штатный батальон 7-й горной дивизии, которым командовал гауптман К.В. Лапп). После многодневных ожесточенных боев, неоднократно переходивших в рукопашные схватки, эти силы, обладавшие значительным перевесом в численности, смогли преодолеть сложившуюся трудную ситуацию. За свои действия оба командаира удостоились рыцарского креста «Ritterkreuz».

В это время 3-й батальон 12-го горнопехотного полка СС, состоявший в резерве полка, располагался примерно в 20 километрах к югу от Сеннозера. Батальону приказали идти на помощь сильно потрепанному мотострелковому батальону СС в середине июля, после того, как атаки Советов немного ослабнут. Личный состав 3-го батальона маршем вышел на южный берег Сеннозера, как раз напротив бывшей рыбакской деревни с тем же названием. Под мощным пулеметным огнем бойцы, частично скрытые туманом, переправились на другой берег на десантных лодках, управляемых храбрыми экипажами из саперного батальона дивизии.

Помощь пришла, как было намечено, и роты 3-го батальона заняли тесные укрытия и траншеи оборонявшегося мотострелкового батальона. Поскольку Советы рас-

полагали достаточными силами, чтобы изолировать все германские части в окрестностях Сеннозера от источников снабжения, в течение следующих трех недель боеприпасы и продовольствие поступали только по воздуху на парашютах. [34] Жизнь также осложняли простые, но очень эффективные тактические приемы нашего советского врага. В период боев около Сеннозера Советы начали организовывать свои подразделения 82-мм и 120-мм минометов в отдельные минометные полки. Эти части действовали убийственно эффективно, так как в густом лесу они меняли позиции и сосредотачивали огонь значительно быстрее обычной полевой артиллерии.

В первые дни августа 3-й батальон получил приказ оставить две из своих линейных рот (12-ю и 13-ю) на оборонительной позиции у Сеннозера. С неполными силами (включавшими одну оставшуюся линейную роту, роту тяжелых пулеметов и штабную роту с взводами тяжелых минометов, саперов и связи) батальон должен был занять наиболее важную позицию удерживаемого нами оборонительного фронта — точнее, знаменитую «позицию у дороги».

Преодолев маршем 32 километра до Кестеньги и еще восемнадцать дополнительных километров до дороги Кестеньга — Лоухи, батальон прибыл на почти что закодованное место — туда, где в 1941 году остановились германо-финские войска. Позиция была достаточно укреплена, чтобы выдержать любую мыслимую атаку¹. Батальон неполного состава прикрывал позицию у дороги еще три недели, вплоть до начавшейся 6 сентября операции «Бирке» («Березовая ветка»).

Некоторые участки автодороги Кестеньга — Лоухи, расположенные непосредственно за основной линией

¹ В день, когда мы уходили с позиций у Сеннозера, командир 3-го батальона гауптштурмфюрер Вальтер Йенсен получил около сорока минометных осколков в область спины и был вывезен в тыл. Адъютант, автор этих строк, получил приказ возглавить батальон, воевавший в неполном составе, и выйти к месту нового расположения, на позицию у дороги.

обороны, оставались в поле зрения противника. Чтобы не демаскировать перевозки своих войск в этих зонах, вдоль и поперек дороги выставили длинные ряды спиленных деревьев. Чтобы достичь похожего эффекта на командном пункте батальона (примерно в трехстах метрах от основной линии обороны), зажгли длинные костры, для которых использовались мокрые ветки и кустарник. Густой дым костров скрывал от наблюдения Советов наши действия. Вокруг позиции у дороги развернулось и другое, особое сражение: пропагандистская война. Каждая из сторон использовала мощные усилители и огромные громкоговорители и старалась убедить противника в том, что дело заведомо проиграно и капитуляция — это лучший выход из положения. Германская сторона задействовала опытных военных пропагандистов из числа бывших советских военнопленных (среди них часто встречались украинцы и другие «советские люди», пострадавшие от репрессий сталинского режима), добровольно согласившихся воевать в рядах «Российской освободительной армии» бывшего генерала Власова. Советы делали примерно то же самое: использовали германских военнопленных, вступивших в Национальный комитет «Свободная Германия» — группу, объединившую малое число немецких социалистов и многочисленных оппортунистов-перевертышей. По иронии, видными членами этого комитета оказались фельдмаршал Фридрих фон Паулюс, бывший командующий 6-й армией, разгромленной в Сталинграде в 1943 году, а также бывший начальник штаба нашей же армии «Норвегия» генерал-полковник фон Фалькенхорст!

Хотя двухсторонние пропагандистские трансляции не приносили особого эффекта, они были полезны, чтобы часовые не спали по ночам.

Однажды, когда 3-й батальон занимал оборонительные позиции у дороги, в расположении батальона появился генерал-полковник Рендулич с небольшим эскортом, в сопровождении командиров корпуса и дивизии,

чтобы проинспектировать позиции, познакомиться с командиром и выслушать доклад о ситуации. Стиль проведения ознакомительного визита — то, как командающий знакомился, задавал вопросы, делал замечания и прочее, — все указывало на его компетентность и доброжелательность. Разумеется, командующему приходилось соответствовать «одежке», доставшейся с плеча Эдуарда Дитля (или, вернее сказать, его горным ботинкам!).

Операция «Бирке» («Березовая ветка»): отступление без поражения

7 сентября произошло событие, ставшее поворотным пунктом. На командный пункт батальона явился молодой офицер из штаба дивизии, передавший под роспись большой и пухлый коричневый пакет. Внутри находился детальный план отступления всей дивизии и приказы, относившиеся конкретно к 3-му батальону 12-го горнопехотного полка СС. План вводился в действие немедленно — то есть тем же вечером.

Это оказалось началом операции «Бирке» («Березовая ветка»). Детали операции разрабатывались летом, в предчувствии сепаратного финско-советского периода мира. [35] Общий план предусматривал отход всех германских войск с четырех участков фронта от Ухтуа до Северного Ледовитого океана и их передислокацию с территории Финляндии в Норвегию. План строился на предположении, что в случае, если финны и Советы придут к сепаратному миру, позиции 20-й горной армии «Лапландия» окажутся непригодными для дальнейшей обороны.

Авторы плана предложили осуществить поэтапный отход трех германских корпусов, задействованных на театре действий, начав с 18-го горного корпуса (участок Ухтуа — Кестеньга), за которым из района Вермана проследуют дивизии 36-го корпуса, и, наконец, части 19-го

горного корпуса покинут сектор, примыкающий к Северному Ледовитому океану.

Для этого масштабного отступления в наличии имелось всего две узких дороги! «Пограничная» дорога, проходившая по финской стороне границы между Финляндией и Швецией, от Муонио до норвежской границы (в Килписъярви), резервировалась для отхода 18-го горного корпуса. Для двух остальных корпусов зарезервировали «50-ю рейхсштрассе» — норвежское прибрежное шоссе, которое шло от Киркенеса на восток, вдоль берега Северного Ледовитого океана, и затем поворачивало на юго-запад. Это шоссе прерывалось множеством фьордов, пересечь которые можно было только на паромах. В дальнейшем севернее Килписъярви это шоссе соединялось с пограничной дорогой, проходившей вдоль финско-шведской границы (точнее, в местечке с называнием Скиботн, на южной оконечности Линген-фьорда). Словно предвидя, что это понадобится для операции «Бирке», из Ивало (Финляндия) проложили новую дорогу, проходившую через Карасьок в Лаксельв (Норвегия) и далее выходившую на «50-ю рейхсштрассе».

Главнокомандование Вермахта (ОКВ) и штаб 20-й горной армии «Лапландия» хорошо представляли все риски, связанные с операцией «Бирке». С приближением нового года опасности только увеличивались, поскольку ни один маршрут не гарантировал достаточного запаса «прочности» в зимних условиях.

Операция «Бирке» была рискованной еще и потому, что отступление предполагалось осуществлять под носом у неприятеля. Германский Генеральный штаб принимал во внимание вероятность того, что после заключения финско-советского перемирия все силы Красной Армии, имеющиеся на театре действий, будут переброшены в северную Карелию (Лапландию) с целью разгрома единственного оставшегося противника, а именно — германской 20-й армии! Штаб учитывал также возможность нарушения Советами условий нового финского

«нейтралитета» и выхода противника через «брошенную» финскую территорию (в районе между Суоми-Салми и Торино) для захвата шведских месторождений железной руды в Кируна-Галливаре, не прекративших поставки сырья для германской военной промышленности.

Наконец, Генеральному штабу оставалось лишь гадать о том, насколько долго их прежние товарищи и партнеры по военному сотрудничеству останутся дружественными в отношении отступающих германских войск. Придется ли немцам отступать, сражаясь против одного противника — или сразу против двух?

В то время горные стрелки «Норда» не могли знать, что ответ на этот вопрос уже содержался в деталях и тональности соглашения о перемирии. 19 сентября 1944 года этот документ подписали в Москве два правительства, советское и финское. В частности, соглашение включало две статьи, определявшие поведение Финляндии в ближайшем будущем, при отступлении частей германской армии.

Статья 2 определяла особое условие, согласно которому Финляндия должна «разоружать германские... войска, которые останутся в Финляндии после 15 сентября 1944 года» и «передавать личный состав этих войск союзному (советскому) командованию в качестве военнопленных, причем Советское правительство окажет в этом содействие Финской армии»¹. Конечно, было невозможно вывести более чем 200 000 германских солдат из Финляндии с 6 по 15 сентября и при этом одновременно продолжать боевые действия против Советов — и все это знали!

¹ Интересно, что генерал-полковник А.А. Жданов подписал это соглашение не только от имени правительства СССР, но также от имени Соединенного Королевства. Более того, оба правительства осуществляли «действия в войне с Финляндией от имени Объединенных наций».

Согласно статье 22 учреждалась «Контрольная комиссия союзников», обязанностью которой было «действуя под руководством высшего союзного (советского) командования, осуществлять... контроль выполнения настоящего Соглашения от имени союзных сил».

В приложении к статье 22 говорилось, что «основной задачей Контрольной комиссии» является «наблюдение за пунктуальным и точным исполнением 2-й статьи финским правительством». Более того, параграфом 5 этого приложения оговаривалось, что «офицеры из состава Контрольной комиссии могут заниматься необходимыми расследованиями и сбором информации».

Несомненно, что для Советской армии соглашение о перемирии было инструментом связывания рук правительству Финляндии и принуждения финской армии к действиям, которые ни в каком другом случае просто не могли быть предприняты. В дивизии «Норд» не могли даже представить, какой оборот примут события в течение нескольких следующих недель того мрачного сентября.

Еще до рассвета, в самые ранние утренние часы 8 сентября 1944 года, роты 3-го батальона 12-го горнопехотного полка СС эвакуировали позицию, известную как «позиция у дороги». За три недели до этого в тыл вывезли все, что не могло быть унесено с собой, так что в руки Советов не попало ничего из имевшегося снаряжения. К тому же, в ожидании их прихода, входы в основные бункера были искусно заминированы.

Для маскировки отхода в батальоне поддерживался обычный радиообмен, а с линий обороны по очереди снималось по одному взводу. Для вызова и корректировки рутинного беспокоящего и заградительного огня артиллерийского полка «Норд» вперед выдвинули наблюдателей.

После того как в ранние утренние часы позиции батальона покинул последний стрелковый взвод, позади остались саперы батальона (инженерный взвод), задачей которого был один, последний залп перед подрывом

установок самых тяжелых реактивных снарядов калибра 280 и 320 мм ближнего радиуса действия (до 1000 м). Хотя красные этого не сознавали, но это был последний «партизанский» удар батальона по советскому врагу. Сделав дело, саперы поспешили на соединение с батальоном, пешим маршем уходившим назад, к перекрестку дорог возле Кестенъги. Здесь с батальоном соединились 12-я и 13-я роты, остававшиеся у Сеннозера. 3-й батальон вновь оказался в полном составе и под единым командованием. Простояв день 9 сентября на позициях, ничем особым не выделявшихся, батальон в 19.00 продолжил отступление. Странно, но в начале отступления не наблюдалось ни преследования со стороны войск Советов, ни нападений партизан.

В течение ночи 9—10 сентября батальон вернулся на западный берег реки Сохъяна, где находились основные бастионы рубежа отступления «Bollwerkstellung», еще летом подготовленные для частей 18-го горного корпуса. Оба фланга этой непреодолимо сильной позиции упирались в огромные озера, обеспечивающие естественную преграду (Пая — на севере и Туоппа — на юге). Здесь уже находился другой полк нашей дивизии, 11-й горнопехотный. Оба полка имели задачу прикрывать 18-й горный корпус на всем пути до финской границы, остававшейся в 70 километрах к западу. Позже (после 13 сентября) игравшему эту роль и испытавшему всю силу ударов 26-й армии Советов полку «Рейнгард Гейдрих» пришлось с боем выходить из окружения близ Суванто, в каких-то 15 километрах от финской границы. Полк понес значительные потери, включавшие гибель нескольких ключевых командиров, таких как офицер оперативного отдела штаба дивизии штурмбаннфюрер Ганс-Хайнц Кюхле.

Утром 10 сентября 3-й батальон 12-го горнопехотного полка СС продолжил марш и через два дня пересек финскую границу, так и не встретив противодействия Советов. Здесь, в Куусамо, батальон встретился с частью

вспомогательных подразделений, из этого пограничного города обеспечивавших боевые действия эшелона, находившегося на фронте. Здесь же офицеры получили лошадей, необходимых для совершения долгого марша в Норвегию. Лошади полагались, чтобы обезжать колонну и наводить порядок. Впрочем, большинство офицеров предпочитали идти вместе со своими людьми. Вместе с остальными частями 12-го горнопехотного полка СС 3-й батальон еще две недели оставался в Куусамо и его окрестностях. Город казался пустым, так как еще до входа основной массы отступающих германских войск гражданских жителей эвакуировали в другие населенные пункты Финляндии.

В этот период времени батальон производил разведку, патрулируя южное направление для обеспечения контакта с частями 7-й горной дивизии, отступавшей из сектора Ухтуа. В часы, свободные от патрулирования, стрелковые роты батальона занимали временные позиции в 15 километрах южнее города, по обе стороны от подходившей к Куусамо с юга основной дороги. 26 сентября — после того как через позиции 3-го батальона благополучно прошли части 7-й горной дивизии — батальон снялся с места, оставил совершенно нетронутыйвойной город¹. На всем пути через Финляндию 3-й батальон замыкал отход последнего полка дивизии, двигавшейся в арьергарде (на самом южном участке) 18-го горного

¹ Предвидя скорый захват Куусамо советскими войсками, командир 12-го горнопехотного полка СС штандартенфюрер Франц Шрайбер приказал саперам снять со шпиля лютеранской церкви XVII века колокола и закопать их поблизости. Один из колоколов — огромный, весивший 525 кг монстр из бронзы и серебра, был в 1698 году подарен шведским королем; другие, меньшего размера, дарились прихожанам, начиная с 1721 года. Саперы набросали эскиз с указанием точного местоположения драгоценных артефактов. В 1959 году Шрайбер с группой ветеранов «Норда» и с эскизом в руках вновь посетил Куусамо и указал представителям местных властей место захоронения, находившееся рядом с церковью, построенной вместо той, что Советы разрушили в 1944-м. Колокола оказались неповрежденными, и вскоре их установили на новом шпиле. (*Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 435).

корпуса! Батальон продолжал двигаться в арьергарде на протяжении следующих 430 км, до самого Муонио, куда прибыл 29 октября.

Местом первой после ухода из Куусамо остановки 3-го батальона оказался перешеек у южной части озера Ули-Китка, расположенного к востоку от Посио. Один стрелковый взвод оставался в Куусамо до самого прихода Советов. Передав сообщение об обнаружении неприятеля 27 сентября, этот взвод быстро отошел на соединение с остальными силами батальона. Части Красной Армии оставались в Куусамо до ноября 1944 года и, покинув город, полностью его сожгли. В этом отношении Куусамо разделил печальную участь других финских пограничных городов. [36]

Несколько дней спустя батальон, двигаясь на запад, прошел маршем через город Рованиеми — столицу финской Лапландии. Пришел октябрь и вместе с ним — первые зимние снега.

За 60 км от города Рованиеми батальон свернул с основной дороги и двинулся маршем на юг, через 40 километров выйдя в район, по своим природным характеристикам выгодный для устройства оборонительной позиции, необходимой для прикрытия отступления вышедшего из Саллы 36-го корпуса.

С опозданием (значительно позже 15 сентября) офицеры и солдаты финской армии прервали дружественные отношения с уходящими частями 20-й горной армии «Лапландия». Финнам пришлось доказывать свое отделение от германской армии под неусыпным наблюдением советских офицеров из «Союзной контрольной комиссии», прибывших в каждую финскую дивизию и штаб каждого полка. Финны слишком хорошо знали, что без этого «развода» Советы могли использовать бы формулировку из Соглашения о перемирии, позволявшую «содействовать правительству Финляндии в его стремлении интернировать все германские войска, продолжавшие оставаться на финской земле» — и юриди-

чески оправдывавшую крупномасштабное вторжение Советов на финскую территорию. Однако «наблюдателям» было недостаточно простого разделения войск и прекращения военного сотрудничества. Советы требовали гораздо более активных действий, доказывавших соблюдение финнами положений Соглашения о перемирии. Вскоре нам осталось лишь гадать о причинах, по которым во время отхода из Карелии мы не испытывали преследования или какого-либо беспокоящего воздействия со стороны советских войск!¹

После того как 36-й корпус прошел через лежавший на пути к арктическому шоссе город Кемиярви, батальон возобновил марш в направлении Рованиеми. 12 октября, выйдя на восточную окраину, личный состав 3-го батальона получил один день передышки в расположении германского лагеря, за несколько лет до этого выстроенного для приема солдат, уходящих или возвращающихся с фронта.

3-й батальон прибыл в Рованиеми в полном составе в начале дня 14 октября. Когда батальон вошел в город, население которого обычно насчитывало около 3000 человек, всех жителей уже эвакуировали, а многие деревянные строения были охвачены пламенем. За несколько часов до нашего появления взлетел на воздух стоявший на железнодорожных путях эшелон с боеприпасами.

¹ Вопреки мрачным предчувствиям генерал-полковника Рендулича и его штаба, но в соответствии с предсказаниями и опасениями финнов после достижения и оккупации финских пограничных городов войска Советов прекратили дальнейшее наступление. Историки, а в их числе — выдающийся финский военный историк Сампо Ахто, предположили, что план разработал сам Сталин, пожелавший, чтобы именно финны выдворили немцев из Финляндии, тем самым навсегда разорвав узы воинского братства, сложившегося за три года союзнических действий! Цитируя советские документы Карельского фронта, Манфред Менгер особо отметил факт, что именно по этой причине «Ставка верховного главнокомандования» (то есть Сталин) отменила запланированный командующим Карельским фронтом штурм открытого южного фланга 20-й горной армии объединенными силами 19-й и 26-й красных армий.

Взрыв не только осыпал город осколками минометных и артиллерийских снарядов, но также воспламенил огромные запасы сигнальных и осветительных ракет. Разлетевшийся по деревянным строениям гигантский фейерверк из горящего фосфора быстро распространил пожар на весь город¹.

Уже темнело, когда на командном пункте батальона появился кипевший от злости полковник из 18-го горного корпуса. В 5 километрах от нас, с моста у Кемиеки,

¹ *Ahto S.* 1) *Aseveljet Vastakkain-Lapin Sota: 1944—1945.* Helsinki, 1980. 250 и далее; 2) Лекция о войне в Лапландии для немецких ветеранов 11 мая 1995 года в Салатунтури, Финляндия (перепечатано: NORD Ruf no. 62. 1997. March. P. 10); *Rendulic L.* *Gekämpft, gesim geschlagen.* Heidelberg, 1952. P. 306; *Kaltenegger R.* *Schicksalweg und Kampf der «Bergschuh-Division» (7. Gebirgs-Division).* Stuttgart, 1995. S. 318; *Schreiber F.* *Kampf unter dem Nordlicht...* S. 303 и далее.

В отличие от фиаско под городом Салла это было лишь еще одно пятно на репутации «Норда». После окончания Второй мировой войны над дивизией много лет висело ложное обвинение в поджоге Рованиеми. Кто еще мог это сделать — ведь, в конце концов, именно части «Норда» последними проходили через город? Наблюдатели Советов не упустили возможность продемонстрировать образец «германского варварства» и обеспечили журналистам нейтральных стран свободный доступ к дымящимся руинам Рованиеми. В свою очередь, журналисты так же оперативно поведали миру о новом преступлении германских военных — притом не просто германских, а из Баффен-СС! Хотя жившие в «Норде» категорически отрицали свою причастность, их доводы почти не принимались всерьез по трем причинам:

1. Повсеместные и неопровергимые примеры равной жестокости частей Баффен-СС.

2. Отсутствие в этом районе частей Советской армии и невозможность представить, что финны могли совершить подобное со своим же достоянием.

3. Почти полная невозможность доказать непричастность «Норда».

К счастью для выживших «нордовцев» и для памяти тех, кого уже нет, более чем через 52 года после трагедии в Рованиеми такое доказательство вышло на свет. Все окончательно прояснила одна из множества публикаций, приуроченных к 50-летней годовщине окончания войны, — воспоминания бывшего сержанта финской армии Еркки Кероярви. В своих мемуарах под названием «Я защищал линию Паасикиви» бывший сержант рассказывает, как 13 октября 1944 года подразделение спецназа, в котором он служил, незаметно проникло в Рованиеми и уничтожило стоявший на боковом пути германский эшелон с боеприпасами. Кероярви в подробностях раскрывает историю подрыва состава и нечаянные последствия этого взрыва для Рованиеми.

ударной волной от взрыва сбросило заряды, приготовленные для его уничтожения. Саперы 7-й горной дивизии в спешке устанавливали на конструкцию новые заряды, но с юга к ним быстро приближались первые финские части (солдаты из 5-го батальона легкой пехоты майора Лоунила)!

Генерал Хохбаум назначил полковника Шулера ответственным, поручив организовать взрыв прежде, чем финны используют мост в своих целях. К несчастью, полковник Шулер не располагал вооруженной охраной и не мог воспрепятствовать финнам, достаточно давно вышедшим из Рованиеми и уже проделавшим значительную часть пути на север, к арктическому шоссе.

Чтобы обеспечить безопасность южной оконечности моста, Шулер попросил две стрелковые роты из нашего 3-го батальона, и мы выделили полковнику 12-ю и 13-ю роты.

Роты заняли позиции по обе стороны от моста и спустя непродолжительное время оказались вовлечены в перестрелку, чтобы сдержать продвижение финского 5-го батальона легкой пехоты.

Три часа саперы готовили мост к взрыву, а в это время немецкие и финские солдаты обменивались выстрелами. Под самым носом у преследовавших нас финнов мост успело перейти множество небольших подразделений 7-й горной дивизии, численностью от отделения до взвода. Сразу после 21.00 12-я и 13-я роты получили приказ отойти по мосту на наш берег. Солдаты преодолели 500-метровый отрезок одним решительным броском, под плотным огнем наследавших на них финнов. В ту минуту, когда все немецкие солдаты до единого оказались на северном берегу, саперам был отдан приказ — и в 21.32 мост взлетел на воздух![37] Чудесным образом в этой операции не было потеряно ни одного немецкого солдата.

С исчезновением моста исчезла и опасность преследования через широкую водную преграду. Тем не менее

в течение ночи с 14 на 15 октября 3-й батальон, остававшийся в арьергарде корпуса, занимал позиции по обеим сторонам дороги на Муонио. Вполне ожидаемо, этой ночью был обнаружен и отогнан финский разведывательный патруль, после чего в середине дня 15 октября батальон продолжил марш.

Из этой точки, находившейся в нескольких километрах к северу от Рованиеми, батальону предстояло совершить переход до районов, расположенных на севере, за Полярным кругом. Подразделение вновь пересекло Полярный круг и направилось в южном направлении лишь по истечении первой недели декабря.

Где-то по пути мы набрали на брошенный склад снабжения германской армии. Наскоро проведенная разведка принесла новость о том, что на складе хранятся продукты неслыханного качества: французский коньяк и другие алкогольные напитки, копченая ветчина в банках и шоколад — зрелище, поистине фантастическое! Каждый мог взять столько, сколько захочет — имея в виду, что понесет это на себе. Самые умные запаслись сливками для кофе «Милкмэйд» с сахаром и высоким содержанием жира. Этот продукт обеспечивал достаточно калорий для марша в условиях холодной погоды, а заодно скрашивал горечь эрзац-кофе!

Кто-то высказал мысль, что эта странная коллекция продуктов была распределительным пунктом, обеспечивавшим летчиков из Люфтваффе. Главнокомандующий Люфтваффе рейхсмаршал Герман Геринг славился своей щедростью в отношении пилотов (хотя с середины 1944 года его щедроты доставались в основном пилотам «Ягдваффе», то есть — истребительной авиации), и найденный склад вполне мог предназначаться Люфтваффе, атаковавшей конвой, которые следовали в Мурманск.

Находясь в арьергарде, 3-й батальон следовал в темпе, диктовавшемся продвижением многочисленных подразделений, отступавших впереди нас. Добравшись

20 октября до деревни Киттила, усталые пехотинцы отдохнули еще один день, ожидая, когда начнут дальнейшее движение многочисленные подразделения отступающей германской армии.

Миновав покинутый город Сиркка, где когда-то располагалась школа финской армии по подготовке к ведению «лесной» войны, а также проходило обучение спецназа, 3-й батальон вышел к перешейку между озерами Ервисъярви и Акасъярви. Эта естественная преграда в 210 км от Рованиеми в течение двух дней являлась безопасной оборонительной позицией 3-го батальона, развернутого в направлении приближавшихся финнов на восток и юг.

Ныне враждебные финские войска следовали за нами на чуть более близком расстоянии. После перестрелки с проявившим излишнее любопытство финским патрулем, мы допросили финского пленного, рассказавшего, что за нами следуют части 11-й дивизии генерала Хейсканена. На второй день, 28 октября, на перешейке был замечен финский патруль, задачей которого, как показалось, было лишь поддержание визуального контакта с арьергардом германских войск. Мы оставили патруль в покое.

В тот же день 3-й батальон вышел на последний отрезок пути отхода корпуса и совершил 30-километровый марш до Муонио. Вскоре после того как колонна приняла обычный маршевый порядок, впереди послышались звуки автоматных очередей. Подойдя к пересечению в районе Сяркиярви, где дорога на Палластунти сворачивала на север, мы встретили высланные вперед грузовые машины обеспечения. Менее чем в 3 километрах к северу от перекрестка грузовики попали в засаду финских сил, в результате понеся потери — первые в нашем полку за весь период отступления по территории Финляндии. Среди убитых был оберштурмфюрер фон Халлаш, командир 6-й роты 2-го батальона, попавший в засаду вместе с транспортом и отрезанный от своего батальо-

на. Очевидно, наши бывшие союзники обошли колонну прикрытия и можно ожидать нового нападения.

Несмотря на то, что было всего 14.00, поле боя поглотила ночь. Колонна продолжила движение. На этот раз вперед выслали стрелковые роты. Менее чем через час финны остановили наше продвижение, открыв яростную стрельбу из автоматического оружия. Примерная оценка ситуации выявила значительные силы противника (2-й и 3-й батальоны финского 50-го пехотного полка из 11-й пехотной дивизии), занявшие господствующий над местностью лесистый гребень, с которого хорошо просматривалась дорога на Муонио. Перед занятой финнами позицией лежала полоса тундры или открытого, замерзшего болота.

Командиры рот и штаб батальона собрались на совещание за массивной скалой справа от дороги, обеспечивавшей прикрытие и маскировку¹. План действий выглядел следующим образом.

Фаза сближения:

- 13-я рота выдвигается на край болота по правой стороне дороги;
- 6-я и 7-я роты выдвигаются к краю болота слева;
- 14-я рота с тяжелыми пулеметами и 10 батальонных минометов калибра 81 мм занимают позицию непосредственно на дороге, укрывшись за поворотом;
- 12-я рота скрытно обходит слева — так, чтобы сблизиться с правым флангом противника под некоторым углом.

Фаза отвлекающей атаки:

При контакте с противником 12-я рота открывает огонь, отвлекая финнов от направления основного удара.

Фаза основной атаки:

¹ В отсутствие командира батальона командиры рот «назначили» координатором боевых действий батальонного адъютанта.

— пулеметы и минометы открывают огонь, подавляя противника и обеспечивая атаку пехоты.

— 6-я, 11-я и 13-я роты атакуют финнов по двум сторонам дороги и сбрасывают сбитого с толку противника с гребня.

Атака началась почти так, как было запланировано. Примерно в полночь 12-я рота столкнулась с противником примерно в 1500 метрах левее дороги и развернула финнов на себя, вынуждая сосредоточить усилия на их правом фланге. После этого еще три стрелковые роты атаковали финнов в лоб, при поддержке батальонных тяжелых пулеметов и минометов, стоявших всего в 100 метрах за тактическим КП батальона.

«Сражение при Муонио» хорошо описано финским историком Сампо Альто.

«Стороннему наблюдателю невозможно представить всю ярость ночного боя, развернувшегося той октябрьской ночью у Саркиниеми, и то, какое искусное тактическое руководство тогда требовалось. Результат известен: финский батальон [2-й батальон 50-го пехотного полка] под командованием раненного в бою майора Маннинена вынужденно отступил перед дерзкой лобовой атакой немцев». [38]

В трехчасовом бою арктической ночью усиленный 3-й батальон 12-го горнопехотного полка СС атаковал и обратил в бегство два батальона финской пехоты, до этого занимавших выгодную блокирующую позицию. Увидев, что 2-й батальон отходит, 3-й батальон финского 50-го пехотного полка немедленно отступил в западном направлении. Находившийся в полковом резерве финнов 1-й батальон 50-го полка в том бою не участвовал.

На рассвете разведка доложила, что финские позиции пусты. Дорога на Муонио была открыта.

Обе стороны понесли потери. Финны официально заявили 27 человек убитыми в бою и 105 ранеными.

Раненых пришлось нести на руках: 30 километров по пересеченной местности — это немало даже для самых выносливых бойцов! Германские потери составили 12 убитых и 40 раненых. Всех вывезли на грузовике в Муонио, находившийся всего в шести километрах. В числе раненых оказался командир 12-й роты оберштурмфюрер Шиндлер, возглавлявший отвлекающий маневр и дестабилизировавший правый фланг финнов, чтобы открыть их фронт для главного удара. Ему пристрелили мошонку¹.

При свете дня 29 октября измотанные солдаты 3-го усиленного батальона продолжили марш в направлении Муонио. У дороги их встретил командир полка штандартенфюрер Шрайбер. Он хотел лично поздравить и ободрить солдат своего 3-го батальона, с таким успехом пробившихся из финского окружения. После того как командир батальона доложил и отдал ему честь, Шрайбер снял с груди свой Железный крест 1-й степени и прикрепил эту награду к кителю командира батальона — как знак высокой оценки подразделения в целом. Мы, в свою очередь, были искренне горды такой похвалой, полученной от нашего командира полка.

После ночного отдыха непосредственно за северной окраиной Муонио, которую отделяла от нейтральной Швеции только река Муонио, 3-й батальон подготовился совершить еще один 200-километровый переход на север, к финско-норвежской границе. В первый раз за тридцать четыре дня подразделение освободили от обязанности прикрывать отступление 18-го горного корпуса — задачи, которую батальон полностью выполнил. Мы были готовы двинуться навстречу всему, что приготовила для нас война. Но до начала марша произошло

¹ Оберштурмфюрер Шиндлер выжил после ранения, но ему не пришлось дожить до конца войны. После возвращения к командованию своей ротой на Рождество он убит в окопе прямым попаданием американской мины на второй день боевых действий против американских войск в Вогезах.

досадное событие, которое, как мы позже поняли, оказалось знаковым для всего будущего хода войны.

Дорога, по которой нам предстояло следовать, шла строго на север, прямо вдоль берега реки Муонионеки, которая находилась непосредственно слева. Во многих местах река уже замерзла на всю свою 400-метровую ширину. Предваряя «некороющие» мысли, которые могли возникнуть в такой географически нетипичной ситуации, из штаба корпуса поступил приказ, который следовало зачитать каждому солдату до выхода из Муонио. Приказ в зловещих выражениях предупреждал о недопущении попыток дезертирства в Швецию. Оскорбительный тон усугублялся тем, что в случае дезертирства неминуемая кара падала на семьи дезертиrov. Ненужное, сбивающее с толку устрашающее заявление было оскорбительным и унизительным: ни один человек из нашей дивизии всерьез даже не думал о том, чтобы бросить своих товарищей! Событие полностью противоречило высокой оценке, полученной нами всего за день до этого.

День ото дня пейзаж становился все более и более арктическим. Хотя температура уже много дней не поднималась выше нуля, теперь начались снегопады.

Растительность также становилась все более редкой. Хотя в первые дни марша нам попадалось достаточно деревьев, пригодных для изготовления длинных палаточных стоек, то вскоре деревья исчезли, уступив место низкорослым кустарникам. Стойки для палаток пришлось нести на себе до конца пути.

Марш продолжался без каких-либо инцидентов. Дневной переход составлял около 30 километров, иногда больше, иногда меньше; на каждый 200-километровый отрезок полагался один день отдыха. Во время этой остановки мы написали представления для награждения отличившихся в сражении при Муонио и передали их на утверждение командиру полка.

В маленькой финской деревушке Кааресуванто мы прошли через устрашающего вида «Таранную позицию», построенную для защиты выхода на «Рейхштрассе 50». 50-е шоссе было не только главной дорогой в этом районе, но также единственным путем для отхода 19-го и 36-го корпусов. В этих внушительных бастионах держали оборону солдаты 7-й горной дивизии, наши соседи, стоявшие к югу от Кестенъги.

Последнюю ночь на финской земле мы провели в уникальном месте. Слева от дороги был 100-метровый обрыв, круто падавший в озеро Килписъярви. Правая сторона дороги была пробита в выпуклом скальном основании, на котором стояла священная гора лаппов Саана. Бойцам 3-го батальона не оставалось ничего другого, как установить палатки справа от дороги в дренажной канаве в одну линию, вытянувшуюся на 4 или 5 километров. Поскольку здесь не было возможности организовать оборону, мы очень надеялись на наших товарищей из 7-й горной дивизии, занимавших «Таранную позицию» за нашими спинами!

В ту последнюю ночь в Финляндии многие вспоминали пережитое за те три с половиной года, когда мы сражались плечом к плечу с финскими союзниками. Они казались верными и надежными товарищами по оружию. Понадобилось много лет, чтобы мы поняли ужасное положение, в котором они оказались, и простили то ощущение предательства и крушения веры, которое нас тогда охватило. Предательство финнов казалось вопиющим бессовестным тем солдатам, чье понимание чести строилось более всего на верности своему долгу.

Годы войны среди дикой природы Лапландии и в бесконечных карельских лесах значительно изменили сам характер дивизии «Норд». Мы прошли очень большой путь с того солнечного весеннего дня 1941 года, когда бодро ехали в Финляндию на грузовиках, вездеходах «фольксваген» и мотоциклах с колясками. Многие из тех первых бойцов, не умеющих воевать, лежат сейчас

под деревянными крестами и «рунами жизни»¹ на кладбищах бывшего Советского Союза².

За три года войны дивизия «Норд» выросла и закалилась, обновив ряды за счет пополнений из молодых и хорошо обученных солдат. Вероятно, лучше всего об этом сказал финский историк Сампо Ахто:

«Оперативная группа СС «Норд», появившаяся в Лапландии летом 1941 года, состояла из плохо обученных резервистов, за действиями которых финны следили с крайним изумлением, смешанным с жалостью. К осени 1944 года горная дивизия СС «Норд» стала совершенно другим воинским формированием. Неустанная боевая учеба в сочетании с немецкой тщательностью и многолетним опытом ведения позиционной войны сделали из дивизии крепкого оппонента для какого угодно противника». [39]

От Хейлигскогена к горам Хардта

В ночь 7—8 ноября 1944 года батальон перешел финско-норвежскую границу неподалеку от финского селения Килписъярви. Всего за пару часов до этого колонна потеряла одну повозку — полевую кухню и двух лошадей. Колеса повозки потеряли сцепление на узкой, сплошь заледеневшей гравийной дороге, кухня

¹ Солдат Ваффен-СС предавали земле, отмечая могилы не иначе как «руной жизни» — скандинавским («нордическим») языческим символом в виде заглавной буквы «Y» с расширенным центральным элементом. Как уже упоминалось ранее, сочетание этого символа с «руной смерти» образовало «хагел-руне», или «снежинку», ставшую опознавательным знаком дивизии.

² К сожалению, после распада Советского Союза в начале 1990-х годов кладбища подвергались отвратительному осквернению и массовому разграблению могил. Одно из кладбищ вообще оказалось перепахано при расширении железнодорожного полотна, а кости без разбора сброшены в несколько неотмеченных мест. В момент написания этой книги проходили трудные и деликатные переговоры для перемещения останков тысяч солдат «Норда» и германской армии в более безопасные места.

сокользнула в левую сторону, перевернулась и летела еще 100 метров, прежде чем рухнуть в озеро Килписъярви, лежавшее как раз на границе со Швецией. К счастью, возчик успел вовремя спрыгнуть в сторону.

9 ноября батальон построился в Хейлигскогене (норвежский эквивалент названия «Holywood»), в самой южной точке Линген-фьорда. Здесь отличившиеся в сражении при Муонио получили Железные Кресты 1-го и 2-го классов. Тогда же батальон перешел под начало нового командира. Командование батальоном принял гауптштурмфюрер Курт Крецингер, 31-летний выходец из Судетов¹.

На следующий день батальон продолжил марш и вышел в Скиботн, самую северную точку на всем пути через Норвегию². Отсюда, еще не зная того, мы двинулись на юг, и в итоге это движение закончилось в самой южной точке нашей военной «одиссеи» — в Вингене-на-Модере!

Помимо прочего, нам приходилось следовать приказам о режиме использования узкого 50-го шоссе, в дневное время предназначенного строго для движения моторизованного транспорта. Мы двигались пешим ходом в темноте, с 18.00 вечера до 6.00 утра следующего дня, а остальное время отдыхали в палатках, поставленных в ближайшем лесу, готовясь к следующему переходу. Отдых был необходим, поскольку ночной марш составлял, как правило, от 30 до 35 км.

В целом пеший марш через Северную Норвегию был утомительным, но проходил без особых приключений — кроме одного случая...

¹ Гауптштурмфюрер Крецингер, командовавший 6-й ротой в атаке около Муонио, оставался командиром 3-го батальона во время сражения за Винген-на-Модере.

² Скиботн стоит на параллели с координатой 69 градусов 24 минуты северной широты. Для сравнения, Пойнт-Хоуп (Аляска) находится на широте 68 градусов 21 минута.

В воскресенье 12 ноября, примерно в 11.00, солнце вовсю светило, а батальон уже около пяти часов находился на отдыхе. К своему удивлению, мы вдруг услышали, а затем и увидели большую группу бомбардировщиков «Ланкастер», летевших на большой высоте в северном направлении. Через некоторое время мы услышали звуки пальбы зенитных батарей, стоявших в окрестностях Тромсе. Как оказалось, бомбардировщики Королевских BBC произвели тогда одну из самых успешных противокорабельных операций союзников в Европе, а именно, атаку на группу кораблей германского военного флота, эскортировавших линкор «Тирпиц». Корабли из группы «Тирпица» имели задачу уничтожать союзные конвои в Баренцевом море до того, как они смогут зайти в порт Мурманска и выгрузить предназначенные для Советов снаряжение и боеприпасы. Таким образом, уничтожение «Тирпица» являлось приоритетной задачей Королевских BBC, и в тот день они добились значительного успеха. «Ланкастеры» застали самый большой из оставшихся у Германии боевых кораблей врасплох, когда линкор стоял на позиции для нападения на конвой союзников в бухте порта Тромсе, примерно в 15 км к северу от нашего лагеря. «Тирпиц» опрокинулся, унося с собой тысячи моряков команды. В следующие несколько суток марша, несмотря на темноту, нам много раз приходилось сходить с дороги, чтобы пропустить автомобили технических служб, спешившие доставить в Тромсе оборудование для вырезания проемов в корпусе корабля и спасения запертого внутри экипажа. В конечном счете около 1000 немецких моряков спасти не удалось. Все они погибли в перевернутом «Тирпице». [40]

Следующей ночью мы прошли аэродром Люфтваффе в Бардуфоссе. Единственным офицером на аэродроме оказался дежурный — потому, что по приказу рейхсмаршала Геринга все офицеры базы Люфтваффе сидели под арестом в ожидании суда военного трибунала. Офицеры этого аэродрома отвечали за воздушное при-

крытие «Тирпица». Видимо, предшествующим вечером они что-то отпраздновали и в момент налета «Ланкастеров» оказались «не в форме», хотя заблаговременно получили оповещение.

Неожиданно батальону удалось отдохнуть во время долгой стоянки в Сетермюене. Неделя ушла на то, чтобы переполненную дорогу впереди нас освободили для движения. Наконец мы получили приказ выйти к заливу Гратанген и погрузиться на один из датских железнодорожных паромов, совершивших рискованный переход в этот район Арктики.

Эти паромы строились для плавания в спокойных водах между прибрежными городами Дании и никак не годились для выхода в океан. Все это было вызвано необходимостью обойти узкое место, образовавшееся в Нарвике¹. После примерно 20-часового морского путешествия мы высадились в маленьком порту к северу от Фауске, где сделали очередную остановку. Здесь, как и в других частях Норвегии, мы не сталкивались ни с ненавистью, ни даже с враждебностью со стороны местного населения. Мы не ожидали этого — ведь, в конце концов, Норвегия более четырех лет находилась под германской оккупацией. В худшем случае наше появление воспри-

¹ Гауптштурмфюрер Крецингер приказал автору добраться до Нарвика и договориться с офицером, отвечавшим за транспортное обеспечение, о способе дальнейшего продвижения нашего батальона в южном направлении. Командир выделил мне машину и водителя, солдата-срочника, но не смог выписать проездные документы, необходимые для такой дальней поездки. В тот момент любое перемещение моторизованного транспорта тщательно контролировалось военной полицией и поездка без документов могла закончиться немедленным арестом! Но нам улыбнулась удача. Когда мы поворачивали на 50-е шоссе в сторону Нарвика, перед нами проехала большая штабная машина, явно следовавшая в тот же пункт назначения. На машине был флагшток армейского корпуса, и на заднем сиденье находился командающий. На каждом посту военной полиции по дороге до Нарвика, как только поднимался шлагбаум, я сразу тыкал пальцем в сторону генеральской машины и делал вид, что мы являемся частью его кортежа. Это всякий раз срабатывало — и мы успешно выполнили поставленную задачу!

нимали равнодушно. Многие обитатели этих мест были настроены дружелюбно.

Местом нашего назначения оказался поселок Мо-и-Рана, находившийся в 185 км от Фауске. В 1944 году Мо-и-Рана был самым северным терминалом норвежской железной дороги¹. Чтобы достичь конечной точки долгого и утомительного пешего перехода, нам следовало пересечь Полярный круг, двигаясь с северного направления по продуваемой ветрами, забытой богом, за-снеженной и дикой земле. 10 декабря батальон прибыл в поселок Мо-и-Рана. С тех пор, как 8 сентября мы покинули фронт на участке Кестенъга — Лоухи, батальон преодолел расстояние почти в 1600 километров, каждый из которых был пройден своим ходом, иногда — с боями и перестрелками.

После короткого отдыха с обязательным посещением станции санобработки все подразделения батальона загрузились в железнодорожный эшелон. Железнодорожная станция показалась нам «землей обетованной». После короткой однодневной стоянки в Трондхейме последовало длительное железнодорожное путешествие в столицу страны — Осло. Большинство подразделений из состава батальона прибыли в Осло 15 или 16 декабря, но некоторые были направлены прямо в прибрежный город Мосс, расположенный близ южной оконечности Осло-фьорда.

19 декабря батальон покинул Норвегию, погрузившись на борт грузовых судов в Осло и Моссе, и направился в Данию.

Ночью в сопровождении торпедных катеров и эсминцев конвой благополучно пересек пролив Скагеррак.

¹ Конечно, существовала хорошо всем известная «Рудная железная дорога», соединявшая район добычи железной руды в шведской Кируне и порт Нарвик в Норвегии, через который шведская руда шла на экспорт. Но эта линия всегда считалась продолжением шведской железнодорожной сети, или дорогой «Норланд».

Мы ожидали атаки союзных бомбардировщиков и подводных лодок, но ничего этого не случилось¹.

Ранним утром 20 декабря мы пришли в порт Орхус на восточном побережье Дании. На следующее утро всех офицеров собрали в лучшем отеле города для получения дальнейших инструкций. Здесь мы узнали, что дивизии предстоит участвовать в операции «Вахт ам Рейн» («Вахта на Рейне») — наступлении в Арденнах, командовать которым назначен генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт. (Союзники назвали эту операцию «битвой за выступ» — по форме оборонительных линий, сложившихся в результате немецкого наступления в секторе 1-й армии США.) Все присутствовавшие на совещании отчетливо поняли, что поскольку операция уже началась пять дней назад, то и части дивизии будут направляться на фронт в срочном порядке, побатальонно, по мере прибытия в Данию. Никаких увольнений не полагалось. Все надежды попасть в отпуск домой и немного отдохнуть после 1600-километрового марша оказались напрасны!

В тот же день наш батальон погрузили в поезд и перевезли в Колдинг, находившийся на полпути к датско-германской границе. В Колдинге и ближайших к этому прелестному датскому городу деревнях вновь прибывшие роты батальона стояли несколько дней. Поскольку за прошедшие три месяца все сильно обносились, в течение сорока восьми часов после прибытия каждый военнослужащий получил новую форму, нижнее белье, носки и обувь. Мы с энтузиазмом получили новые вещи.

Также мы поменяли испытанные и надежные пулеметы МГ-34С на новые пулеметы МГ-42С. Пулеметы МГ-42 обладали намного большей скорострельностью,

¹ 6-ю горную дивизию СС «Норд» предполагалось срочно ввести в бой. 22 ноября главнокомандующий Вермахта генерал-полковник Альфред Йодль приказал командающим германскими силами в Норвегии и Дании, а также командованию флота уделить особое внимание переброске нашей дивизии. (Приказ OKW WFStOp (H) NORD Nr. 0013683/44gKdos-Berlin, 22.11.44)

и это «усовершенствование» самым критическим образом сказалось в предстоявшем сражении за Винген, когда мы были отрезаны от основных сил и израсходовали боеприпасы намного быстрее, чем в случае использования более привычного оружия¹.

Наконец, батальоны нашего полка были существенно реорганизованы. В состав каждого батальона ввели дополнительную роту. Эта новая рота представляла собой «тяжеловооруженное» подразделение, состоявшее из одного взвода с двумя 75-мм пехотными гаубицами и одного взвода из четырех минометов калибра 120 мм. В сражении за Винген участвовал лишь один взвод из роты тяжелого вооружения, поскольку формирование этой роты не было завершено к моменту входа в бой егерских (стрелковых) рот батальона.

Добавление трех рот влекло серьезные изменения в нумерации частей полка. Ввиду того, что роты нашего полка нумеровались последовательно, три линейные (стрелковые) роты имели номера 11-й, 12-й и 13-й, рота тяжелых пулеметов — 14-й, а штабная рота (включавшая взвод связи, саперный взвод и взвод тяжелых минометов) — номер 15-й. Теперь, с добавлением трех дополнительных рот тяжелого вооружения, номера линейных рот и роты тяжелых пулеметов увеличились на двойку (эти роты получили номера 13-й, 14-й, 15-й и 16-й), новая штатная рота тяжелого вооружения стала 17-й ротой, а штабная рота батальона получила номер 18-й. Это вызвало серьезные трудности в связи и управлении подразделениями, и до сих пор приводит к путанице в воспоминаниях ветеранов.

В своей книге я использовал более привычные изначальные наименования рот — тем более что рота тяжелого вооружения не принимала участия в рейде на Винген.

¹ Практический темп стрельбы из пулемета MG-34 составлял 120 выстрелов в минуту против 250 выстрелов в минуту для MG-42. Техническая скорострельность — 900 и 1400 соответственно.

Для уставших и разочарованных бойцов 3-го батальона 12-го горного полка «Михаэль Гайссмайр», не попавших домой на Рождество, оставалась еще одна возможность для отдыха. Прежде чем снова отправиться в бой, мы провели Рождественский сочельник и часть дня Рождества в Южной Юлландии (или датской Ютландии) в окрестностях Колдинга. По крайней мере, мы получили хоть какую-то компенсацию.

Отсюда война представлялась такой далекой, даже незнакомой. Что более важно, нас хорошо кормили, как никогда за эти несколько лет. Тыловики и ротные чиновники изворачивались, как могли, в старании достать для наших ребят все самое лучшее из провизии и напитков. И... некоторые из нас встретили симпатичных и отзывчивых датских девушек.

С Рождеством пришел и наш приказ грузиться по вагонам. Батальону без одной 14-й роты (тяжелых пулеметов), оставленной в южной Норвегии, предстояло во второй половине дня Рождества разместиться в двух отдельных составах, стоявших на грузовой станции Колдинг, и покинуть Данию. После этого составы предполагалось «сопроводить» в Германию. Чтобы обеспечить строгое выполнение этого плана, Берлин срочно, в день Рождества, направил в Колдинг высокопоставленного офицера, отвечавшего за транспорт в Дании (армейского полковника из штаб-квартиры в Копенгагене), чтобы тот лично наблюдал за погрузкой и сам доложил о нашей отправке главнокомандованию Вермахта (ОКВ).

Мы покинули гостеприимный Колдинг и к исходу дня 25 декабря 1944 года пересекли датско-германскую границу.

За этим последовал кошмарный 750-километровый путь по опустошенной войной Германии, длившийся четверо суток вплоть до позднего вечера 29 декабря. Кон-траст поражал воображение: мы покинули безмятежно-мирную прекрасную Данию и ехали через страну, испытавшую адочных налетов Королевских ВВС и дневных

ударов американских бомбардировщиков. Наш эшелон проходил в стороне от многих крупных городов, таких как Гамбург или Франкфурт-на-Майне, но везде горели пожары, видимые издалека.

Ранним утром 28 декабря мы пересекли Рейн к югу от Гейдельберга. Узнав очертания этого исторического города, мы поняли, что направляемся вовсе не в Арденны. Конечная цель маршрута оставалась загадкой.

На левом берегу Рейна наш поезд перешел на ночной режим движения. Теперь мы находились в зоне действия истребителей-бомбардировщиков союзников. Мы очутились в стране воздушных «охотников»!¹ Чтобы спрятаться от крылатых охотников, непрерывно искающих подходящую мишень для своих бомб, ракет и даже пулеметов, машинисты должны были на рассвете отцепить состав (вместе с пассажирами) и уйти налегке в любое подходящее укрытие. Поезда были для пилотов едва ли не самой желанной добычей! В ясный день (какой выдался 28 декабря) не оставался в безопасности ни один наземный объект мало-мальски военного назначения. По этой причине поезда двигались только ночью — и точка!

После наступления темноты наши локомотивы вернулись из укрытий. Ночью состав очень медленно протащили вперед на 65 километров. К этому моменту поезд достиг туннеля, представлявшего хорошую защиту в течение грядущего дня. Здесь локомотивы снова отцепились от состава, оставив нас в относительной безопасности.

29 декабря, на закате, появились «охотники». Немедленно обнаружились ужасающие недостатки нашей позиции. Несмотря на то, что один состав был надежно

¹ «Охотники» — это истребители-бомбардировщики союзников. На нашем участке действовали в основном американские P-51 «Мустанг» и P-47 «Тандерболт».

укрыт внутри туннеля, второй, в котором находились 12-я и 13-я роты, из-за недостаточной длины туннеля почти весь оказался снаружи. И хуже всего, что путь перед входом в туннель лежал в глубокой расщелине, расположавшейся под крутыми горными склонами. Егерям из рот, оказавшихся на виду у летчиков, было некуда укрыться.

Самолеты совершили около полудюжины заходов, и все это время солдаты 12-й и 13-й рот в ужасе карабкались по обеим стенкам расщелины, стараясь добраться до поросшего лесом верхнего края. Тем не менее было убито 14 человек и приблизительно вдвое больше — ранено. Потеря стольких людей до того, как мы получили возможность вступить в бой, не предвещала ничего хорошего.

Темным и холодным вечером того же дня эшелон благополучно достиг Пирмазенс-Норда и Цвайбрюкена в Палатинате (Пфальц). Всего за несколько часов до нашего прибытия железнодорожная станция в Цвайбрюкене была сильно разбита в результате авианалета.

К тому же в городе разбомбили главный почтамт. Чтобы отправить донесение офицеру, ответственному за транспорт, нам пришлось по свежим обломкам кирпича пробраться в подвал, где перепуганная, закутавшаяся в одеяло замерзшая телефонистка пыталась заставить работать то, что осталось от телефонной связи. Спустя какое-то время ей удалось получить соединение. Сообщив о прибытии обоих эшелонов при помощи кодового номера, мы получили от офицера по транспорту ответ, из которого следовало, что очередным пунктом нашего назначения и расквартирования были деревни Людвигсвинкель и Эппенбрунн. Первая находилась примерно в тридцати, а вторая — примерно в двадцати километрах от Пирмазенса. Оба населенных пункта представляли собой маленькие городки, примостиившиеся на поросших лесом склонах гор Хардт, на французской стороне

границы называемых низкими Вогезами. Опять предстояло идти пешком.

Оба городка находились всего в нескольких километрах от границы между Германией и Францией, к востоку от Битче, отмеченного в истории французского пограничного города с внушительной крепостью XVIII века Ваубан. Несмотря на предпринятые в середине декабря попытки американцев взять этот город, являвшийся укрепленным бастионом линии Мажино, на данном этапе войны он еще оставался в наших руках.

В ноябре, с приближением 17-й американской армии, все гражданское население Людвигсвинкеля вывезли в Баварию, в окрестности Вюрцбурга. Основанный в 1783 году Людвигом IX, ландграфом Гессен-Дармштадтским, Людвигсвинкель оказался прелестным маленьkim городком для курортного отдыха, предлагавшим любителям природы множество походных маршрутов. К этому времени мы очень хорошо познакомились с природой, и вскоре нам предстоял поход, едва ли доступный гостям этого курорта.

Вечером 30 декабря и в течение наступившей ночи роты батальона прибыли в оба назначенных нам городка. Благодаря облачной погоде, стоявшей весь день, нам не помешали «охотники».

Задолго до нашего появления Людвигсвинкель и Эппельбрунн были переполнены германскими частями всех видов. Здесь нам впервые встретились воинские формирования со странными и непривычными обозначениями, например дивизии фольксгренадеров или «народной пехоты». Как мы узнали, одна из таких частей, находившаяся недалеко от нас, была сформирована из остатков бывших пехотных дивизий, понесших настолько сильные потери, что их воссоздание в прежнем виде оказалось невозможным. В сравнении с полноценной дивизией, состоявшей из трех полков, в каждом из которых имелось три батальона, эти новые дивизии имели всего по два полка из трех батальонов или по три полка

из двух батальонов. Несмотря на то, что для компенсации боевых возможностей, снизившихся из-за отсутствия трех батальонов, в табельном расписании такой дивизии предусматривалось необычно большое количество автоматических винтовок (новых штурмовых винтовок MP-43 и MP-44, предваривших возникновение линейки советских послевоенных автоматов Калашникова), автоматов и пулеметов — все же старая структура больше соответствовала германской доктрине применения пехоты. В результате выполнение боевых операций новыми частями значительно осложнялось.

Проблемы фольксгренадерских дивизий усугубляла ситуация с личным составом. Хотя дивизии формировалась вокруг опытных офицерских кадров с частичным привлечением таких же опытных (но измотанных боями) младших командиров, в эти части набирали молодых солдат-срочников, до этого служивших в основном в авиационных или флотских подразделениях, уже не имевших самолетов и кораблей. Эти люди проходили ускоренную переподготовку для освоения самых примитивных навыков пехотинца, и их бросали в бой не позднее чем через два месяца.

Мы также встречали бойцов из «батальона желудочников» (в буквальном смысле). Этих долго признавали негодными к воинской службе по причине какого-либо серьезного недуга. Теперь этих людей собрали вместе в подразделениях с особым рационом питания (снабжавшихся, к примеру, белым хлебом), приемлемым для их ослабленного организма. Эти части были последним резервом когда-то могучего «тысячелетнего рейха».

Такие картины были чужды для бойцов «Норда», которых не сломили три с половиной года войны с Советами на арктическом фронте. Именно здесь, в Людвигсвинкеле и Эппенбронне, у них начала закрадываться, или даже настойчиво пульсировать в голове мысль: а может ли Германия выиграть эту войну? Сможет ли Гер-

мания хотя бы добиться перемирия? Накануне битвы такие мысли отнюдь не добавляли спокойствия.

Несмотря на скученность, нашим бойцам удалось найти место, чтобы поспать до утра: хотя неизвестно, когда именно начнется схватка, ясно, что ждать осталось недолго.

Наконец наступил последний день наполненного событиями 1944 года. Приехав в Эппенбрунн, чтобы доложиться командиру полка штандартенфюреру Францу Шрайберу и поздравить его с награждением Рыцарским крестом, мы с Крецингером узнали, что в ближайшие 24 часа следует ждать приказа на переход границы.

Что принесет год 1945-й?

Стратегический и оперативный план операции «Нордвинд»

Операция «Нордвинд» замышлялась в качестве приложения к операции «Вахт ам Рейн» («Стража на Рейне») — то есть в помощь германскому наступлению в арденнских лесах, начавшемуся в декабре 1944 года. В этой наступательной операции, которую в Германии до сих пор называют «наступлением Рундштедта» (по фамилии генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта, в то время — главнокомандующего немецкими войсками на Западе), ставилась цель захватить ключевой порт Антверпен и отрезать 12-ю армию союзников от 21-й армейской группы. Гитлер надеялся таким способом достичь не только оперативного поражения 1-й армии США, но также, потенциально, путем раскола англо-американского альянса — одержать стратегическую победу на Западе.

Он вообразил, что логическим продолжением этого успеха могут стать сепаратные договоры о перемирии с союзными державами, подобные соглашениям, уже

заключенным с Румынией и Финляндией, причем не в пользу Германии.

Хотя операция «Нордвинд» не достигала масштабов, сопоставимых с размахом «Стражи на Рейне», в ней ставилась столь же значительная стратегическая задача по разъединению основных элементов из состава 6-й армейской группы по национальным линиям. Гитлер надеялся, что изоляция 7-й армии США от французской Первой армии не только позволит уничтожить американские части, зажатые в низких Вогезах и на Эльзасской равнине, но и внесет серьезный раздор и в без того натянутые отношения между Эйзенхауэром и де Голлем. [41]

Руководство операцией «Стража на Рейне» осуществлялось из штаб-квартиры фюрера, располагавшейся над селением Цигенберг к западу от Бад-Наухайма в горах Таунус. Именно здесь, в ставке, известной как «Адлерхорст» («Орлиное гнездо»), Гитлер и его помощники пытались достичь решительной победы на западе с 10 декабря 1944 года по 15 января 1945 года. Здесь же фюрер обдумывал план операции «Нордвинд»¹.

На третий день после начала операции «Стража на Рейне» главнокомандующий экспедиционными силами союзников генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр осознал, что германское наступление в Арденнах является все-таки крупнейшей операцией. Из штаб-квартиры в Фонтенбло он приказал 7-й армии США, развернутой между рекой Рейн и районом юго-восточнее Саарбрюекена, растянуть левый фланг армии до Сент-Эвойда, высвободив тем са-

¹ Ставку «Адлерхорст» возводили как подземную штаб-квартиру Гитлера зимой 1939/40 года в ожидании намеченного вторжения во Францию. Постройка обширных сооружений обошлась в значительную сумму, но до декабря 1944 года ставка не использовалась, поскольку в 1940 году Гитлер решил, что она расположена слишком далеко от фронта. Вместо этого фюрер перенес штаб-квартиру в Мюнстеррайфель (30 километров от Бонна), носившую кодовое наименование «Фельзенест» («Гнездо на скале»). Во время операции «Нордвинд» военный штаб Гитлера или располагался около самой ставки «Адлерхорст», или занимал казармы у южного выезда из Фрейдберга, в 15 километрах на юго-восток.

мым основные части 3-й армии для действий против левого плеча арденнского клина. Это решение заставило командующего 7-й армией генерал-лейтенанта Александра Патча увеличить протяженность линий обороны от 75 км до 135 км по фронту. [42]

21 декабря командующий 6-й армейской группой генерал Джейкоб Диверс приказал Патчу остановить наступательные операции на линии Мажино и «Западном валу» (союзники называли этот рубеж «линией Зигфрида») и перейти к обороне. В приказе подчеркивалось, что 6-я армейская группа должна в первую очередь удерживать территорию и лишь во вторую сберегать войска.

Хотя эти действия были предприняты для сохранения франко-американского боевого единства, решения американцев вызвали большой политический резонанс, поскольку де Голль не хотел без борьбы возвращать немцам недавно освобожденные французские земли. [43]

Результаты такого значительного растягивания сил по фронту 7-й армии стали очевидны германской разведке, отметившей, что американцы забросили оборонительные позиции у мостов через реку Саар и в целом сильно проредили линии обороны. Ослабление американской обороны предоставляло германскому главнокомандованию интересные возможности.

21 декабря, в тот же вечер, когда в штабе американской 7-й армии получили приказ о переходе к обороне, генерал-фельдмаршал фон Рундштедт приказал генералу, командовавшему группой армий «G», развить ситуацию всеми имевшимися средствами. Такое развитие включало не только мелкие локальные атаки, но и внезапное наступление, имевшее целью отбить у противника Савернский проход — главный проход, отделявший высокие южные Вогезы от низких северных. Необходимо было осуществить специальные мероприятия по безопасности, продумать будущие действия и подготовить

все для переброски целой армии на новый театр военных операций. [44]

22 декабря Гитлер приказал тщательно изучить возможность наступления силами двух бронетанковых и трех пехотных дивизий из района Битче в южном направлении. Задачей наступления было нанесение удара в тыл американским войскам и выход на Эльзасскую равнину близ Виссембурга. Гитлер также приказал сокращать высокую активность ведения боевых действий по всему фронту группы армий «G», с тем чтобы ввести в заблуждение и сковать войска противника.

В тот же день Рундштедт соответствующим образом изменил приказы, отданные группе армий «G». Теперь командующий намеревался использовать в наступлении на Савернский проход четыре пехотных и три мобильных (то есть бронетанковых или мотопехотных) дивизии, причем операцию следовало начать в первую неделю января. Группу армий «Оберрейн» («Верхний Рейн»), которой командовал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (подчинявшуюся ОКВ, но не фон Рундштедту), известили об этих намерениях и просили поддержать наступление атакой через Рейн с целью создания укрепленных позиций на западном берегу к северу и югу от Страсбурга.

Такие приказы получила группа армий «G» в лице командующего генерал-полковника Йоханнеса Бласковица. Бласковиц был одним из самых старых генералов (в возрасте 61 года), служивших в рядах армии Германии. Это он командовал группой армий «G» в сложный период отступления из долины Роны, после которого началось продвижение союзных сил с побережья южной Франции. В конце сентября Гитлер отстранил Бласковица, заменив его отмеченным многими наградами командиром, генералом бронетанковых войск Германом Балком. Впрочем, вскоре Бласковица восстановили в должности для участия в срочной подготовке к наступлению с целью отвоевать позиции в северном Эльзасе.

24 декабря Бласковиц вместе с полковником Хорстом Вилуцки (офицером оперативного отдела штаба группы армий «G») представили свою концепцию наступления фон Рундштедту. По словам полковника Вилуцки, при сопоставлении осей возможных атак группы армий «G» штаб Бласковица пришел к выводу о том, что наступление на запад от Нижних Вогезов неизбежно захлебнется на подступах к линии Мажино, на этом участке уже находившейся в руках американцев. Наступление к востоку от низких Вогезов не сулило ничего сверхпродуктивного и также не обещало потенциала для быстрого прорыва, а выход на Рейнскую равнину представлялся слишком очевидным решением. По мнению штаба армейской группы, единственным средством для достижения быстрого и значимого эффекта могла быть атака непосредственно в направлении северных Вогезов. [45]

На совещании у Рундштедта Бласковиц обрисовал наступление в виде двух независимых прорывов, причем, по его мнению, главный удар следовало направить из района юго-восточнее Битче. Наступление предполагалось вести силами двух корпусов (90-го и 89-го), в составе которых имелось четыре пехотных дивизии (36-я, 256-я, 361-я и 559-я фольксгренадерская) и одна бронетанковая (21-я танковая), а также бригада реактивных установок. Поддерживающую атаку предполагалось осуществить силами 13-го корпуса СС при использовании 257-й фольксгренадерской и 17-й мотопехотной дивизий СС, поддержаных батальоном «Ягдтигров» (тяжелых самоходных установок для борьбы с танками), двух рот бронированных самоходных установок «Хетцер» с огнеметами пневматического действия и «корпуса» полевой артиллерии. Все это намечалось ввести в бой восточнее реки Близ, чтобы не позволить 15-му корпусу армии США оказать помощь в районе, где сосредоточатся главные усилия германских войск. 25-ю бронегренадерскую дивизию держали в резерве для закрепления или развития успеха одной или другой атаки. Планиро-

валось, что в ходе Фазы I две атакующие группы прорвут оборону американцев и объединятся в Фальсбурге. Оттуда объединенные силы начнут продвижение на Саверн (Фаза II). В случае успеха наступающие войска должны перейти к Фазе III — прорыву в восточном направлении вдоль канала Рейн — Марна, поддерживаемому атаками группы армий «Оберрейн». Силы атакующих должны сомкнуться для окружения американских сил к северу от Страсбурга, а впоследствии для соединения с 19-й армией в «Кольмарском мешке»¹. После совещания главнокомандующий войсками на западе объявил о своем «полном согласии с этими планами» и подписал их для передачи на утверждение Гитлеру. Очень скоро Гитлер вызвал Бласковица, Вилуцки и фон Рундштедта на совещание, чтобы обсудить предложенную ими наступательную операцию.

По мнению полковника Вилуцки, Гитлер считал, что войска, развернутые в низких Вогезах, не смогут выдержать суровых зимних условий, и поэтому резко изменил характер предложенной операции. [46]

По его приказу статус наступления 13-го корпуса СС на запад от Вогезов повысили до «второго главного удара», придав атакующим частям соответствующие усиления. 21-я бронетанковая дивизия освобождалась от участия в первой атаке и вместе с 25-й мотопехотной дивизией образовывала мощный резерв группы армий. Гитлер предполагал, что в дальнейшем этот значительный бронерезерв будет использован для «дополнительного удара» в направлении оси любой из двух предпринятых атак — строго на запад или через низкие северные Вогезы.

Возможно, в этом решении заключалась определенная мудрость — несмотря на общеизвестную мелоч-

¹ 19-я армия, в конце ноября 1944 года отрезанная от группы армий «G» в результате американского прорыва в Верхних Вогезах, подчинялась командованию группы армий «Оберрейн».

ность Гитлера и его постоянное вмешательство в управление на данном этапе войны. Когда принимались эти решения, огромные колонны германской бронетехники уже двигались по обледенелым дорогам в глубь Арденн. В следующие 24 часа небо над Снежным Айфелем очистилось, и американские истребители-бомбардировщики вполне могли бы обрушить свой груз на застрявшие колонны германской техники. Выведенную в резерв 21-ю бронедивизию разместили в хорошо замаскированном районе менее чем в часе езды от районов потенциального боевого применения, не только сохранив этот драгоценный и непрерывно сокращавшийся актив, но и обеспечив гибкость оперативного маневра в направлении предстоящей атаки.

Также сыграла свою роль и озабоченность Гитлера качеством пехотных частей, принимавших участие в наступлении в северных Вогезах. Что до фольксгренадерских дивизий, то все четыре были укомплектованы людьми, никогда ранее не воевавшими в пехоте. Многие командиры, начиная от уровня роты, действительно имели большой опыт боевых действий, однако большая часть пехотных подразделений состояла из солдат, недавно переведенных из наземных частей Люфтваффе и германского военно-морского флота. До отправки в декабре в район боевых действий (поблизости от Битч-е) солдаты 257-й фольксгренадерской дивизии провели на групповых занятиях всего около месяца. Примерно столько же времени обучали солдат 256-й дивизии, еще не отошедших от осенних боев с англичанами в Голландии и позднее с американцами на Эльзасской равнине. Прошедшую летом такой же краткий курс боевой учебы 559-я фольксгренадерская дивизия продолжительное время участвовала в оборонительных и ретроградных боевых операциях против 3-й армии США в Лоррейне и Сааре. В то же время 36-я дивизия уже принимала участие в немалом числе оборонительных боев против того

же противника с момента августовской реорганизации и боевой учебы.

Хотя в декабре 361-й дивизии уже приходилось отступать на этом участке и местность была знакома, личный состав дивизии никогда не участвовал в наступлениях. Недостаток обучения выработке боевой слаженности и укреплению боевого духа солдат этих подразделений, вкупе с опытом неудачных оборонительных операций, не предвещали успеха в начале затянувшегося наступления. Люди, не обученные соответствующим образом, не могут совершить невозможного — вне зависимости от мотивации.

Но проблемы фольксгренадерских дивизий не ограничивались неудовлетворительной боевой подготовкой. Организационная структура дивизий разрабатывалась покушавшимся на жизнь Адольфа Гитлера в июле 1944 года полковником графом Клаусом Шенк фон Штаффенбергом, который исходил из оборонительного (в основном) характера будущих боевых действий.

В таких дивизиях большинство пехотных полков имели в составе всего по два батальона. Это означало, что в отличие от традиционной схемы трехбатальонного полка в ходе наступления оба батальона будут постоянно участвовать в атаках. При таком подходе у них не оставалось бы времени на отдых в резерве. Данная структура обеспечивала лишь короткие, «импульсные» атаки. Возможно, это заставило Гитлера задуматься о том, способны ли фольксгренадерские дивизии наступать в северных Вогезах в середине зимы.

Хотя изменения, внесенные Гитлером в первоначальный план Бласковица, имели некоторые достоинства, все же оперативный план германского наступления утрачивал целостность. Переименование двух атак в «главные» явно размывало первоначальный замысел прорыва в северных Вогезах. С другой стороны, сохранение в резерве такого мощного бронесоединения могло обеспечить

Блаковицу гибкость в развитии успеха, достигнутого на любом из двух направлений атаки.

Впрочем, эта гибкость была призрачной. Гитлер тут же лишил командующего группой армий «G» права распоряжаться этими силами, настояв, чтобы 21-я бронетанковая и 25-я мотопехотная дивизии вводились в бой только после «владения дорогой Винген — Ингвиллер». Кроме того, он передал более 90 штурмовых орудий и истребителей легких и средних танков, которые могли бы пойти на усиление противотанковых частей фольксгренадерских дивизий в северных Вогезах, в распоряжение 17-й мотопехотной дивизии СС, осуществлявшей прорыв на юг вдоль западной границы гор. При наличии двух рот бронегнеметов, батальона «Ягдтигров» и роты «Пантер» из 21-й бронетанковой дивизии 13-й корпус СС оказался усилен бронетехникой в той же степени, в какой были ослаблены 90-й и 89-й корпуса. Направить в северные Вогезы целую танковую дивизию — это уж слишком, но не дать вовсе ничего, по меньшей мере, неосмотрительно.

Поправки Гитлера к первоначально разработанному плану этим не исчерпывались. Не считаясь с мнением Блаковица, он настоял, чтобы взаимодействие с группой армий «Оберрейн» было начато не ранее чем через двое суток после начала операции, с этого дня получившей название «Нордвинд». Что в два раза превышало время, необходимое американцам для переброски войск с Рейнской равнины западнее, на участок германского наступления, хотя, если бы американцы действительно перебросили войска с Рейна в Вогезы, это соответственно увеличило бы шансы Гиммлера на успех.

На основе решений этого совещания, проведенного в канун Рождества, Рундштедт 26 декабря издал распоряжения по группе армий «G», включавшие все директивы Гитлера.

На Рождество генерал-полковник Блаковиц и полковник Вилуцки разъяснили сделанные в плане изме-

нения генералу пехоты Гансу фон Обстфельдеру, командующему 1-й армией — той самой полевой армии, которая должна была непосредственно управлять ходом операции «Нордвинд».

На следующий день получил инструкции лично командир 89-го корпуса генерал Густав Хоне. Штаб группы армий «G» продолжил свои инструкции в письменном приказе по подчиненным частям, куда тот был разослан 28 декабря в 20.00.

С самого первого совещания планирование и подготовка операции «Нордвинд» осуществлялись в условиях полной секретности. Ради сохранения элемента внезапности, в значительной мере определившего успех первых этапов операции «Страж на Рейне», было предпринято следующее:

— об операции «Нордвинд» информировались только командиры корпусов, дивизий и непосредственно подчиненные им офицеры соответствующих штабов. Предполагалось, что командиры частей более низкого уровня получат короткую вводную информацию непосредственно перед наступлением;

— чтобы не демаскировать вновь прибывшие части, разведывательные вылазки за сложившуюся на тот момент линию основной обороны выполнялись исключительно патрулями из частей, уже находившихся на месте;

— никаких перебросок частей в район окончательного сбора не производилось вплоть до ночи с 29 на 30 декабря. Позиции для атаки («прыжка») занимались всего за два часа до начала наступления. Для предотвращения обнаружения с воздуха любые перемещения войск проводились только в темное время суток;

— все подразделения, участвовавшие в наступлении, соблюдали радиомолчание. Для введения противника в заблуждение эти части вели обычный радиообмен в местах прежней дислокации;

— разведка дорог осуществлялась под прикрытием поиска «новых маршрутов снабжения». На дорогах не ставилось никаких указателей;

— личный состав не отзывали из отпусков.

Еще одним сюрпризом были дата и время начала наступления (31 декабря, 23.00), а также отказ от проведения предварительной артподготовки. [47]

На совещании 24 декабря Гитлер приказал всем командирам корпусов и дивизий, участвующих в операции «Нордвинд», доложить о готовности в ставку «Адлерхорст» 27 декабря. Бласковиц приказал им до этого, утром 27 декабря, доложить в его штаб в Вахенхайме (35 км к востоку от Кайзерслаутерна). На этом же совещании все командиры доложили о состоянии вверенных им частей. При этом каждый выразил озабоченность по поводу излишне короткой подготовки к столь значительному наступлению. Войскам попросту не хватало времени для отдыха уставших от боев солдат, приема пополнения и всесторонней подготовки к новым операциям. [48]

Из Вахенхайма участники совещания выехали на доклад к фон Рундштедту, в Цигенберг, после чего направились в ставку «Адлерхорст». Здесь Гитлер объяснил причины неудачи операции «Страж на Рейне».

Вначале он обвинил «чрезвычайно плохие дороги», потом сказал про сожженные американцами мосты, на восстановление которых ушло слишком много времени. После этого Гитлер вспомнил о «гигантском балласте» из материальной части и машин, двигавшихся вместе с наступавшими частями, — и дал присутствовавшим совет «учиться у русских»! [49]

Признавая, что наступление в Арденнах остановилось, Гитлер заявил, что теперь задачи группы армий «В» меняются, и ее миссией отныне становится не захват Антверпена, а сдерживание армий противника на севере. Далее он подчеркнул, что нельзя упускать

инициативу и следует продолжить атаки на войска союзников. Целью операции «Нордвинд» было ослабить американский фронт на участке перед 1-й армией и не допустить перехода союзных войск в наступление. Из-за неотвратимости угрозы зимнего наступления Советов любые разговоры о переносе срока начала операции «Нордвинд» объявлялись недопустимыми. Операцию следовало осуществить в соответствии с приказом, независимо от степени готовности войск.

После этого каждый из командиров доложил о состоянии вверенной ему дивизии и оценил возможность решения поставленной задачи. Все генералы снова изложили Гитлеру свои оговорки относительно плана операции. Разумеется, сказанное не привело к каким-либо изменениям в его директивах.

* * *

В то время как командиры дивизий, участвовавших в операции «Нордвинд», тщетно пытались довести до вышестоящих свою озабоченность, пополнение и наращивание сил их соединений шло своим чередом. При всей очевидной масштабности подготовки к выходу на новый театр войны командиров иной раз поражало качество поступавшей материальной части и людских ресурсов. Большая часть артиллерии, запрошенной командирами дивизий 27 декабря на совещании в ставке «Аддерхорст», была получена. Где возможно, передовые части отвели в тыл на короткий, иногда слишком короткий отдых.

* * *

Командующий и штаб 1-й армии без промедления отреагировали на полученные приказы. На основе приказов штаба группы армий «G» планировщики 1-й армии 27 декабря разработали оперативные приказы по всем входившим в 1-ю армию трем корпусам, и в тот же день

вызвали начальников штабов в штаб-квартиру армии в Рамштейне. [50]

На совещании, которое 27 декабря провел начальник штаба 1-й армии, представителей каждого из корпусов ознакомили с задачами операции «Нордвинд» и, по необходимости, разъяснили ее детали.

Корпусам были даны специальные рекомендации о характере действий в ходе операции. Начальник штаба 1-й армии подчеркнул необходимость создания комбинированных оперативных групп, предназначенных для использования на узких направлениях атаки при глубоком эшелонировании. Этим оперативным группам не разрешалось ввязываться в боевые действия против опорных пунктов обороны противника, а предлагалось обходить их с флангов. Разработчики плана рассчитывали, что таким образом можно быстро овладеть всеми намеченными целями. [51]

* * *

Хотя иногда германская разведка отлично знала состав и расположение американских войск, все же представления германских военных о силах противника на участке 1-й армии оказались не совсем точными.

В штабе 1-й армии считали, что данные наземной и воздушной разведки свидетельствуют о значительном уменьшении (с 12 декабря) численности американских войск по всему фронту армии от места слияния рек Саар и Мозель до Лаутербурга, расположенного восточнее, на реке Рейн. С этой даты и до момента запланированного начала операции «Нордвинд» офицер разведки штаба 1-й армии держался мнения, что 3-я и 7-я армии США уменьшили свои силы на 6 пехотных и 2 бронетанковые дивизии, оставив в секторе, противостоящем германской 1-й армии, не более 8 пехотных и 3 бронетанковых дивизий. Хотя в целом это соответствовало истине, все

же германское командование не совсем точно представляло себе ситуацию в зоне предстоящей операции «Нордвинд».

Фактически же с американской стороны на участке германского наступления с запада на восток располагались 44-я и 110-я пехотные дивизии 15-го корпуса, тактическая группа «Хаделсон» из состава 6-го корпуса (танки и мотопехота численностью около полка) и 45-я пехотная дивизия. Командир 15-го корпуса генерал-майор Уэйд Хэйслип имел в резерве одну боевую команду из французской 2-й бронетанковой дивизии, а командир 6-го корпуса генерал-майор Эдвард Брукс располагал резервом в виде 14-й бронетанковой дивизии (за вычетом подразделений из состава тактической группы «Хаделсон»). Генерал-лейтенант Пэтч оставил в резерве 7-й армии 12-ю бронетанковую и 36-ю пехотную дивизии.

Приказ по 1-й армии утверждал, что противник ослалил свои позиции между реками Рейн и Саар, причем в обороне этого участка числились 100-я, 45-я и 79-я пехотные дивизии, а в резерве — 12-я и 14-я бронетанковые. Тем не менее штаб 1-й армии придерживался мнения, что противник считает имеющиеся у него силы достаточными для адекватного отпора.

К тому же офицер-разведчик из штаба армии считал, что противник сможет быстро (не позднее чем через 4 дня) получить подкрепления и перегруппироваться, воспользовавшись находившейся в его тылу развитой дорожной сетью. [52]

В приказе штаб 89-го корпуса воспроизвел эту оценку, добавив, что противник, вероятно, обладает резервами для контрнаступления, которое может начаться 2 января. Таким образом, германская сторона преуменьшила численность американских войск в обороне на целую пехотную дивизию и сумела разобраться с резервами, численность которых была занижена также на одну пехотную дивизию.

Картина, предоставленная разведкой, могла оказаться куда более точной, если хотя бы одна германская дивизия, сменившая место дислокации, сочла бы необходимым выслать вперед разведку. Боевой приказ по 361-й фольксгренадерской дивизии гласил:

«Перед нами находится разведывательный батальон противника [то есть подразделение из тактической группы «Хаделсон»], занявший позиции по широкому фронту. На линии обороны находятся лишь посты охранения с обширными промежутками между ними. Дороги и проходы минированы. В глубине оборонительных линий — в частности, в городах Баннштейн, Филиппсбург, Бэренталь и Маутерхауз расположены опорные пункты. Следует ожидать подхода бронемашин и танков. Информация о возможном развертывании значительных сил в глубине обороны отсутствует. Расположение войск по фронту говорит о том, что противник не ожидает наступления в горной местности». [53]

Впрочем, в отличие от ситуации с 361-й дивизией 257-я фольксгренадерская дивизия недавно оказалась на своем участке атаки и полностью зависела от данных разведки, получаемых от уже занявших позиции на основной линии обороны германских подразделений. [54] К тому же для проведения самостоятельной разведки у 257-й дивизии уже не оставалось времени, да и не было соответствующего разрешения (по причинам оперативной безопасности). В результате в 257-й дивизии знали только, что части противника недавно прибыли в район Арденн и что за передним краем на растянутых позициях расположился разведывательный батальон противника. Точное число оборонительных линий противника оставалось неизвестным. Кроме того, было неясно, что представляют его передовые посты — удаленные друг от друга очаги сопротивления или же часть основной линии обороны. Не в лучшем положении находились и командиры 559-й и 256-й дивизий.

Неясность обстановки в совокупности с очень коротким периодом планирования и, в отдельных случаях, неверными разведданными не могли не сказаться на действиях командиров полков и подразделений более низкого уровня. По воспоминаниям ключевых офицеров германской армии, написанным уже после войны, командиры полков узнали боевую задачу своих подразделений утром 31 декабря.

В результате командиры батальонов получили инструкции только в середине дня — не более чем за 8—10 часов до того момента, когда солдаты их подразделений, до этого ни разу не участвовавшие в боевых действиях, пошли в атаку.

Даже многоопытные и превосходные командиры (которых обычно не хватало в фольксгренадерских дивизиях) — и те испытывали острую нехватку времени для планирования и подготовки к наступлению. Ради сохранения эффекта внезапности германское командование пожертвовало основательною разведкой и качественной подготовкой войск.

Ближайшие семь дней докажут, насколько мудрым было это решение.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ «НОРДВИНД»

I. 3-Й БАТАЛЬОН НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Вдвоем с батальонным писарем я занимался прозаической работой по внесению записей в журнал боевых операций, когда в дверь дома в Людвигсвинкеле, где располагался наш командный пункт, постучал посыльный из штаба полка. Только что по радио выступил пресс-секретарь Йозефа Геббельса и его министерства пропаганды Ганс Фриче. Приближался Новый год.

Посыльный отдал мне грозно засургученный конверт с приказом на марш 3-му батальону, подписанный штандартенфюрером Шрайбером. О приближении этого события нас предупредили всего за день, во время нашего визита в штаб полка.

Мы расположились в квартире на втором этаже здания, где некогда проживали семьи таможенников, работавших поблизости от Людвигсвинкеля на границе между Германией и Францией. Но прежних обитателей, женщин и детей, эвакуировали несколько недель назад, до прихода в этот район американской 7-й армии¹. Скорее всего, офицеров-таможенников тоже призвали на военную службу, так что в доме никого не было. Удивительно, но когда накануне Нового года мы вошли в эту

¹ 19 декабря 1944 года части американской 45-й пехотной дивизии достигли Бунденталя, расположенного менее чем в двенадцати километрах от Людвигсвинкеля.

квартиру, то обнаружили на столе в гостиной маленькую украшенную свечами рождественскую елочку.

Из стоявшего в гостиной обычного для того времени радиоприемника доносились звуки 9-й симфонии Бетховена.

Было уже за полночь, так что мы ставили на всей корреспонденции дату «01 января 1945 г.». На улице было морозно, мерцали звезды. На юге слышались раскаты артиллерийской канонады.

Не откладывая, я подготовил маршевые приказы для рот и сообщил об этом командиру батальона, гауптштурмфюреру Курту Крецингеру, тут же их подписавшему. Писарь уже вызвал посыльных, по одному для каждой роты. Ротам назначили собраться в 09.00 в Людвигсвинкеле, возле мельничного пруда.

* * *

Когда роты собрались в указанном месте, светило солнце. На земле лежал свежий снег, но температура все еще держалась ниже нуля.

Командиры рот доложили численность прибывших с ними подразделений. Мы знали, что батальон войдет в бой далеко не в полном составе: в первый день нового года здесь, рядом с французской границей, стояло всего три егерских (горнопехотных) роты, а рота тяжелых пулеметов все еще пребывала в Норвегии или, в лучшем случае, в Дании. К тому же не вся наша штабная рота могла принять участие в наступлении: взводу тяжелых минометов предстояло переформирование в пехотно-гаубичный взвод. Затем этот взвод должен был влиться в новую роту тяжелого вооружения (такая рота вводилась в состав каждого из трех батальонов нашего полка в качестве шестой штатной роты).

Несколько человек из нашего взвода связи тоже остались в расположении батальона, так как получили назначение в роту тяжелого вооружения.

Если все подытожить, наш 3-й батальон 12-го горнопехотного полка начинал тот день, имея в наличии 73 младших офицера и 433 человека рядового состава, или около 62% от положенной численности. С офицерами дело обстояло хуже всего. Несколько лет боевых действий против Советов не прошли даром: в батальоне нас осталось всего пятеро. Нашей 11-й егерской ротой, в которой не было ни одного офицера, командовал самый старший из младшего офицерского состава. Бывший командир этой роты теперь занимался формированием роты тяжелого вооружения. По какой-то причине отсутствовали хирург батальона и младший медик. Первые несколько дней после начала боев нам предстояло обходиться без их помощи.

С учетом характера местности мы не могли нести на себе много груза. Наши егерские роты вышли на марш без 81-мм минометов и без тяжелых треног для пулеметов.

Вместо этого мы взяли с собой как можно больше патронов, столь необходимых для предстоящей миссии.

Кроме боевых подразделений с батальоном первое время шел горнотранспортный отряд с выючными лошадьми. С их помощью мы могли пересечь местность куда более труднопроходимую.

* * *

Перед самым выходом из Людвигсвинкеля ротам нашего батальона выдали фаустпатроны — обычные гранатометы с небольшим радиусом действия, обладавшие значительной поражающей силой. Выдаче нового оружия предшествовала его сверхкраткая демонстрация — еще один пример дикой спешки и неорганизованности, ставших неотъемлемой частью этой наступательной кампании!

Мы покинули Людвигсвинкель около десяти утра и пешим маршем двинулись на юг, в сторону германо-

французской границы. Солнце ярко сияло, поэтому приходилось опасаться внезапного появления «охотников». К нашему удивлению, за весь день колонна ни разу не подверглась атакам с воздуха.

По ту сторону границы, всего в пяти километрах, мы пересекли лежавшую к югу от Штурцельбронна долину Шнефенбах и двинулись по горной дороге на юго-запад, через Мюхленберг и Абтсберг. Горная местность была живописной и не слишком отличалась от пейзажей северной Карелии, ставших привычными за годы боев. (Хотя здесь росло куда больше лиственных деревьев, чем у Полярного круга!) В середине дня мы миновали линию укреплений, построенную до 1940 года и названную по имени Андре Мажино, уроженца Эльзаса и министра обороны Франции в 1929—1932 годах. На наше счастье, на данном участке линия Мажино оставалась в руках немцев — но в нескольких километрах на запад и на восток укрепления с середины декабря находились в тылу американских оборонительных линий. По обеим сторонам дороги высались громадные железобетонные казематы с грозными амбразурами, обращенными в нашу сторону.

Снова оказавшись на гравийной дороге, мы прошли через крошечный городок Швейцерландел (французы называли это место «Маленькая Швейцария»). В последние годы мы имели дело в основном с русскими, финскими или норвежскими топонимами, большая часть которых ни о чем не говорила, и теперь с легкостью читали попадавшиеся на пути германские названия населенных пунктов. Эти названия были наследием германской культуры, пришедшей в Эльзас и Лотарингию в Средние века. Несколько веков эти территории входили в Священную Римскую империю германской нации, а из последних 74 лет этот район более чем 51 год являлся частью Германии.

На закате, который в горах наступил раньше обычного, головная рота нашего батальона вышла к Эгель-

шардту, оказавшись на пересечении дорог за церковью. В течение дня мы слышали в отдалении грохот и свист наших артиллерийских снарядов и непривычные звуки американской артиллерии. Теперь же поблизости от нас ложились залпы беспокоящего и заградительного огня американских орудий крупного калибра. Обстрел велся вслепую, но целью оказался именно этот перекресток и его окрестности. Низкая частота ведения огня и пунктуальность (один залп в минуту) оставляли нашим бойцам достаточно времени для безопасного преодоления зоны обстрела.

В темноте мы продолжили движение на юго-восток и еще через два километра вышли к домам, стоявшим на северной окраине Баннштейна. Здесь пахло войной: по обе стороны дороги громоздились покореженные американские разведывательные машины и несколько додоравших танков. Здесь мы впервые увидели американскую технику.

Вскоре батальон оказался у поворота направо, на Маутерхаузе. Мы с Крецингером шли в колонне вместе с головной ротой. У поворота мы заметили посыльного, явно дожидавшегося нашего прибытия. Доложившись Крецингеру, посыльный сообщил, что его задача — сопроводить нас до передового командного пункта 361-й фольксгренадерской дивизии. Крецингер приказал командиру головной роты проследить, чтобы весь батальон двигался в указанном направлении еще два километра. Затем батальон остановился для краткого отдыха, тем временем мы с Крецингером входили в курс дела на КП 361-й дивизии.

Оптимизм и энтузиазм

Передвижной командный пункт располагался справа от дороги в доме фермера. Зайдя внутрь, мы обменялись приветствиями с офицером штаба 361-й дивизии майо-

ром и.г.¹ Эхлерсом. В низенькой, плохо освещенной комнате царила атмосфера лихорадочного возбуждения. В одном из углов сидели связисты, выставившие на обеденный стол перед майором Эхлерсом несколько телефонных аппаратов. В комнату то и дело входили посыльные. Обрадованный нашим появлением, майор Эхлерс сообщил, что всего час назад командира 361-й дивизии генерал-майора Альфреда Филиппи проинформировали о скором прибытии штандартенфюрера Шрайбера. Майор Эхлерс быстро ввел нас в курс событий, произошедших за 21 час с момента начала операции «Нордвинд» — то есть с 23.00 часов 31 декабря 1944 года.

Как и соседи по флангам, 361-я фольксгренадерская дивизия начала наступление за час до полуночи, выйдя из районов сосредоточения вблизи Эгельшардта и восточнее, по обеим сторонам Вальдека. Для достижения эффекта внезапности командующий группой армий «G» генерал-полковник Йоханнес Бласковиц запретил ведение предварительной разведки и приказал штурмовым дивизиям воздерживаться от артподготовки до наступления времени «Ч».

361-я дивизия оказалась одним из немногих соединений германской армии, командиры и личный состав которой были знакомы с местностью, расположенной по фронту будущего наступления. Всего месяц назад части дивизии прошли по этим местам, отступая под натиском 7-й армии США. Знание местности сослужило особенно хорошую службу бойцам из 952-го гренадерского полка, передовые взводы которого сумели незаметно и без единого выстрела пройти сквозь цепи американцев. Им не только удалось пересечь долину Фалькенштейн и дорогу на Филиппсбург, но также, под покровом ночи, выйти

¹ «И.г.» — это сокращение «из генерального штаба», означающее, что офицер окончил курсы генерального штаба и готов к назначению в штаб более высокого уровня или на командную должность.

на поросшие лесом горы Фишерхоф и Бэренталь. [55] С рассветом первого дня Нового года 952-я дивизия заняла Фишерхоф (в 14.00) и Талхаузен (в 16.00) — и, получив, наконец, девять самоходных штурмовых орудий для поддержки атаки, готовилась занять Бэренталь.

Майор Эхлерс был не особенно доволен продвижением гренадерского 953-го полка на правом фланге дивизии. Взяв хороший старт до полуночи, передовой батальон полка упустил возможность взять Баннштейн неожиданной атакой. Бойцам 953-го полка удалось взять эту деревушку в долине Фалькенштейн только к рассвету, получив поддержку артиллерии. Дальнейшее продвижение полка встретило упорное сопротивление противника. Форно-Неф удалось взять при поддержке штурмовых орудий только во второй половине дня, примерно в 15.00, а важный перекресток, обеспечивавший выход на юг, к дороге на Рейпertsвиллер, оказался в наших руках лишь на закате, примерно в 17.00. Во время этой последней операции было захвачено в плен приблизительно 200 американцев и взято 20 единиц легкобронированной техники.

Тем не менее майор Эхлерс считал действия своей дивизии в течение первого дня операции «Нордвинд» в целом успешными. По его мнению, наиболее важным было то, что Бэренталь, расположенный в долине Цинтсел, находился в руках солдат 361-й фольксгренадерской дивизии. С получением контроля над перекрестком южнее Форно-Неф дорога на Рейпertsвиллер была открыта.

Обе дороги шли через Вогезы на юг и представляли собой важнейшие пути для выхода на простор широкой Верхнерейнской долины. Эхлера пояснил, что по насто-янию Гитлера овладение этими дорогами являлось предварительным условием использования танков. Пока это условие не выполнено, 21-ю бронетанковую и 25-ю мотопехотную дивизии следовало держать в резерве.

Вернувшись к текущему положению дел, майор Эхлерс сообщил, что соседи с правого фланга (на западе), 257-я фольксгренадерская дивизия 90-го корпуса, час назад овладели Маутерхаузе, выйдя таким образом на примерно те же рубежи, что и его дивизия.

По его словам, 257-я дивизия захватила большое количество пленных, оружия и бронеавтомобилей, брошенных американцами во время их панического, «сломя голову», бегства с заблаговременно обустроенных позиций.

Соседи с левого (восточного) фланга из 256-й фольксгренадерской дивизии оказались не столь удачливы. Полки, входившие в состав дивизии, вступили в бой непосредственно после изматывающего марша и не реализовали задач первого дня наступления. Не были взяты ни Дамбах, ни Филиппсбург. К северо-востоку от Дамбаха находившийся во главе атаки на левом фланге 256-й дивизии батальон 481-го гренадерского полка выскочил прямо на готовые к обороне казематы линии Мажино. Неожиданно включив прожекторы, американцы выясвили все поле боя и привели в состояние шока наступавших бойцов 481-го полка, многие из которых вскоре пали под меткими выстрелами оборонявшихся.

Если 256-я фольксгренадерская дивизия продолжала топтаться на месте, то 361-я фольксгренадерская наступала, и майор Эхлерс чувствовал опасность, нависшую над оголившимся левым флангом.

За день до этого на командном пункте полка штандартенфюрер Шрайбер сообщил, что нам предстоит стать частью оперативной группы, в которую также войдет 1-й батальон под командованием гауптштурмфюрера Алоиза Бургшталлера. Нас будут сопровождать передовые наблюдатели из 3-го батальона 6-го горноартиллерийского полка СС. Батареи этого полка, вооруженные

105-мм гаубицами, достигли оперативного театра вместе с передовыми частями «Норда»¹.

Отдав необходимые распоряжения по штабу, майор Эхлерс пояснил, что в его задачу входило овладеть городом Винген-на-Модере и оборонять проходившую через долину Модера дорогу от возможной контратаки американцев.

Нашей первой задачей по дороге к Вингену было не позднее рассвета следующего дня (примерно к 8.25) овладеть деревней Мельх, расположенной в труднопроходимых горах на высоте 366 метров над уровнем моря. В отсутствие авиаразведки и ограничения возможностей по сбору информации (допросы пленных, радиопрерыват, патрулирование и др.) район Мельха представлял для 361-й дивизии «терра инкогнита», и ни майор Эхлерс, ни кто-либо другой не могли рассказать, что ждет нас в этом месте. По словам Эхлерса, вблизи Вингена мог находиться командный пункт «крупного соединения» — возможно, дивизии, — но и в этом у майора

¹ Части 6-й горной дивизии СС «Норд», которым предстояло идти в наступление, прибыли в район сбора Пирмасенс-Людвигсвикель-Эппенбронн до 1 января в следующем составе: 1-й и 3-й батальоны 12-го горнопехотного полка СС, 506-й мотопехотный батальон СС, 3-й батальон 6-го горноартиллерийского полка СС, рота истребителей танков, рота связи из 6-го батальона «Норда», взвод саперов и медицинский взвод.

Наступавшими командовал штандартенфюрер Франц Шрайбер, командир 12-го горнопехотного полка СС «Михаэль Гайссмайр». По этой причине эту войсковую группу обычно называют «оперативной группой Шрайбера». Таким образом, наша вингенская группировка была не самостоятельным соединением, а частью оперативной группы Шрайбера.

Остальные части «Норда» под командованием группенфюрера СС и генерал-лейтенанта Ваффен-СС Карла Бреннера прибыли на оперативный театр на вторую неделю января. 9 января Бреннер разместил дивизионный командный пункт в Швейцерланделе, или «Маленькой Швейцарии». «Норд» занял отведенные дивизии передовые позиции 10 января, приняв линию основной обороны у 361-й фольксгренадерской дивизии.

не было уверенности. На том мы и расстались. На часах было 22.00.

Вскоре мы обнаружили свой батальон, расположившийся на отдых по обе стороны дороги на Пети-Марто. Чтобы выполнить задачу и «на рассвете прибыть в Мельх», требовалось совершить не более чем трехчасовой пеший переход. Это означало, что у нас в запасе оставалось еще пять часов. Я предложил провести эти часы рядом с дорогой, там, где склоны горной долины круто поднимались вверх и обеспечивали прикрытие от артогня.

Так мы и сделали. Наконец батальон получил горячий суп и хлеб — первую пищу за этот длинный день. Несмотря на усталость, все с удовольствием пообедали.

Этим закончился наш первый день в наступлении.

II. ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ГОРЫ

Удерживавшие зону нашего наступления части американской армии относились к тактической группе «Хаделсон». Это соединение было образовано на основе «Боевого командования «Р» американской 14-й бронетанковой дивизии и включало несколько подразделений 6-го корпуса, формально не входивших в 14-ю дивизию. Тактическая группа «Хаделсон» действовала под непосредственным управлением штаба 6-го корпуса и занимала позиции с 21 декабря. Позиции тактической группы с запада на восток (слева направо) занимали следующие подразделения:

— 117-й эскадрон кавалерийской разведки (отдельное подразделение 6-го корпуса под командованием подполковника Ходжа) — озеро Хасселфурт, в 2,5 км от высоты 430;

— 94-й эскадрон кавалерийской разведки (подполковник Маккаллам) — высота 430, в 3,5 км от дороги Баннштейн — Форно-Неф;

- 62-й мотопехотный батальон (подполковник Роберт Мейерс) — Баннштейн, в 10 км от Нойнхофена;
- рота «В» 645-го батальона противотанковых САУ (еще одно отдельное подразделение 6-го корпуса) в качестве поддержки;
- рота «В» 83-го батальона химических минометов (6-го корпуса) в качестве поддержки;
- рота «А» 125-го инженерного бронетанкового батальона в качестве поддержки;
- отряд 540-го инженерного полка (6-го корпуса) в качестве поддержки;
- 500-й бронетанковый батальон полевой артиллерии (самоходные гаубицы калибра 105 мм) в качестве поддержки.

Эта тактическая группа, занимавшая левый фланг 6-го корпуса, выполняла задачу прикрытия участка протяженностью 16 км, начиная от позиций к востоку от Битче (рядом с частями 100-й пехотной дивизии из состава 10-го корпуса) и до Нойнхофена, где находились позиции 45-й пехотной дивизии. Эта глубоко изрезанная гористая местность, густо заросшая лесом, считалась малоподходящей для атаки противника, поэтому командир 6-го корпуса генерал-майор Брукс рискнул возложить оборону участка на специально подобранныю тактическую группу, не готовую к оборонительным действиям на направлении главного удара. Брукс на мереился использовать вновь прибывшие части 257-го пехотного полка из состава тактической группы «Херрен» (состоявшей из трех пехотных полков 70-й пехотной дивизии — 274-го, 275-го и 276-го), придав их 45-й пехотной дивизии, с тем чтобы, уже начиная с 1 января, высвободить тактическую группу «Хаделсон».

Первыми не выдержали линии обороны, занятые 117-м кавалерийским эскадроном под командованием Ходжа. Если судить по боевым донесениям и воспоминаниям офицеров, германская атака в самый канун Нового года застала эскадрон врасплох.

Что само по себе удивительно!

Еще 24 декабря обладавший большими возможностями разведывательный отдел 7-й армии США, возглавляемый тогда полковником Биллом Куинном (впоследствии — генерал-лейтенантом), предупреждал об угрозе наступления противника. Армейская разведка конкретно указывала, что германские войска нанесут удар южнее Битче силами пяти или восьми дивизий!

29 декабря разведка 7-й армии выпустила документ под названием «Оценка положения противника № 6», в котором излагались четыре варианта возможных действий германских сил на ближайшие дни. По мнению полковника Куинна, наиболее вероятной была серия атак в направлении через северные Вогезы, цель которых — связать боем части 7-й армии и воспрепятствовать их переброске в район Эйфеля для усиления 1-й и 3-й армий США, занятых ликвидацией Арденнского выступа. [56] Одно это должно было заставить американских командиров приготовиться к германской атаке.

Следующим вероятным ударом могла стать «атака на юг из района Битче-Саррегемин силами пяти или восьми дивизий, нацеленных в первую очередь на захват Савернского и Ингвиллерского проходов». [57] Другими словами, полковник Куинн и его разведывательный отдел предсказали точное направление первого удара за 48 часов до начала операции «Нордвинд»!

30 декабря для принятия дальнейших мер на участке вероятного германского удара штаб 6-й армии предупредил командующего 7-й армией о возможности «атаки вашего фланга неприятелем западнее Битче». [58] После этого командующий 7-й армией генерал-лейтенант Александр Патч в канун Нового года лично выехал в Фенетранж на командный пункт 10-го корпуса. Здесь он приказал командирам 6-го и 15-го корпусов отменить все праздничные мероприятия и ждать германской атаки ближайшей ночью. [59]

Надо полагать, что командир 6-го корпуса генерал-майор Брукс поручил офицерам своего штаба направить это распоряжение по команде всем основным подчиненным частям, в том числе — тактической группе «Хаделсон».

Однако, к изумлению старшего помощника командинра и адъютанта 257-го пехотного полка, полковник Дэниел Хаделсон никак не реагировал на предупреждение о вражеском нападении. Во время ознакомительного визита этих офицеров в его штаб в Баерентале Хаделсон рассказал офицерам о затишье на своем участке и не выказал никакого беспокойства по поводу неумолимо приближавшейся атаки. Напротив, Хаделсон с гордостью заявил, что его бойцы, дескать, заставили немцев избегать позиций его тактической группы! [60]

По-видимому, полковник Хаделсон скрыл от визитеров огорчительную (и обескураживающую) информацию о том, что ночью 29 декабря германский патруль захватил в плен лейтенанта Стефена А. Мидлбрука, спавшего не раздеваясь на собственном КП. [61] Мидлбрук командовал 3-м взводом 117-го отряда «В», занимавшего позицию у северной оконечности озера Хасселфурт, в какой-то сотне метров от немецких окопов.

На этом участке основными жертвами первых атак начавшейся операции «Нордвинд» оказались два эскадрона механизированной кавалерии из тактической группы «Хаделсон». Эти подразделения приняли основной удар германского прорыва, в первую очередь — от 559-й, 251-й и 361-й фольксгренадерских дивизий. По оснащенности и уровню подготовки части механизированной кавалерии совершенно не годились для оборонительных действий в условиях столь труднопроходимой местности. В лучшем случае они могли играть роль прикрытия, обнаруживающего противника и препятствующего его продвижению. Командиры эскадронов пребывали в уверенности, что их оборонительные позиции в горном лесном массиве не подвергнутся серьезной атаке.

В середине дня 31 декабря, всего за шесть часов до начала стрельбы на этом участке германского наступления, майор Гарольд Сэмсэл, старший помощник командира 117-го кавалерийского эскадрона, вместе с подполковником Мейерсом из 62-го мотопехотного батальона инспектировали окопы отряда «В» 117-го эскадрона.

Докладывая о результатах подполковнику Ходжу, Сэмсэл вполне искренне заявил, что «за весь [его] опыт боевых действий в Италии и Франции, [он] еще не видел укреплений такого качества, сочетающих максимально широкое поле ведения огня, возможность поддержки и ведения круговой обороны с использованием всех видов оружия». [62] Для еще большего усиления оборонительного щита на позиции 3-го батальона разместили батальон легких танков (M5 «Стюарт» с пулеметом и 37-мм пушкой). Бронемашины (четырехколесные, типа M8, также оснащенные пулеметами и 37-мм пушками) и танки загнали в выкопанные в земле укрытия. Все подразделения были обеспечены проводной и радиосвязью друг с другом и с соседями слева из 399-го пехотного полка 100-й дивизии.

Предполагалось, что сделано все возможное.

О том, как разворачивались события после начала штурма, можно понять из донесения 117-го эскадрона, составленного по окончании боя.

Дата/ время	Действие
31 дека- бря 23.10	Отряд «В» докладывает о замеченном движении крупных германских сил на основной дороге прямо на восток от Битче.
01 января 00.15	Отряд «В» докладывает, что с поста внешнего охранения 339-й пехотной дивизии получено телефонное сообщение о том, что пост окружен противником.
01 00.30	3-й взвод отряда «В» докладывает, что их атакуют.
01 01.00	Отряд «С» 117-го эскадрона и отряд «ди» 94-го эскадрона докладывают, что ведут бой.

Дата/ время	Действие
01 02.00	Подполковник Ходж запрашивает подкрепления у штаба тактической группы «Хаделсон». Он получает роту «В» 540-го инженерного полка. Отряд «В» запрашивает артогонь на 25 ярдов от занимаемой позиции.
01 03.30	Доклады, поступающие от отряда «В», свидетельствуют о том, что противник просачивается через их оборонительные позиции. Предполагается, что позиции непригодны для дальнейшей обороны. Ходж приказывает всему эскадрону отступить на запасную позицию, расположенную в 2,5 км от основной линии обороны. Брошено много машин и четыре миномета калибра 4,2 дюйма, так как германские силы перерезали дороги для отхода техники.
01 04.30	Для прикрытия отхода на позицию выведен один взвод САУ и шесть легких танков отряда «F» 117-го эскадрона.
01 05.00	На расстоянии 400 ярдов (около 350 м) от запасной позиции устроена вторая линия обороны, занятая войсками к 07.00 утра.
01 09.30	Полковник Хаделсон забрал 19-й мотопехотный батальон из состава 14-й бронетанковой дивизии и выдвинул его в контратаку, чтобы отбить позиции 117-го эскадрона.
01 13.30	Командный пункт тактической группы «Хаделсон» в Баерентале попадает под огонь германских орудий. В отсутствие резервов Хаделсон запрашивает у Ходжа части для защиты КП тактической группы.
01 14.00	Ходж приходит к выводу, что сопротивление правого фланга тактической группы «Хаделсон» сломлено. Ходж приказывает 94-му эскадрону, теперь находящемуся в его распоряжении, выслать один отряд в Баеренталь и направить еще один отряд для охраны дороги Форно-Неф — Рейпертсвиллер. Оставшиеся силы под его командой должны отступить от «второй запасной» позиции в направлении дороги Маутерхаузе — Лемберг. 117-й эскадрон сдерживает противника, отступая к Лембергу, 19-й мотопехотный батальон также с боем отступает к Саррейнсбергу.
01 15.30	Оба отряда 94-го эскадрона прибывают в Маутерхаузе и попадают под огонь артиллерии и личного стрелкового оружия. Не имея возможности пробиться на восток, эти отряды также отступают к Лембергу.
01 17.00	19-й мотопехотный батальон и отряд «С» 117-го эскадрона выходят на окраину Маутерхаузе и затем отступают в направлении Саррейнсберга.

Командный пункт 117-го эскадрона оказывается в Вингене-на-Модере. Не имея возможности установить радиоконтакт со штабом тактической группы «Хаделсон», Ходж следует в Бовиллер (15 км в тыл по прямой), чтобы доложить ситуацию командиру 14-й бронетанковой дивизии и запросить инструкции.

Узнав, что командный пункт тактической группы «Хаделсон» находится теперь впереди его собственного КП, в Рейпертсвиллере, Ходж следует туда и получает приказ полковника Хаделсона держать оборону на линии Рейпертсвиллер — Саррейнсберг оставшимися силами 94-го кавалерийского эскадрона и 19-го мотопехотного батальона совместно с находившимся в распоряжении Ходжа 117-м эскадроном.

В течение первого дня операции «Нордвинд» 117-й кавалерийский эскадрон отступил более чем на 9 километров. При отходе один солдат был убит, один офицер и 12 солдат — ранены, один офицер и 25 солдат пропали без вести.

Американцы потеряли больше техники, чем людей,бросив или оставил по другим причинам 12 бронемашин M8, 6 легких танков M5, две полугусеничные машины и 38 джипов.

На правом фланге тактической группы «Хаделсон» оборону прочно держал 2-й батальон 45-й пехотной дивизии; 157-й пехотный полк успешно оборонял Дамбах, отбивая совместные атаки 456-го и 481-го гренадерских полков 256-й фольксгренадерской дивизии. На левом фланге 399-й пехотный полк отбивался от атак 559-й фольксгренадерской дивизии до тех пор, пока отход 117-го эскадрона не оголил правый фланг 399-го пехотного полка (и, следовательно, всего 15-го корпуса), оставив взамен пустоту. Хотя 117-й эскадрон доложил о начавшемся отходе офицеру штаба 399-го пехотного полка

майору Лоуренсу Конрею, отступление кавалерии шло так стремительно, что пехотинцы не смогли вовремя принять меры. О последовавшем отходе ко второй оборонительной линии и далее вообще не было доложено в штаб 399-го полка. [63] В результате к вечеру 1 января командир 100-й пехотной дивизии генерал-майор Бурресс был вынужден отвести до самого Лемберга правый фланг своей дивизии, обращенный теперь не на северо-восток, а прямо на восток.

III. НА ИСХОДЕ ДНЯ

С германской стороны генерал-майор Филиппи мог быть вполне доволен результатами, достигнутыми его 361-й фольксгренадерской дивизией. Полки дивизии реализовали цели первого дня наступления. Атакующие захватили Бэренталь, что обеспечивало хорошую основу для продолжения наступления на юг. Знакомство с местностью, по которой недавно отступали его подчиненные, сослужило им хорошую службу во время наступления. В канун нового года его люди получили отдых, а линия Мажино находилась за их спинами с момента начала операции.

Генерал-майор Филиппи мог посетовать лишь на необоснованно быстрое продвижение соседей справа, 257-й фольксгренадерской дивизии генерал-майора Эриха Зигеля. Их наступление привело к захвату Маутерхаузе, находившегося впереди 361-й дивизии. Впрочем, законное беспокойство Филиппи было вызвано положением на его левом фланге, где соседняя 256-я фольксгренадерская дивизия под командованием генерал-майора Герхарда Франца не смогла взять ни Дамбаха, ни Филиппсбурга. Таким образом, правый фланг 361-й дивизии оказался совершенно открытым, что означало необходимость отвлечения сил, жизненно важных для продол-

жения атаки, для прикрытия образовавшегося разрыва между частями 361-й и 256-й дивизий.

Теперь им предстоял второй день наступления, а люди Филиппи были измотаны напряжением первого дня и отсутствием нормального зимнего обмундирования. К тому же при взятии Баеренталя штурмовая рота потеряла несколько машин из-за атак американских истребителей-бомбардировщиков. [64]

Некоторым утешением для Филиппи было то, что приехавший к нему на командный пункт вечером 1 января командир 89-го корпуса генерал-лейтенант Густав Хоне передал Филиппи оперативный контроль над наступающими частями 6-й горной дивизии СС «Норд». Эти закаленные, получившие опыт боев в замерзших лесах войска и имевшие все необходимое для зимней войны, оказались именно теми, в ком 361-я дивизия так нуждалась для продолжения наступления.

Докладывая подробности генерал-лейтенанту Хоне, Филиппи просил дать больше бронетехники для компенсации дневных потерь. Необходимые для завтрашнего успеха боевые возможности и гибкость могла дать только мобильная, обладающая высокой огневой мощью танковая поддержка. Хоне обещал сделать все возможное в масштабах 1-й армии и группы армий «G». Он не располагал собственными резервами бронетехники, но мог выделить танки, истребители танков или штурмовые орудия за счет наступавшего на западе 13-го корпуса СС либо из оперативного резерва группы армий «G», включавшего 21-ю танковую и 25-ю мотопехотную дивизии. [65]

В отличие от Филиппи наступавший справа генерал-майор Зейдель и офицер оперативного отдела его штаба подполковник Эрнст Линке не могли похвастаться результатами первого дня боев 257-й фольксгренадерской дивизии. Донесения о продвижении частей, поступав-

шие на их командный пункт, находившийся на восточной окраине Камп-де-Битче, не приносили ничего хорошего.

Положительным результатом было то, что 457-й гренадерский полк выбил 117-й и 94-й кавалерийские эскадроны из Маутерхаузе. С другой стороны, 477-й гренадерский не сумел взять имевший ключевое значение перекресток в Лемберге. Подразделения 399-го пехотного полка 100-й дивизии обороняли Лемберг яростно и использовали преимущество занимаемой ими позиции: город стоял на холме, доминируя над всеми ведущими к нему дорогами. Поскольку местность простреливалась, такое расположение не позволило 477-му полку обойти город боковым маневром и выйти на дорогу Гетценбрюк — Саррейнсберг.

В Лемберге гренадеры Зейделя могли получить поддержку соседей справа, а именно, от 559-й фольксгренадерской дивизии генерал-майора барона Курта фон дер Мюхлена. В конце концов, оба соединения входили в один и тот же 90-й корпус пехотного генерала Эриха Петерсена. Предполагалось, что, объединив усилия, обе дивизии могли достичь желаемых результатов — то есть овладеть ключевой позицией в Лемберге. Хотя, похоже, что у 559-й хватало своих хлопот.

Желая придать атакам следующего дня дополнительный импульс, генерал-майор Зейдель попросил генерала Петерсена его корпусной резерв, а именно, третий полк из состава 257-й дивизии, 466-й гренадерский. Зейдель предложил использовать этот полк и овладеть дорогой Гетценбрюк — Саррейнсберг в то время, когда остальная часть его дивизии будет атаковать Лемберг.

После того как 257-я дивизия закрепилась в Маутерхаузе, Петерсен вновь подчинил 466-й полк его родной дивизии и эта часть вышла на ночной марш, направившись в район сосредоточения около Альт-Шмель (3 км на северо-восток от Маутерхаузе).

зе)¹. Таким образом, на следующий день 466-му полку предстояло участвовать в развитии атаки на запад и юго-запад.

Из всех дивизий, наступавших в Вогезах, наименьшего продвижения в первый день нового года добилась 256-я фольксгренадерская дивизия. Генерал-майор Франц и офицер оперативного отдела его штаба подполковник и.г. Бернхард Когель имели все основания для беспокойства по поводу положения дивизии. Хотя части дивизии на самом деле добились успеха, вытеснив из Лишбаха и Нойнхофена 62-й мотопехотный батальон тактической группы Хаделсон, однако германские силы так и не захватили Дамбах, обороняемый 157-м пехотным полком армии США, и не взяли Филиппсбург, где держал оборону 275-й пехотный полк.

У этого серьезного провала, в значительной мере подорвавшего способность 361-й дивизии выполнить задачи следующего дня наступления, было множество причин. 256-й фольксгренадерской дивизии пришлось оставить прежние оборонительные позиции между Виссембургом и Рейном и перебазироваться в район со средоточения между Хинтервайденталем, Даном и Хаунштейном, так что в ночь с 30 на 31 декабря бойцы дивизии были вынуждены совершить более чем 25-кило-

¹ Тактические данные от Петерсена (*Petersen E. Kampfraum südlich Zweibrücken-Bitsch, 6.12.44 – 25.1.45 («Combat Zone South of Zweibrücken-Bitche, 6 December 1944–25 January 1945») // MS B-071, USAREUR Scries, June 1946. S. 23–24*). Вначале Петерсон был пехотным офицером, но в 1941 году попросился служить в парашютных частях. В германской армии почти все парашютные части относились к Люфтваффе, так что Петерсен перешел в этот род войск и участвовал в операциях на Восточном фронте в качестве командира 1-й парашютной дивизии. В 1944 году его назначили командиром 4-го полевого корпуса Люфтваффе. В этом качестве Петерсен руководил боевыми операциями множества частей германской пехоты в южных Вогезах с октября по ноябрь 1944 года. Когда после прорыва американцев через южные Вогезы штаб Петерсена вывели из «Кольмарского мешка», корпус переименовали в 90-й армейский, а генерал авиации Петерсен и его штаб сменили род войск и поменяли форму на армейскую. (*Bonn K. E. When the Odds Were Even. P. 84.*)

метровый пеший марш в мороз, по гористой местности, чтобы занять позиции для атаки к югу от Людвигсвингеля. Большая часть подразделений дивизии прибыла на место лишь в самый канун Нового года и поэтому пошла в атаку с хода, не получив отдыха.

К тому же по причинам секретности операции командиры батальонов и рот 256-й дивизии ознакомились со своими приказами всего за несколько часов до начала атаки, вечером 31 декабря. Для разведки противника и местности им пришлось полагаться на весьма скромную информацию, полученную от коллег из 361-й дивизии уже по прибытии на позиции. Командиры не имели ни времени, ни возможностей для ведения разведки, подготовки или планирования.

Положение людей Франца осложнялось тем, что на его участке в руках американцев находились укрепления линии Мажино. Все это резко осложняло выполнение задач дневного наступления.

Наконец, положение с личным составом в 256-й дивизии выглядело хуже, чем в других соединениях, участвовавших в операции «Нордвинд». Помимо численной недоукомплектованности, части дивизии состояли из бойцов с низкими физическими возможностями, едва ли способных выдержать бой в условиях горной местности.

Проведенное в дивизии обучение мало повлияло на соответствие личного состава тяжелым условиям наступательных операций. Среди полковых командиров только один обладал достаточным опытом пребывания на своей должности, а командиры батальонов и рот, несмотря на рвение, были слишком молоды и неопытны. Как позднее высказался подполковник Кегель, к началу операции «Нордвинд» 256-я дивизия в лучшем случае была «готова к обороне». [66]

К концу первого дня операции «Нордвинд» ситуация на американской стороне фронта выглядела столь же

пестрой. Хотя пехотные полки и удержали позиции — 399-й в Лемберге и 157-й в Дамбахе, и даже «зеленый» 275-й в Филиппсбурге, однако части наспех собранной тактической группы «Хаделсон» по-разному восприняли значительный удар германских войск. Так, кавалерия сдала позиции слишком быстро, а 62-й мотопехотный батальон уступил лишь после того, как отход кавалерийского эскадрона к западу от них оставил незащищенным их левый фланг.

Потерпев неудачу 1 января, тактическая группа «Хаделсон» заработала «плохую славу», что было справедливо лишь отчасти.

Подготовка и снаряжение частей механизированной кавалерии никогда не предполагали стойкой позиционной обороны «до последнего патрона». Вышестоящий штаб назначил их на столь неподходящую роль, надеясь, что этот участок окажется в стороне от основной атаки. Решая применить кавалерию в таком качестве, генерал-майор Брукс сознательно шел на риск и надеялся, что местность между Битче и Нойнхоффеном замедлит наступление любого противника и это даст ему возможность подтянуть резервы.

Именно так Брукс и поступил, когда, пытаясь изменить ситуацию, он выделил 19-й мотопехотный батальон из своего резерва (две оставшиеся тактические группы из состава 14-й бронетанковой дивизии). К несчастью для американцев, эти части не смогли укрепить оборону, так как прибыли слишком поздно и не обладали потенциалом, достаточным для контратаки. Тем не менее войска приняли бой, и в течение следующей недели ситуация существенно улучшилась в пользу американцев.

Стремительный и глубокий отход 117-го эскадрона, практически незаметный соседям из 399-й пехотного полка, полностью оголил правый фланг 15-го корпуса. Образовавшаяся брешь открыла германским частям возможность для атаки Вингена-на-Модере!

ДЕНЬ ВТОРОЙ. ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С ПРОТИВНИКОМ

I. СПОКОЙНОЕ НАЧАЛО

Тем немногим бойцам 3-го батальона 12-го горнопехотного полка СС, которые обладали способностью засыпать в любом положении и при любых условиях, пришлось проснуться около 04.00 утра. Ночь выдалась прохладной. На земле лежал свежий снег. От ледяного ветра бойцов батальона защищали только крутые откосы канавы, тянущейся вдоль дороги на Линделталь.

Раздали эрзац-кофе, и каждый потянулся за куском хлеба, припасенным с ночи, когда батальон «заправили» горячим супом. После того как под руководством младших офицеров батальон принял маршевый порядок, гауптштурмфюрер Крецингер собрал командиров рот и сообщил всем о задачах нового дня. На рассвете нам следовало прибыть в Мельх. Все, что мы узнали из карты, выданной майором Эхлерсом, — это местоположение. Мельх оказался деревней, расположенной выше в горах, и туда вела единственная дорога, подходившая с юга. Никто в 361-й дивизии не знал, что ожидает в Мельхе, но нам говорили, что стоит осторегаться разрозненных американских частей, отступивших вчерашним днем после германской атаки.

В это утро впереди колонны шли разведчики, затем основная часть батальона, а далее следовал обоз — наш горнотранспортный отряд. Мне пришлось идти впереди

разведчиков и направлять движение при помощи единственной имевшейся карты, а готовый к бою батальон шел следом, вытянувшись в колонну по одному.

Примерно в 04.30 я с разведчиками покинул колонну и свернул на разбитую дорогу к Линдталю. В 07.30, на рассвете, у нас оставалось еще три часа, чтобы преодолеть шесть километров, отделявших батальон от окраины Мельха. Невзирая на темноту, времени было с избытком — конечно, если не случится ничего непредвиденного.

Вскоре разбитая грунтовка соединилась с основной дорогой, связывавшей Маутерхауз и Бэренталь, расстояние между которыми составляло около шести километров. С поздней ночи 1 января оба эти города находились в руках германских военных.

После моста через реку Цинтсебах справа открылся вид на окрестности, и мы ясно увидели отражавшиеся в небе пожары в Маутерхаузе. Впрочем, это не вызвало большой тревоги, так как нам предстояло идти в другом направлении. Оставив по левую сторону Форно-Неф, колонна продолжила марш по главной дороге и вскоре достигла окончности Ланденберга — как раз в том месте, где дорога на Рейпертсвиллер уходила к югу. Мы не пошли по этой дороге и вместо этого начали взбираться по крутому подъему к гребню перевала Ланденберг. Два километра пройдено, осталось еще четыре!

Чтобы выйти на более отлогий гребень, предстояло сначала штурмовать крутой, 10°, подъем, растянувшийся километра на полтора. Мы добрались до гребня около 06.00 утра. Впереди лежала относительно ровная тропа, уходившая в юго-западном направлении.

Земля была покрыта снегом, и тропа едва угадывалась. Не давая сбиться с дороги, над нашими головами мерцали звезды — и, наконец, у нас имелся компас. Батальон шел колонной по одному, стараясь не производить аб-

сolutno никаких звуков. Поскольку огонь зажженной сигареты мог выдать нас за полкилометра, в батальоне действовал строжайший приказ: «Не курить».

Еще через час мы вышли к поляне. Я осторожно вышел на опушку и, пригнувшись, осмотрел лежавшую к югу от нас долину, круглую, как блюдце. В долине стояло несколько домов, ближайший из которых находился метров за 200 от нас. Это и был Мельх — цель нашего утреннего марша, — все еще скрытый предрассветной горной мглой.

К 7.30 или 7.45 роты подтянулись к краю леса. Никто не пытался выйти на открытое пространство. По всем приметам день обещал быть ясным и солнечным, поэтому все опасались неожиданного налета. Что же, так или иначе, но до рассвета мы достигли цели, причем необнаруженными.

Прорехи на ткани «Нордвинда»

Двигаясь на юг в отрыве от других германских частей, наш батальон шел по одному из наиболее сложных участков северных Вогезов. При этом мы действовали, по сути, в вакууме. 361-я фольксгренадерская дивизия, которой была придана оперативная группа «Шрайбер» (а, значит, и мы), входила в подчинение 89-го корпуса и действовала в основном в тылу нашего батальона, оставаясь слева. Действовавшая справа и сзади нас 257-я фольксгренадерская дивизия относилась к 90-му корпусу. Как результат, мы не только находились в авангарде по сравнению с соседними частями, но и действовали на пограничной полосе между двух корпусов. Из этой ситуации прямо или косвенно выросли многие проблемы, с которыми батальон столкнулся в ближайшие несколько дней.

Задачи штатных и приданых частей 361-й фольксгренадерской дивизии на день 2 января состояли в следующем:

— 953-му гренадерскому полку (усиленному 2-м батальоном 951-го полка) предлагалось атаковать, овладев Рейпертсвиллером, и далее — Вимменау;

— 952-й гренадерский полк (без одного батальона) должен поддержать эту атаку, овладев Лихтенбергом, а затем произведет разведку до селений Ротбах и Ингвиллер;

— один батальон 952-го полка должен оставаться на позиции в районе Бэренталя, блокируя подходы к долине ручья Цинтсел с запада, а подразделения из оперативной группы «Шрайбер» захватывают Винген. [67]

Филиппи начал день 2 января затемно. В 07.00 он выехал на командный пункт 953-го полка. Командир полка находился на этом КП, устроенном рядом с дорогой, в самой высокой точке Рейпертсвиллера. После изнурительного ночного перехода два батальона 953-го полка в конце концов достигли районов сосредоточения на холмах к северу от Зегмюле и Рейпертсвиллера. Филиппи видел глубокую усталость на лицах гренадеров, особенно заметную у молодых солдат, еще не вполне готовых к боевым действиям в столь тяжелых условиях.

Батальон усиления, а именно 2-й батальон 951-го полка, находился на марше. Артиллерийский батальон, в задачу которого входила поддержка 953-го полка, еще не занял позицию. Хотя к 07.00 остальная часть артполка дивизии была готова вести огонь, связь между корректировщиками огня и артиллерией отсутствовала. До района сосредоточения добралось всего два самоходных штурмовых орудия, а два других, выехав из Баеренталя, встали из-за механической поломки. Учитывая ситуацию, командир полка отложил атаку на Рейпертсвиллер до прибытия обеспечивавшего атаку артиллерийского батальона и установления надежной проводной и радиосвязи между всеми подразделениями, обеспечивавшими ведение огня. Атаку решили начать в 14.00, посреди дня. Тем временем разведка обнаружила силы противника вблизи объекта атаки. [68]

II. Действия и противодействия

Генерал-майор Филиппи не ошибся, к концу дня сделав вывод о том, что «противник ввел в бой новые силы». Эти силы оказались многочисленными, и их появление серьезно затруднило и без того трудное положение 90-го и 89-го корпусов.

События второго дня операции «Нордвинд» доказали, насколько быстро командование американской 7-й армии отреагировало на новую угрозу, возникшую в этом секторе. Во избежание прорыва германских войск на Эльзасскую равнину, командующий 7-й армией стремился надежно заблокировать все дороги, выходившие из Вогезов в южном направлении. 2 января должно было стать днем «крупной передислокации».

На дальнем правом фланге сектора 15-го корпуса, прямо на запад от линии разграничения 15-го и 6-го корпусов, находился 399-й полк 100-й пехотной дивизии, упорно защищавший Лемберг от атак 559-й фольксгренадерской дивизии. В течение дня оборона этого важного опорного пункта была усиlena 3-м батальоном 255-го пехотного полка тактической группы «Харрис»¹ и 141-й ударной группой из состава опытной 36-й пехотной дивизии.

Переброска основных сил более всего затрагивала 45-ю пехотную дивизию. Наряду с прибывшей в район Гетценбрюка 36-й пехотной дивизией части «Тандербер-

¹ Тактическая группа «Харрис», которой командовал заместитель командира 63-й пехотной дивизии бригадный генерал Фредерик М. Харрис, включала три пехотных полка из состава 63-й дивизии — а именно: 253-го, 254-го и 255-го. Остальные силы дивизии, то есть артиллерия, саперный батальон, медицинский батальон и другие, находились по пути во Францию и в период операции «Нордвинд» не принимали участия в боевых действиях. Третьим соединением, участвовавшим в этой трудной операции, была тактическая группа «Линден» под командованием бригадного генерала Хеннинга Линдена, включавшая три полка из состава 42-й пехотной дивизии: 222, 232 и 242-й пехотные полки. Это соединение будет придано 79-й пехотной дивизии на время обороны Рейнской равнины и после 5 января пройдет суровое боевое крещение.

да» считались одними из самых опытных в этом секторе Вогезов. Эта дивизия участвовала в военных кампаниях в горах Сицилии и на территории самой Италии, во вторжении на юг Франции, в наступлении через Савернский проход и совсем недавно в атаке на «Западный вал».

В течение этого второго дня по приказу командира 6-го корпуса дважды меняла положение левая граница сектора 45-й пехотной дивизии. К вечеру зона ответственности дивизии включала Соухт и юго-восточную часть Лемберга и заканчивалась на юго-востоке от Битче. Таким образом, 45-я дивизия, как самое западное и крупное соединение из состава 6-го корпуса 7-й армии США, занимала позиции по широкому фронту (протяженностью около 50 км) от германского Нидершлеттенбаха на правом (восточном) фланге до горных лесов в северных Вогезах на левом (западном) фланге и примыкала к участку 100-й пехотной дивизии из 15-го корпуса.

Чтобы обеспечить действия 45-й пехотной дивизии на фронте с такой значительной протяженностью, командир 6-го корпуса, генерал-майор Эдвард Брукс, передал целый ряд частей в подчинение командиру 45-й дивизии генерал-майору Роберту Фредерику. В наименее опасном месте на самом краю правого фланга, граничившего с 79-й пехотной дивизией, Фредерик поставил 36-й инженерный полк; оборону других участков, вызывавших значительно большие опасения, он поручил 274-му, 275-му и 276-му пехотным полкам из состава недавно прибывшей тактической группы «Херрен»¹ и частям 79-й пехотной дивизии, включая 313-й пехотный полк (без 3-го батальона), 1-й батальон 314-го пехотного и 1-й батальон 315-го пехотного полков. [69]

¹ Тактическая группа «Херрен» под командованием бригадного генерала Томаса Херрена, включавшая три полка из состава 70-й пехотной дивизии, была третьим соединением подобного типа, созданным в 7-й армии. Подобно тактической группе «Харрис», в период операции «Нордвинд» это соединение не успело получить подкреплений от своей дивизии.

На своем участке генерал-майор Филиппи и его 361-я фольксгренадерская дивизия действовали против оборонившего Рейпартсвиллер 313-го полка, 1-й батальон которого выставил дорожный блокпост около Вильденгута, а 2-й батальон контратаковал части Филиппи во второй половине дня.

Основные бои развернулись несколько дальше, на северо-западе, вокруг городов-соседей Гетценбрюк и Саррейнсберг, восточные окраины которых в течение всего дня атаковала 257-я фольксгренадерская дивизия, встретившая сопротивление 19-го мотопехотного батальона, усиленного остатками отряда «С» 117-го (мех.)¹ эскадрона кавалерийской разведки. Положение оборонявшихся улучшилось только к вечеру, когда в результате начатой «большой передислокации» американских войск в район Гетценбрюка — Саррейнсберга прибыл 2-й батальон 179-го пехотного полка из 45-й дивизии.

Начало «передислокации» было положено во второй половине дня 1 января, когда командир 179-го пехотного полка полковник Мерфи вместе со своим начальником разведки капитаном Уаткинсом докладывали генералу Фредерику на командном пункте 45-й дивизии в Лагензульцбахе. Здесь они получили общие указания по ситуации и информацию о задачах 179-го полка на следующий день, решать которые следовало на новом участке, уже после передислокации.

В назначенное время 179-й полк заменили 36-м инженерным (штурмовым) под командованием полковника Ботнера.

В ночь с 1 на 2 января личный состав 179-го полка срочно перебросили на грузовиках из района Виссембурга: сначала 2-й, за ним 3-й и, наконец, 1-й батальон. В 3.00 утра 2 января полковник Мерфи с командирами батальонов и офицерами разведки полка капитаном

¹ В 1944 году механизированные части обозначали сокращением «мех.».

Уильямсом и капитаном Уаткинсом покинули командный пункт полка в Лембахе и выехали в Винген-на-Модере. С этого момента боевые действия в районе выглядели следующим образом:

Дата/время	Действие
02 января 05.20	Капитан Уильямс прибывает на командный пункт 117-го эскадрона кавалерийской разведки в Вингене-на-Модере и принимает доклад об обстановке, сделанный капитаном Брауном.
02 января 06.40	На КП 117-го эскадрона прибывает полковник Мерфи, который принимает доклад командира эскадрона подполковника Ходжа. После этого полковник Мерфи отдает следующие устные приказания: — 1-й батальон: сбор в Кольхютте; — 2-й батальон: сбор в окрестностях Саррейн-сберга и готовность к атаке или контратаке; — 3-й батальон: сбор к северу от Вингена и атака в северном направлении для овладения Маутерхаузе.
02 января 08.30	179-й пехотный полк переносит командный пункт в Винген.
02 января 09.55	Капитан Уильямс покидает командный пункт и обходит батальоны, чтобы передать командирам приказания полковника Мерфи.

02 января, 11.05. Капитан Шмид (1-й батальон) получает приказ блокировать перекресток дорог, ведущих из Вимменау и Рейпертсвиллера, силами одной роты (роты «B») и силами другой роты (роты «C») перерезать лесную дорогу, идущую вверх от долины Ротбах северо-восточнее Кольхютте. [70]

Оперативная группа «Винген» и ее первая боевая задача

Я доложил командиру батальона. Забыв обо всем, кроме Мельха, мы приступили к обстоятельному изучению селения и его окрестностей с помощью оптики своих полевых биноклей. Хотя через деревья слева от нас уже пробивалось утреннее солнце, никаких признаков жизни не обнаруживалось. Мельх казался вымершим.

Я решил отправиться на разведку и взял с собой посыльного из штабного отделения. Мы осторожно приблизились к крайнему дому. Дверь оказалась заперта. Дом выглядел пустым. Только в третьем доме (из примерно десятка) мы обнаружили старика. На всякий случай оставив посыльного снаружи, я вошел в дом, чтобы расспросить старика, безразлично курившего обычную для этих мест трубку с фарфоровым коленом.

Конечно, он оказался коренным эльзасцем, примерно семидесяти лет от роду. Его речь сначала показалась необычной, но я без труда понял все, о чем он говорил. Рассказ оказался коротким: старики был единственным обитателем Мельха! Все остальные жители уехали за день до этого, отправившись в какой-то город, расположенный южнее, чтобы поселиться у родственников и «избежать тягот» опять вернувшейся войны. Нет, в Мельхе больше не было «ами» (американцев), только вечером прошла небольшая группа из десяти или двенадцати человек — видимо, отстали от своих. Они ушли незадолго до нашего появления, но прежде успели «позаимствовать» принадлежавшие старику карманные часы.

Мы с посыльным обследовали часть домов, но не обнаружили ничего противоречившего рассказанной стариком истории. Вскоре пришлось срочно свернуть обследование, так как на юге послышался отчетливо различимый шум приближавшегося самолета. Мы быстро добрались до ближнего края леса и, низко пригнувшись у огромного дерева, проследили за небольшим разведывательным самолетом, скорее всего, принадлежавшим какой-нибудь артиллерийской части. Пилот описал круг над Мельхом и расположенным рядом лесом. Должно быть, летчик что-то заподозрил, поскольку вскоре после того как самолет скрылся из виду, в районе Мельха разорвалось несколько артиллерийских снарядов среднего калибра.

Артиллерия била «по площади» и лишь случайно повредила один из пустых домов.

Я как раз докладывал Крецингеру о результатах разведки, когда появился наш «Франц» — командир полка штандартенфюрер Шрайбер. Он пришел по той же тропе, по которой три часа назад прошли мы. С командиром полка прибыли его ординарец и посыльный. Мы не видели Шрайбера с того предновогоднего вечера, когда докладывали ему на передвижном командном пункте, еще на германской стороне границы. Крецингер лаконично обрисовал ситуацию, в конце добавив все, что я только что доложил о разведке Мельха.

Шрайбер вызвал командиров рот и, присев на пень, в сжатом виде сообщил нам все, что произошло за последние 24 часа. Он пояснил и то, что касалось нашего организационного положения — состава оперативной группы «Шрайбер» и прочего. Затем командир полка сообщил, что в середине дня мы должны будем соединиться с 1-м батальоном, после чего два наших батальона перейдут под команду старшего по званию офицера — гауптштурмфюрера Алоиза Бургшталлера (командира 1-го батальона), образовав новое подразделение, названное «Оперативной группой «Винген».

Вингенской оперативной группе ставилась задача овладеть Вингеном-на-Модере, блокировать основную дорогу, проходившую через город с запада на восток, и не допустить прохода по этой дороге войск противника. Предполагалось, что атаку поддержит 3-й батальон артиллерийского полка, для чего с нами выдвинутся наблюдатели.

Параллельно и одновременно с нашим наступлением на Винген 506-й мотопехотный батальон СС (действующий без своих полугусеничных машин) вместе с батальоном 951-го grenaderского полка (из 361-й дивизии) должны овладеть городом Вимменау, расположенным примерно в четырех километрах на дороге, ведущей к Эльзасской равнине.

После достижения первых целей наступления и захвата плацдарма над рекой Модер нашу оперативную группу среди прочего ожидало усиление в виде батальо-

на самоходных штурмовых орудий. Нам предлагалось готовиться к захвату Ла-Пти-Пьера, откуда мы можем вскоре пойти на Савернский проход, чтобы открыть нашим бронетанковым силам выход на Рейнскую равнину.

Мы недостаточно хорошо знали о силах противника между Мельхом и Вингеном. С начала операции «Нордвинд» противник беспорядочно отступал и, по крайней мере, на этом участке его войска состояли лишь из механизированных разведывательных частей. Имелись данные о том, что в Вингене мог располагаться командный пункт (возможно, КП дивизии). Можно было ожидать, что Винген защищен соответствующим образом — то есть, что севернее города предусмотрена линия обороны.

Шрайбер предупредил, что не стоит особенно надеяться на продолжение неразберихи или хаоса в американских войсках. Нужно иметь в виду, что противник имеет все возможности, чтобы исправить ситуацию за очень короткое время. Кроме того, следует знать, что для остановки нашего продвижения в ближайшее время будут подтянуты резервы.

Следовательно, успех всецело зависит от внезапности и нашей способности «переиграть» американского оппонента!

Штандартенфюрер Шрайбер закончил речь сообщением, что он разместит свой командный пункт в Мельхе. После этого командир полка с сопровождающими отправился навстречу своему штабу.

Офицеры 3-го батальона немедленно приступили к изучению местности. По карте мы обнаружили, что в трех милях к югу от Мельха находится ручей Ротбах («Красный ручей»), протекающий с запада на восток. Его исток находился южнее Альтхорна, далее ручей протекал через селения Вильденгут и Рейпертсвиллер, затем менял направление и сворачивал к югу, выходя на Эльзасскую равнину в городе, получившем то же имя: Рот-

бах. Лучшим маршрутом достижения нашей непосредственной цели выглядела западная часть долины Ротбах: здесь не было никаких поселений, за исключением дома лесника. Долина, зажатая меж двух крутых, густо поросших лесом склонов, была весьма узкой. В самой западной части долина Ротбах упиралась в горный гребень под названием «Вейнбург», верхняя точка которого находилась на высоте 380 метров. Это на 140 метров превышало уровень дна долины, по которой нам предстояло идти к цели. Затем выходившая из долины лесная дорога узким серпантином карабкалась наверх, к проходу в северной оконечности хребта Вейнбург. Мысленно проигрывая ситуацию с точки зрения противника, мы пришли к выводу, что для защиты Вингена ему достаточно закрыть проход через хребет Вейнбург, не допустив нашего выдвижения к городу с этого направления. Чтобы этого не случилось, нужно было соблюдать осторожность при движении во второй половине дня и особенно во время приближения к этому горному проходу!

За Вейнбургским гребнем и к западу от него проходила шоссейная дорога, которую следовало пересечь по пути к цели. Дорога соединяла Битче, располагавшийся севернее, с городами, находившимися южнее, и между Вингеном и Вимменау пересекалась с дорогой, проходившей по долине реки Модер. Это был значительный район, который нам предстояло пройти со всей осторожностью и очень быстро.

Обеспечивая транспортные коммуникации в заросших лесом и заваленных снегом горах, Винген-на-Модере занимал в этом районе очевидно ключевую позицию. Кроме шоссе, здесь проходила и другая, более крупная дорога, соединявшая долину реки Саар и Эльзасскую равнину. Эта дорога связывала такие значительные города, как Сарре-Юнион, Ингвиллер, Хагенау и, наконец, Страсбург. С юга к Вингену подходила еще одна дорога, из Саверна — важнейшего города, открывавшего выход на Рейнскую равнину. Наконец, Винген представлял собой железнодорожный узел.

Через этот город проходила линия Саарбрюкен — Страсбург. В те времена здесь также действовала ветка, соединявшая Винген с Сен-Луи-ле-Битче. Железнодорожная станция располагалась в северной оконечности города.

Население Вингена, численность которого, по нашей оценке, составляла около 1000 человек, распределялось по двум основным районам города. Кроме собственно городской застройки на севере находилось что-то вроде пригорода, отмеченного на карте как Хейденек («Угол язычника»). Вокруг были горы, поднимавшиеся на 100—150 метров выше города.

Нужно было готовиться к просачиванию, а для этого требовалось более подробно изучить карту. Выставив по краю леса маскировочные экраны, бойцы расположились на отдых. Вытащив и нарезав припасенную еще в Дании ветчину, они грелись на ярком зимнем солнце... Дания!.. В тот момент казалось, что мы покинули эту страну много лет назад¹.

Первые серьезные неудачи

Поздним утром генерал-майор Филиппи встретил 2-й батальон 952-го гренадерского полка на горной тропе в трех километрах от Баеренталя. Так как автомобили и лошади оказались не в состоянии двигаться по круто-му склону, личный состав волочил тяжелое вооружение на собственных плечах. Было ясно, что 2 января выбившийся из сил батальон не сможет участвовать в атаке на Лихтенберг![71]

Как писал в 1947 году генерал-майор Филиппи, находившийся тогда в американской тюрьме, все это лишний раз доказывало трудность ведения боевых действий

¹ Эта остановка в солнечном тихом лесу возле Мельха на многие десятилетия отпечаталась в памяти многих бойцов вингенской группировки.

в горах, в условиях практического бездорожья и применения совершенно неподготовленных воинских частей! Это также доказывало важность (для обеих сторон) обеспечения контроля над сетью имевшихся дорог, например над дорогой от Форно-Неф до Рейпертсвиллера и далее, до долины Модера. Наиболее важная роль отводилась ключевым горным проходам. [72]

Примерно в 13.00 дня 953-й полк доложил результаты произведенной разведки. В Вильденгуте и Зегмюле противника не оказалось, и Зегмюле занял 2-й батальон 951-го гренадерского полка. Тем не менее войска противника удерживали Рейпертсвиллер.

Атака 953-го гренадерского полка началась, как было намечено, ровно в 14.00. С первой же атакой бойцы 2-го батальона вошли в город. Однако прежде, чем они успели закрепиться на позиции, противник контратаковал, и при поддержке танков германские войска были вытеснены из города. 2-й батальон понес тяжелые потери и отступил. Полк перегруппировал силы в лесу к северу от города. Батальон из Зегмюле подошел слишком поздно, не успев поддержать атаку на Рейпертсвиллер.

1-й батальон 952-го полка, оставшийся в Баерентале, отразил полуночную атаку противника и продолжал держать позицию, блокируя дорогу.

Таким образом, к исходу дня 2 января не была выполнена ни одна из поставленных задач. Войскам не хватало огневой поддержки, а танки действовали неэффективно. Что еще хуже, в течение дня противник наращивал плотность артиллерийского и минометного огня, а также применение авиации. Возможности, утром обещавшие успех, к вечеру улетучились.

Из-за отсутствия у Люфтваффе средств воздушной разведки генерал-лейтенант Хоне не мог нормально подготовиться к очередному дню наступления. При оценке сил противника ему приходилось исходить из

данных неглубокой разведки наземных боевых частей, допросов американских пленных и случайных радиоперехватов, полученных разведывательными отделами 1-й армии и группы армий «G». [73] Тем не менее Хоне и его начальник штаба полковник Карл Эммерих согласились с Филиппи в том, что скорейший захват Рейпертсвиллера и Лихтенберга жизненно необходим — как для продвижения вперед 361-й дивизии, так и для обеспечения безопасности оперативной группы «Винген» и недопущения обхвата с флангов! [74]

257-я фольксгренадерская дивизия генерал-майора Зейделя, действовавшая справа от вингенской оперативной группировки, добилась определенного успеха, но при этом также не выполнила задач дня. [75] 2 января основные усилия Зейделя были направлены на взятие Лемберга, для чего он не только атаковал сам город, но и попытался обойти засевших там американцев с фланга, овладев высотами около Сен-Луи-ле-Битче. Зейдель ожидал, что с севера его усилия поддержит 559-я фольксгренадерская дивизия. Вторая цель Зейделя состояла в захвате Гетценбрюка и Саррейнсберга для обеспечения контроля над пересечением ключевых дорог.

Правее сектора 257-й дивизии на Лемберг наступал 477-й гренадерский полк, атаковавший по границе с 559-й дивизией, но не сумевший взять высоту 404 к югу от города, на которой располагался важный перекресток дорог. Поддержка со стороны других частей 90-го корпуса по-прежнему отсутствовала. 466-й гренадерский полк атаковал вдоль дороги на Лемберг и достиг Унтербильдмюле, после чего, повернув на юг, вышел на северо-восточную окраину Гетценбрюка, где остановился на ночь. Наступая на юго-запад вдоль дороги, выходившей из Маутерхаузе, 457-й гренадерский полк овладел Альтхорном, соединившись с правым флангом 466-го полка на восточной окраине Саррейнсберга. Наконец, вечером 2 января подразделения 457-го гренадер-

ского полка установили блокпост на перекрестке дорог в одном километре на юго-юго-восток от Мейзенталя, рядом с двумя римскими колоннами¹.

Из 257-й фольксгренадерской дивизии докладывали о контратаках, предпринятых американскими войсками из Мейзенталя в 14.00 и 14.30, при поддержке десяти танков. Также во второй половине дня полк отбил несколько контратак с юго-восточного направления, вдоль дороги из Вимменау, предпринятых американцами, приехавшими на грузовиках.

Все эти атаки были отражены благодаря сосредоточенному артиллерийскому обстрелу, и, если судить по вечернему рапорту штаба 257-й дивизии, противник понес большие потери. В рапорте об итогах дня, направленном из дивизии в штаб 90-го корпуса, говорится, что американские войска потеряли «около 400 человек убитыми» и понесли значительный материальный урон к востоку от Мейзенталя. Такие данные несколько обнадежили штабистов 257-й дивизии, так же как потери частей, участвовавших в боевых действиях (а именно, 2-го батальона 179-го полка, 19-го мотопехотного батальона и 141-го пехотного полка), за 3 и 4 января составившие менее 10% общей численности личного состава. [76]

С гораздо меньшим оптимизмом в рапорте указывалось, что в течение второй половины дня американские

¹ Донесение и журнал боевых действий 257-й дивизии от 2 января указывают, что в 16.00 457-й полк вышел к «перекрестку южнее Каесберга», а к 17.00 — к перекрестку, располагавшемуся «в одном километре южнее Кехльхютте». Это могли сделать только патрули — такие же, как патруль, встретившийся нам 3 января на последнем из упомянутых пересечений. Определенно, что к югу от Каесберга не проходила линия основной обороны, как это утверждалось в журнале боевых действий того дня. 3 января мы не встретили около Каесберга никаких германских частей, за исключением однокого патруля. Это неверное утверждение было повторено графически на картах от 02.01.1945, 03.01.1945 вследствие ошибки или из стремления выдать желаемое за действительное!

истребители-бомбардировщики продолжали налеты на позиции артиллерии 257-й дивизии, а также пехотных частей, затрудняя их движение.

Энергичные действия оперативной группы «Винген»

К 15.00 не обнаруживалось никаких признаков 1-го батальона. Как мы потом узнали, предыдущей ночью 1-й батальон стал лагерем в окрестностях Швейцерландела и продолжил марш, как и следовало, в 13.00. Однако во время марша удача от них отвернулась. Назначенная в сопровождение машина с радиостанцией (из 3-й роты 6-го батальона связи СС «Норд») потеряла колонну из виду, пропустила поворот на Форно-Неф и через 6 км въехала на американский блокпост, выставленный севернее Филиппсбурга. В 14.00 их взял в плен 3-й батальон 257-го пехотного полка. Связистам выпала сомнительная честь первыми из «Норда» попасть в американский плен. Потеря средств дальней связи имела далеко идущие последствия для всей Вингенской операции. Свернув с дороги к юго-западу от Баннштейна, колонна 1-го батальона (за минусом связной машины) севернее Форно-Неф попала под удар американских истребителей-бомбардировщиков¹. Атака с воздуха вызвала новую задержку, поэтому 1-й батальон 12-го горнопехотного полка СС прибыл в Мельх лишь с наступлением темноты, двигаясь по той же тропе, по которой мы прошли почти за сутки до этого. Штандартенфюрер Шрайбер кипел от негодования и отказался принимать какие-либо оправдания по поводу задержки.

Несмотря на поздний час, штандартенфюрер Шрайбер приказал батальону продолжить марш в направле-

¹ «Подавляющее превосходство американцев в воздухе произвело на нас неизгладимое впечатление» — такую запись оставил в тот день в личном дневнике Ганс-Герман Карлау, адъютант 1-го батальона.

нии Вингена и овладеть городом. Для этого оставалось еще догнать наш 3-й батальон, находившийся впереди в четырех часах пути.

На марш мы вышли перед закатом, в 16.30. Вместо прямой разбитой дороги, уходившей на юг, мы выбрали крутые горные тропы на западном склоне долины Мельх, прикрытые густыми ветвями деревьев от наблюдения с воздуха. Первый пятикилометровый отрезок должен был вывести к долине Ротбах. Головная рота выслала вперед разведчиков, и за ними гуськом двинулся весь батальон. Предпоследним шел батальонный обоз с навьюченными лошадьми. Движение колонны замыкала рота пехоты. Во время движения строго воспрещалось разговаривать или курить; бойцам приказали следить за снаряжением и упряжью и не производить никаких звуков.

Марш продолжался в сгущавшихся сумерках около двух часов, до тех пор, пока головная рота не достигла долины Ротбах. Мы с Крецингером находились в 11-й роте, в голове колонны. Патруль под командой унтер-шарфюрера Будта отправился разведать обстановку вдоль проходившей по долине дороги и «разнюхать», нет ли там «ами». Батальон остановился для короткого отдыха в лесу у обочины.

Враг тоже не дремлет

На юге от нас с противоположной стороны фронта американская 179-я пехотная дивизия поспешило выдвигалась к никем не занятому промежутку, через который мы собирались выйти к Вингену.

Дата/ время	Действие
02 января 18.15	Полковник Мерфи приказал капитану Шмиду произвести разведку на пути движения его 1-го батальона к Мейзенталю и далее в район западнее Гетценбрюка — Саррейнсберга.

Дата/ время	Действие
02 января 19.00	Капитан Шмид доложил в полк, что грузовики, доставлявшие колючую проволоку в роту «С», были обстреляны из стрелкового оружия на дороге восточнее Кольхютте. Рота «С» получила приказ выслать патруль и разведать ситуацию ¹ .
02 января 21.50	Офицер по связи 276-го пехотного полка тактической группы «Херрен» лейтенант Богарт направил донесение в штаб 179-го пехотного полка. Он доложил, что 1-й батальон 276-й пехотного полка занял позиции вокруг Вингена, а 2-й батальон находится в Вимменау. (За день до этого 3-й батальон 276-го полка уже расположился в окрестностях Роштейга.) Командный пункт 276-го пехотного полка находился в Циттерсхайме.
02 января 23.35	Командир 276-го пехотного полка полковник Морган прибыл на КП полковника Мерфи и сообщил, что 276-й полк блокировал все дороги «к северо-востоку от Ингвиллера — Вимменау — Вингена».

Полковник Мерфи попросил 276-й полк установить контакт и наладить взаимодействие с 313-м пехотным полком (дислоцированным в основном в Рейпартсвиллер и его окрестностях).

Рота «С» вступила в перестрелку с противником.

Бой в Вайнбургском проходе

Патруль отправился на разведку в 19.00 и вернулся назад полтора часа спустя. Будт доложил, что дорога на восток должна быть свободна до пересечения у Вильденгута, где она выходила на другую дорогу, которая шла из Мельха. За пересечением виднелись дома, занятые американцами. (Теперь можно предположить, что это были солдаты 1-го батальона 313-го полка из 79-й пехотной дивизии.)² Когда Будта и его людей обляяли собаки, из

¹ Грузовики мог обстрелять саперный взвод 457-го полка из 257-й фольксгренадерской дивизии, о котором будет сказано в следующей главе.

² Ранее в этот же день упомянутое подразделение было отброшено атакой роты 953-го гренадерского полка.

домов выскочили американцы, чтобы выяснить причину шума. [77] После этого Будт со своими людьми повернулся назад и вернулся к основной группе.

При возвращении разведка едва не столкнулась с движавшимся по дороге отрядом. Приблизившись к повороту дороги на Мельх, Будт и его люди заметили в темноте какое-то движение. Будучи уверенными, что в окрестностях нет германских войск (до нашего батальона оставалось более 2 км), Будт тут же скомандовал пулеметчику открыть огонь. «Feuer frei!»¹.

Затвор пулемета заел.

К счастью для всех, пока пулеметчик устранил неполадку, скрывавшиеся в лесу фигуры были опознаны как... унтерштурмфюрер, адъютант 1-го батальона Ганс-Герман Карлау, оберштурмфюрер Ганс Якобс и их посыльный. Они искали путь, чтобы батальон мог спуститься на дно лощины. Таким образом, в результате вылазки разведывательный патруль унтершарфюрера Будта не только обнаружил противника, но и нашел своих.

В темноте под прикрытием леса мы обсудили ситуацию с офицерами 1-го батальона. Договорились, что наш 2-й батальон продолжит движение впереди, а 1-й батальон пойдет следом за нами. В Мельх к штандартенфюреру Шрайбера отправили двух посыльных с донесением о соединении двух батальонов и сообщением о том, что Вильденгут захвачен американцами.

11-я рота пропустила наш батальон вперед, с этого момента оставшись в арьергарде для поддержания контакта с 1-м батальоном. Колонну возглавила 12-я рота. На часах было 21.30.

К этому времени стало совсем темно и нас как будто окутало низкой и плотной облачностью. Ни луны, ни тем более звезд не было видно. Единственным источником света были слабые лучи, едва проникавшие через облака

¹ «Feuer frei!» — «Открыть огонь!» (нем.)

и отражавшиеся от снега. Это затрудняло ориентацию, но и уменьшало риск быть обнаруженными. Такая погода обеспечивала и другое преимущество: облачным днем мы могли не беспокоиться о возможном нападении с воздуха.

Первый участок казавшегося легким маршрута пролегал по лесной дороге в нижней части долины Ротбах. Судя по имевшейся у нас карте, через 2,5 км мы должны были оказаться на серпантине, поднимавшемся к выходу в северную оконечность долины, на самом юге которой и располагался Винген. Командир 12-й роты,oberштурмфюрер Шиндлер, предупредил своих разведчиков о возможной опасности, поджидавшей их впереди, на высотах Вейнбурга. По мере приближения к горному проходу разведчики передвигались, соблюдая меры предосторожности.

Наконец, необходимость в них отпала: впереди на дороге грянули первые выстрелы! Я находился впереди вместе с Шиндлером и Крецингером и тут же направил посыльного к командиру 13-й роты гауптштурмфюреру Бруно Шютце, а также к исполнявшему обязанности командира 11-й роты oberшарфюреру Вили Хаеру и к гауптштурмфюреру Бургшталлеру, командиру 1-го батальона. На часах было 22.30.

Шиндлер передал сообщение от разведчиков — впереди, у самого Вейнбурга, окопалось подразделение американских войск. Пока было трудно сказать, то ли это пост охранения, то ли основная линия обороны. Крецингер, не мешкая, отдал распоряжения:

— 13-я рота поднимается на гору слева, достигает вершины гребня, выдвигается по гребню в западном направлении и атакует (будем надеяться, успешно) правый фланг обороны врага;

— 12-я рота незаметно выдвигается вперед и выбирает место, удобное для атаки, но ни в коем случае не начиняет атаку до момента, когда 13-я рота начнет штурм;

— 11-я рота обеспечивает безопасность правого фланга и поддерживает 12-ю роту пулеметным огнем;

— наш обоз и 1-й батальон держат позицию вдоль дороги¹.

Быстро вернувшись в свои подразделения, командиры рот отдали приказ готовиться к скорой атаке. Наши разведчики отошли назад. Стрельба понемногу затихла.

Продолжение стрельбы никак нас не устраивало, поскольку мы хотели создать у противника впечатление, что с ними столкнулся обычный передовой патруль, который сейчас торопится назад сквозь ночь с информацией об обнаружении американских позиций.

Через тридцать минут началась сильная стрельба. Слева от нас на гребне пошла в атаку 13-я рота. Почти одновременно 12-я рота пошла в атаку с фронта, двигаясь по обе стороны от извивавшейся вверх по склону дороги. На часах было 23.20.

Через 20 минут я вместе с бойцами 12-й роты сидел в придорожной канаве у перекрестка. Нам пришлось укрыться после начала минометного обстрела со стороны американцев. Стрельба из автоматов несколько углилась. Вместе с нами в канаве сидели первые 10 взятых в плен американских солдат, тоже скрывавшихся от мин.

Было около полуночи. 13-я рота вышла на вершину перевала, где было относительно ровное место, и деревья росли не так часто. Стрельба поутихла. Похоже, противник окапывался. Очевидно, американцы собирались с силами после того как их отбросили на 50 метров от исходной позиции. Кто-то из американской стороны на довольно сносном немецком громко предложил не стрелять 10 минут, чтобы собрать раненых. Шютце сразу со-

¹ Внимательные читатели легко узнают эту тактику: аналогичный план мы применили в сражении около Муонио ночью 28 – 29 октября 1944 года.

гласился. Санитары вышли на ничейную землю и оттащили раненых к своим.

Мы потрясенно молчали. Ничто не могло более ясно подчеркнуть разницу между боевыми действиями против американцев и против русских. Тем бы и в голову не пришло устраивать такую передышку¹.

III. РАЗБОР СРАЖЕНИЯ

К концу дня мы овладели территорией, но не выполнили задач этого дня, а именно — не добились захвата господствующих высот по обеим сторонам от Сен-Луи-ле-Битче, Лемберга и Гетценбрюка — Саррейнсберга. Опасность продолжала нависать и над растянутым правым флангом, где требовалось присутствие значительных сил для отражения возможных контратак американцев со стороны их непрерывно получавших подкрепления опорных пунктов в Лемберге, Гетценбрюке — Саррейнсберге и Мейзентале. Особенно неприятным было присутствие в Лемберге вражеских войск, связанных действиями целого полка (477-го гренадерского), который в противном случае мог бы участвовать в наступлении на Гетценбрюк — Саррейнсберг.

К нерадостному положению германских войск к концу второго полного дня операции «Нордвинд» можно добавить еще несколько обстоятельств.

Связь

Для оперативной группы «Винген» главной неудачей этого дня стала потеря машины с радиостанцией. В тот момент, досадуя по поводу отсутствия радиостанции, мы еще не знали, что машина захвачена американцами, и не

¹ Десятилетия спустя это продолжает удивлять участников сражения, ветеранов 3-го батальона.

представляли, какую роль это событие сыграет в будущем. Осознание этого пришло несколько позднее — когда мы не смогли передать хотя бы в один из германских штабов простое, но емкое сообщение: «Винген в наших руках!» Без этого сообщения ни Шрайбер, ни Филиппи не могли выслать к нам ни подкреплений, ни тем более самоходных штурмовых орудий!

В общем, связь оставалась большой проблемой до самого окончания наших боев в Вогезах. На самом деле эта проблема была актуальна не только для германской стороны. Однако, хотя генерал-майор Филиппи не был первым и единственным генералом, который вынужденно, из-за отсутствия связи, откладывал начало важной операции — тем не менее его проблема выглядела очень серьезной: 6-часовая отсрочка наступления на Рейвертсвиллер, вызванная отсутствием связи с артиллерией, позволила 2-му батальону 313-го пехотного полка американцев хорошо подготовиться к обороне. Таким образом, не была своевременно решена одна из ключевых задач того дня.

Хотя сорок лет спустя это трудно представить, однако на начальном этапе «Нордвинда» трудности с радиосвязью объяснялись в основном сложным рельефом местности. В северных Вогезах старались по возможности заменять УКВ-радиостанции полевыми телефонами, соединявшимися при помощи обычных проводов. Это не только задерживало установление связи, но также затрудняло ее поддержание в условиях артиллерийского и минометного огня противника. В подразделения время от времени направляли посыльных, а одна из германских частей построила целую сеть, ускорявшую работу этого самого примитивного и медленного способа коммуникации. [78] В основном немецкие радиостанции представляли собой громоздкое и тяжелое оборудование. В распоряжении нашей армии не было портативных радиотипа «уоки-токи», имевшихся во многих американских

частях. В 1930-е годы в Германии замедлилось развитие техники двухсторонней радиосвязи — вероятно, отчасти по причине запрета радиолюбительства.

Разведка

Такой же серьезной проблемой было отсутствие качественных разведывательных данных. Воюя на Арктическом фронте, мы привыкли иметь достоверную и подробную картину всего, что касалось сил противника. Мы точно знали наименования всех находившихся перед нами частей и как минимум места их расположения. Тем более непонятным казалось отсутствие подобной разведывательной информации на западном оперативном театре.

Хотя фронт оставался на месте почти две недели до начала операции «Нордвинд», мы получали исключительно туманные ответы на вопросы, касавшиеся сил противника. Правда, в добыче разведанных случались кое-какие успехи — например, захват в плен лейтенанта Мидлброка из 117-го кавалерийского эскадрона, — но эти случайные просветления не давали ясной картины, необходимой для гарантированного достижения успеха. К счастью, штаб и командиры 361-й фольксгренадерской дивизии, в составе которой действовала оперативная группа «Винген», оказались знакомы с местностью, по которой они отступали в течение прошедшего декабря. (Остальные дивизии 89-го и 90-го корпусов не имели этого преимущества, так как заняли свои позиции незадолго до начала «Нордвинда».) Тем не менее войскам недоставало информации, полученной от разведки. Отчасти это было следствием оперативных приказов командующего группой армий «G» генерал-полковника Йоханнеса Бласковица.

Для обеспечения секретности и, таким образом, для достижения эффекта максимальной внезапности наступления Бласковиц запретил вести разведку в зонах атаки до начала «Нордвинда». В приказе о подготовке операции командующий группой армий «G» разрешал вести только обычную рутинную разведку, создававшую «видимость стабильности фронта». [79] Этот приказ, в сочетании с недостаточной или малоэффективной разведывательной поддержкой со стороны Люфтваффе по сути лишил «зрения» командиров атакующих частей до момента начала операции «Нордвинд», в результате чего пехота нередко выходила на минные поля или попадала на хорошо пристрелянные участки обороны противника. Нанесенные этим частям тяжелые потери стали одной из причин, по которой 559-я и 257-я фольксгренадерские дивизии не смогли взять Лемберг, что, в свою очередь, негативно сказалось на дальнейших наступательных операциях как 89-го, так и 90-го корпусов.

Наконец, недостаточность разведки усугублялась отсутствием разведывательных кадров в некоторых подразделениях, принимавших участие в операции «Нордвинд». К примеру, в 6-й горной дивизии СС подразделения ниже уровня дивизии вообще не имели офицеров по разведке! В нашем 3-м батальоне 12-го горнострелкового полка СС офицера-разведчика не было с октября 1943 года!

С другой стороны, многое говорило о том, что командиры американских подразделений имели потрясающе детальную информацию о своем противнике. Это различие могло объясняться двумя факторами. Поскольку американские части были относительно свежими, то имели достаточно офицерских кадров на всех уровнях, вплоть до батальонных штабов и разведчиков. Поэтому американцы могли эффективно собирать и анализировать информацию, которую затем превращали в разведанные, полезные для командования любого уровня.

Кстати, в этот период войны многие попавшие в плен немцы становились довольно разговорчивыми (сообразуясь с собственными, очень личными оценками военной ситуации). Обычно германские солдаты чувствовали облегчение от самого факта, что попали в плен к американцам, а не к наводившим ужас «красным».

Погода

Тяжелые погодные условия, то есть мороз и снег, едва ли повлияли на боеспособность оперативной группы «Шрайбер». На севере Карелии мы сталкивались с более суровым климатом и к тому же имели все необходимое для продолжительных действий в неблагоприятных условиях. Однако многие фольксгренадерские части не имели соответствующей экипировки, подготовки или опыта для проведения длительных операций в условиях ненастяя. К концу второго дня «Нордвинда» — или, для случая 361-й дивизии генерал-майора см.: Филиппа к исходу первого дня боевых действий — командиры некоторых гренадерских частей отметили значительное падение боеспособности личного состава. [80]

Штурмовые самоходные орудия, так необходимые для отложенной атаки Рейпертсвиллера, задержались в пути из-за обледеневшей дороги. Уже потеряв несколько драгоценных бронированных машин в первый день из-за налета американских самолетов, Филиппи снова лишился не менее двух машин, застрявших в результате поломок где-то между Бэренталем и Рейпертсвиллером. [81]

Наконец, дорожные условия настолько замедлили выдвижение 2-го батальона 952-го гренадерского полка, что штурм Лихтенберга пришлось отложить на один полный день.

Управление американскими войсками

Не подлежит сомнению, что своевременная и решительная реакция американских штабов на стремительное наступление германских войск оказалась главным фактором, определившим результаты второго дня операции «Нордвинд». С самого начала операции генералы Пэтч, Брукс и Хэйслип приступили к быстрой перегруппировке войск в северо-восточном секторе 6-го корпуса и их переброске на наиболее опасные участки в ночь с 1 на 2 января.

В отношении гибкости и боевого духа 45-й пехотной дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть масштабной передислокации, очень правильно высказался командующий 6-й армейской группой генерал-лейтенант Якоб Л. Деверс:

«Получив в ночь с 1 на 2 января приказ на переброску ваших войск с «линии Зигфрида» на участок другого соединения [тактической группы «Хаделсон»], вы сделали это значительно быстрее, чем ожидалось.

Прибыв в новый сектор обороны, вы столкнулись с исключительно сложной ситуацией и значительно пре-восходящими силами противника. Вы ликвидировали самый глубокий прорыв и остановили наступление противника без всякого промедления и с холодным упорством, давно присущим 45-й дивизии». [82]

На тот момент переброска войск была рискованным делом, поскольку это оголяло «рейнский фронт» 6-го корпуса. Если бы группа армий «Оберрейн» Гиммлера переправилась через Рейн в Гамбшайме раньше — 2-го, а не 5 января, то его войска встретили бы лишь незначительное сопротивление, что могло помочь группе армий «G» достичь куда более значимых результатов в ходе операции «Нордвинд»... но у Гиммлера имелись свои амбициозные планы и графики.

Гиммлера никак не радовали успехи в реализации «Нордвинда» и то, что Гитлер непременно вознаградит Бласковица. Он сам планировал достичь гораздо большего успеха и окружить войска союзников на Эльзасской равнине силами группы армий «Оберрейн» и 19-й армии, находившейся в «Кольмарском мешке». Тем самым Гиммлер мог вернуть контроль над Страсбургом, преподнеся это «на блюде» 30 января в качестве подарка к 12-й годовщине прихода Гитлера к власти.

Координация усилий

Из-за почти полного отсутствия в воздухе самолетов Люфтваффе перемещения американских войск могли производиться не только в ночное, но и в дневное время. В первую неделю января ситуация, при которой транспортные пути долины Рейна с американской стороны фронта (а также маршруты, уходившие на север и юг, и вся дорожная сеть долины Модера) независимо от погоды находились в полном распоряжении нашего противника, очень напоминала наше положение на Арктическом фронте с 1941 по 1944 год. Тогда Советская армия полностью контролировала Мурманскую железную дорогу, перевозя по ней не только грузы, поставлявшиеся по ленд-лизу, но и свободно перебрасывая войска с одного участка на другой.

Перед германскими войсками, напротив, стояла задача пробиться к дорожной сети, по которой бронетехника могла выйти на Эльзасскую равнину. Имелось всего три пути, пригодных для выхода на Эльзасскую равнину тяжелой техники из оперативного резерва группы армий: Битче — Нидербронн, Рорбах — Лемберг — Цинсвиллер и Рорбах — Лемберг — Гетценбрюк — Винген — Ингвиллер. В том случае если наступление 13-го корпуса СС не увенчается успехом и Рорбах останется под контролем 100-й дивизии (что и произошло 2 января) — бронетехника могла быть направлена из Битче на

Лемберг, с дальнейшим выходом в Эльзасскую долину через Цинсвиллер.

Однако при любом раскладе жизненно необходимым условием использования двух южных маршрутов оставался контроль над Лембергом.

Из-за того, что 256-я фольксгренадерская дивизия не смогла очистить путь дальше Филиппсбурга, дорога Битче — Нидербронн едва ли могла оказаться свободной для прохода к концу первого дня наступления. По этой причине взятие Лемберга стало ключевой задачей 90-го корпуса на 1 января. Другим населенным пунктом, важнейшим с точки зрения выхода на Рейнскую равнину, был Винген.

Проблема Лемберга возникла в основном из-за недостаточной координации с 90-м корпусом под командованием пехотного генерала Петерсена. Лемберг, взятие которого, очевидно, являлось одной из главнейших задач, находился почти точно на границе участков 559-й и 257-й дивизий, входивших в состав 90-го корпуса. Отсюда и возникла «загадка Лемберга»!

На первый взгляд казалось, что оба командующих — генерал-полковник Бласковиц и генерал пехоты фон Обстфельдер считали, что 90-й корпус поставил задачу овладения Лембергом генерал-майору фон дер Мюхлену и его 559-й дивизии. Фон дер Мюхлен определенно так думал и приказал 1126-му гренадерскому полку захватить город. [83] В то же время многие факты говорят о том, что генерал-майор Зейдель также считал своей задачей захват Лемберга и даже поставил такую задачу 477-му гренадерскому полку.

Ситуацию избыточности и несогласованности усугубило решение скорректировать границу между дивизиями 90-го корпуса, принятое 2 января штабом группы армий «G». В результате изменения Лемберг четко попадал в зону действий 257-й фольксгренадерской дивизии. Сразу после этого, в 03.40 утра 3 января, граница была снова перенесена штабом той же армейской группы по

запросу командира 257-й дивизии, и Лемберг опять стал проблемой 559-й дивизии. В то же время из переговоров начальника штаба группы армий «G» и начальника штаба 90-го корпуса было совершенно ясно, что тактическая цель 559-й дивизии — недопущение контратаки американцев и что овладение Лембергом не входит в число основных задач наступления¹.

Возможно, вся эта неразбериха, из-за которой две дивизии одного корпуса не смогли договориться о совместных действиях по захвату одного и того же города, объяснялась необычайной секретностью, в которой готовились приказы Бласковица по операции «Нордвинд» (до 31 декабря боевую задачу знали только командир и офицер оперативного отдела штаба дивизии).

Следует, однако, иметь в виду, что тактические границы и главные задачи наступления доводились до всех командиров дивизий минимум на трех совещаниях, проходивших в штабе 90-го корпуса 28 и 29 декабря.

257-я фольксгренадерская дивизия, в остальном действовавшая успешно, в течение двух дней не могла овладеть Лембергом. Частичному или полному решению задачи могло помочь окружение противника в первый день наступления, совместными действиями с частями 559-й дивизии. Не справившись с этим, как 559-я, так и 257-я дивизии оказались в невыгодной ситуации и бы-

¹ В журнале боевых операций группы армий «G» имеется запись разговора между начальником штаба группы и Бласковицем, состоявшегося вечером 1 января, из которого ясно, что границу между 559-й и 257-й дивизиями нужно сдвинуть к северу, чтобы Лемберг оказался в зоне 257-й дивизии. Текст из журнала 257-й дивизии, карта боевых действий и донесение 90-го корпуса по итогам дня 3 января доказывают, что запрос 257-й дивизии на обратную коррекцию положения границы был на самом деле утвержден штабом армейской группы в 03.40 утра 3 января! В 23.10 2 января начальник штаба группы армий «G» и начальник штаба 90-го корпуса полковник Рейнхард, обсудив ситуацию, договорились, что 449-я дивизия должна занять оборонительные позиции поблизости от Лемберга. (Из журнала боевых операций группы армий «G».)

ли вынуждены держать у Лемберга значительные силы, чтобы воспрепятствовать контратаке американцев. В частности, оставшийся у Лемберга полк 257-й дивизии мог очень пригодиться в уже начатом выдвижении частей дивизии в юго-западном направлении!

С сохранением контроля американских войск над Лембергом оставались перерезанными две важнейшие дороги, необходимые для выдвижения ударных частей группы армий «G» (21-й бронетанковой и 25-й мотопехотной дивизий). Оставалась единственная реальная возможность: выйти на Эльзасскую равнину через Ингвиллер, где на важнейшем пересечении дорог, доступных для движения германских войск, находился Винген.

Таким образом, к исходу второго дня наступления успех операции «Нордвинд» всецело зависел от решения задачи по овладению Вингеном! Впрочем, тогда мы в оперативной группе «Винген» ничего этого не знали.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ПРИКАЗАНО НАСТУПАТЬ

I. БЕЗНАДЕЖНЫЕ ПЛАНЫ

Никто лучше генерал-майора Филиппи не знал, что третий день наступления должен был стать критическим. Фактически он расценивал этот день как последнюю возможность для прорыва обороны. Не справившись со своей задачей, его части не только израсходовали бы имевшиеся силы, но и могли остаться без материального обеспечения. По этой причине Филиппи предстояло сделать несколько важных решений.

Одной из возможностей была концентрация штурмовых частей и лобовая атака Рейпертсвиллер на небольшом участке. Для такой атаки была необходима танковая поддержка, которая в требуемых объемах отсутствовала.

Другая возможность состояла в одновременной атаке не только на Рейпертсвиллер, но и на Лихтенберг. Филиппи не мог бы этого осуществить, поскольку 952-й гренадерский полк располагал только одним батальоном, а второй батальон еще находился в Бэрентале. Использовать один батальон для наступления на Рейпертсвиллер было нереально из-за опасности флангового удара противника со стороны Лихтенберга.

Третья возможность заключалась в широком наступлении на Рейпертсвиллер с рассечением и окружением сил противника в нескольких местах, в сочетании с обходом вражеского фланга с запада, через лес. Этот способ выглядел наиболее надежным — так как противник, судя по всему, не успел взвести серьезных оборони-

тельных позиций. Выставив блокпост на дороге между Ингвиллером и Ротбахом, Филиппи мог бы воспрепятствовать переброске американских подкреплений и быстро сломить сопротивление частей, защищавших Рейпертсвиллер.

361-я дивизия выбрала именно этот последний вариант действий. Для любого другого, более действенного варианта Филиппи требовалась поддержка всего 12-го горнопехотного полка СС, но вышестоящий штаб, отчасти исходя из положения 257-й дивизии, уже определил задачей этого полка наступление на Винген.

После сравнения возможных направлений атаки генерал-майор Филиппи сформулировал следующие приказы на 3 января:

- подразделения 3-го батальона 12-го горнопехотного полка СС должны овладеть Вингеном;
- 1-й батальон 952-го grenadierского полка держит оборону вблизи Бэренталя, не позволяя американцам атаковать левый (восточный) край выступа, занимаемого дивизией;
- 951-й и 953-й полки выдвигаются из Вильденгута при поддержке 2-го батальона; 2-й батальон 951-го полка атакует восточный Вимменау и блокирует дорогу, ведущую от Вимменау и Ингвиллера в направлении Рейпертсвиллера; 2-й батальон 953-го полка атакует Рейпертсвиллер с запада; 1-й батальон 953-го полка атакует Рейпертсвиллер с севера, двигаясь по обе стороны дороги при поддержке самоходных штурмовых орудий;
- 2-й батальон 952-го полка в двух километрах города перерезает дорогу, ведущую из Ротбаха в Рейпертсвиллер. (Ввиду значительной трудности передвижения тяжелого вооружения в этом секторе Филиппи приказал не атаковать Пикарди. Это решение будет иметь серьезные последствия, позже определившие ход всего сражения!)
- 361-й артиллерийский полк выдвигает еще один батальон на позицию восточнее Мельха. Важнейшая за-

дача состояла в организации надежной проводной связи (радиосвязь почти нигде не действовала) с выдвинутыми для обеспечения атаки передовыми наблюдателями.

Для реализации успеха группы армий «G» и предусмотренного концепцией операции выхода бронетанковых частей оперативного резерва на Эльзасскую равнину выполнение задач третьего дня также требовалось от генерал-майора Зейделя. Когда командующий и штаб группы армий «G» оставили попытки взять Лемберг, то и 477-й гренадерский полк освободился от прежней задачи благодаря принятию решения о передаче района Лемберга в зону действий 559-й дивизии. Предполагалось, что 559-я дивизия свяжет американские силы, оставшиеся в Лемберге, а 257-я дивизия обойдет город и продолжит наступление на юго-запад.

Генерал-майор Зейдель приказал дивизии реализовать следующие задачи третьего дня операции:

— после освобождения предместий Лемберга частями 559-й фольксгренадерской дивизии 477-й гренадерский полк атакует в направлении высоты 409 (северо-западнее Гетценбрюка) и захватывает Шиересталь.

— 466-й гренадерский полк атакует и захватывает Гетценбрюк — Саррейнсберг и Мейзенталь.

— 457-й гренадерский полк прикрывает правый фланг дивизии; после достижения перечисленных выше целей наступления 457-й полк идет в атаку, обеспечивая прикрытие по линии Роштейг — Хайденек.

II. МЫ ЗНАКОМИМСЯ С АМЕРИКАНЦАМИ

Когда Филиппи и Зейдель готовили приказы, наши медики собирали раненых, используя последние минуты так удачно выдавшегося перерыва. Как только истекло время десятиминутного прекращения огня, стрельба по обе стороны горного прохода над Вингеном продолжилась и не прекращалась всю ночь.

От взятых пленных мы узнали, что нашим основным

противником во время перестрелки была рота «С» из состава 179-го пехотного полка. В донесении, отправленном на КП батальона, командир роты оценил наши силы в 300 бойцов, так что командир 1-го батальона 179-го пехотного полка не стал испытывать судьбу. Чтобы придать обороне глубину, он поставил роту «В» в заслон¹. После этого командир 179-го пехотного полка полковник Мерфи запросил и немедленно получил от вышестоящего штаба один стрелковый взвод из состава 276-го полка, ставший резервом 1-го батальона.

Развивая атаку в западном направлении в попытке обойти противника с фланга, мы около 03.45 прорвались в боевые порядки 3-го батальона 179-го пехотного полка. Это произошло неожиданно, как раз когда штаб 1-го батальона запросил у штаба полка «добро» на контратаку силами 3-го батальона с целью ослабить давление, оказанное нами на его позиции. В результате завязавшегося боя командир 3-го батальона сообщил, что не в состоянии контратаковать потому, что отражает атаку на свои позиции. Наш огневой контакт с подразделениями 179-го полка продлился как минимум до 05.00 утра².

Интенсивность перестрелки мало-помалу убывала, и незадолго до рассвета стрельба утихла. Как только развиднелось, мы, к своему удивлению, обнаружили, что перед нами никого нет, и неизвестно, как давно противник оставил позиции.

45-я пехотная дивизия «Тандербердс» была соединением с солидным боевым опытом, личный состав которого участвовал во многих сражениях в горной местности. За исключением нескольких этапов выдвижения по направлению верхнего Рейна (в период вторжения на

¹ Довольно точная оценка, учитывая, что их позиции в темноте атаковал почти весь наш батальон численностью 400 человек.

² Интересно, что в донесении 3-го батальона на 04.00 утра значилось, что по позициям «ведут огонь артиллерия и минометы противника». Поскольку наши передовые наблюдатели не имели связи с артиллерией и мы не несли с собой минометов, можно предположить, что американцы вели огонь «по своим».

юг Франции в августе 1944 года), бойцы «Тандербердс» действовали почти исключительно в горной местности: так, они воевали в горах Сицилии в 1943 году, на Апеннинах в 1943 и 1944 годах и, уже в октябре, в южных Вогезах.

Перед самым началом операции «Нордвинд» они уже использовали опыт, приобретенный в Италии, когда штурмовали укрепления «Западного вала» около Рейсдорфа и Бунденталя. Несмотря на то, что 45-я дивизия представляла собой обычную дивизию американской армии, ее бойцы имели больше опыта действий в горной местности, чем мы!

Ночью я опросил наших солдат, надеясь собрать данные и уточнить ситуацию. Ответы разнились по качеству, но в целом результаты были интересными и показательными. [84]

Один из взводов 13-й роты с удивлением обнаружил на перевале 10 или 12 бойцов противника, спавших в спальных мешках. По дороге к наскою устроенному в придорожной канаве к пункту сбора мы спросили пленных, почему так произошло. Американцы в оправдание заявили, что они «устали после вчерашнего 16-часового марша» — и поэтому проспали весь бой. Почти все американские стрелковые ячейки оказались пустыми: занимавшие их солдаты вовремя ретировались, чтобы не попасть в плен. Наперед зная, что можно найти в окопе, покинутом солдатом Красной Армии, бойцы с удивлением изучали стрелковые ячейки, оставшиеся от американцев. Поскольку такое было в первый раз, по окопчикам шарили со всей тщательностью. Неожиданно богатый улов включал большое количество сигарет! Но что это за продолговатая коричневая коробка в вощеной бумаге? На первый взгляд коробка выглядела как упаковка динамика. Набравшись смелости, один из наших солдат посмотрел, что внутри. Храбрость была вознаграждена: к его великой радости, в коробке обнаружилась еда от-

личного качества! В коробке был знаменитый «рацион К» — солдатский суточный продуктовый паек. Только отборная брань командира заставила солдат прекратить набивать карманы этими сокровищами. Прекратив дальнейшие поиски, они продолжили бой.

В отсутствие артиллерийской поддержки одному из командиров взводов пришло в голову изобрести заменитель. Достав ракетницу, он выстрелил «свистящим рядом», по уставу предназначенным для оповещения о танковой атаке. К счастью, у него оказались полные карманы таких зарядов. Вместо того чтобы стрелять вверх, командир взвода расстрелял свои заряды в горизонт, в направлении леса. Звук летящих ракет был ужасен, и это оказало на врага деморализующий эффект. Позднее кто-то из 179-го пехотного полка рассказывал, что нашу атаку поддерживала тяжелая артиллерия. [85]

Однако некоторые события той ночи оставили неприятный осадок. Выдвигаясь вперед после того как утихла стрельба и большая часть американских стрелковых ячеек опустела, группа бойцов 13-й роты обнаружила, что один из окопчиков еще занят. Чересчур самоуверенно став вплотную к ячейке, командир группы потребовал от трех защитников сдать позицию.

Но вместо того чтобы подчиниться требованию немецкой стороны, один из американских солдат выстрелом убил командира группы, уже немолодогоunterшарфюрера Вальтера Ригера (многие хорошо его знали: в 1942 году он занимался обучением солдат, прибывавших в дивизию). Ригер был первым убитым в том ночном бою.

Наконец, убедившись, что им несдобровать, трое американцев решили покинуть окоп, предварительно натянув на рукава полевой формы повязки с красным крестом. Они по очереди выбрались из ячейки, тыча пальцем в повязки. [86] Троица старалась убедить своих поработителей, что они санитары, — но им не поверили и просто отправили в тыл к остальным пленным.

Многие из наших солдат неоднозначно восприняли эту ситуацию: совсем недавно они были свидетелями прекращения огня, устроенного, чтобы собрать раненых. Все были рады тому, что американцы в отличие от бесчеловечных Советов здесь, на Западном фронте, признают Красный Крест. Однако подобное использование Красного Креста было явным злоупотреблением доверием. Солдаты вслух рассуждали, чего ждать в будущем: Красный Крест — этоуважаемый всеми знак спасения беспомощных или это способ избежать плена?

С рассветом три егерские роты 3-го батальона отправились на поиски неприятеля. Дойдя до развилки, где лесная дорога смыкалась с шоссе (Д-12), мы, к своему удивлению, встретили немецких солдат. Оказалось, это часть саперного взвода из 457-го гренадерского полка 257-й дивизии! Видимо, они выполняли очередной дурацкий приказ — потому что продолжили движение в нас kvозь просвечивающем лесу. [87]

Дальше 13-я рота двигалась вдоль дороги в западном направлении. Две другие роты шли впереди и справа, медленно поднимаясь по склону горы Каесберг (высотой 418 метров). Неожиданно нас обстреляли из стрелкового оружия. Стрельба велась с южного направления (то есть, слева). Когда Каесберг оказался в наших руках, роты получили приказ занять оборону до конца дня и окопаться.

Противник в основном находился на юге от нас, за шоссе. Очевидно, враг занимал предместья Кольхютте, причем силами заведомо больше одной роты. Теперь мы могли наблюдать за действиями американцев, находившихся за западным склоном Каесберга. Там стояло орудие (противотанковое), стрелявшее через неравные интервалы. Хотя американская артиллерия постепенно сосредотачивала огонь на наших позициях, гораздо большую опасность представлял обстрел из минометов с южного направления и по более крутой траектории.

Жестокий бой в Рейпартсвиллере

В то время как мы сражались за Вайнбург и Каесберг, основные силы 361-й фольксгренадерской дивизии были сосредоточены на штурме позиций противника в Рейпартсвиллере, этой «занозе в теле дивизии»¹.

Операция в Рейпартсвиллере началась в 7.00, когда 2-й батальон 953-го гренадерского полка, одним рывком выдвинувшись из Зегмюле, овладел высотой к западу от Рейпартсвиллера и перенес на эту позицию свое тяжелое вооружение. Одновременно 2-й батальон 952-го полка перерезал дорогу из Ротбаха, устроив завалы и заминировав подходы к блокпосту. Хотя бойцы, установившие блокпост, отогнали прочь несколько разведывательных

¹ Это и следующее высказывания принадлежат Альфреду Филиппи (*Philippi A. Angriff der 361.Volks-Grenadier-Division im Nord-Isass im January 1945* («Наступление 361-й фольксгренадерской дивизии в Северном Эльзасе в январе 1945 года») // MS B-428. USAREUR Series. February 1947. P. 35—44).

Филиппи писал свои воспоминания (MS B-428) двумя годами позже, когда сидел в американской тюрьме в Аллендорфе, и закончил книгу 22 февраля 1947 года. Его текст богат подробностями, но, с другой стороны, Филиппи забыл некоторые важные факты. Так, он не написал о том, что с самого начала операции «Нордвинд» 3-й батальон 12-го горнопехотного полка СС был придан его 361-й дивизии (в составе оперативной группы «Шрайбер») и вступил в огневой контакт с силами противника уже в конце второго дня наступления. Филиппи не упоминает об этом в своих мемуарах. Он также ничего не говорит о последующих действиях оперативной группы «Винген» в тот же день близ Каесберга. Вместо этого Филиппи пишет, что: «В 07.00 утра (3 января), два батальона СС... перешли дорогу по обе стороны от Виденгута и исчезли в лесу». Хотя эту фразу часто цитируют в трудах по истории, она неверна и вводит читателя в заблуждение.

Как было рассказано в этой главе, к 07.00 утра оба батальона уже выполнили большую часть своей дневной работы и в этот самый час вели жестокий бой против двух американских подразделений — 1-го и 3-го батальонов 179-го пехотного полка. Наши два батальона «перешли дорогу... у Виденгута» как минимум за десять часов до этого. Разумеется, Филиппи должен был это знать, поскольку, как уже было сказано в этой главе, находился на связи с Шрайбером.

В своих воспоминаниях Филиппи неточен в отношении времени и не один раз путал даты. Чтобы выверить такую информацию, лучше всего пользоваться американскими первоисточниками, например, журналами боевых операций действовавших против нас подразделений из 45-й пехотной дивизии армии США.

бронемашин противника, это не помогло полностью отрезать Рейпертсвиллер. Патруль 2-го батальона 952-го полка обнаружил, что Пикардия, расположенная к югу, занята войсками противника. Это открытие не предвещало ничего хорошего.

Тем не менее остальная часть операции по изоляции Рейпертсвиллера проходила в точности, как планировалось. 2-й батальон 951-го гренадерского полка (известного как «оперативная группа «Штаммле») в 07.00 выдвинулся по дороге Вильденгут — Зегмюле, затем продолжив движение по разбитой грунтовой дороге, уходившей на юг мимо горы Лангек. Пройдя 2,5 км, батальон перешел Кинберг, после чего ушел с дороги, чтобы подойти к Вимменау с востока. Теперь американские войска в Рейпертсвиллере оказались отрезанными, за исключением частей, так некстати обнаружившихся в Пикардии.

В 9.00 из 2-го батальона 953-го полка пустили разноцветные ракеты, означавшие, что батальон готов к атаке. Практически сразу после выдачи кодированного сигнала заговорили орудия 361-го артиллерийского полка, начавшего пятиминутный обстрел позиций противника.

Как только убрали заграждения, оба батальона 953-го гренадерского полка атаковали засевших в Рейпертсвиллере американцев. Западную часть города штурмовали ополченцы 2-го батальона 953-го гренадерского полка, и одновременно 1-й батальон того же полка атаковал в южном направлении, продвигаясь по обеим сторонам дороги при поддержке самоходок. На одной линии с пехотой по обледеневшей дороге ползли самоходные орудия. Несмотря на плотный артиллерийский и минометный огонь передовые цепи 1-го батальона 953-го полка достигли первых домов на северной окраине Рейпертсвиллера. Здесь наступавшие попали под огонь пулеметов противника, бивших с близкой дистанции. Дальше было еще хуже.

Дойдя до северной окраины города, головное самоходное орудие занесло на скользкой, покрытой льдом

дороге. Тяжелая машина развернулась на 90 градусов и загородила всю дорогу, не давая проехать остальным. Из-за непрерывного обстрела никакой возможности вытащить застрявшую самоходку в дневное время не представилось. Сразу после того как из атаки «выключилась» бронетехника, от огня противника погиб командир 1-го батальона 953-го полка. Атака захлебнулась.

Спустившись с горы западнее Рейпертсвиллера, 2-й батальон 953-го полка попал под обстрел, который велся из стрелкового оружия и с танков, занявших позицию на дороге к юго-западу от города. Ввиду быстро нараставших потерь опытный и выдержаный командир батальона остановил атаку. Батальон отошел на край леса к западу от Рейпертсвиллера.

Около 14.00 командир 953-го гренадерского полка доложил, что не может взять Рейпертсвиллер: его части остановлены плотным вражеским огнем и понесли тяжелые потери; повторение атаки теми же силами не имеет смысла. Филиппи принял донесение.

В 10.30, еще до окончания германской атаки, 313-й пехотный полк доложил штабу американской 45-й дивизии о том, что попытка германских войск окружить Рейпертсвиллер не увенчалась успехом:

«Атака тремя колоннами (двигавшимися на Рейпертсвиллер), начатая сегодня утром, остановлена. Уничтожены один танк и одно 88-мм зенитное орудие. Атака производилась с северного направления силами одного батальона. К западу предпринята попытка взять город в кольцо. Противник двигался с южного направления. Также была предпринята атака с северо-западного направления силами около одного батальона. Для защиты фланга 1-й батальон 314-го пехотного полка занял позицию на горе Боксенберг (500 метров на юг от Рейпертсвиллера)»¹.

¹ Там же, 03 10.30 (3). В этом донесении танком названо самоходное орудие 361-го мотопехотного батальона. Многие американские «джи-ай» по обыкновению называли танком любую германскую бронемашину с установленной на ней пушкой, а почти вся германская артиллерия именовалась у них 88-мм пушками.

Наш противник оборонял Рейпертсвиллер силами 2-го батальона 313-го пехотного полка и приданной батальону роты «В» и был предупрежден о скорой атаке 953-го гренадерского полка. Более того, заранее зная все детали, враг хорошо подготовился к обороне. Ночью одно из подразделений 313-го пехотного полка захватило в плен капитана из 953-го гренадерского полка и его посыльного. При обыске в планшете у капитана нашли карту со стрелками, направленными не только на Рейпертсвиллер, но также на Вильденгут и Вимменау, что ясно указывало на неминуемую атаку германских сил! [88]

Впрочем, далеко не все американские части могли похвастаться таким огромным преимуществом в разведке. Двигаясь на север, передовой отряд 2-го батальона 951-го гренадерского полка вышел к тому самому перекрестку, где дорога, по которой они шли, соединялась с дорогой на Рейпертиллер, и с ходу выбил находившийся на этой позиции расчет американской 57-мм противотанковой пушки. Орудие поставили на эту позицию недавно, несколько часов назад. Орудийный расчет был придан 2-му батальону 276-го полка, но фактически принадлежал противотанковой роте 276-го пехотного полка тактической группы «Херрен». Этот батальон, прибывший в ночь с 2 на 3 января, был, в свою очередь, придан 313-му пехотному полку.

Для солдат и офицеров недавно прибывшего 276-го пехотного полка это было явным признаком того, что на юге до сих пор находятся войска неприятеля. [89] Повидимому, во время ночного марша из Эльзасской равнины до них не дошла информация о скором наступлении, полученная из карты пленного германского офицера! Хотя другие американские части в северных Вогезах оказались куда более информированными.

В то время как 313-й полк доложил об успешном отражении атаки на Рейпертсвиллер, в штабе 179-го пехотного полка в Вингене получили сообщение из своего 1-го батальона о том, что рота «А» захватила в плен не-

мецкого солдата из 8-й роты 2-го батальона 951-го гренадерского полка, располагавшего интересной и важной информацией. Этот боец, потерявший свою часть, набрел на американцев недалеко от железнодорожной станции Вимменау. Пленный рассказал, что в задачу его батальона входило перерезать дорогу между Вимменау и Вингеном. [90] Американцы быстро сложили части картины в единое целое и начали готовить мероприятия для эффективного противодействия.

Уже в первой половине дня 1-й батальон 314-го пехотного полка из состава другой, 79-й пехотной дивизии был передан 45-й дивизии и, в порядке «большой переслокации», направлен маршем на запад, в Пикардию.

После отражения атаки на Рейпертсвиллер роты «А» и «В» этого батальона заняли позиции к югу от Рейпертсвиллера, на гряде Боксенберг. В 14.30 батальон продолжил атаку и, преодолев «умеренное сопротивление» противника, очистил гребень на 500 метров на юг, вероятно, оттеснив левый фланг 2-го батальона 953-го гренадерского полка. Американцы, еще недавно отрезанные в Рейпертсвиллере, получили контроль над узенькой дорогой через деревню Пикарди, куда выходила горная дорога из Ингвиллера. Однако положение войск, запертых в Рейпертсвиллере, все еще оставалось небезопасным. Находившиеся там американцы наблюдали за тем, как упрямые немцы окапываются на краю леса к северу и западу от Рейпертсвиллера, — и они знали, что дорога на Вильденгут перерезана. Рейпертсвиллер продолжал оставаться в руках американцев, но город был частично окружен, так же как и подразделения 1-го батальона в Вильденгуте. [91]

В 14.45 майор Лардж из артполка 45-й дивизии направил своему командиру дивизии донесение, подтверждавшее следующее развитие ситуации:

«313-й пех. докладывает присутствие противника на СВ-СЗ-ЮЗ от Рейпертсвиллера. Противник окапывает-

ся на господствующих высотах. Две роты пехоты [«А» и «В» 313-го пех.] отрезаны в Вильденгуте. Связь отсутствует и не может быть исправлена. Захваченные карты показывают выдвижение противника далее на В от Рейпертсвиллера, затем в направлении на Ю, и далее на В, с блокированием дороги. Запрашиваю авиаразведку, при наличии такой возможности». [92]

Дальнейшие события помогли американцам уловить ситуацию точнее, чем это сделало германское командование, продолжавшее блуждать в тумане. Около полуночи радисты из 2-го батальона 051-го гренадерского полка, занимавшего назначенную позицию в Кинберге, связались по радио со штабом 361-й дивизии. К несчастью для отправителя и получателя, их радиообмен оказался задавлен помехами. Как ни старался Филиппи со своим штабом разобрать содержание депеши, они смогли понять лишь, что Штаммле и его батальон вышли на край леса севернее Вимменау и обнаружили, что город находится в руках американцев. Сквозь статические и электромагнитные помехи они также разобрали, что Штаммле не считает, что Вимменау можно взять силами его батальона в отсутствие подкрепления. Прежде чем сигнал пропал окончательно, в штабе 361-й дивизии наконец поняли, что батальон останется в районе Кинберга. Филиппи, читавший сообщение между строк, решил, что это призыв о помощи. [93]

Американцы тоже подслушали этот радиообмен — вероятно, даже с более высоким качеством, чем его адресаты. В течение дня 6-м корпусом США было перехвачено несколько переговоров, указывавших на присутствие германских сил в районе Кинберга. Содержание переговоров указывало на возможность скорого получения подкреплений, возможно — за счет 12-го горного полка СС, по имевшимся данным, получившего задачу атаковать Вимменау с севера.

Штаб корпуса переправил эти разведданные в 45-ю дивизию, где их получили между 16.30 и 19.20 того же дня. [94]

У противника также имелась и другая развединформация. Американцы не только захватили карты утренней атаки на Рейпертсвиллер, но более того — в вечер, предшествовавший атаке, они добыли новые важнейшие разведданные! Американцам буквально упало в руки детальное описание намерений командира 361-й фольксгренадерской дивизии: в 45-й дивизии взяли в плен адъютанта 2-го батальона 951-го гренадерского полка. При себе он имел размеченные карты и прочие документы, в которых излагалась суть последних приказов по его батальону. Все это ясно указывало, что германским войскам необходимо взять и удерживать Винген, Хохкопф (восточный) и Кинберг. [95] Американцы читали почту 361-й дивизии, и подчиненные Филиппи даже не подозревали об этом!

Плачевная ситуация в Каесберге: мы остались без связи

Германские войска у Рейпертсвиллера и Вимменау преследовали неудачи, и наш батальон не стал исключением. Наши потери увеличивались, несмотря на то что глубоко открытые стрелковые ячейки обеспечивали достаточную защиту. Ситуация выглядела безрадостной и опасной потому, что мы ничем не могли ответить на вражеский обстрел. Сопровождавшие нас наблюдатели 3-го батальона из артполка СС не могли наладить радиосвязь с собственной артиллерийской батареей!

Сразу после полудня мы получили горькое известие о том, что командир 12-й ротыoberштурмфюрер Шиндлер убит разрывом мины, угодившей точно в его окоп. Шиндлер вырос в Южном Тироле и был прирожденным горцем. В ночном бою 28—29 октября 1944 года за Муо-

нио против финского 50-го пехотного полка он получил ранение. Шиндлер не стал дожидаться окончательного излечения и настоял, чтобы его направили в часть. Он вернулся в роту на Рождество, в Данию, где ему устроили радостную встречу. После гибели Шиндлера командование ротой принял наиболее опытный младший командир 12-й роты гауптштурмфюрер Шулер.

Окопавшись, роты двух батальонов сформировали хорошо защищенную позицию для круговой обороны. Наш 3-й батальон был обращен фронтом на юг и запад, а 1-й батальон оборонял северную и восточную стороны. Командиры батальонов устроили свои КП в одном и том же блиндаже на середине склона вблизи от центра Каесберга. Адъютанты и посыльные расположились в окопах рядом. Так как нам было некогда прокладывать телефонные провода, вся связь с ротами осуществлялась посыльными. У нас не было раций, кроме громоздких неподъемных ящиков «Берта», которые обслуживались двумя радистами.

В такой ситуации рации типа «уоки-токи» и им подобные оказались бы удобнее и безопаснее.

До конца того дня американская пехота не пыталась атаковать наши позиции в Каесберге. Признавая как факт, что мы вынудили американцев отойти на 600 футов, штаб 45-й дивизии охарактеризовал наши действия в тот день как «уверенные и хорошо организованные»¹.

Здесь наши бойцы впервые испытали на себе много раз озвученную практику американцев сохранять жизни своих пехотинцев за счет применения артиллерии крупного калибра. В тот день наши потери от артогня оказались намного выше, чем потери, понесенные в поч-

¹ См. журнал боевых действий 45-й пехотной дивизии за 3 января. Судя по записи, отход начался в 00.05 ночи. Хотя в журнале нет записей о последовавшем новом отходе 1-го батальона 179-го полка, тем не менее в период с 00.05 до 10.00 утра это подразделение вынужденно отступило еще примерно на 1000 метров.

ном бою в результате обстрела из личного стрелкового оружия.

Пока мы сидели в земляных норах на склоне Каесберга, в километре от нас 457-й гренадерский стоически защищал позиции, занятые на второй день общего наступления! Хоть мы ничего не слышали из-за непрестанных разрывов вражеских снарядов, с севера от нас гремела по-настоящему сильная канонада. Продвижение 477-го полка в направлении Шиерештала остановилось из-за плотной стрельбы со стороны 141-й полковой группы, расположившейся на высотах южнее Лемберга. Поскольку сама по себе 559-я фольксгренадерская дивизия оказалась неспособной справиться с поставленной задачей, нашим бойцам пришлось выдержать дерзкую контратаку американцев. При сложившихся обстоятельствах 477-й полк уже не мог рассчитывать на овладение Шиерешталем.

Это порождало катастрофическую цепную реакцию, поскольку, не будучи прикрытым со стороны Шиерештала, 466-й гренадерский полк не имел ни малейшего шанса взять Гетценбрюк — Саррейнсберг или Мейзенталь. Хотя в течение утра Гетценбрюк находился под перемежавшимся обстрелом германской артиллерии (всего около 200 снарядов), расставленной на господствующих высотах, перед американскими защитниками города (2-й батальон 179-го пехотного полка, усиленный 19-м мотопехотным батальоном и отрядом «G» 117-го кавалерийского эскадрона) находились открытые для наблюдения и хорошо пристрелянные участки. Атака 466-го полка была подавлена шквальным огнем стрелкового оружия и артиллерии. Несмотря на то, что Мейзенталь подвергся более серьезному обстрелу (около 1000 снарядов в течение дня), 466-й полк ничуть не приблизился к овладению этой важнейшей цели наступления. Решение этой непростой задачи потребовало бы огромных усилий даже от более опытного и лучше подготовленного подразделения.

В результате этого неуспеха нашим соседям с севера (457-му гренадерскому) не оставалось ничего иного, как самим защищаться от становившихся все более яростными атак американской 45-й дивизии.

Конечно, в отсутствие радиосвязи мы действовали наугад, ничего не зная о том, что творится всего в километре от нас.

В этот неудачный для 90-го корпуса момент, примерно в 14.00, на нашем командном пункте появился командир взвода связи полкаunterштурмфюрер Ольденбург в сопровождении двух посыльных. Он прибыл от Шрайбера, чтобы вручить двум нашим батальонам приказ командира 361-й дивизии генерал-майора Филиппи перейти в наступление. Чтобы атаковать Винген, предстояло овладеть дорогой через Хунершерр, к которой напротив Каесберга примыкала другая дорога, уходившая в южном направлении. Мы должны были занять это пересечение, очистить дорогу для движения и занять обе части города. Первый батальон получил задачу взять Хейденек, а наш 3-й батальон — овладеть собственно Вингеном. Также требовалось заблокировать основную дорогу, проходившую через Винген и Хейденек — Хохберг.

В дополнение к этому мы должны были создать плацдарм на другой стороне Модера, в этом течении представлявшего собой не реку, а скорее ручей. Генерал-майор Филиппи обещал, что после взятия Вингена нас усилят батальоном самоходных штурмовых орудий, с которыми можно пойти дальше, в направлении Саверна. Таким образом, мы открыли бы выход к равнинам Рейнской долины, что являлось непременным условием ввода в бой 21-й бронетанковой и 25-й мотопехотной дивизий.

Мы с Карлау отправили посыльных, чтобы вызвать командиров рот. Довольно скоро все ротные командиры собрались в одном блиндаже перед командирами двух батальонов. Здесь же находились посыльные. В присут-

ствии Ольденбурга только что полученный приказ зачи-тали ротным, после чего началось обсуждение.

В свете того, что мы испытали за последние 15 часов, все командиры рот заявили, что без поддержки артилле-рии атака в лоб вдоль дороги на Хунершерр совершенно невозможна. Судя по скромным данным разведки, эту дорогу явно прикрывала неприятельская пехота, воз-можно, массированная по глубине.

Командиры обсудили другие потенциальные воз-можности подхода к Вингену. Когда речь зашла о став-шем привычным фоном минометном и артиллерийском обстреле со стороны противника, я предложил для ре-шения нашей проблемы сделать следующее: вернуться в окрестности укрытого лесом горного прохода, который наш 3-й батальон миновал прошлой ночью и где находи-лись позиции роты «С» 179-го пехотного полка. Затем мы могли пройти по одной из горных троп на юго-запад и далее примерно по гребню гор Вайнбурга, после чего пе-решли бы шоссе и расположенный ниже ручей Фишбах. В итоге нам осталось бы преодолеть поросшую лесом го-ру к северу от Вингена (Хейденфельс) и разделиться для атаки: 1-й батальон пошел бы на запад, в направлении Хейденека, а наш 3-й батальон — на юг, к Вингену.

Я тут же подкрепил свое предложение аргументами, очевидными для каждого из присутствовавших. Такой вариант действий позволял обойти силы противника, расположенные по обеим сторонам от дороги на Ху-нершерр и — что наиболее вероятно — массированные по глубине. При соблюдении скрытности мы получали шанс в течение наступавшей ночи просочиться сквозь посты охранения и выйти к назначеннной цели. В гер-манской армии такой обходной маневр вполне букваль-но назывался «проныриванием под горизонт» и являлся полной противоположностью атаки в лоб.

Командиры вместе обсудили все «за» и «против». Все согласились, что в сравнении с изложенным в приказе командования мой вариант дает гораздо больше шансов

для достижения поставленных целей. Командиры батальонов попросили Ольденбурга вернуться на командный пункт Шрайбера в Мельхе и изложить штабу полка встречные предложения. [96]

Ольденбург и его посыльные ушли от нас примерно в 16.00. До командного пункта Шрайбера на западной окраине Мельха оставалось пройти 4—5 км, и мы понимали, что Ольденбург вернется не раньше, чем через 2—3 часа — и то в случае, если по дороге ничего не случится.

Вскоре после его ухода командиры рот вернулись в свои подразделения. Командиры двух батальонов вместе с адъютантами и посыльными остались на КП. Теперь все зависело от того, отменит ли «вышестоящий штаб» строгий приказ о выдвижении по дороге на Хунершерр — и отдаст ли начальство приоритет решению конечной задачи независимо от способов, какими она будет выполнена.

Ответный выпад из Рейпертсвиллера

Пока Ольденбург с трудом пробивался по снегу обратно в Мельх, американский 1-й батальон 314-го пехотного полка пошел в атаку, чтобы очистить южные и юго-западные подступы к Рейпертсвиллеру — и одновременно 2-й батальон 313-го пехотного полка, поддерживаемый бронетехникой, контратаковал вдоль дороги, подходившей к городу с севера. Эта атака привела к тяжелым потерям в 1-м батальоне 953-го гренадерского полка, который оставался на позициях за Ротбахом, и застала врасплох 2-й батальон 953-го гренадерского полка в Зегмюле. Три оставшихся германских самоходных орудия не успели подойти ко времени отражения атаки. Лишь с наступлением темноты остатки 1-го батальона 953-го полка получили возможность выйти из низины у ручья и занять более удобную для обороны позицию на более высоком месте к северу от Рейпертсвиллера.

К этому моменту численность 1-го батальона 953-го полка, за два дня до этого вошедшего в бой с четырьмя сотнями бойцов, уменьшилась до 150 человек.

При таких обстоятельствах было бы безответственным оставить 2-й батальон 593-го гренадерского полка на полностью открытых позициях к западу от Рейпертсвиллера. В результате этот батальон также отступил и занял позиции, на которых находился в начале дня. Сообщив, что в Зегмюле нет американских войск, батальон в течение вечера занял город. [97] Засевшие в Рейпертсвиллере американцы сделали все возможное, чтобы не быть отрезанными от основных сил и значительно ослабили силу атак.

Мы готовимся наступать

В то время как для американской стороны картина мало-помалу прояснялась, мы оставались в неведении о том, принят или нет наш план скрытного просачивания через позиции противника и захвата Вингена. Поскольку было заранее ясно, что батальон не останется в Каесберге, мы, не теряя времени, начали готовиться к ночному переходу. От нашей позиции на Каесберг — Хедгехог шла якобы безопасная тропа к деревне Альтхорн, находившейся в полутора километрах. Оттуда бойцы могли добраться до Маутерхаузе, где находились вспомогательные подразделения, а также весь автомобильный парк двух наших батальонов. Кроме того, в Маутерхаузе располагался один из батальонных пунктов медицинской помощи, и нам хотелось поскорее доставить туда раненых. Мы решили эвакуировать даже легкораненых, поскольку едва ли они выдержат напряжение ночного марша.

Заодно в тыл отправили американских пленных и всю лишнюю поклажу, которую тащили выночные лошади. После прибытия в Альтхорн лошадей нагрузили боев

припасами и снаряжением, и караван вернулся назад в Каесберг.

Ольденбург вернулся примерно в 19.00, когда уже стемнело. Невзирая на трудный переход по заснеженным горам, унтерштурмфюрер излучал оптимизм — похоже, он добился своего!

Новый приказ Филиппи 1-му и 3-му батальонам оказался более реалистичным и простым по форме: «Проникнуть в район Вингена, минуя пункты обороны противника! Взять и удерживать Винген, захватив плацдарм на противоположной стороне Модера!»

Вышестоящий штаб по сути благословил наши встречные предложения. Мы даже испытали своего рода облегчение — хотя задача, которую предстояло выполнить, выглядела, мягко говоря, пугающе: два батальона потрепанной в боях горной пехоты, без артиллерийского вооружения и другой поддержки — против отборных частей американской армии.

Ротам быстро выдали приказ на скрытный переход и атаку, заранее подготовленный на такой случай:

— под прикрытием темноты каждая рота разбивается повзводно, через короткие интервалы;

— все роты собираются в центре Каесберга для получения боеприпасов и запаса продуктов. Каждому бойцу выдали половину буханки хлеба и несколько тюбиков сливочного сыра. Предвидя возможные трудности с обеспечением, мы решили, что в следующий раз будем отвоевывать провизию у «ами». Зато мы взяли с собой столько патронов, сколько смогли унести.

Здесь главным фактором была унификация боеприпасов: мы могли взять только два типа патронов: калибра 7,92 мм для винтовок и пулеметов и 9 мм для пистолетов и автоматов. Самым серьезным нашим оружием были облегченные пулеметы MG-42 и противотанковые фаустпатроны. Мы также взяли винтовочные гранаты и ручные гранаты (с деревянной ручкой, типа «толкушка»), а саперы несли еще и тарельчатые противотанковые мины.

Все младшие командиры и все солдаты-срочники были проинструктированы о характере марша и получили приказ не разговаривать, не шуметь, замотать металлические предметы (например, коробки с противогазами) в одежду, не курить и, самое главное, — не терять из виду идущего впереди бойца! Только полная тишина и хороший контакт при движении в колонне могли дать малый шанс незаметно просочиться между изолированными позициями противника.

Как бывает в темное время суток, приготовления заняли больше времени, чем мы предполагали. Первые роты снялись с позиций только после 22.00. К полуночи, оставив в стрелковых ячейках самое минимальное прикрытие, оба батальона сосредоточились в низине посередине Каесберга. Личный состав был полностью готов к маршру, каждый боец знал свою задачу и важность нашей общей миссии.

На исходе дня

К концу третьего дня наступления Филиппи видел действия своей дивизии только в мрачных тонах. Все наступательные операции 361-й дивизии были прекращены. Атака 953-го полка на Рейпертсвиллер провалилась, и этот полк понес ничем не возместимые потери. Ничего хорошего не предвещала искаженная помехами радиограмма 2-го батальона 951-го гренадерского полка из района Вимменау, в которой, как понял Филиппи, просили подкреплений. Наконец, все говорило о том, что американцы не окружены в Рейпертсвиллере, напротив, 2-й батальон 951-го полка отрезан на Кинберге.

Филиппи полагал, что 506-й мотопехотный батальон СС (теперь воевавший в пешем строю) к полуночи доберется максимум до Хохкопфа (восточного) и останется там на ночь. Ночью этот батальон не соединится со

2-м батальоном 951-го полка, упорно обороняющимся в двух километрах к юго-востоку, в Кинберге, но попытается это сделать утром следующего дня. Если ситуация не ухудшится, два батальона пойдут в атаку на Вимменау.

В целом этот день наступательной операции завершился провалом. Было очевидно, что позиции врага усиливаются с подходом свежих частей. Самое неприятное, что непрерывно усиливались авианалеты и обстрелы позиций артиллерии 361-й дивизии Филиппи.

Ситуация еще больше усложнялась из-за приказов, которые Филиппи получил утром. В полдень на командный пункт Филиппи в дом лесника в Баннштейне прибыл особый гость в лице командующего 1-й армией генерал-полковника Ганса фон Обстфельдера. Посовещавшись, они решили ближайшей ночью разблокировать 1-й батальон 952-го полка в Бэрентале силами 256-й фольксгренадерской дивизии, после чего Бэренталь перейдет в зону ответственности 256-й дивизии. Филиппи, давно надеявшийся, что ему представится возможность сосредоточить имеющиеся силы, рано радовался: фон Обстфельдер тут же приказал использовать этот батальон для атаки на Цинсвиллер, которая имела целью открыть дорогу на Бэренталь для возможного прохода бронетехники из германского резерва — 21-й танковой и 25-й мотопехотной дивизий. Для поддержки наступления сил 361-й дивизии на Рейпертсвиллер фон Обстфельдер пообещал отдать Филиппи пехотный полк из соседней 257-й фольксгренадерской дивизии. К тому же Филиппи получил заверения, что его будущую атаку поддержит артиллерия двух соседних дивизий. Фон Обстфельдер разрешил 361-й дивизии находиться в обороне до подхода обещанного полка пехоты 257-й дивизии. Генерал-майор Филиппи оказался не единственным командиром дивизии в северных Вогезах, которого в тот день посетили высокие гости. [98] Командующий группой армий «G» генерал-полковник Йоханнес Бласковиц

прибыл на КП 257-й дивизии генерал-майора Зейделя проинформировать командира дивизии о ходе операции «Нордвинд» и поставить задачи следующего дня.

Если бы в ту ночь Филиппи, Зейдель и их штабы, напряженно работавшие над планами, еще способными обеспечить успех операции «Нордвинд», знали, что происходит на командных пунктах их противников по другую сторону фронта, они были бы настроены не столь оптимистично.

К середине ночи 3/4 января штаб 45-й пехотной дивизии отлично представлял, что должно произойти на 4-й день германского наступления — пусть не во всех подробностях и не в полном объеме.

В течение ночи на новом командном пункте 45-й дивизии офицеры штаба, офицеры разведки и младшие офицеры обрабатывали новую информацию, превращая ее в значимые разведданные. Хотя майор Бишоп, отвечавший за разведку, допустил ошибки в сводке за день, указав, что в Каесберге находилось подразделение 257-й германской дивизии, а также переоценил количественный состав «Норда» (предполагая участие 11-го и 12-го горнопехотных полков СС) и неправильно понял их миссию (атака на Рейпертсвиллер и Вимменау) — однако с приближением четвертого дня ситуация малопомалу прояснялась¹.

Сначала, в 21.15, майору Бишопу позвонил полковник Лэнгевин (разведка 6-го корпуса), изучавший германскую карту, захваченную при плenении адъютанта 2-го батальона 951-го гренадерского полка к северу от Вимменау. Полковник Лэнгевин сообщил, что кроме прочего на карте изображены стрелы, указывающие на неминуемую атаку в направлении Вингена. [99]

¹ Журнал боевых действий 45-й пехотной дивизии, 3 января, 5, 18.00. 11-й горнопехотный полк СС находился в пути и еще почти неделю не участвовал в боях.

Затем Бишоп получил донесение с результатами допроса пленного на командном пункте 189-го пехотного полка. Пленный, захваченный ротой «А» 179-го полка к северу от Колхютте (возможно, он был в составе встреченного нами патруля из 257-й дивизии), рассказал американцам, что видел «часть СС» на горе Каесберг. Для штаба 45-й дивизии это донесение, поступившее в 22.55, стало первым индикатором того, что засевшие в горах за три километра от Вингена «упрямцы» могли оказаться бойцами из «Норда». [100]

К тому же из этой информации штаб 45-й дивизии сделал вывод, что подразделения дивизии СС «Норд» появились в районе Каесберга уже в начале дня, что наводило на мысль о том, что атаку на Винген можно ожидать в самом ближайшем будущем. Если это обстоятельство и могло кого-то беспокоить, то штаб, вероятнее всего, полагал, что 45-я дивизия заранее подготовилась к такой ситуации. В течение дня в окрестностях Вингена выдвинулся 1-й батальон 276-го пехотного полка тактической группы «Херрен». Рота «В» заняла позиции на поросших лесом высотах, господствовавших над Вингеном с севера, а роты «А» и «С» расположились к югу от города, перемешавшись с ротами из 3-го батальона, к которому в 13.35 была присоединена рота «С» с задачей прикрытия сектора справа от роты «I». [101] Таким образом, Винген надежно защищали три пехотных батальона: 1-й батальон 179-го пехотного полка занимал линии обороны на севере и северо-востоке от города, 3-й батальон 179-го полка — на севере и северо-западе и 3-й батальон 276-го пехотного полка, занимавший позиции к западу/северо-западу от города на горе Хохкопф (западный). Дороги, подходившие с германской стороны, были заблокированы или хотя бы простреливались — непосредственно и с закрытых позиций. На любое непредвиденное развитие мог ответить находившийся к югу от Вингена 1-й батальон 276-го полка. Да, казалось, что Винген в безопасности.

Перед выходом оба командира и адъютанты батальонов провели последнее совещание на замерзшем, заметенном снегом склоне Каесберга. Крецингер убедил Бургшталлера, что на этот раз во главе колонны должен идти 1-й батальон. Накрывшись одеялом, мы при свете фонарика сверили карты (по одной на батальон), время и после короткого обсуждения пришли к согласию о наилучшем маршруте выдвижения к цели. Мы также решили, что оба батальона должны прибыть в намеченные районы поблизости от Вингена еще затемно и, едва забрезжит рассвет, начать штурм. Все приготовления были уже сделаны. Оставалось лишь сказать друг другу: «Да поможет нам Бог». Этим и закончился третий день наступления оперативной группы «Винген».

III. РАЗБОР СРАЖЕНИЯ

Анализ событий третьего дня проливает дополнительный свет на факторы, оказавшие влияние на достижение целей «Нордвинда» в северных Вогезах. При этом также раскрываются детали принятых германской стороной тактических, технических и процедурных решений. Наконец, это позволяет увидеть некоторые сильные стороны американского противника.

Командование и управление

Естественно, командование и управление имеют первостепенное значение при рассмотрении любой кампании. На трети сутки операции «Нордвинд» эти факторы не являлись определяющими, но они тем не менее были хорошим индикатором эффективности каждой из противоборствующих сторон.

Ни Бласковица, ни фон Обстфельдера нельзя обвинить в том, что они не пытались влиять на ситуацию. Они оба посетили командные пункты двух дивизий, до-

бившихся самого большого успеха, стараясь обеспечить необходимые подкрепления и вдохновить на развитие успеха в следующий день наступления. С другой стороны, неизвестно, прошли ли эти визиты с ведома командиров соответствующих корпусов (или их просто игнорировали) — поскольку не осталось никаких письменных свидетельств, говорящих о роли Хоне и Петерсена в этом деле.

Мы знаем, что на уровне нашей дивизии приказ Филиппи на штурм Вингена носил предписывающий и директивный характер; мы также знаем, что у командаира дивизии хватило гибкости для изменения приказа в соответствии с нашими альтернативными предложениями, написанными в блиндаже на склоне Каесберга и отправленными с посыльным. Если оглянуться назад, то кажется странным и даже возмутительным, что приказ Филиппи носил столь разграничительный характер.

Тогда мы не могли знать, что 27 декабря 1944 года генерал-полковник Блакковиц приказал генералу фон Обстфельдеру использовать наши подразделения именно так, как это подразумевалось в «контрпредложении», которые мы направили Филиппи:

«Оперативная группировка 6-й горной дивизии СС должна действовать так, чтобы использовать горный рельеф для обхода противника, который будет держаться в основном у дорог, — и разрывать его оборонительные линии, тем самым обеспечивая успешное развитие наступательной операции [«Нордвинд»] в целом». [102]

Нам пришлось изучить план, выработать альтернативу, отправить посыльного через заснеженные горы, и получить разрешение. Все это вылилось в пятичасовое стояние на Каесберге, сопровождавшееся риском дополнительных потерь и привело к значительно более позднему выходу на марш. В то же время мы могли выйти немедленно — если бы еще в полдень получили по радио простой, адекватный нашей миссии приказ, к

тому же отражавший намерения командующего группы армий.

Нарушение работы связи вызвало к жизни и другие проблемы. Из-за полного отсутствия радио- и проводной связи вышестоящие штабы слабо представляли текущую обстановку, быстро менявшуюся в период действий оперативной группы «Винген». Даже находясь в непосредственном контакте с тыловыми подразделениями обеспечения в Альтхорне и Маутерхаузе, мы так и не смогли получить средства связи. Этот очевидный пробел могли восполнить в течение нескольких дней, но ясно, что отсутствие связи сильно навредило ходу начатой операции (из-за этого мы были лишены артиллерийской поддержки, нам не поступали свежие разведданные, задерживалась доставка приказов и так далее).

Хотя мы не слышали, чтобы американские командующие выезжали на передовую или предпринимали другую подобную личную инициативу, их штабы явно имели возможность быстро и умело тасовать свои части, обеспечивая решение дневных тактических задач. Так, в течение третьего дня штаб 45-й пехотной дивизии, уже осуществлявший управление основными частями 79-й пехотной дивизии, получил три дополнительных полка (входившие в состав тактической группы «Херрен»). Нужно отдать должное способностям генерал-майора Брукса и штаба его 6-го корпуса, а также генерал-майору Фредерику за их исключительно быстрые реакции на события «Нордвинда» и особенно — за умение своевременно перебрасывать части на самое опасное направление. Хотя командующий и штаб группы армий «G» предвидели сильный ответ американской стороны, они не представляли, что это произойдет так быстро!

Конечно же, движение колонн американских грузовиков и даже амфибий с большим количеством солдат и снаряжения не встречало никакой ответной реакции Люфтваффе.

Но даже при таких преимуществах 6-й корпус не смог закрыть прореху в обороне, возникшую в первый день из-за разобщения частей группы «Хаделсон». Примерно с середины первого дня германского наступления воюющие стороны старались опередить друг друга и установить контроль над 16-км участком заснеженных и изрезанных лощинами Вогезских гор между Битче и Нойнхоффеном.

Генерал-майор Фредерик уже почти выиграл эту гонку. На третий день наступления в американской обороне оставался всего один незакрытый участок, а именно — окно в верхней части долины Ротбах между Вильденгутом на востоке и вершинами Вайнбурга на западе. Здесь в американской обороне имелся разрыв шириной примерно 4 км, на глубину как минимум 5 км, простиравшийся на юг до самого выхода в долину Модера. В этой зоне не было никакой постоянной линии обороны. Единственным подразделением американских войск на этом участке был 2-й батальон 276-го пехотного полка в Вимменау¹.

К концу третьего дня через дыру в американской обороне уже прошли 4 батальона германских войск: два батальона оперативной группы «Винген», 2-й батальон 951-го гренадерского полка и, уже вечером, 506-й мотопехотный батальон СС. Из четырех этих батальонов лишь один был обнаружен и идентифицирован противником.

Из двух позиций, располагавшихся по краям разрыва, относительно хорошо защищенной могла считаться только западная сторона, где держали оборону 1-й и

¹ Внимательный читательпомнит, что 1 января во второй половине дня командир 117-го эскадрона кавалерийской разведки подполковник Ходж получил от полковника Хаделсона (на его КП в Рейпертсвиллер) приказ «держать оборону на линии Рейпертсвиллер — Саррейнсберг». Взглянув на карту, нетрудно убедиться, что эта «линия» в долине Ротбах совпадает с обширным разрывом в обороне, о котором говорится в данной главе. 2 января тактическая группа «Хаделсон» была расформирована, и весь район отошел к 45-й пехотной дивизии.

3-й батальоны американского 179-го пехотного полка. С восточной стороны находился Вильденгут. Здесь на пересечении дорог стояли роты «А» и «С» 313-го пехотного полка, а оборона была менее прочной, поскольку на третий день наступления роты были отрезаны друг от друга частями 361-й фольксгренадерской дивизии. В случае захвата восточного края прохода германскими войсками следующим опорным пунктом становился Рейпартсвиллер, а брешь в американской обороне увеличивалась до 5—6 км. Фредерик и офицеры штаба 45-й дивизии хорошо знали о ненадежном положении на этом участке и делали все возможное, чтобы ситуация изменилась к лучшему.

Боевая выучка и организованность

На третий день наступления действия 90-го и 89-го корпусов утратили заданный вначале темп. Основной причиной была недостаточная боевая выучка штурмовых эшелонов. К тому же организация фольксгренадерских дивизий не соответствовала наступательному характеру операции.

Хотя весь личный состав был воодушевлен успехом на севере, в Арденнах [103], однако 559-я, 257-я, 361-я и 256-я фольксгренадерские дивизии в основном состояли из бывших солдат авиационных частей, моряков, технадеж и ополченцев, которых просто не учили ходить в атаку в горной местности, уже не говоря о более глубоких рейдах в условиях суровой зимы. [104]

Трудности, возникавшие от недостаточной тренированности, усугублялись недокомплектом фольксгренадерских полков и, в случае 559-й дивизии, их организационными особенностями. Полки типичной фольксгренадерской дивизии, в том числе дивизий, сражавшихся в Вогезах, состояли не из трех, а лишь из двух батальонов.

Атака на фронте, отведенном полку, требовала участия двух батальонов и не оставляла возможности для резерва. У командира полка не было или почти не было возможности перераспределить задачи между атакующими подразделениями и не оставалось сил для развития успеха. Все действия — атака, охранение и локальная оборона — выполнялись всем составом полка. Из-за этого ни одно подразделение не отводилось в резерв и солдаты не получали никакой, даже самой короткой передышки. Таким образом, плохо обученные, находившиеся не в лучшем физическом состоянии солдаты из 89-го и 90-го корпусов не могли долго выдерживать высокий темп наступления даже при благоприятных погодных условиях.

Разумеется, для 559-й дивизии генерал-майора Мюхлена проблема усугублялась из-за того, что в составе его дивизии было всего два полка, 1126-й и 1127-й grenадерские. После испытаний, выпавших на долю четырех батальонов этой дивизии, сражавшейся против 100-й пехотной дивизии к западу и юго-западу от Битче, наличие третьего батальона могло обеспечить ее подразделениям какую-то возможность для отдыха. Из-за понесенных потерь в 361-й дивизии Филиппи один из полков (951-й grenадерский) состоял всего из одного батальона. Это не оставляло Филиппи (уже не говоря о командире полка) совершенно никаких организационных возможностей.

Потери и материальное снабжение

Многочисленные трудности, с которыми приходилось сталкиваться фольксгренадерским дивизиям и их подразделениям, усугублялись потерями третьего дня наступления. К этому моменту в большей части батальонов командование подразделением приняли капитаны или даже лейтенанты. Вне зависимости от качества таких командиров их было некем заменить в случае выхода из строя или гибели. [105] Подразделения не имели кадровых резервов на случай потерь командного состава.

Хотя на третий день наступления это еще не проявилось, в части потерь оперативная группа «Винген» находилась в похожей ситуации.

Зато третий день в разных вариантах продемонстрировал неопытность командиров фольксгренадерских частей. В плен оказались захвачены двое наших гауптманов, имевших при себе карты с важнейшей оперативной информацией, позволившей американцам разгадать намерения Филиппи и выстроить действенные контрмеры. Разведывательные патрули, вроде встреченной нами группы солдат из 257-й дивизии, часто теряли ориентировку и попадали в плен, тем самым выдавая американцам новую информацию. Напряжение шести лет войны и нехватка офицерских кадров отчетливо проявились именно здесь, в северных Вогезах.

С другой стороны, наиболее подготовленные части германской армии не испытывали таких трудностей. На третий день германского наступления американцы еще не знали точного расположения и намерений оперативной группы «Винген». Они выяснили, что в район прибыла какая-то часть из «Норда», и подозревали, что будет предпринята атака Вингена, но у американцев не было ничего, кроме информации, полученной от одного пленного немецкого солдата (из 257-й дивизии) о том, что тот видел «каких-то военных из СС в этом районе» (в районе Каесберга). Зато они обладали полной и детальной картиной операций других подразделений, действовавших под командой Филиппи. До этого американцам не удалось взять в плен ни одного солдата из оперативной группы «Винген», за исключением потерянной в первый день машины с рацией и радиостанцией. К тому же после всех перестрелок мы подбирали тела убитых и уносили их с собой, не оставляя американцам возможности составить оперативную картину на основе личных вещей и обмундирования убитых. Этим мы сохраняли фактор неожиданности, сыгравший свою роль на четвертый день наступления.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. ШТУРМ ВИНГЕНА

I. ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

На четвертый день операции «Нордвинд» едва ли не все надежды на успех в северных Вогезах были связаны с оперативной группой «Винген» и частями из 89-го корпуса пехотного генерала Хоне. 13-й корпус СС не сумел пробиться к Ротбаху, который планировалось сделать исходным пунктом для развития успеха силами бронетанкового резерва группы армий «G». К исходу 3 января штаб группы армий «G» не ждал никакого дальнейшего прогресса в зоне боевых действий. Позднее, на четвертый день, 36-й фольксгренадерской дивизии было приказано выйти из боя, отойти маршем к востоку и через несколько дней соединиться с 89-м корпусом, атаки которого еще позволяли надеяться на успех. [106] Атаки 90-го корпуса, предпринимавшиеся 3 января, так и не привели к захвату ключевого перекрестка дорог вблизи Лемберга. 4 января этот корпус перешел к обороне, в последней надежде на успех в этой зоне отдав 477-ю и 257-ю фольксгренадерские дивизии на усиление 89-го корпуса. [107]

Оставалось еще два маршрута для прорыва 21-й бронетанковой и 25-й мотопехотной дивизий на Эльзасскую равнину. Если бы мы овладели Вингеном и, удерживая город в своих руках, расчистили путь на Ингвиллер, то 21-я и 25-я дивизии могли бы двинуться из Битче на юг. Тогда, преодолев паутину горных дорог между Битче и Вингеном, бронетехника вышла бы на отличную дорогу,

которая вела прямиком к Ингвиллеру. Другая возможность открывалась с захватом Рейпертсвиллера и второстепенной дороги, которая шла на восток и выходила из северных Вогезов у Ротбаха. Учитывая состояние дорог, первый маршрут выглядел предпочтительнее. Чтобы открыть выход на эту дорогу, следовало выполнить задачу, поставленную перед оперативной группой «Винген», а оперативная группа «Штаммле» (2-й батальон 951-го гренадерского полка) должна была соединиться с 506-м мотопехотным батальоном СС и взять Вимменау.

II. НА ВИНГЕН!

Сразу после полуночи передовые дозоры разведчиков 3-й роты 1-го батальона покинули низину посреди Каесберга и двинулись в восточном направлении, как бы возвращаясь назад — туда, откуда мы пришли 24 часа назад. За разведчиками с картой и компасом в руках шел адъютант 1-го батальона,unterштурмфюрер Карлау, и командир 3-й роты оберштурмфюрер Якобс. Командир 1-го батальона, гауптштурмфюрер Бургшталлер (командовавший оперативной группой «Винген» в целом)¹, шел позади этой роты и часто выходил вперед.

За 1-м батальоном, вытянувшись в колонну по одному, двигались четыре роты нашего 3-го батальона. Той ночью колонна растянулась змеей на 2—2,5 километра, то прячась в заросли, то выходя на горные гребни. Во-круг были холод и снег. Лес то разреживался, то вновь становился непролазным. Под плотной облачностью царила совершенно непроглядная лесная тьма. Падавший снег глушил звуки. Колонна медленно двигалась к намеченной цели.

¹ Алоиз Бургшталлер был почти на два года старше Курта Крецингера. На тот момент он имел звание гауптштурмфюрера (капитана). 30 января 1945 года Бургшталлера представили к званию штурмбаннфюрера (майора). Командир нашего полка Шрайбер назначил Бургшталлера командиром оперативной группы «Винген», составленной из наших двух батальонов.

Личный состав вел себя безукоризненно. Каждый понимал, что успех операции целиком зависит от неожиданности нашего появления: внезапность и шок были самым мощным нашим психологическим оружием.

Постепенно в ходе марша начала проявляться другая проблема — накопившаяся за несколько почти бессонных суток усталость. Мы использовали для отдыха любую, самую короткую остановку (которых было очень много). Многие спали накоротке, привалившись к дереву, скрючившись, сидя и даже стоя. Здесь всех подстерегала большая опасность: темень была такая, что ничего не стоило упустить из виду впереди идущего — и тогда колонна могла разорваться. Чтобы избежать срыва, командиры отделений постоянно контролировали своих людей, двигаясь рядом с колонной.

Добравшись до пересечения дорог у Вейнбургского прохода, где прошлой ночью мы столкнулись с противником, колонна сначала повернула на юго-восток, а потом — на юго-запад. В какой-то момент мы пересекли узкую долину Киндсбронн и ручей, протекавший по каменистому ложу. Вскоре после этого с двух сторон от нас обозначились пологие склоны: мы вышли на тропу, пролегавшую по гребню Вейнбурга.

Признаков присутствия противника нигде не наблюдалось.

Мы двигались вперед медленно, то и дело останавливаясь, чтобы свериться с картой. Нередко, остановившись, мы всматривались и вслушивались в темноту, стараясь не пропустить противника. Поскольку движение происходило в полной темноте, мы не видели почти никаких примет окружающей местности, и унтерштурмфюреру Карлау приходилось выполнять счисление пути. Он то и дело брал азимут и контролировал расстояние по карте. Колонна общей численностью от 750 до 800 человек шла неровными интервалами, извиваясь по-змеиному, и то останавливалась, то снова продолжала движение. Спустя час и после множества корот-

ких остановок головное подразделение вышло к шоссе Д-12, соединявшему Гетценбрюк на севере с долиной Модера и Вимменау на юге. Время: около 4.00. Как только шоссе перешли первые две роты 1-го батальона, движавшиеся в колонну по одному, мы вдруг услышали звук двигателя приближавшейся с севера машины. Последний пересекавший дорогу боец быстро скрылся в лесу. Все находившиеся по обе стороны дороги замерли, кто где был. Из-за поворота появилась машина (джип, в котором было трое) с потушеными фарами. Неожиданно джип остановился на дороге почти напротив того самого места, где мы затаились. Переходя дорогу, наши бойцы оставили на свежевыпавшем снегу заметную дорожку следов! Увидев это, двое из экипажа американского джипа смело выбрались из машины и пошли изучать обстановку, — вероятно, заподозрив, что на дороге мины, — после чего снова забрались в джип и тут же удалились со сцены в направлении Вимменау.

Мы выдохнули с облегчением! Потом, оценив произошедшее, мы ощутили некоторое беспокойство. Неужели американцы заподозрили, что полоска следов оставлена колонной солдат? Они могли разглядеть по краю отдельные отпечатки сапог. Что, если они доложат об этом по возвращении в часть, и гарнизон поднимут по тревоге? Следовало бы взять их без шума, но оставался риск случайного выстрела. (Нам нечего было волноваться. Нет ни единого письменного свидетельства, что эти люди доложили об увиденном!) [108]

Отдохнувши, остальная (большая) часть колонны перешла дорогу и двинулась на юго-запад.

Теперь мы должны были спуститься по пологому, заросшему лесом склону в долину Фишбах. Название «Фишбах» относилось к ручью шириной около двух метров, впадавшему в реку Модер, протекавшему по лишенной растительности долине шириной около ста метров, примерно в полутора километрах от места, где мы перешли шоссе. Ручей еще не замерз, и мы промочили ноги, прыгая по камням. Не чувствуя холода от напря-

жения, мы перешли открытую местность и оказались в буковом лесу над долиной.

Мы собирались под прикрытием высоких деревьев и еще раз привели в порядок наши подразделения.

После короткого привала батальоны продолжили марш по некрутому склону в направлении сплошь покрощего лесом плато, которое (судя по карте) занимало 1—1,5 км с запада на восток и лежало метров на пятьдесят выше уровня окружавшей его долины. Северная часть плато располагалась у вершины Хейденфельс («Языческая скала», высота 350 м). На юге плато заканчивалось склоном, выходившим к железнодорожной станции Вингена.

1-й батальон, как и раньше, возглавлял колонну. Наш 3-й батальон шел следом. Прошло минут около двадцати с того момента, как последний боец пересек Фишбах, когда на поросшем лесом плато раздались первые автоматные очереди. Подразделения 1-го батальона наткнулись на противника — скорее всего, на пост охранения, вынесенный в лесок и прикрывавший Винген с севера¹.

Перестрелка длилась немногим более десяти минут, но нам казалось, что прошли долгие часы. К тому же эта стрельба наделаила слишком много шума. Произошло именно то, чего мы изо всех сил хотели избежать: ведь все знали, что ошеломить защитников Вингена можно только неожиданным нападением! С нашей стороны в этой стычке участвовали подразделения обоих батальонов. Обе стороны понесли потери — но, обладая численным превосходством, мы подавили сопротивление боевого охранения противника, насчитывавшего не более роты, и могли теперь идти на Винген. На часах было около 05.15².

¹ Карлау указывает, что именно его 4-я (пулеметная) рота первой вступила в огневой контакт с вражеским охранением (ротой «би» американского 276-го пехотного полка).

² Мейнингауз получил тяжелое ранение, но ему удалось выйти на германские части в районе Мельха благодаря помощи еще одного раненного из его 13-й роты.

Предыдущим вечером (3 января, 18.00) на командном пункте в Циттерсхайме командир и штаб 276-го пехотного полка из тактической группы «Херрен» (приданной 45-й пехотной дивизии) получили известие о том, что ожидается нападение противника. Сразу после этого был поднят по тревоге 1-й батальон, прибывший в Винген еще 2 января и находившийся в резерве. Из четырех рот батальона три получили свои боевые задачи. Рота «А» занимала позиции на северном склоне горы Кирхберг, обращенном к Вингену с южной стороны. Пулеметчики роты «Д» (калибра 30) занимали позиции рядом и западнее, а рота «С» поступала в подчинение 3-го батальона 276-го пехотного полка и занимала позиции рядом с ротой «А», на восточной стороне Кирхберга. [109]

Незадействованной осталась рота «В», которой командовал лейтенант Иван Стоун. Эта рота вначале занимала окопы в северной части Вингена, над железнодорожной насыпью, но позже вечером бойцам выдали дополнительное количество пулеметных лент, ручные гранаты — и рота получила приказ занять позицию для внешнего охранения на поросших лесом высотах (к северу от города).

Лейтенант Стоун расположил позиции почти по центру вышеупомянутого плато, приблизительно в 600 метрах западнее долины Фишбах, в 500 метрах от края леса, возвышавшегося над Хейденеком, и в каких-то 400 метрах от железнодорожной станции Вингена. Он велел натянуть палатку для командного пункта и приказал взводным не рыть окопы, рассудив, что, поскольку кругом немцы, стук лопат может выдать расположение роты. Личный состав роты лег спать на одеялах, брошенных на мерзлую землю.

Десятилетия спустя американские ветераны признались, что еще помнят впечатление от огневой мощи германского автоматического оружия (пулеметов MG-42 и автоматов MP-40). Они описывали это примерно

так: «Немцы подходили к дереву и опирались на него, положив на руку свои «харкающие» автоматы. Потом они говорили: «Ладно, американцы, открыть огонь! Так мы будем вас видеть!» Если начиналась стрельба, они всегда выигрывали»¹.

Тем ранним утром рота «В» потерпела сокрушительный разгром: большинство было убито или ранено, а часть разбежалась, вскоре попав в плен. Лишь немногим бойцам роты (из 2-го взвода) удалось организованно отойти к западу, где в районе Хейденека они встретили подразделения 3-го батальона 179-го пехотного полка 45-й дивизии. На несколько дней они влились в состав этого батальона.

Вскоре первая информация о столкновении дошла до командного пункта 179-го пехотного полка в Циттерсхайме (в 4 км к юго-западу) и была надлежащим

¹ Этот случай описывал Ричард Струзерс из роты «би» 276-го пехотного полка в книге Уоллеса Р. Чевеса (*Cheves W., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes: A True History of the 274th Infantry Regiment of the 70th Division in World War II. Privately published, 1946.*). Германская горнопехотная рота действительно обладала большей огневой мощью по сравнению с ротой американской пехоты, чemu есть немало свидетельств. Автомат MP-40 (американские «джи-ай» называли это оружие «харкающим автоматом» из-за специфического звука выстрела) выдавался всем офицерам и младшим командирам и использовал 9-мм пистолетный патрон. Стрельба происходила в высоком темпе, и MP-40 был очень эффективен на дистанции огня до 100 метров. Некоторые младшие командиры продолжали использовать автоматы финского производства, обладавшие еще большей эффективностью за счет большого магазина барабанного типа. Хотя германский пехотинец с винтовкой Mauser 98k не мог вести огонь в темпе, доступном американскому солдату с винтовкой M1 «Гаранд», это несоответствие компенсировалось количеством автоматического оружия. Столь образно нарисованное превосходство огневой мощи было вызвано значительным преобладанием автоматического оружия над неавтоматическим в германских частях: если у американцев каждая стрелковая рота имела два штатных пулемета калибра .30 с воздушным охлаждением плюс девять автоматических винтовок Браунинга (с магазином на 20 патронов), то каждая рота германских егерей располагала двенадцатью пулеметами MG-42 с ленточной подачей патронов! Используя эти пулеметы одновременно с 15–20 автоматами, имевшимися в каждой егерской роте, немцы обладали значительным перевесом... пока у них оставались патроны!

образом записана в журнал боевых действий за 4 января. В 4.50 штаб 3-го батальона 179-го полка сообщил на полковой КП о том, что в батальоне слышат выстрелы справа (восточнее); в 5.12 штаб полка переправил это сообщение в штаб 45-й дивизии.

Штабу 276-го пехотного полка потребовалось неожиданно большое время для того, чтобы сообщить о перестрелке на командный пункт 179-го пехотного полка — хотя КП 276-го полка находился также в Циттерсхайме. Но даже когда сообщение дошло до адресата, оно оказалось чрезвычайно неточным. В 06.30, когда «Пэйн-3» (позывной начальника оперативного отдела штаба, сокращенно «S-3») 179-го пехотного полка получил от «Ригл-3» (позывной офицера «S-3» штаба 276-го пехотного полка) информацию о бое, произшедшем за 100 минут до этого, выяснилось, что рота «В» 276-го полка «столкнулась с вражеским патрулем (численностью 20—24 чел.)»¹.

Во время ночного боя в лесу два батальона оперативной группы «Винген» на какое-то время потеряли контакт друг с другом. Они объединились опять только после того как командиры и батальонные адъютанты встретились по окончании стрельбы. Теперь, после столкновения с американским охранением и перестрелки, мы были почти уверены в том, что наша единственная надежда — внезапность — окончательно утрачена. Теперь мы ожидали, что гарнизон Вингена, о котором не было известно почти ничего, поднимется по тревоге и встретит нас в полной готовности. Времени на дискуссии уже не оставалось.

Тем не менее даже после доклада 3-го батальона 179-го полка в 4.50 о «выстрелах справа» (указывавшего на позицию охранения, занятую ротой «Е» 276-го полка)

¹ Выдержки из журнала боевых действий 179-го пехотного полка от 4 января 1945 года. Изучая записи журнала, нужно иметь в виду, что радисты нередко интерпретировали позывные не так, как следовало: в журнале много записей с позывным Регэл-3, в то время как правильный позывной офицера оперативного отдела — Ригл-3. В зоне боевых действий вообще не было радио с позывным Регэл-3.

и после 20-минутной стрельбы всего в 600 метрах от КП 1-го батальона 179-го полка, офицер, дежуривший на КП 1-го батальона, доложил из города в полк, что на 5.00 у него «все тихо». [110] В тот момент мы этого не знали и не могли мечтать о такой удаче.

Мы быстро договорились о районах сосредоточения батальонов и времени атаки: восход солнца ожидался в 8.22, а рассвет наступал примерно за час до этого — то есть примерно в 7.00. Требовалось лишь видеть объект атаки — улицы и дома Вингена, — чтобы избежать дезориентации и решать боевые задачи отдельными ротами. Совместную атаку назначили на 7.00.

Батальоны опять разделились. 1-й батальон продолжил движение в западном направлении, через лес, росший напротив Хейденека («Угол язычника») в западной части Вингена. Наш 3-й батальон сосредотачивался на южной границе леса, обращенной к центральной части города. В эти ранние часы мы не смогли разглядеть почти ничего и согласились провести границу между нашими батальонами между двух отмеченных на карте церквей, тем самым установив линию соприкосновения. Территория к западу от этой линии закреплялась за 1-м батальоном, а восточная часть — за 3-м батальоном. Часть наших общих сил должна была оставаться в лесу и обеспечивать эффективную оборону периметра по всем направлениям на случай контратаки американцев.

Около 6.30 утра роты нашего 3-го батальона вышли к южной оконечности горного склона. Четыре ротных командира собирались возле командира батальона. Мы стояли под прикрытием леса и благодаря постепенно наступавшему рассвету отлично видели весь город. Прямо перед нами была грузовая площадка железнодорожной станции, на которой стояло шесть или семь грузовиков. Слева наискосок от площадки располагалась железнодорожная станция. За станцией виднелись дома типичной городской застройки. Самым узнаваемым зданием была

католическая церковь с характерным шпилем, в 300 метрах от станции.

Скрупулезно изучив местность, мы не обнаружили каких-либо признаков человеческой жизни. Мы увидели лишь дым, поднимавшийся из труб вертикально вверх, придавая картине вполне мирный вид. Неужели никто в городе не слышал звуков перестрелки, случившейся всего пару часов назад? Интересно, кто-нибудь из американцев находится на дежурстве? Возможно, они все спят? Не веря собственным глазам и не желая спугнуть удачу, мы молча гадали — нет ли засады у входа в город?

Тут же были сформулированы приказы:

— 13-я рота атакует двумя взводами на правом фланге, вдоль границы с 1-м батальоном и, овладев южным берегом реки Модер, захватывает плацдарм на противоположном берегу. Третий взвод атакует вдоль железной дороги в восточном направлении и продвигается до окраины города;

— 12-я и 11-я роты держат северное плечо обороны периметра на высотах, которые мы только что миновали, и прикрывают нас от возможных атак с севера. 12-я рота разворачивается восточнее, захватывая территорию фабрики¹, расположенной к северу от железнодорожной линии;

— саперный взвод (по штату относившийся к штабной роте нашего батальона) сопровождает 3-й батальон и входит в Винген; его конкретные задачи определяются в ближайшие часы, в зависимости от успеха нашей атаки.

Мы как раз закончили отдавать приказы, когда услышали характерно приглушенный звук минометных залпов, совершенно определенно исходивший из южной части города². Через несколько секунд позади нас разо-

¹ Эта фабрика, отмеченная на карте, оказалась известным предприятием по производству стекла и хрустяля «Лалик».

² Хотя этого нет в записях, минометный обстрел, по всей вероятности, вела рота «ди» 276-го полка.

рвались первые мины. Сначала мины взрывались поодаль, но вскоре разрывы начали подбираться ближе. Наступал час атаки, кое-кто из нас даже обрадовался этому неожиданному тычку в спину. Теперь время работало против нас! Нужно было начинать атаку немедленно, так что мы собирались с духом и побежали вниз по склону.

Реализация поставленной задачи

Почти в ту же минуту мы оказались между расставленных на площадке грузовиков и пересекли площадку без единого выстрела. Гауптштурмфюрер Шютце вместе со штабным отделением 13-й роты вбежал в здание железнодорожной станции и взял первых американских пленных. Тем временем два его взвода выдвинулись по улице мимо церкви¹, в направлении моста через Модер. Выйдя из-под прикрытия последних домов на южной окраине Вингена, бойцы оказались в низине, продолжавшейся до самого края леса, росшего на горах Кирхберга и с юга обрамлявшего долину реки Модер.

До этого момента мы ни разу не встретили организованного сопротивления гарнизона — но здесь два взвода из 13-й роты попали под пулеметный и ружейный огонь, который велся с края леса по фронту и с правого фланга. К обстрелу из стрелкового оружия немедленно добавились минометные залпы. Все эти действия противника² оказались весьма эффективными и вынудили наших бойцов залечь в низине, где у них не было почти никакой возможности укрыться. Оказавшись в невыгодной для себя позиции, командиры взводов приняли единственное решение, имевшее смысл, и отошли к домам прежде, чем их подразделения понесли существенные потери.

Тем временем третий взвод, почти не встретивший

¹ Большая церковь рядом с железнодорожной станцией оказалась римско-католической церковью Св. Феликса, построенной во времена германского правления незадолго до Первой мировой войны.

² Рота «А» 276-го пехотного полка.

сопротивления, занял восточную часть города. 11-я и 12-я роты также доложили, что разведали подходящие позиции к северу от железной дороги (обе на поросших лесом высотах) и в пригороде, где находилась фабрика.

Теперь предстояло наскоро окопаться, развернув большую часть стрелковых ячеек и пулеметных гнезд на север, и создать фрагмент общего оборонительного периметра. Все же часть пулеметов выставили на южной границе леса, господствовавшей над городом. Это было сделано, чтобы оградить наши силы в Вингене от ожидаемой контратаки американцев.

После того как ранним утром батальоны разделились, 1-й батальон выдвинулся на западную сторону плато. Роты собирались вместе под прикрытием леса. 1-я и 2-я роты получили задачу захватить плацдарм за рекой Модер; 3-й и 5-й ротам следовало занять Хейденек¹. В лесу оставалась одна рота тяжелых пулеметов (4-я), задачей которой была огневая поддержка атаки линейных рот.

1-й батальон ринулся в атаку из района сосредоточения одновременно с нами; две его роты без единого выстрела пересекли западную часть грузовой площадки, затем очистили ближайшие дома от американских солдат, захваченных врасплох в теплых постелях. 4-я рота, уже поставившая пулеметы на южной и западной границах леса, откуда просматривалась большая часть города, немедленно открыла огонь по американским солдатам, которые пытались добежать до леса.

3-я и 5-я роты вместе атаковали в западном направлении. 5-я ротаunterштурмфюрера Пауля Кюртена очистила дома в Хейденеке, к северу от железнодорожной насыпи, а бойцы 3-й роты оберштурмфюрера Ганса Якобса, взобравшись на гористый участок к югу от на-

¹ 5-я рота была штабной ротой 1-го батальона и в тот момент включала только два взвода, а именно, саперный взвод и взвод радиостов. Старшим в этом усеченном подразделении был командир взвода радиостов Пауль Кюртен.

сыпи, заняли дома на западной границе леса, росшего по горам до самого Пуберга.

В это время 1-я и 2-я роты атаковали с юга, чтобы пересечь город и реку Модер и захватить плацдарм на другой стороне. Одной из ближайших целей 1-й роты было кладбище, расположенное на холмах у южной окраины города. Кладбище занимало участок прямоугольной формы, с четырех сторон защищенный каменной стеной от 4 до 5 футов в высоту (до 1,5 м), что обеспечивало идеальную позицию для установки пулеметов. Чуть выше кладбища, на поросшем лесом склоне Кирхберга, бойцы из 1-й роты обнаружили свежеоткрытые и пока не занятые стрелковые ячейки. Это были окопы роты «А» 276-го пехотного полка, выкопанные прошлым вечером и оставленные, когда рота перебазировалась в лес. Теперь подготовленная ими позиция досталась горным стрелкам из 1-го батальона![111]

Американский ответ на нашу атаку развивался до странности медленно. В 7.30, когда мы уже вошли в Винген, оперативный офицер («S-3») 276-го пехотного полка сообщил в штаб 179-го полка, что в 400 метрах к северу от города «патрули врага сохраняют активность» на участке роты «В» — и, по мнению оперативного отдела 276-го полка, «враг может находиться в Вингене». Около 8.05 «Ригл-3» передал по радио новое сообщение о действиях германских войск: «Противник определенно в Вингене, докладывают о стрельбе».

Невероятно, но с КП самого 1-го батальона 179-го полка сообщений не поступало. Ближе всех к истине оказалось сообщение, полученное на КП 179-го полка также в 8.05, но исходившее от начальника штаба 157-го пехотного полка, занимавшего позиции восточнее. Он доложил, что, судя по сообщению офицера связи 157-го полка с командного пункта 1-го батальона 179-го полка в Вингене, немецкие солдаты ведут бой в самом городе. Судя по всему, наша атака едва ли не полностью остановила работу КП 1-го батальона 179-го полка. Первое за-

фиксированное в журнале сообщение поступило от этого батальона в 8.50, когда сержант Миллз (из штабной роты 1-го батальона 179-го полка) доложил оперативному офицеру штаба полка, что «противник [находится] в Вингене в количестве 40—45 человек, [которые] вошли в город с ЮВ, сперва открыв снайперский огонь, и вступили в бой перед КП1Бат.».

Еще до этого запоздалого подтверждения из нижестоящего штаба полковник Мерфи, командир 179-го пехотного полка, принял решение не отводить свои части назад для восстановления положения, а оставить войска на основной линии обороны полка, обращенной к северу. Взамен он предложил командованию 276-го полка вернуть рубежи, оставленные 1-м батальоном. Это решение нашло отражение в сообщении, переданном в 8.40 с КП 179-го полка командром 1-го и 3-го батальонов, и странным образом направленного по каналам, предназначенным для координации артиллерийского огня поддерживавшего их действия 160-го батальона полевой артиллерии.

Вероятно, этот необычный путь передачи сообщения демонстрировал отсутствие надежной связи между командным пунктом 179-го пехотного полка в Циттерсхайме и КП 3-го батальона этого же полка в Хохберге, на запад от Вингена. Понятно, что к этому моменту связь с командным пунктом 1-го батальона в Вингене уже час как отсутствовала. К счастью для командования 179-го полка, радиосвязь с поддерживавшей их действия артиллерией действовала исправно и обеспечивала контакт связистов в Циттерсхайме с передовыми наблюдателями и офицерами связи обоих пехотных батальонов. Следующие записи журнала боевых действий показывают, что в общении с 3-м батальоном в Хохберге штаб полка в основном полагался на средства связи артиллеристов.

Оценка ситуации штабом 3-го батальона 179-го полка оказалась более точной, чем оценка, сделанная штабом 1-го батальона 179-го в Вингене.

В 9.30 офицер связи с артиллерией, находившийся на КП 3-го батальона 179-го полка, доложил о том, что 45 немецких солдат атаковали Хейденек. То, что город подвергся атаке, спустя 10 минут подтвердил по радио командир 3-го батальона — хотя в его сообщении не было данных о сложности ситуации.

Между 10.10 и 11.30 утра на командном пункте 179-го полка в Циттерсхайме (всего в трех километрах от Вингена) прошло совещание, на котором решалось, что делать дальше. Кроме полковника Мерфи в совещании участвовали начальник оперативного отдела («G-3») 45-й пехотной дивизии подполковник Адамс, а также командир 160-го батальона полевой артиллерии подполковник Эмбрай и майор Риггс, командир 3-го батальона 179-го пехотного полка. Позже всех (примерно в 11.15) на командный пункт прибыл командир тактической группы, бригадный генерал Томас Херрен, добирающийся из Лапти-Пьер, где располагался его КП.

Пока командиры батальона, полка и тактической группы совещались, командир роты «А» 276-го пехотного полка капитан Дин М. Хендриксон вел свою роту вперед, чтобы вновь занять позиции, оставленные прошлым вечером, и восстановить контакт с ротой «В». Хендриксон находился в трудном положении: утром командир его батальона в панике сбежал в лес, крича по дороге: «Уходите в горы, ребята, немцы идут!» [112] Еще больше смущала информация, полученная от начальника разведки полка: к Вингену вышло «от 30 до 50 немецких солдат, почти без провизии и боеприпасов и, возможно, готовых сдаться» (!) [113].

Вскоре капитан Хендриксон и его подчиненные обнаружили, что на самом деле ситуация не совсем такова. В тех самых стрелковых ячейках, которые заранее выкопали бойцы роты «А» 276-го полка, находились теперь горные стрелки из 1-й роты, внимательно следившие за южным направлением и готовые отразить любые попытки американцев отбить плацдарм за Модером. В от-

существие командира батальона и какой-либо связи с другими ротами капитан Хендриксон тем не менее предпринял вылазку в направлении Вингена.

Второй и третий взводы роты «А» большую часть дня старались пробиться назад к своей исходной позиции, расположенной на заснеженном склоне, до которой от края леса оставалось всего 100 метров. Для этого им нужно было не только преодолеть сопротивление стрелков, засевших в их собственных ячейках, но и выдержать огонь германских пулеметов, установленных на кладбище и сопровождавших очередью каждое движение американцев. Это было суровым боевым крещением для роты «А», впервые оказавшейся под огнем. К середине дня они, наконец, отвоевали прежние окопы — в основном личной храбростью бойцов, при помощи ручных гранат и благодаря поддержке их собственного минометного взвода и ручных пулеметов калибра 30 с воздушным охлаждением. В ходе боя второй и третий взводы роты «А» понесли значительные потери — в основном из-за того, что им пришлось окапываться под огнем на виду у противника.

В этой операции рота «А» потеряла первого офицера. Командир третьего взвода лейтенант Ричард Л. Макклинток был убит, когда пытался в одиночку подавить германский пулемет, стоявший на кладбище.

1-я рота намеревалась завладеть лучшими позициями и неоднократно пыталась просочиться через боевые порядки роты «А» (в последний раз — вечером, под прикрытием темноты). Но они опоздали. Получившие суровый урок бойцы роты «А» были настороже и отразили все попытки штурма.

Выполнив первую часть задачи, капитан Хендриксон решил также выполнить вторую часть своей миссии: чтобы установить контакт с ротой «В», он направил через долину разведывательный патруль во главе с командиром первого взвода лейтенантом Уильямом Донгесом.

Донгес ушел на задание ночью. Вначале его люди направились на восток, на обратный склон Кирхберга, затем пересекли долину Модера и зашли с севера, оказавшись на господствовавших над Вингеном лесистых высотах. Само собой, они не встретили никаких американских войск и следующим утром вернулись на позиции роты «А». [114]

Закрывая проход

В то утро всего в миle от эпицентра ожесточенных боев за Винген начала развиваться важная операция, незаметная для оперативной группы «Винген» и скрытая от внимания американских частей, старавшихся защитить город. В то время как подразделения 179-го полка спасались бегством или оказывались в германском плену, к востоку и юго-востоку от Кирхберга на дорогу, которая вела из Экартсвиллера в Вимменау, прибыл и разгрузился с машин 180-й пехотный полк в полном составе.

180-й пехотный полк входил в состав одного из последних эшелонов «большой передислокации» частей 6-го корпуса. 3 января, уступив свои позиции на линии Мажино подразделениям соседнего 157-го полка и 36-го инженерного полка (приданного 45-й дивизии), 180-й полк погрузился на машины и кружным путем проехал около 100 км по Эльзасской равнине, в конце концов прибыв в район нового сосредоточения к югу от Вимменау. Подразделения, разгрузившиеся с машин в 1.00 (2-й батальон), 02.45 (1-й батальон), получили отдых до 9.00. В 10.00 разгрузился 3-й батальон. [115]

В строгом соответствии с полевым приказом по 180-му полку № 79 от 3 января [116] два выбранных батальона пересекли исходную линию атаки (железнодорожную ветку, связывавшую Винген и Вимменау), и выдвинулись в северном направлении в 10.05 (2-й батальон — справа) и в 10.25 (1-й батальон — слева).

Их непосредственной задачей было закрытие 4-км бреши в обороне между Вильденгутом на востоке и Каесбергом на западе, то есть ликвидация зазора между подразделениями 313-го и 179-го пехотных полков. 3-й батальон оставался в резерве поблизости от Вимменау, так что наступление полка шло по классической схеме: «двоев в бою, один в прикрытии».

Судьба подразделений 179-го полка оставалась неизвестной, но когда два штурмовых батальона 180-го полка начали движение, их бывалые солдаты услышали стрельбу, доносившуюся слева, из Вингена. Генерал-майор Фредерик, командир 45-й пехотной дивизии, не хотел использовать только что прибывший 180-й полк против германских войск, просочившихся в Винген, и решил ограничиться задачей ликвидации разрыва обороны в северных Вогезах. Чтобы вернуть контроль над городом, Фредерик приказал 276-му полку тактической группы «Херрен» атаковать и очистить Винген от германских войск. Для этого он присоединил к полку роту «В» (неполную) из 781-го танкового батальона. [117]

Основными германскими частями в разрыве американской обороны между Каесбергом и Вильденгутом были оперативная группа «Штаммле» (2-й батальон 951-го гренадерского полка), все еще отрезанная к северу от Вимменау, в Кинберге, и посланный для ее деблокирования и усиления 506-й мотопехотный батальон СС из оперативной группы «Шрайбер». Утром 4 января, не сумев добиться радиосвязи с оперативной группой «Штаммле», командир 506-го батальона направил для установления контакта патруль штандартен-оберюнкера Грютца. После обнаружения подразделения «Штаммле» на юго-западном направлении патруль Грютца был захвачен в плен американцами. [118] Примерно зная, где находится оперативная группа «Штаммле», остальная часть 506-го мотопехотного батальона вскоре после ухода Грютца выдвинулась в назначенный район Хохкопфа (восточного). Пройдя всего лишь два километра по этому гори-

стому участку, бойцы начали окапываться на Ребберге и восточнее, на стороне Кинберга. Именно здесь они намеревались объединиться с 2-м батальоном 951-го гренадерского полка, успевшим встретиться с патрулем штандартен-оберюнкера Грютца. Объединившись, они, согласно приказу, намеревались вместе с оперативной группой «Штаммле» принять участие в штурме Вимменау.

180-й пехотный полк не был последней частью, прибывшей в то утро. Несколько позднее в непосредственной близости от Вингена появилось еще одно подразделение, которому предстояло сыграть значительную роль в освобождении города от германского вторжения, — 2-й батальон 274-го пехотного полка под командованием подполковника Уоллеса Р. (Боба) Чевеса.

Этот батальон оставил позиции в Друзерхайме, близ Рейна, после того как поздно вечером 3 января его сменили подразделения тактической группы «Линден». Ранним утром 4 января механизированная колонна 2-го батальона 274-го пехотного полка подъехала к командному пункту тактической группы «Херрен» в Ла-Пти-Пьер, чтобы взять проводника для дальнейшего марша в Пуберг — маленькую деревушку примерно в десяти километрах к северу. После этого они в 11.00 прибыли в Пуберг. Здесь Чевес получил от своего полкового командира, полковника Сэмюэла Конлея, первую, пока не слишком внятную информацию о германском набеге на Винген. Говорилось о «всего нескольких немецких солдатах». [119]

Усиление позиций

В то время как 180-й полк приближался к району со средоточения, 5-я рота 1-го батальона 12-го горнопехотного полка СС под командованием унтерштурмфюрера

Пауля Кюртена была близка к достижению своей цели на правом фланге 1-го батальона, а именно — овладению пригородами Хейденек и Д'Хютт. Покинув исходные позиции на западном краю леса, рота без каких-либо проблем захватила врасплох отделение из восьми или десяти американских солдат, спавших на земле в спальных мешках. Эти солдаты стали первыми американскими пленными, захваченными 1-м батальоном. Пленных отконвоировали в Винген.

С утра Кюртен и его люди очистили от противника большую часть домов. Потом они подошли к двухэтажному дому, стоявшему позади здания, идентифицированного Кюртеном как «водяная мельница». Засевшие в этом доме американцы оказали серьезное сопротивление, и рота понесла первые потери. Кюртен писал:

«Через некоторое время [из дома] замахали белыми тряпками, показывая, что хотят сдаться. Мы ждали, что они сейчас выйдут. Неожиданно они побросали свои белые флаги и снова принялись отстреливаться. Вскоре мы поняли причину: с чердака дома они увидели приближавшуюся к Вингену колонну американских танков». [120]

Оказавшись на месте, танки первым делом обстреляли несколько домов, занятых ротой Кюртена, оборвав его продвижение на запад. Постепенно огонь танковых пулеметов и 76-мм орудий вынудил его и его людей отступить к югу, через протекавший рядом ручей Шуссельбах.

В 11.00unterштурмфюрер Карлау с посыльным направился вдоль южного откоса железнодорожной насыпи, чтобы попасть в 3-ю роту оберштурмфюрера Якобса, контролировавшую западную часть города. Оказавшись рядом с позициями Кюртена, Карлау обнаружил его роту под плотным огнем и без всякой надежды восстановить позиции. Танки стояли на значительном удалении, не позволявшем применить наши фаустпатроны.

После совместной оценки ситуации Карлау и Кюртен решили, что удерживать эту позицию больше не имело смысла: рота и так потеряла несколько человек убитыми. Чтобы остановить бессмысленные потери, нужно было отступить на более защищенную позицию. Кюртен отвел свою 5-ю роту к железнодорожной насыпи, заняв оборону между 4-й ротой на поросших лесом горах к северу от Вингена и позициями 3-й роты. [121]

1-й батальон очистил дома в центре города, где продолжали безмятежно спать американские солдаты. В одном из домов у самых путей разместили командный пункт батальона. Ранее принадлежавший начальнику станции дом теперь пустовал.

Соседний дом оказался школой. Здесь наш батальонный хирург, гауптштурмфюрер «доктор Ганс», обнаружил медчасть 1-го батальона американского 179-го полка, а в ней — примерно двадцать больных и раненых на носилках, двух офицеров-медиков (капитана и лейтенанта) и 12 человек американского персонала. Вдобавок он нашел нечто, не менее важное: огромное количество перевязочного материала и лекарств. Доктор Лаутеншлагер объявил здание пунктом помощи всем раненым, как своим, так и чужим, — и взялся командовать американскими коллегами и санитарами. [122]

До полуночи все дома в секторе 1-го и 3-го батальонов были очищены от противника.

Лишь немногим бойцам, находившимся в Вингене во время нашего внезапного появления, удалось покинуть город и со временем добраться до своих¹.

В спешке они не позаботились захватить с собой технику, которой было предостаточно — и уходили на своих двоих. В результате на улицах города осталось много машин: джипы, 2,5-тонные грузовики и даже пары само-

¹ 3-й батальон 180-го пехотного полка (стоявший в полковом резерве к югу и западу от Вимменау) организовал пункт сбора для военнослужащих, вышедших из Вингена; см. журнал боевых действий 180-го полка, 48.

ходных орудий и один полностью гусеничный тягач. Забравшись в самоходку (самоходную 75-мм гаубицу типа М8), двое наших младших командиров, имевших опыт по танковой части, завели двигатель и среди ясного дня двинулись по центральной улице. Пытаясь выручить наших солдат из 1-го батальона, они уже прошли первый тоннель под железнодорожным полотном, но попали под огонь американских танков. Этот храбрый и неожиданный маневр почти сразу закончился неудачей. Захваченная самоходка была оснащена короткоствольной 75-мм гаубицей. Низкоскорострельное орудие не могло состязаться с «Шерманами» из роты «В» 781-го танкового батальона. Установленные на этих танках 76-мм пушки по скорострельности значительно превосходили возможности захваченной самоходки — и танкисты тут же воспользовались преимуществом. Оба наших товарища погибли в неравном бою. [123]

Командный пункт нашего 3-го батальона разместился в отеле «Де ла Гар», расположенном около железнодорожной станции. Я распорядился устроить в римско-католической церкви Св. Феликса пункт сбора пленных и приказал священнику выделить помещение для восьми содержавшихся под стражей офицеров (от лейтенанта до подполковника) в соответствии с политикой раздельного содержания офицерского и рядового составов, признанной международным сообществом.

Рано утром при подходе к церкви бойцов третьего взвода 13-й роты обстрелял снайпер, судя по всему, засевший на шпиле церкви. Командир взвода шарфюрер Линус Майер поднялся по ступеням колокольни, но обнаружил, что дверь наверх заперта. С Майером был один американский пленный, сын эмигрантов из Германии, хорошо говоривший по-немецки. Шарфюрер попросил пленного передать своему засевшему на колокольне товарищу, чтобы тот сдался. Вместо ответа снайпер про-

должил стрелять, заставив всех находившихся на улице искать укрытие.

Немного погодя Майер поднялся на чердак дома, стоявшего за церковью. Решив посмотреть, как обстоят дела на южном направлении, он осторожно снял несколько черепичных плиток. Первым, что увидел Майер, оказались несколько американских танков, стоявших на краю Кирхбергского леса и развернутых к городу. Еще он разглядел нескольких беспечно вставших между танками американских солдат. Взяв винтовку Mauser Kar.98k с установленной оптикой, Майер несколько раз выстрелил, наудачу. Должно быть, его выстрелы достигли цели: один американский солдат свалился наземь, и товарищи быстро унесли его за танк, в менее опасное место. Больше между танками никто не появлялся.

Резонно предположив, что точный выстрел могли произвести из церкви, один из танков обстрелял верхнюю часть шпиля из пушки. Танкисты пристрелялись быстро, в результате пробив огромную дыру в черепичной крыше и убив своего соотечественника. Заканчивая свой рассказ, Майер уважительно отзывался об американском снайпере: «Наверное, смелый был парень».
[124]

Примерно к полудню стрельба в большей части Вингена прекратилась. Только в западной части города слышались выстрелы. С американской стороны все чаще производились минометные залпы и очень действенный обстрел из танков, стоявших на северной опушке Кирхбергского леса. Сначала по окнам городских домов прошли очереди танковых пулеметов, затем по этим же домам начали бить из пушек. Плотный обстрел в сочетании со спорадическими минометными разрывами не позволял нам вести ответный огонь и наблюдать за полем боя. Одновременно залпы артиллерии накрыли лесистые высоты к северу от Вингена. Как правильно решили американцы, на этих господствовавших над городом высотах находились позиции германских войск.

Нечего и говорить, что мы не могли ответить на обстрел. Оба наших батальона вошли в Винген налегке, без положенных по штату минометов, а передовой наблюдатель из 3-го батальона 6-го артполка «Норд» безуспешно пытался наладить связь со своими батареями. [125]

Наш саперный взвод, часть взвода связи, 11-я рота и два взвода 12-й роты окопывались в южной части Хейденфельского леса. Каждый боец старался открыть себе позицию для эффективной круговой обороны. Зоны обстрела разделили на южную, примыкавшую к Вингену, и северную, защищавшую от атаки со стороны леса. Больше других повезло бойцам 13-й и частично — 12-й роты, уже занявшим позиции в домах восточной части города. Проведя несколько ночей без отдыха, наши бойцы полностью истощили силы. Личный состав не спал уже четверть сутки. Так же, как на первой захваченной нами позиции у Вайнбургского прохода, наших бойцов снова поразила неслыханная роскошь обнаруженных в некоторых домах американских припасов. Конечно, их порадовало изобилие американских сигарет. Но не меньшую радость вызвали запасы нового нижнего белья и носков. Бойцы тут же переоделись, сбросив с себя старое, изорванное и грязное нижнее белье.

На всех въездах в Винген были установлены блокпосты. Для охраны города в ночное время выставили патрули. Понятно, что эти посты и патрули были немногочисленными, чтобы в основной массе люди могли отдохнуть, восполнив длительное недосыпание. В этот день потери нашего 3-го батальона были незначительными и даже совсем небольшими (во время утренней атаки), но теперь постепенно возрастили из-за непрерывного минометно-артиллерийского обстрела и огня танковых орудий.

Отдав все необходимые распоряжения, я решил осмотреть наш командный пункт — здание вокзального отеля в 2,5 этажа с подвалом и очень толстыми, прочными стенами. Я оставил у входа часового, а сам прошелся по

комнатам. Чтобы найти искомое, не понадобилось много времени: в двух комнатах на втором этаже явно располагался передвижной офис с огромным количеством аккуратно сложенных папок. Решив изучить некоторые папки, я разложил их на одном из столов, к моему удивлению, оказавшихся в комнате. В 1945 году мои познания в английском ограничивались обычным школьным курсом, три года «ржавевшим» из-за отсутствия практики на Арктическом фронте. Несмотря на скучные знания английского, из найденных в офисе папок удалось понять, что всего несколько часов назад здесь находилась рота тылового обеспечения 179-го полка. Полк, как я догадался, входил в состав 45-й пехотной дивизии.

Хотя я не знал этого в то время, но после переноса командного пункта 179-го полка в Циттерсхейм общая численность гарнизона Вингена составляла на утро 4 января около 350 человек:

- КП и штаб 1-го батальона 179-го пехотного полка;
- штабная рота 1-го батальона 179-го пехотного полка;
- рота тылового обеспечения 179-го полка;
- медчасть 1-го батальона 179-го полка;
- отдельные подразделения 36-го инженерного полка;
- офицер связи 157-го полка 45-й пехотной дивизии, а также
- штабная секция и один стрелковый взвод роты «I» 276-го пехотного полка.

Перелистывая документы армии США, я понял, почему наша утренняя атака привела к столь быстрому успеху: противником были в основном тыловые и вспомогательные подразделения, не привыкшие воевать. В ближайшие часы или дни мы наверняка встретимся с боевыми частями американской армии, которые докажут свою состоятельность и дадут нам «прикурить».

Контратаки

К 13.00 3-й батальон 276-го пехотного полка был готов вступить в бой и выполнить подписанный тем утром приказ бригадного генерала Херрена: «контратаковать, оттеснить противника на северо-запад и восстановить контроль над Вингеном». В этом приказе бригадный генерал Херрен особо подчеркивал, что «крайне важно оттеснить противника на северо-запад от дороги Ингвиллер—Фольксберг». Для поддержки атаки он обещал дать командиру 276-го полка танковую роту (без одного взвода). Это были танки роты «В» 781-го танкового батальона.

На тот момент в распоряжении командира 276-го пехотного полка полковника Моргана имелись только 1-й и 3-й батальоны. 2-й батальон, приданый 313-му полку, находился поблизости от Вимменау.

Положение было совсем не безоблачным. Утром 1-й батальон потерял почти всю роту «С». Кроме того, лишилась многих бойцов рота «А». Рота «С» была придана 3-му батальону. Таким образом, утренние приказы полковника Мэрфи ставили задачу сильно поредевшему 1-му батальону, в значительной мере утратившему боевые возможности.

План командира полка строился в основном на использовании 3-го батальона, которым командовал подполковник Сидней Иверсон. Комбат получил все указания командира непосредственно на своем КП, находившемся у главной дороги к западу от Хохберга и севернее Пуберга.

Но этот батальон был также ослаблен утренним боем. В информационном вакууме начала дня начальнику штаба батальона майору Роберту Нэтцелу потребовалось выдвинуться на место боевых действий, чтобы выяснить ситуацию. Взяв 10 или 12 бойцов из роты «I», он прошел под железнодорожными путями (через проход «Западный-3»), где и попал в плен к германским

солдатам, ждавшим по другую сторону насыпи. Майора Нэтцела отконвоировали в католическую церковь, а его солдаты поработали носильщиками, перетаскивая своих же раненых, пострадавших от «дружественного» огня своих же американских войск. [126] В результате Иверсон лишился своей «правой руки» и координатора предстоявшей операции, а рота «I» осталась без целого отделения.

Но проблемы роты «I» на этом не закончились. В первой половине дня подразделения оперативной группы «Винген» ворвались на КП роты «I» и захватили в плен штаб вместе с 1-м взводом. Большинству солдат 2-го взвода и взвода вооружений удалось избежать плена и собраться затем в западной части Вингена. Отданный в распоряжение 180-го полка 3-й взвод нес службу на одном из дорожных блокпостов. [127]

Роту «K» из батальона Иверсона передали в резерв корпуса заодно с двумя взводами из роты «L». [128] В качестве своего рода компенсации Иверсону подчинили роту «C» 276-го пехотного полка, КП которой располагался к югу от Кирхберга. Однако днем 4 января рота «C» находилась южнее Вингена и поэтому не могла участвовать в штурме.

Поэтому для контратаки Вингена подполковник Иверсон мог задействовать:

- одну неполную стрелковую роту (роту «L» в составе двух стрелковых взводов плюс одно отделение);
- один стрелковый взвод и взвод вооружения роты «I» (без штабной секции);
- роту тяжелого вооружения (роту «M»).

В его распоряжении находилось также небольшое количество бойцов из разбитой нами роты «B».

С такими скромными силами подполковнику Иверсону требовалось выполнить задачу из полученного в 10.00 приказа полковника Моргана:

«Используя роту резерва [роту «L» из резерва 276-го пехотного полка] совместно с ротой «I», провести согласованную атаку Вингена с западного направления, общим направлением на жд-линию. 1-й батальон поддержит атаку с юга и востока. Очистите город от противника. Вам придан один взвод средних танков; через час вы должны встретить их человека на своем КП. Перегруппировка сил после освобождения города». [129]

Вероятно, подозревая, что в Вингене находятся захваченные в плен солдаты 179-го полка, штаб 45-й дивизии отказал 276-му полку в артиллерийской поддержке атаки центра города.

Вместо этого оперативному офицеру 276-го полка посоветовали «спланировать бомбовый удар по Вингену на момент, когда в городе не останется наших войск». [130] Таким образом, контратаку предполагалось вести без поддержки артиллерии.

После того как представитель танкового взвода роты «B» 781-го батальона доложился на КП, подполковник Иверсон выдвинул свои силы (пополненные двумя 81-мм минометами роты «M») к Вингену. Атака началась в 13.30.

Чтобы не ударить по своим, на время операции танкистам запретили использовать пушки. Из-за «отсутствия информации о том, какие именно дома заняты противником», танки стреляли только из пулеметов. [131]

Когда наступавшие американцы прошли под железной дорогой (через проход «Западный-4»), их передовые цепи были прижаты к земле ружейно-пулеметным огнем 4-й и 5-й рот 1-го батальона. С западного края леса вели продольный огонь германские пулеметы 4-й роты, сея опустошение в рядах роты «L». Два головных танка были подбиты выстрелами из фаустпатронов, произведенными с холма, находившегося к северу от дороги, который по предположению Иверсона находился в ру-

ках американской пехоты. [132] Впоследствии командир 3-го батальона 276-го пехотного полка написал об этой атаке:

«Было решено выдвигаться через западную часть города и атаковать высоты к северу от железнодорожных путей... Роте «L» пришлось идти к высотам без предварительной артиллерийской подготовки. Поначалу бойцы быстро двигались вперед. Очистив от противника стоявшие у леса дома, они направились к горам. Все было normally, но среди деревьев нас ждали немцы — и тут началось! Нескольких наших убило, в том числе — командира роты и лейтенанта. Немцы пригвоздили роту «L» к земле. Каким-то чудом мы продержались до вечера». [133]

В дневной атаке были убиты все офицеры роты «L», за исключением начальника штаба, направлявшего действия по поддержке роты. [134]

То же самое подразделение пыталось снова атаковать в 16.30, точно по тому же маршруту. На этот раз движение поддерживавших атаку танков оказалось блокировано двумя подбитыми танками, застывшими у прохода под железнодорожным полотном. Остальные танки вынужденно отошли к Циттерсхайму, и этим атака закончилась. [135]

Пока бойцы подполковника Иверсона готовились пойти в атаку с северо-запада, в трех километрах к юго-западу подразделения из состава 2-го батальона 274-го пехотного полка подполковника Чевеса готовили стрелковые ячейки для обороны горной деревушки Пуберг. Незадолго до полуночи прибыл командир полка полковник Конлей.

Полковник Сэмюэл Конлей (Сэм-стрелок) обещал своему коллеге, командиру 276-го пехотного полка полковнику Моргану, что «очистит лес между Пубергом и Вингеном от всяких немцев», которые, вполне может статься, продвинулись лесом на запад как раз до Пуберга.

Полковник Конлей, страстно желавший лично командовать «зачисткой», уговорил Чевеса выделить ему две стрелковых роты и начальника штаба батальона майора Бафорда Бойда.

Примерно в 13.30 полковник Конлей и майор Байд начали атаку ротами «Е» и «F», которые через поросшие лесом горы двинулись по заснеженным тропам на воссток. По пологому склону они приблизились к Вингену.

Дойдя до опушки леса, Конлей и его люди увидели германских солдат, рывших окопы вокруг города. Обе стороны немедленно открыли огонь. В тот раз личный состав 2-го батальона впервые услышал звук германских пулеметов. «Их пулеметы строчили в два раза чаще наших... чертовски страшно, когда пули с визгом обрушаются на тебя», — вспоминал потом один из солдат 274-го полка. [136] По воспоминаниям Чевеса, германские пулеметы (MG-42) были «ужасающими». Обладая технической скорострельностью 1100 выстрелов в минуту, эти пулеметы работали в два раза быстрее американских пулеметов Браунинга, при этом расходуя на 100% больше боеприпасов. Последнее имело особое значение для нашего подразделения, отрезанного от источников снабжения.

Вскоре после перестрелки, которая обошлась 2-му батальону в одного убитого и трех раненых, наступила темнота. В 17.00 боевые действия пришлось закончить. Войска развернулись назад и через 4,5 км снова оказались в Пуберге — к вящему неудовольствию командира 276-го полка полковника Моргана, который хотел, чтобы его подчиненные остались на границе леса, откуда они могли бы наблюдать за действиями противника в Вингене, сохраняя постоянную готовность к атаке или к поддержке атаки. [137]

Прошлой атаке американцев противостояла наша 3-я рота, которая понесла примерно такие же потери. Один раненый германский солдат попал в американский плен, но умер по дороге на допрос.

* * *

К середине дня американцы готовились ликвидировать брешь, образовавшуюся в их обороне чуть восточнее Вингена, в зоне 180-го пехотного полка. Командир 1-го батальона 180-го пехотного полка, капитан Фрай, вел наступление по принципу «2 в бою, 1 в резерве», поставив на левый фланг роту «С», на правый фланг — роту «А», и оставил в резерве роту «В».

Рота «С» выдвигалась к западу на дальнем левом фланге батальона (и, следовательно, полка), причем один взвод держался за шоссе (Д-12), в то время как остальные двигались параллельно шоссе в 500—600 метрах. Обе группы прошли довольно значительное расстояние, не потревожив противника. В 13.50 взвод, который двигался вдоль дороги, достиг американского блокпоста (занятого ротой «I» 276-го пехотного полка и ротой «В» 191-го танкового батальона), где и остался на ночь.

Этот взвод роты «С» 180-го полка пополнился теперь 57 бойцами из 179-го и 10 бойцами из роты «В» 276-го полка, чьи позиции были взяты утренней атакой оперативной группы «Винген». [138]

Не встречая сопротивления, основные силы роты «С» при поддержке двух танков прошли до южного края долины Киндсбронн. Рота вышла к долине в 17.30. По пути рота пересекла тропу, по которой всего девятью часами ранее прошла оперативная группа «Винген». При этом была нарушена тонкая линия нашей проводной связи со штабом. На краю Киндсброннской долины рота «С» 180-го полка встретилась с ротой «В» 179-го пехотного полка. [139] В этот день из всех шести рот, участвовавших в атаке, самого значительного продвижения добилась рота «С». К тому же, только эта рота вышла на намеченные рубежи.

Двигаясь по горам на север, рота «А» 180-го пехотного полка сначала преодолела Хорстберг. К 11.30 эта рота

при поддержке одного танка достигла Хохкопфа и сообщила, что район свободен от войск противника. Разумеется, что лишь несколькими часами ранее здесь находился район сосредоточения 506-го мотопехотного батальона СС. Однако нет никаких свидетельств того, что рота «А» докладывала об обнаружении следов, оставленных нашими войсками.

Рота «В» начала движение после полудня, прикрывая левый фланг остальных подразделений от возможной германской атаки со стороны Вингена. К концу дня рота «В» заняла позицию, блокировавшую отход противника к югу, между Вайнбургом и Хорстбергом.

Для 2-го батальона, выдвигавшегося по правому флангу, события развивались не так гладко. Плотная растительность в сочетании с изрезанным рельефом местности заставила командира выстроить роты батальона в одну линию. Рота «Е» находилась на правом фланге, рота «F» шла в центре, а рота «G» выдвигалась на левом фланге.

Рота «Е» шла на северо-восток вдоль дороги на Вимменау, которая после пересечения с главной дорогой свернула на север, к Вильденгуту.

Рота «F» находилась в центре боевого порядка батальона и двигалась по узкой тропе между Кинбергом и Реббергом. Рота «G» занимала левый фланг (на «границе» с 1-м батальоном) и двигалась прямо на высоты к северу от Вимменау. Первый подъем (на высоту 313) рота одолела без каких-либо затруднений.

В течение всего дня ширина фронта движения 2-го батальона не превышала 1500 метров.

В перестрелку с противником на Кинберге, примерно в 11.30, первым вступил взвод, двигавшийся к западу от своей роты «Е».

Часом позже командир 2-го батальона 180-го полка доложил в штаб, что взвод «остановился, не доходя до гребня, [где] в окопах [находятся] 50 немцев». Основные

силы роты «изи»¹, включая танки и самоходное орудие (истребитель танков), выдвинулись по «хорошей дороге» и уже прошли Кинберг, когда попали под обстрел артиллерии. По-видимому, огонь направлялся германскими наблюдателями с высоты 340 (примерно на полпути между Вимменау и Рейпертсвиллером, но несколько вышеавшшейся над этими горами). Командир 2-го батальона запросил у своего начальника штаба принять меры по подавлению противника на высоте 340, находившегося вне зоны действий полка, но тем не менее затормозившего движение роты на правом фланге. [140]

В этом же телефонном разговоре командир 2-го батальона доложил о взятии первых пленных. Ими оказались солдаты из 506-го мотопехотного батальона 6-й горной дивизии СС.

Ближе к вечеру все три роты 2-го батальона были контратакованы 506-м мотопехотным батальоном СС. Атаки производились силами около роты при поддержке артиллерии. Все эти атаки были отбиты после долгой перестрелки. [141] Несмотря на все попытки сбить германских мотопехотинцев с гребня, рота «G» так и не дошла до вершины Ребберга, которая поднималась на три метра выше остальных гор этого района и обеспечивала хороший обзор. Потери роты «G» составили троих раненых. Напротив, их противники из находившегося перед ротой «F» германского 506-го батальона понесли серьезные потери. Сама рота «F» потеряла трех солдат убитыми и восемь ранеными. [142]

Рота «Е» потеряла одного офицера и оставшееся неизвестным число рядовых солдат — не только от минометного огня, направлявшегося с высоты 340, но также от огня стрелкового оружия со стороны 2-го батальона 951-го гренадерского полка на Кинберге. Огонь из

¹ В радиопереговорах буквенные обозначения рот произносились следующим образом: «А» — «эйбл», «би» — «бейкер», «си» — «чарли», «ди» — «дог», «и» — «изи», «ф» — «фокс», «джи» — «джордж», «эйч» — «хай», «ай» — «айтем», «кей» — «кинг», «л» — «лав», «м» — «майк».

стрелкового оружия мало-помалу стих, но бойцы роты все еще опасались врага, находившегося на высоте 340, хотя оттуда их не могли ни атаковать, ни обстрелять из пушек. Хотя командир 180-го полка полковник Далени и получил от начальника оперативного отдела 276-го полка майора Каллауэя приказ от 14.55, предписывавший «немедленно взять и удерживать высоту 340 силами 2-го батальона», к концу дня Далени сообщил, что не встретил достаточной поддержки со стороны соседа справа, 2-го батальона 276-го полка. [143] Приказ майора Каллауэя не имел смысла, поскольку в тот момент 2-й батальон был придан 313-му пехотному полку и не подчинялся штабу 276-го полка.

Хотя к концу дня все три роты 2-го батальона вышли на единые рубежи (пусть и отстоявшие друг от друга), батальон все еще находился примерно в 1500 метрах от выполнения задачи, намеченной на следующий день. Согласно записи из журнала боевых действий 45-й дивизии, «противник оказал упорное сопротивление». [144] Разрыв в обороне американских войск, образовавшийся 1 января после разгрома тактической группы «Хаделсон», уменьшился, но все еще включал Кинберг и западную часть Вильденгута.

На западе Вингена командир 1-го батальона 180-го полка майор Фрай приказал роте «А», занимавшей позицию на правом фланге его подразделения, остаться на ночь на Хохкопфе (восточном). Правый фланг 1-го батальона был открыт из-за того, что рота «G» не вышла на назначенные ей рубежи. Продвижение роты «А» к северу означало увеличение дистанции до соседей справа и могло поставить под удар правый фланг. По этой причине майор Фрай, заручившись согласием командира полка, остановил дальнейшее поступательное движение роты.

Каждая рота батальона выставила патрули охранения. Задача патрулей состояла в поддержании контакта

с ротой «G» на правом фланге и подразделениями 1-го батальона 179-го полка на левом фланге.

3-й батальон 180-го пехотного, остававшийся в резерве полка, был развернут в глубину за передовыми батальонами. При наличии двух стрелковых рот и командного пункта в Вимменау третья стрелковая рота 3-го батальона выставила и удерживала блокпост в долине Модера, препятствуя выходу оперативной группы «Винген» на Эльзасскую равнину. [145] Этот блокпост, установленный между 13.00 и 14.45 дня, включал один взвод из состава роты «L» 180-го пехотного полка, несколько легких танков 191-го танкового батальона и одно 57-мм противотанковое орудие. [146] К вечеру четвертого дня операции мы были основательно зажаты по всему периметру Вингена: позиции на востоке и северо-востоке занимал 180-й пехотный полк, на юго-западе стоял 2-й батальон 274-го полка, на севере и северо-западе — 179-й пехотный полк, а на юге и западе располагались отдельные подразделения 276-го полка.

Катастрофа предотвращена

Уже стемнело, когда я закрыл папки с американскими документами. Незадолго до наступления темноты в городе и на лесистых высотах за нашей спиной начали кучно падать американские снаряды. Пара снарядов угодила в здание отеля. Теперь снаружи установилось некое подобие спокойствия. Казалось, что противники отложили кровавые дела этого дня в сторону, решив лучше приготовиться к завтрашним. Находясь на грани психического и физического изнеможения, мы были рады даже такой передышке.

С наступлением темноты мы могли свободно перемещаться по южной части города, переходя от одной позиции к другой. Ни американская пехота, ни танки

не предпринимали атак. Вечер был тихим, почти мирным — за исключением эпизодических артиллерийских разрывов в лесу к северу от Вингена.

Когда я проинформировал гауптштурмфюрера Крецингера о своих изысканиях, мы решили, что нужно отыскать 1-й батальон. Поскольку между батальонами не было проводной связи, я отправился в сторону их позиций, располагавшихся примерно в 300 метрах от нас, на Рю де Ла Гар. Войдя в дом через веранду, я обнаружил одного доктора Лаутеншлагера, стоявшего рядом с раскаленной докрасна печкой. Судя по запаху, здесь недавно сожгли большое количество бумаги.

Доктор Лаутеншлагер рассказал мне, что произошло. Примерно в 17.00, во время артобстрела, появился посыльный с известием, что противник опять атакует и, более того, на этот раз прорвался через оборону 1-го батальона. 3-й и 5-й ротам был немедленно отдан приказ отойти и сосредоточиться за железнодорожными путями в Хейденфельском лесу. Пока штаб перебазировали к северу, Карлау и его посыльные жгли в печи бумаги, хранившиеся в ящике для карт.

Услышав это, я поторопился вернуться на свой КП. Если так, то позиция 3-го батальона становилась опасной: мы до сих пор оставались в неведении, что между нашим КП и американскими не осталось ни одного подразделения германской пехоты! Войдя в здание командного пункта, я с облегчением увидел гауптштурмфюрера Бургшталлера, разговаривавшего с Крецингером. Как выяснилось, информация о прорыве американцев не была достаточным образом проверена и оказалась ошибочной. Бургшталлер отменил приказ 3-й и 5-й ротам его батальона, которые уже возвращались из леса назад, на позиции в западной части города. Вскоре к нам присоединился Карлау, также нашедший дорогу на наш КП. Он рассказал, что после выхода из города подразделения 1-го батальона заблудились, потеряв друг друга в лесу.

[147] Бургштадлера смущило, что в его батальоне могла случиться такая паника — и он вслух признался в этом Крецингеру, который был младше его по званию.

Теперь, когда потенциально опасная ситуация осталась позади, мы постарались забыть о превратностях минувшего дня и обсудить дальнейшие дела. Утром мы одержали легкую победу, претерпев минимальный урон. С другой стороны, в течение дня мы ощущали усилившееся давление американских сил, очевидно преодолевших дезорганизацию и ставшихся восстановить контроль над городом. Мы также понимали, что в отличие от нас противник не был отрезан от источников снабжения и пополнения резервами.

Весь день нам не терпелось доложить о нашем успехе в вышестоящий штаб, предпочтительно штандартенфюреру Шрайбера — либо в 361-ю дивизию генерал-майору Филиппи. Текст короткого сообщения мы передали радиостанциям обоих батальонов, а также артиллерийскому наблюдателю. Закодировав сообщения, радисты продолжительное время старались выйти на связь с одной из германских радиостанций, для связи с которыми у них имелись частоты и позывные. Все оказалось напрасно! Их никто не слышал.

Не отправив сообщения об успехе, которого с нетерпением ждали в вышестоящих штабах, мы не могли получить подкреплений — уже не говоря про обещанные нам самоходные штурмовые орудия.

Окончательно потеряв надежду установить радиосвязь, мы решили отправить к позициям германских войск патруль с донесением. Карлау решил выделить для этой миссии одного из своих лучших младших командиров, обладавшего превосходными способностями к ориентации на местности. Посыльный должен был добраться до линии германских войск и доложить о нас первому встреченному германскому офицеру. Для этого ему не был нужен письменный рапорт.

Находясь в Вингене, мы не могли знать, что германские штабы уже знали о нашем успехе, хотя и окольным путем. Утром 4 января германская радиоразведка перехватила американские донесения о нашей атаке. Майор Шустер, находившийся на командном пункте 89-го корпуса, доложил полковнику Эммериху, начальнику оперативного отдела 1-й армии, что «300 немецких солдат с 09.00 находятся в Вингене», и процитировал текст радиоперехвата. [148]

В конце того же дня оперативная группа «Винген» выполнила задачу по овладению городом и захватила плацдарм за рекой Модер. Была организована круговая оборона города. Между 11.00 и 14.00 дня оборонительный периметр достиг своего максимума, но затем несколько сократился из-за контратак, предпринятых американцами с южного и западного направлений. Большая часть этих контратак досталась первому батальону, удержавшему плацдарм и понесшему наиболее тяжелые потери.

В течение дня нами были захвачены пленные: 256 рядовых и лиц сержантского состава, которые содержались в церкви; 8 офицеров, посаженных в дом священника; 2 офицера-медика, 10 санитаров, 20 лежачих больных на носилках и примерно 10 раненых, оставленных на перевязочном пункте. Итого в наших руках находилось примерно 306 американцев. [149] Убитых мы не подсчитывали, но их количество можно было оценить приблизительно в 35—50 человек.

Кроме двух самоходок-истребителей танков и тягача мы захватили огромное количество грузовиков, автоприцепов и джипов. Нам также досталось множество пулеметов и запасы патронов к ним. Все это пригодилось в ближайшие дни, когда у нас закончились боеприпасы.

Но в тот момент куда более ценным приобретением оказались американские пайки!

III. ПОСЛЕДСТВИЯ БОЕВ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ВИНГЕНА

Происходившие на улицах Вингена жестокие сражения приносили страдания не только солдатам.

Население Вингена испытывало все тяготы войны, начиная с 3—5 декабря 1944 года, когда в городе и его окрестностях начались бои между 361-й фольксгренадерской дивизией и американской 100-й пехотной дивизией. В течение двух дней западная часть Вингена, район к северу от железнодорожных путей и пригороды Д'Хютт и Хейденек подвергались сильному обстрелу американской артиллерии, прикрывавшей действия 398-го полка, безуспешно штурмовавшего позиции германской 361-й дивизии. Для гражданского населения события 3 декабря оказались поистине трагическими. В один из домов, в подвале которого находились беженцы, угодил снаряд, убивший сразу 11 мирных жителей, включая двух детей. Еще шесть человек получили серьезные ранения. Беженцы, с началом обстрела спрятавшиеся в этом доме, думали укрыться от снарядов под сводчатыми потолками цокольного этажа. Еще одну женщину убило взрывом, когда она вышла из дома.

В ранние утренние часы 4 декабря вошедшая в город рота «А» 398-го полка столкнулась с подразделениями 361-й дивизии. Бой продолжался весь день. [150] Для гражданских жителей худшее миновало только 5 декабря, когда 361-я дивизия отступила и в город вошли подразделения 398-го полка американской 100-й пехотной дивизии. [151] Впрочем, некоторые проблемы были актуальны и после окончания «первого сражения за Винген».

Поскольку зима выдалась исключительно снежная и морозная, мирное население сильно страдало: ведь после артобстрелов в их домах не осталось стекол, а кое-где — даже и дверей, выбитых солдатами 398-го полка при зачистке города.

Первый американский гарнизон Вингена обосновался в городе 5 декабря и пробыл там вплоть до последних дней 1944 года. Большая часть американцев поселилась в отеле «Венк», находившемся между церквями. После этого отель «Венк» дважды менял постояльцев: какое-то время здесь располагался командный пункт 179-го полка, а затем — КП нашего 1-го батальона.

Так как некоторые американцы говорили по-немецки, а другие — по-французски, они запросто общались с жителями города.

С наступлением Нового года жителей предупредили о недопустимости распространения панических слухов и пригутнули, что французская полиция может начать аресты. Это вызвало понятное беспокойство, и Винген покинули многие его жители, особенно те, кто жил в западной части города и хорошо помнил горестный опыт прошлых недель. З января, с первыми звуками приближавшихся пулеметных очередей, Винген покинули мэр, французская полиция и городской католический священник. Во второй половине дня на их место прибыли новые американские части, что вызвало у мирных жителей новую волну беспокойства.

В отличие от западной части города, население которой выехало, захватив с собой санки с немногими потяжками, жители восточной части Вингена, не испытавшие ужасов войны в начале декабря, в основном остались в своих домах. Это было особенно характерно для семей, в которых ухаживали за больными или где имелся домашний скот.

В тот вечер в подвале отеля «Венк» находилась семья владельца и их соседи, пришедшие, чтобы укрыться. Суматоха началась утром 4 января с первыми выстрелами из германского автоматического оружия. Примерно 200 американских солдат, расквартированных в отеле, были захвачены врасплох во время сна. После того как ошеломленные постояльцы оказались в плену у егерей

из оперативной группы «Винген», их построили на улице и отвели в расположенную поблизости католическую церковь.

В поисках скрывшихся американских солдат наши бойцы по очереди обследовали каждый дом. Потом они поставили в окна пулеметы. Впрочем, некоторые из этих пулеметов вскоре замолчали, подавленные огнем американских танков, бивших из-за Модера, с северных склонов горы Кирхберг. [152]

В период «второго сражения за Винген» в городе по примерным оценкам оставалось от 35 до 40 мирных жителей.

IV. РАЗБОР СРАЖЕНИЯ

Хотя никто не испытывал эйфории, однако события 4 января вселили в командование двух воюющих сторон надежды на успешное выполнение стоявших перед ними задач. С германской стороны фронта командиры начиная от Бласковица и ниже знали, что город находится в руках оперативной группы «Винген» и что в районе Кинберга 506-й мотопехотный батальон соединился со 2-м батальоном 951-го гренадерского полка оперативной группы «Штаммле». К тому же все были уверены в скромном подходе подкреплений в виде 477-го гренадерского полка и 36-й фольксгренадерской дивизии из состава 90-го корпуса и 13-го корпуса СС соответственно.

Хотя американцы передислоцировали войска на периферию выступа, образованного 90-м и 89-м корпусами в первый день Нового года, в их обороне по-прежнему имелась незакрытая брешь.

Американское командование в лице генерала Пэтча и его подчиненных понимало, что они выдержали атаки германского 13-го корпуса СС и 90-го корпуса и достигли существенного прогресса в устраниении 10-километровой дыры в обороне, образовавшейся после раз-

грома тактической группы «Хаделсон» в первый день операции «Нордвинд». С другой стороны, они понимали, что пока не решили ни задачи ликвидации дыры в своей обороне, ни задачи связывания бронетанковых резервов германской армии, которые, как им было известно, сосредоточились в районе «выступа у Битче». Более того, теперь в глубине их обороны действовало значительное германское соединение, контролировавшее пересечение важных дорог в городе Вингене.

Все эти факторы требуют внимательного рассмотрения, поскольку проливают свет на обстоятельства, более важные, чем принимавшиеся тактические решения.

Командование и управление

Слабый ответ американцев на наши действия по захвату Вингена был в основном следствием недостаточно эффективного командования и управления. Этот недостаток проявился из-за непонимания ситуации, сложившейся в районе города.

Итог событий 4 января 1945 года подвел в своем рапорте начальник разведки 45-й дивизии:

«Противник, демонстрируя решимость, в неопределенном количестве прорвал оборону Вингена, [который] занял и продолжает удерживать в настоящее время.

Далее к востоку 2-й бтн. 951-го плк., атаковавший в направлении Вимменау, встретил противодействие 180-го пехотного полка. Эта атака перешла в 3 контратаки... которые были отбиты». [153]

Даже 5 января начальник разведки 45-й дивизии не мог идентифицировать части противника, захватившие Винген. Притом что 5 января такая идентификация была произведена в 3-м батальоне 276-го полка, и этот факт отмечен в донесении подразделения:

«Допрос пленного, захваченного в Вингене 18.00/04 января, показал, что город и окружающие холмы удерживают 1-й и 3-й батальоны 6-й горной дивизии СС».

Однако другие донесения из подразделений нижнего звена, напротив, только затуманивали ситуацию.

Например, в первой половине дня 4 января начальник разведки 276-го пехотного полка распространил по ротам информацию, согласно которой в Вингене и окрестностях находится не более 30—50 немецких солдат, почти исчерпавших запасы провизии и боеприпасов и чуть ли не готовых сдаться. [154]

Что интересно, журнал начальника разведки 45-й дивизии показывал, что в 276-м полку оценивают ситуацию по-иному — и тем не менее не точно. На 11.30 в журнале 45-й отмечено:

«Информация от 276-го полка: Рота «В» столкнулась (к С от Вингена) с противником, подошедшим с тыла в кол. ок. 200 и не вступившим в бой. Противника сопровождает рота танков для поддержки боевых действий в Вингене... ТГ «Херрен» докладывает наличие противника в Вингене в количестве 200 на 09.45; еще одна рота в засаде на С от Вингена». [155]

Позднее в тот же день 276-й полк в боевом донесении 8 (с 3 по 5 января) предлагал самые разные мнения, причем одно совпадало с мнением, изложенным в предыдущем донесении в вышестоящий штаб:

«[Противник] овладел городом Винген силами примерно в 200 бойцов с большим количеством автоматического оружия. Противник хорошо подготовлен и действует решительно. ...Моральный дух войск (горная дивизия) на высоком уровне».

Помимо неопределенности, обычно сопровождающей реальные боевые действия, этот очевидный промах разведчиков мог отражать огромное количество обязанностей, возложенных командиром 6-го корпуса на штаб 45-й дивизии. В период «большой передислокации» у генерал-лейтенанта Брукса просто не было выбора, и он слишком загрузил командира и штаб 45-й дивизии приказами и важнейшими задачами по управлению войсками. В оперативных документах 45-й дивизии четко

зафиксировано, что на 4 января в ней числилось «более 26 пехотных батальонов [9 — в окрестностях Вингена] и 10 батальонов артиллерии», оборонявших сектор от границы корпуса в Роштейге (на западе) до Нидершлеттенбаха (в Германии) на востоке, что составляло 22 километра по прямой. Длина линии основной обороны была еще раза в два больше. Всю информацию, порождаемую действиями на этой огромной территории, надлежало собрать, упорядочить, проанализировать, а затем — создать на ее основе разведывательную картину силами штаба, рассчитанного на гораздо меньшую подконтрольную территорию и в три раза меньшее количество подразделений. Возможно, что именно этим объясняется замедленная реакция на опасность захвата Вингена, а также информационный вакuum, возникший в результате захвата КП 1-го батальона 179-го полка и исчезновения командира 1-го батальона 276-го полка после нашей внезапной атаки.

Ситуация с командованием и управлением на германской стороне была так же далека от идеала, хотя и по другим причинам. Пройдя по горным тропам и добившись успеха в реализации задачи овладения Вингеном, оперативная группа «Винген» нуждалась в скорейшем получении подкреплений.

Для отражения атак американских танков мог пригодиться обещанный «батальон самоходных штурмовых орудий», но такие надежды едва ли могли оправдаться. Если бы батальон имелся в наличии (а его, очевидно, не было), то предварительным условием его прибытия на место стало бы освобождение прохода в Винген хотя бы по одной из двух дорог, причем силами самой оперативной группы «Винген». Учитывая обстоятельства, такой возможности не было.

То же справедливо в отношении пропавшей машины с рацией. Даже если бы экипаж не ошибся поворотом и не попал в плен, машина могла добраться до Вингена

только по твердой дороге, а все такие дороги были перекрыты 1-м и 3-м батальонами 179-го пехотного полка¹. Практически все наши проблемы с командованием и управлением выросли из отсутствия связи с вышестоящими штабами, соседними частями и поддерживающей артиллерией. Отсутствие связи не позволяло разобраться в событиях, происходивших вокруг, и резко ограничивало наши знания о противнике.

Могло показаться странным, что при наличии более чем 300 пленных (среди них — 8 офицеров) мы не получили от них достаточной информации. Фактически их даже не допросили, как полагается. Причина может показаться тривиальной, но все же это правда. Спешно покидая Скандинавию, мы не готовились к боевым действиям против американских войск: среди нас не было ни одного солдата или офицера (включая меня), владевшего английским в достаточной мере для допроса пленного. Конечно, не могло быть и речи об использовании захваченного в плен сына германского эмигранта, поскольку мы не могли положиться на достоверность его перевода. Картина известных нам разведывательных данных о противнике внутри и около Вингена основывалась на содержании папок, изученных мной 4 января благодаря основательно подзабытому школьному английскому!

Тактика применения войск

Хотя оперативная группа «Винген» состояла из закаленных и дисциплинированных бойцов, привыкших воевать в условиях зимнего леса, однако фактически скрытное проникновение с последовавшим захватом Вингена, как и выполнение нашей боевой задачи в целом, были сведены к нулю контрмерами американцев, оказавшихся более дееспособными с тактической точки

¹ Стоит напомнить, что данные рассуждения являются ретроспекцией, и такие вопросы никогда не обсуждались в ходе боев в Вингене.

зрения. Получая приказ готовить оборонительные позиции для своего подразделения, американский командир роты получал сектор ведения огня, данные о расположении соседей слева и справа, о характере поддержки, резервах и закрытых огневых позициях.

В обязанности командира роты входило изучить местность и выбрать оптимальные позиции для взводов и отделений, соотнеся это с полученным приказом. [156]

Первым подразделением американской армии, имевшим возможность остановить наше проникновение в район Вингена, была рота «чарли» 179-го пехотного полка, стоявшая у Вайнбургского прохода. Эта рота занимала позиции по обе стороны лесной дороги непосредственно на гребне, чуть ближе к склону, обращенному к долине Ротбах. Позиция роты, развернутая в южном направлении, обеспечивала защиту Вингена от наступавших по дороге войск. Недостаток позиции состоял в том, что лесные заросли исключали обзор дороги с уровня стрелковых ячеек. Бойцы могли увидеть противника только в непосредственной близости от окопов.

Хороший обзор мог обеспечить пост передового наблюдения. Такой пост, оборудованный средствами связи, легко обнаружил бы длинную колонну из двух батальонов и мог вовремя предупредить роту. В свою очередь, ночное столкновение, из которого оперативная группа «Винген» вышла без особых потерь, вполне могло обернуться сокрушительной победой американцев.

После того как в середине дня 3 января рота получила приказ поддержать соседей, ее позиции перестали блокировать подход неприятеля к Вингену с севера. Если бы правый взвод выдвинули всего на 200 метров к северо-востоку, чтобы обеспечить обзор в направлении Киндсброннских долины, — тогда ночной марш 800 германских солдат не остался бы незамеченным.

Конечно, теперь легко рассуждать об ошибках, когда-то допущенных командирами этого подразделе-

ния. Существовала равная вероятность того, что наши разведчики в любом случае обнаружили бы противника, и тогда ситуация снова обернулась бы нам на пользу. В кромешной ночной мгле среди заснеженных гор могло случиться всякое.

Впрочем, 1-й батальон 276-го пехотного полка находился в совершенно иной ситуации. В задачу 1-го батальона входило «защита высот к северу от Вингена с установлением блокпоста» на шоссе Д-12, приблизительно на полпути между Кольхютте и Вимменау. Этот приказ доставили на командный пункт 1-го батальона 3 января в 21.00.

Командир 1-го батальона приказал роте «В» занять позиции в лесу к северу от Вингена. Вполне резонно предположить, что рота должна была выставить отдельный пост охранения приблизительно в 500 метрах от основной позиции. В 3.48 командир 1-го батальона доложил, что его люди заняты «устройством блокпоста». [157]

Размещение блокпоста на этой позиции могло быть или удачной догадкой, или результатом исключительно глубокой аналитической работы штаба 45-й пехотной дивизии. По приказу оперативного отдела 45-й дивизии блокпост следовало выставить именно в том месте, где всего через семь часов после поступления этого приказа в часть шоссе перешли два батальона оперативной группы «Винген»! Фактически мы перешли через дорогу спустя несколько минут после того, как из 1-го батальона 276-го полка доложили, что бойцы «заняты» устройством блокпоста¹.

То, что мы не вышли прямо на позиции американских солдат, означало, что блокпост не был выставлен или эти позиции находились в другом месте. В любом случае 1-й батальон 276-й полка передал вышестоящему штабу ра-

¹ Появление на этом участке дороги джипа, о котором говорилось ранее, могло объясняться поиском места дислокации блокпоста.

порт, внушавший ложное чувство безопасности. Хотя нельзя исключать того, что ложное донесение составили с умыслом — например, командир роты (или взвода) решил дать передышку своим замерзшим, усталым и голодным бойцам — результат был в любом случае плачевным. Через позиции предполагаемого блокпоста прошли около 800 бойцов оперативной группы «Винген», и в это время вышестоящий штаб грелся мыслью о безопасности направления. Гибель многих солдат роты «В» была или расплатой за несколько часов отдыха, или результатом неумения ориентироваться на местности.

Хотя все подразделения тактической группы «Херрен» в первый раз участвовали в боевых действиях, особенно большое количество промахов совершили в 1-м батальоне 276-го полка. Разворачивание роты «В» в центре плато, заросшего плотным лесом, при отсутствии зон ведения огня и наблюдения было не только бессмысленным, но даже абсурдным решением. Это сводило на нет размещение этой роты в глубине позиций 1-го батальона, который был последней линией обороны города, где стояли в основном части тылового обеспечения, заведомо требовавшие хорошего прикрытия. Трагическую судьбу роты «В» усугубило то, что бойцы не получили приказа окопаться.

Другой пример неудачного выбора оборонительной позиции — это развертывание роты «А» 276-го полка на совершенно открытом склоне, просматривавшемся с южного направления (со стороны реки Модер) и из города. Сейчас кажется верхом тактической глупости то, что эту позицию разместили примерно в 100 метрах от края леса, на совершенно голом северном склоне Кирхберга, в середине дня 3 января — и оставили ночью, как раз в то время, когда окопы укрыли свежевыпавший снег.

Такие передовые позиции не только не обеспечивали преимуществ, но и обладали серьезными недостатками. Атакующие видели их как на ладони, особенно со сто-

роны хорошо защищенного кладбища, и при этом такие позиции обеспечивали крайне узкие секторы для открытия огня и наблюдения. Напротив, позиции на лесной опушке обеспечивали хорошее укрытие и отличный обзор. Вырытые там окопы можно было легко занять и при необходимости укрепить. Еще более нелепым выглядел приказ занять стрелковые ячейки после того, как их покинул противник, и продолжать окапываться в них под плотным ружейно-пулеметным огнем. Было бы гораздо эффективнее и безопаснее использовать выгодные позиции на краю леса.

Не менее странное решение принял полковник Конлей, командир 274-го пехотного полка в конце атаки рот «Е» и «F». Если атака отражена на западной окраине Вингена, какой был смысл отступать до самого Пуберга? Пожалуй, полковник Морган имел все основания выйти из себя после того, как он потерял возможность оказывать дополнительное давление на оперативную группу «Винген» силами пехотного батальона, развернутого в непосредственной близости от города.

Взятые вместе, все эти образцы плохого руководства и неверных действий командования показывают, чем чревато использование подразделений, плохо подготовленных к боевым действиям. Так, 70-я пехотная дивизия (представленная в тактической группе «Херрен» тремя пехотными полками) не прошла достаточной подготовки — потому, что была временным «остановочным пунктом» для уже повоевавших солдат, в основном пехотинцев. Частая ротация значительных солдатских масс не позволяла вырабатывать слаженность в подразделениях выше уровня роты. Большое число солдат приходило из авиации, частей противовоздушной обороны и из классов Армейской специальной тренировочной программы (АСТП). Отсутствие подготовки особенно сильно проявилось на четвертый день операции «Нордвинд», в заснеженных лесах близ Вингена. [158] Недостаточная подготовка мешала фольксгренадерским дивизиям 89-го

и 90-го корпусов так же, как это мешало дивизии СС «Норд» во время штурма укреплений Советов у города Салла в 1941 году. Впрочем, это нисколько не умаляет мужества отдельных солдат — ни германских, ни американских.

Возможно, что недостаточно эффективные действия подразделений 276-го пехотного полка побудили генерал-майора Фредерика бросить их в контратаку на Винген вместо использования для этой задачи подразделений 180-го полка.

Может показаться, что это противоречит здравому смыслу: зачем при наличии хорошо обученных войск бросать против элиты германской армии плохо зарекомендовавшиеся себя части? Чтобы понять, нужно шире взглянуть на задачи, стоявшие перед 45-й дивизией.

С получением известия о захвате Вингена и его ближайших окрестностей германскими войсками у генерал-майора Фредерика и штаба 45-й дивизии какое-то время имелось две возможности. Менее чем в одной миле находилась большая часть подразделений свежего 180-го пехотного полка, прибывавшего в район в течение ночи. Имея под боком две германские дивизии бронерезерва, сосредоточенные всего в часе езды, генерал Фредерик посчитал более важным установить надежную линию основной обороны к северу от Вингена. Соответственно, он приказал начать ранее запланированную атаку в северном направлении, имевшую целью перекрыть разрыв в американских оборонительных линиях между Гетценбрюком и Вильденгутом.

В результате атаковать засевшего в Вингене противника и восстановить контроль над городом приказали недавно прибывшим и не успевшим получить боевой опыт батальонам тактической группы «Херрен». Много лет спустя ветераны 276-го полка и 2-го батальона 274-го пехотного полка будут задаваться вопросом: почему штурмовать Винген пришлось частям тактической

группы «Херрен» — если это 1-й батальон 179-го полка пропустил оперативную группу «Винген» через свою оборону? И если опытные военные на КП 1-го батальона 179-го полка и подразделения обеспечения вполне буквально «проспали» атаку противника — с какой стати самые неопытные бойцы должны были заниматься их спасением, поставив на карту собственные жизни?

Никто теперь не знает, о чем думал Фредерик, но генерал принял это осознанное и трудное решение. Проникновение нескольких сотен германских солдат через линию основной обороны южнее «выступа у Битче» вызывало у него беспокойство, но этот факт не имел решающего значения. К тому же у Фредерика была уверенность, что ветераны из линейных подразделений 179-го полка найдут в себе силы идти вперед, даже имея в ближайшем тылу части германской армии.

Другое дело — незакрытый участок обороны Гетценбрюк-Вильденгут, который мог служить воротами для проникновения новых германских частей, что могло привести к окружению и последующему захвату ключевых американских позиций в Вильденгуте, Рейпертсвиллере и даже в Вимменау. Захват опорных пунктов открывал возможность для ввода в бой германских бронерезервов, по данным Фредерика, сосредоточенных к северу.

(Фактически генерал-полковник Бласковиц и его штаб ждали лишь момента открытия прохода из северных Вогезов, чтобы 21-я бронетанковая и 25-я мотопехотная дивизии, грохоча гусеницами, вышли на Эльзасскую равнину.) Ни стратегически, ни тактически Фредерик не мог принять риска такой катастрофы.

С другой стороны, Фредерик понимал, что в силу особенностей расположения будет несложно запереть Вингенскую оперативную группу в самом городе.

Согласно уже выпущенному приказу 179-й и 180-й пехотные полки получили задачу восстановить непрерыв-

ную линию обороны на севере, исключив возможность проникновения врага в район Вингена. Это должно было лишить оперативную группу «Винген» подкреплений и путей снабжения. Вскоре эти засевшие как «заноза» войска или погибнут в контратаках, или решат прорываться к своим. В любом случае одно их присутствие не мешало Фредерику выполнить стоявшие перед ним задачи.

Генерал-майор Фредерик поручил наиболее важную миссию испытанному боями 180-му пехотному полку. Он приказал 180-му полку при поддержке 179-го пехотного восстановить предновогоднюю ситуацию к югу и востоку к Битче. Первоочередной задачей стало закрытие прохода.

К 9.00 утра, на момент принятия Фредериком окончательного решения, в большинстве донесений, поступивших в штаб 45-й дивизии, численность захвативших Винген германских войск оценивалось максимум в 50 человек. Это могло подтолкнуть Фредерика к принятию окончательного решения. Положившись на свою наиболее опытную пехоту, Фредерик приказал тактической группе «Херрен» поддержать атаку.

Для Фредерика не имело значения, кто на самом деле виноват в падении Вингена. Очевидно, что ответственность за фиаско лежала как на ветеранах 45-й дивизии, так и на новичках из тактической группы «Херрен». Вероятно, решение Фредерика было продиктовано оперативной необходимостью и степенью доверия к подразделениям, находившимся в его подчинении.

4 января в решении командиров 274-го и 276-го полков атаковать небольшими силами сыграла роль неверная оценка численности оперативной группы «Винген». Обе контратаки — подполковника Иверсона силами отдельных подразделений 3-го батальона 276-го пехотного полка, а также атака рот «E» и «F» под руководством полковника Конлея — проводились без артиллерийской поддержки и не имели реальных шансов отбить Вин-

ген у более чем 750 немецких солдат. Необходимо, однако, внести историческую поправку. Странным образом, кроме этих двух неудачных попыток в некоторых американских источниках упоминается еще несколько контратак, произшедших 4 января.

Параллельно с атакой 3-го батальона 276-го полка, поддержанной танками, во второй половине дня предположительно имела место другая атака, в направлении с востока на запад от дороги между Вингеном и Вимменау.

Если верить журналу боевых действий 276-го полка, атаку предпринял разведывательный взвод с 10 танками при поддержке тяжелых минометов. Атака якобы началась в 17.20 с развитием «вдоль долины через город и к выходу из города». [159] Другой источник (командир, 3-го батальона 180-го пехотного полка, смыкавшегося с 1-м батальоном 276-го полка) докладывал в полк, что атака в направлении с запада на восток производилась силами рот «А» и «ди» 276-го полка — или, по более поздним донесениям, ротой «С» при поддержке легких танков. Если верить этим источникам, атака началась около 16.30 и закончилась не позднее 19.00:

«В город вошли бойцы роты «С» (276-го пехотного), у которых заканчивались боеприпасы; одна группа продвинулась до церкви, вторая — до ЖД-станции. Их обстреливали только с позиций, находившихся вне города. Обе группы покинули город после того как закончились боеприпасы». [160]

Эти донесения не соответствовали действительности. В указанное время я находился в отеле «Де ла Гар» и не мог проморгать пехоту, которая якобы атаковала «при поддержке танков» через улицу от меня. Странно, что никто в оперативной группе «Винген» не заметил приближения чуть ли не роты танков «Шерман» к нашим позициям. Еще более странным выглядит подобное использование такого ценного ресурса, как взвод полко-

вой разведки. Нельзя исключать, что донесения о лже-контратаках отражали сумятицу момента, в котором сошлись вместе неопытность, страх и крайняя усталость. Правда, такое неадекватное восприятие действительности имело место не только на американской стороне.

Примером того же феномена может служить отход многоопытного 1-го батальона 12-го горнострелкового полка СС, бойцы которого буквальным образом «ушли в горы» из-за одного сомнительного, ничем не подтвержденного сообщения. Если бы американцы поддерживали более плотный контакт с противником к западу и юго-западу от Вингена, — к примеру, если бы полковник Конлей не отвел роты «Е» и «F» до самого Пуберга, — возможно, в тот вечер они обнаружили бы, что на участке к западу от железнодорожной станции и церкви нет ни одного германского солдата.

С германской стороны такое поведение бывалых солдат может объясняться длительным недосыпанием, от которого страдали все бойцы оперативной группы «Винген», и крайней степенью усталости после долгого, полного событиями дня.

Впрочем, нам предстояли ничуть не менее горячие денечки.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ. ОБОРОНА

I. ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ «НОРДВИНДА»

Пятые сутки операции «Нордвинд» продолжили тенденцию четырех минувших. Германские пехотинцы большинства подразделений 89-го и 90-го корпусов, совершенно измотавшиеся и дошедшие до морального предела, начали стремительно сдаватьсь. Им не хватало не только умения и боевого опыта: сами погодные условия оказались неприемлемы для бойцов, не привыкших жить под открытым небом. Оперативный бронерезерв армии не был введен в бой, поскольку Гитлер ждал момента, когда танки получат выход на Эльзасскую равнину. Впрочем, в сторону Виссембурга был выдвинут танковый разведбатальон 21-й бронетанковой дивизии, для разведки американских позиций к югу от Рейнской равнины. [161] Однако снабжение боеприпасами становилось все более проблематичным, а сократившаяся артиллерийская поддержка усугублялась ненадежной радиосвязью между выдвинутыми вперед корректировщиками огня и огневыми позициями. Все эти проблемы усиливали тревогу, нараставшую в среде германских командиров всех тактических уровней.

На второй день оборонительных боев на западной стороне «северо-вогезского выступа» сражалась 257-я фольксгренадерская дивизия, отражавшая атаки все возрастающей силы и интенсивности со стороны американских частей 45-й и 100-й пехотных дивизий (последней подчинялись 141-й пехотный полк и части тактической группы «Харрис»). Несмотря на сократившуюся

протяженность фронта 257-й дивизии, оборона становилась все более трудной. Разрешив генералу Зейделю перейти к обороне, вышестоящий штаб немедленно отобрал у дивизии наиболее ценные боевые единицы. Зейдель передал батальон артиллерийской поддержки 559-й дивизии, которая сражалась между Лембергом и Рейпартсвиллером, и также отдал один из трех имевшихся у него «двухбатальонных» полков, 477-й гренадерский. Полк передали в резерв 1-й армии, и личный состав 477-го устало побрел по заснеженной местности в направлении Форно-Неф, на помощь 361-й фольксгренадерской дивизии. [162]

Командир 361-й дивизии генерал-майор Филиппи ждал прибытия этих подкреплений 5 января. Наконец на его КП прибыл командир полка с безотрадным известием о том, что головная рота дошла только до Маутерхаузе и находится в 10 км от намеченного района сосредоточения близ Зегмюле. Что самое неприятное, численность этих батальонов составляла в среднем по 100 бойцов, до предела измотанных за четыре дня непрерывных боев. Этим людям следовало предоставить отдых перед тем, как Филиппи снова отправит их в бой.

В результате Филиппи на время отказался от мысли о новой атаке против окопавшихся в Рейпартсвиллере американских войск, явно не желавших сдаваться. Вместо этого Филиппи выбрал в качестве промежуточной цели средневековый замок в Лихтенберге, овладев которым он мог бы атаковать Рейпартсвиллер с другого направления. К тому же замок располагался на высокой горе, обеспечивавшей хороший обзор для его артиллерийских наблюдателей и радиосвязь в УКВ-диапазоне. Захват Лихтенберга открывал хотя бы участок дороги между этим замком и Ингвиллером, которая вела из северных Вогезов. В случае взятия Рейпартсвиллера бронерезерв группы армий «G» получал один узкий проход на Эльзасскую равнину.

Филиппи планировал связать американские силы в Рейпартсвиллере отвлекающей атакой на своем правом

(западном) фланге, затем овладеть Лихтенбергом и отсечь противника по левому флангу. Обратившись за разрешением провести операцию, Филиппи не только получил согласие командира 89-го корпуса пехотного генерала Хоне, но также узнал другую хорошую новость — что действия его частей поддержат три или четыре батальона артиллерии и батальон реактивных установок. После интенсивной «перетряски» своих сил и организационной подготовки Филиппи назначил атаку на 7 января. [163] Если бы все пошло по запланированному, дорога на Цинсвиллер была бы открыта через несколько дней.

После войны генерал-майор Филиппи сокрушался, что на этот пятый день операции «Нордвинд» у него не было связи с батальонами, отрезанными в долине Модера, — хотя он высыпал разведгруппы и пытался установить радиоконтакт. «В дивизии с озабоченностью и опасениями думали о судьбе батальонов, отрезанных в долине Модера, которым оставалось лишь надеяться на собственные силы!»[164]

В то время как наступление германских войск останавливалось или задерживалось на всем фронте «Нордвinda», внимание высших штабов оказалось приковано к двум батальонам, днем раньше добившимся самого глубокого проникновения за оборонительные линии американцев, — то есть к оперативной группе «Винген».

Если и оставалась какая-то надежда на успешный прорыв к хорошей дороге на Ингвиллер, по которой войска могли выйти из северных Вогезов, эту надежду скорее всего связывали с Вингеном. Однако многое еще оставалось непонятным.

II. КРОВЬ И ПЛАМЯ

Вечерний приказ к отступлению был отдан 1-му батальону оперативной группы «Винген» после доклада посыльного, очевидно сорвавшегося «с катушек» от

бессонницы и огромного нервного напряжения. Ночью 3-я, 4-я и 6-я роты 1-го батальона 12-го горнопехотного полка СС из состава оперативной группы «Винген» вернулись на позиции, ранее занятые ими в западной и северо-западной части Вингена. Подразделения вернулись раньше, чем с американской стороны поняли, что на этих позициях никого нет.

В остальном ночь прошла спокойно, и мы по достоинству оценили «привычку» американцев использовать ночное время для сна. На самом деле, пока наши ветераны, которые провели в боях тысячу арктических ночей, наслаждались первым в 1945 году отдыхом, противник вокруг Вингена мало-помалу приходил в себя.

Ровно в 8.00 американцы ввели в бой часть имевшегося у них тяжелого вооружения. Со стороны Кирхберга огонь вели танки, а из-за окружавших Винген высот были минометы и артиллерия. Обстрел казался бесконечным: было видно, что американцы не испытывают недостатка в боеприпасах.

Мы не успели проложить линию телефонной связи между командными пунктами 1-го и 3-го батальонов (и не сумеем этого сделать за все время нашего пребывания в Вингене). Мы также не располагали радиопереговорными устройствами вроде американских «уокитоки». По этой причине коммуникация осуществлялась только посыльными. Я посоветовал командиру батальона гауптштурмфюреру Крецингеру отправить на КП 1-го батальона нашего наблюдателя и предложил свою кандидатуру. По опыту прошедшего дня казалась вполне вероятной новая атака на участке 1-го батальона, и Крецингеру требовалась надежная информация.

Не считая необходимым брать с собой посыльного, я отправился туда один. Первые 200—300 метров пути не вызвали никаких проблем: здания, заборы и живые изгороди хорошо скрывали от наблюдения с южной стороны, где находился противник. Однако чем дальше я продвигался, тем более критической становилась моя

ситуация. Теперь внимательный наблюдатель мог за-просто увидеть в бинокль, как я перебегаю между укрытиями.

Когда по мне открыли огонь из пулемета, я ничуть не удивился.

Последние десять метров пути до ворот, за которыми находилось здание КП 1-го батальона, я мог проделать под прикрытием обычного штабеля из дров, каких было немало в этом городке. Когда я метнулся за поленницу, американский пулеметчик выпустил очередь и тут же прекратил огонь, резонно посчитав, что, стреляя по дровам, не получит ничего, кроме щепок, и только впустую израсходует патроны.

Сидя в укрытии, я прикидывал, как сделать последний рывок. Калитка была приоткрыта, и двор находился чуть ниже уровня улицы. Мне оставалось преодолеть несколько каменных ступеней и затем пробежать пятнадцать метров на виду у американского пулеметчика, засевшего с южной стороны, на холмах Кирхберга.

Я не спешил. Решив остаться пока под надежным прикрытием дров, я надеялся, что противник или за-нервничает и рассредоточит внимание, или, возможно, потеряет ко мне интерес и отыщет другую мишень для стрельбы. Тем временем со стороны железнодорожной насыпи к улице осторожно подошла группа санитаров. Помахивая флагом Красного Креста, они направились в сторону объединенного госпиталя, располагавшегося в здании школы, как раз за КП 1-го батальона. По ним никто не стрелял.

Как только группа скрылась из виду и, следовательно, ушла с линии огня, я побежал вперед. Мой расчет оказался верным: пулемет заговорил как раз в тот момент, когда я, вскочив на крыльцо, вбежал в дом.

Внутри я обнаружил командира батальона гауптштурмфюрера Бургшталлера и его адъютанта Карлау, сидевших в самой большой комнате вместе с нескольки-

ми посыльными и передовым наблюдателем из 3-го батальона 6-го артиллерийского полка СС. Они поприветствовали меня, как это не раз бывало на севере Карелии и в Финляндии¹.

Пока мы обменивались о действиях в секторах наших батальонов, американские танкисты, занимавшие позиции на южных склонах Кирхберга, начали обстреливать наше здание из танковых пушек. Для надежности мы укрылись в подвале. Вероятно, заметив, что в здание входят и выходят посыльные и офицеры, противник сделал вывод (вполне точный), что здесь находится командный пункт или центр приема донесений. Перемежавшийся и артиллерийский сосредоточенный огонь не только прекратил сообщение при помощи посыльных, но также не позволил транспортировать раненых в расположенный по соседству пункт медицинской помощи. Эвакуация раненых продолжилась в темное время суток.

В результате сообщение с ротами батальона было прервано. Командиру и штабу 1-го батальона оставалось следить за ситуацией по шуму боя и донесениям наблюдателей, укрывшихся в относительно безопасных местах рядом с КП. Не слишком удачное решение, но в отсутствие проводной и радиосвязи ничего лучшего просто не было.

Не обращая внимания на свист шрапнели, в наш подвал забежал доктор Лаутеншлагер, хирург батальона. Он сообщил, что на действующий под его началом пункт медицинской помощи прибывает нарастающий поток раненых. На момент его прибытия два американских врача, капитан и лейтенант, вместе с санитарами оказывали медицинскую помощь примерно двадцати носилочным больным. Большинство американских солдат оказались

¹ После выйны мы узнали, что здание принадлежало железнодорожной компании. В нем располагался начальник станции, который, как и большинство жителей, покинул город еще до начала боевых действий.

на самом деле больны, но также было несколько раненых. Развернувшееся сражение за город резко увеличило количество раненых с двух сторон.

Доктор Лаутеншлагер был самого лучшего мнения о профессиональном сотрудничестве с двумя американскими коллегами, даже сообщил, что их персонал помогает германским медикам. Доктора особенно поразило обилие медицинских материалов. Его беспокойство из-за ограниченности взятого с собой перевязочного материала и самых необходимых инструментов сменилось восхищением, едва доктор увидел имевшиеся у американцев запасы антибиотиков и особенно запасы плазмы крови для переливания. Благодаря этой плазме было уже спасено много жизней.

Несмотря на неожиданно выпавшую удачу, доктора Лаутеншлагера очень волновало быстрое увеличение количества раненых из всех рот. Он сообщил, что несколько бойцов находятся в критическом состоянии: им требуется серьезная хирургическая помощь, и при других обстоятельствах их бы немедленно отправили в тыловые госпитали. Теперь мы находились за линиями американской обороны, в тылу врага. Мы были отрезаны от своих и не могли эвакуировать тяжелораненых солдат — или все же могли? В отличие от суровых и даже бесчеловечных обычай Красной Армии американская сторона вроде бы испытывала уважение к правилам Красного Креста. Не исключено, что американцы согласятся принять наших самых тяжелых раненых и эвакуируют их в один из хорошо оборудованных госпиталей.

Для честного обсуждения такой возможности к нам на КП прибыл американский младший хирург. Он согласился с прогнозом нашего доктора и с необходимостью скорейшей эвакуации наиболее тяжелораненых. Также по его представлению, американские военные, окружавшие Винген, могли принять эвакуированных — по крайней мере, попробовать стоило. Впрочем, он наотрез отказался вести такие переговоры. Унтерштурмфюрер Карлау сосредоточенно размышлял.

Отпустив американского врача назад на пункт помощи, мы обсудили эту ставшую насущной проблему. Для ведения переговоров доктор Лаутеншлагер предложил отправить с ранеными своего санитара, говорившего по-английски, и двух человек из американского медперсонала. Мы считали это задание чрезвычайно важным и даже решили, что в обмен будем отпускать американских пленных — по одному за каждого нашего раненого.

[165]

* * *

В то время как мы судили о ходе сражения по его звукам, проникавшим в подвал, группа солдат на «другой стороне горы» готовилась к предстоящему штурму города, стараясь визуально определить наши позиции.

Совершенно нескоординированные и потому неудачные атаки прошлого дня оставили полковника Моргана в подавленном состоянии. Моргана беспокоили сразу несколько аспектов его безрезультатных операций. В частности, опасения внушали отсутствие координации в основных подразделениях полка и внезапный отход 2-го батальона 274-го полка, последовавший после короткого боя прошлым днем. Этот батальон, находившийся в Пуберге, почти ничего не сделал для освобождения Вингена.

Подполковник Чевес — командир 2-го батальона 274-го пехотного полка — был также выбит из колеи. Не удивительно: его босс, полковник Конлей, лично водил стрелковых роты в атаку на Винген и обратно. Командир 179-го пехотного полка, полковник Мэрфи, хотел, чтобы батальон Чевеса занял позиции, обеспечивавшие более глубокую оборону полка к северу от Вингена. Одновременно полковник Морган потребовал отправить две стрелковые роты на западные окраины Вингена, куда эти роты только что прибыли. К удовольствию Чевеса, возникшая дилемма разрешилась с получением приказа бригадного генерала Херрена, доставленного подпол-

ковником Джимом Ричардсоном из штаба тактической группы «Херрен»: Чевесу предлагалось немедленно передать 276-му полку одну стрелковую роту. Подполковник Чевес выделил роту «G» под командованием первого лейтенанта Фреда Кэссида (Кэйси), тут же отправив это подразделение на соединение с 276-м полком на западной окраине Вингена. Где-то около полуночи рота «G», ведомая харизматичным командиром, всего за несколько дней до этого вступившим в должность, начала пробиваться по снегу в указанном направлении. [166]

Той ночью полковник Морган приказал 1-му и 3-му батальонам своего 276-го полка, а также приданный роте из состава 274-го полка атаковать Винген и выбить германские войска из города. Совместная атака должна была начаться ровно в 8.00 после артиллерийской подготовки германских позиций, предположительно располагавшихся на поросших лесом горах к северу от города. Артподготовка производилась 160-м батальоном 105-мм гаубиц из 45-й пехотной дивизии.

Полуконцентрическая атака, положенная в основу операции, стала возможной благодаря расположению Вингена в узком месте долины. Предполагалось осуществить следующее:

- рота «A» 276-го пехотного атакует с южного направления;
- рота «G» 274-го пехотного (приданная) атакует с юго-западного направления;
- рота «C» 276-го пехотного атакует с северного направления;
- подразделения 3-го батальона 276-го пехотного полка штурмуют город с запада. [167]

Так как высланный рано утром разведывательный патруль еще не вернулся, командир роты «A» 276-го полка капитан Дин Хендриксон приказал своему заместителю лейтенанту Арнесту произвести рекогносцировку двумя отделениями первого взвода роты. Хендриксон

считал, что его сил будет достаточно, чтобы выкурить тех 50 немцев, которые, судя по докладу начальника разведки, незаметно просочились в город.

Арнест повел два назначенных отделения вокруг левого фланга роты «А», занимавшей позиции на обращенном к городу склоне Кирхберга, в направлении дороги, входившей в Винген с юго-запада, со стороны Циттерсхайма. Поначалу его патруль не встретил никакого сопротивления, а задание «напоминало вылазку на пикник». [168] Однако когда бойцы, миновав проход под железной дорогой, подошли к первому перекрестку, они попали под ураганный трехсторонний обстрел, который велся из окон подвалов и с первых этажей. Потеряв сразу двоих, бойцы патруля все же смогли занять дома по обе стороны от дороги у самого перекрестка. Интенсивность обстрела заставила Арнеста предположить, что немцев в городе несколько больше, чем было сказано, — и он отправил посыльного проинформировать об этом капитана Хендрикsona.

В свою очередь, Хендриксон полагал, что вступившие в перестрелку 2-й и 3-й взводы уже отвлекли на себя основные силы немцев в городе. Он не понимал, что так надолго задержало Арнеста с двумя отделениями. Устав ждать, Хендриксон взял отделение из второго взвода и вместе с посыльным сам направился по следам лейтенанта Арнеста и его разведотряда. По дороге к патрулю капитана Хендрикsona присоединился средний танк из роты «В» 781-го танкового батальона. Танкисты поздновато выехали из района сосредоточения к северу от Циттерсхайма. Они не смогли поддержать отряд лейтенанта Арнеста и поэтому влились в небольшую группу капитана Хендрикsona. Командир танка доходчиво объяснил, что не войдет в Винген до тех пор, пока не получит нормального прикрытия со стороны пехоты. Он настоял, чтобы солдаты приняли все меры для защиты от «фаустников». [169]

Когда небольшая танково-пехотная группа достигла пересечения дорог, на котором был обстрелян отряд Арнеста, она также попала под обстрел из домов по обе стороны улицы.

Соединившись с отрядом Арнеста, Хендриксон поинтересовался, что так сильно задержало продвижение в глубь города. «Немцы и пулеметы», — ответил один из солдат первого взвода.

Капитан Хендриксон определенно хотел услышать другой ответ. [170]

После того как из-за яростного автоматно-пулеметного обстрела не состоялась лобовая атака его отделения из второго взвода, капитан Хендриксон сам побежал в направлении перекрестка, должно быть, решив дать образец личной храбрости. После нескольких зигзагов он получил пулю в грудь и упал. Вытаскивая командира, погибли или получили ранения еще несколько американцев. [171]

Пока рота «эйбл» («A») с трудом пробивала себе дорогу, усталые бойцы роты «джордж» («G») 274-го пехотного полка подошли к краю того самого леса, где прошлым днем они столкнулись с противником. Перед ними стоял густой хвойный лес. Когда бойцы двинулись к лесу, по ним начал стрелять пулемет. Пулеметчик спокойно дождался, пока его мишени подойдут на близкое расстояние, и открыл огонь. В завязавшейся перестрелке храбрый сержант-американец сумел подавить германский пулемет ручной гранатой, но сам тут же упал, сраженный пулей.

Продвижение роты замедлилось и вскоре остановилось совсем: окопавшиеся немцы продолжали обстреливать из пулеметов весь сектор. Лейтенант Кэсси迪 понимал, что обороняющиеся имеют преимущество в огневой мощи и не собираются сдавать позиции. Наконец Кэссиди ввел в бой 60-мм минометы. Затем его рота атаковала германские позиции — и противник отступил. Устранив заслон, рота «джордж» наконец смогла дойти

до края леса, откуда хорошо просматривался Винген-на-Модере. [172]

В 12.30 рота «G» начала выдвигаться к городу. [173]

Согласно первоначальному плану рассредоточения сил вокруг города, рота «C» (под командованием капитана Билла Гринуолта) стояла в резерве к юго-востоку от Кирхберга, несколько правее позиций роты «Эйбл». В этот день рота должна была последней в полку получить боевое крещение. Рано утром, еще до рассвета, бойцы получили патроны, пайки и короткий приказ: готовиться к продолжительному маршруту, за которым будет атака. [174]

В 07.20, держась городской окраины, 160 бойцов роты «Чарли» осторожно пересекли железнодорожные рельсы примерно на полпути между Вимменау и Вингеном. [175] Пройдя еще к северу в направлении «против часовой стрелки», бойцы вышли на поросший лесом гребень, где обнаружили множество тел, «разбросанных как попало, замерзших и заметенных снегом». Джек Херман, оставшийся в живых после той атаки, вспоминал: «Почти на всех погибших была американская форма. Мы их не считали, но количество было ошеломляющим... Наверное, там было от 50 до 100 джи-эй или даже больше и несколько, 5 или 6, мертвых немцев... Оружия, боеприпасов и пайков при них не было». Так солдаты роты «Чарли» 276-го полка нашли место, где 27 часов назад шел бой, в результате которого погибла большая часть их товарищей из роты «С».

Наконец, в 09.40 утра рота «С» вошла в соприкосновение с противником — конкретно, с саперным взводом нашего 3-го батальона и 11-й ротой, окопавшимися у одного из самых неприступных гребней на высотах к северу от Вингена. На 09.41 в журнале боевых действий полка коротко отмечено: «Рота «С» обстреляна с высот к С от города. Докладывают, что справляется самостоятельно».

После того как первая атака роты была отражена, капитан Гринуолт подготовил вторую атаку, в которой задействовал два пулемета и три миномета. Герман пишет:

«По свистку взводы наших пехотинцев устремились вниз и снова вверх, на занятую немцами возвышенность. ... Немцы тоже принялись стрелять, и вскоре они полностью владели инициативой; их пулеметы стреляли с невероятной силой и частотой. Отовсюду гремело эхо множества выстрелов. ... Все растерялись... Наконец всем стало ясно, что мы не в состоянии ничего добиться, и прозвучала команда на отход. Под огнем мы отступили туда, откуда пришли... Помню безнадежное ощущение: немцы казались настоящими суперменами, а мы были жалкими дилетантами, вообразившими, что способны им противостоять». [176]

По данным Германа, кроме большого числа раненых, в двух этих атаках было убито 12 человек, в том числе — командир взвода, лейтенант Роберт Уордел.

Позицию для круговой обороны, которую безуспешно штурмовала рота «чарли», оборонял саперный взвод 15-й штабной роты вместе с подразделениями 11-й роты — все из состава 3-го батальона 12-го горнопехотного полка СС.

Согласно приказу полковника Моргана еще одним подразделением, участвовавшим в совместных действиях по очистке Вингена от «50 немцев», был 3-й батальон 276-го пехотного полка под командованием подполковника Сида Иверсона. Иверсон со своим батальоном должен был при поддержке танков роты «В» 781-го танкового батальона повторить атаку с западной оконечности города через Хохберг и войти в Винген.

Рота «С», атаку которой Иверсон возглавлял за день до этого, оставалась на своих позициях в течение всей ночи. На следующий день его людям не пришлось идти в передовых линиях атаки, которую возглавила рота «I» вместе с приданной этой роте командой из пятидесяти

бойцов разбитой роты «бейкер» (под началом сержанта Вудро Барнета). Рота «К» 3-го батальона находилась между Роштейгом и Фольксбергом в составе резервов 6-го корпуса. [177]

После 10-минутной артподготовки, произведенной 160-м артиллерийским батальоном 45-й пехотной дивизии, оперативный офицер 276-го полка сообщил в штаб тактической группы «Херрен», что в 08.40 утра 3-й батальон двинулся в атаку. В 09.00 оперативный офицер штаба 3-го батальона запросил дополнительную 10-минутную артобработку позиций, располагавшихся на 200 ярдов выше по склону. [178] Целью обстрела были поросшие лесом высоты, господствовавшие над Вингеном с севера, а также два самых западных прохода под железнодорожными путями.

Атаку 3-го батальона поддерживали танки второго взвода роты «В» 781-го танкового батальона. Атака развивалась медленно — несмотря на поддержку бронетехники и личное присутствие самого полковника Моргана на КП 3-го батальона. Вскоре объединенный отряд из танков и пехоты понес значительные потери. Полковник Морган и подполковник Иверсон считали, что утренняя атака роты «чарли» увенчалась успехом, — и поэтому и пехота, и танкисты перед боем получили информацию, что высоты слева (к северу от их позиций) заняты американскими войсками. Однако подразделения, вышедшие в атаку через проход под железнодорогой, обнаружили нечто совсем другое. Когда головной танк, лязгая гусеницами, двинулся вперед, «прятавшиеся за домом немцы с базуками подпустили танк поближе и открыли огонь. Танк был выведен из строя». [179]

Фрэнк Лоури, в то время — рядовой первого класса роты «А» 276-го пехотного полка, так описывал представления американских солдат о германской обороне:

«Немцы прочно врылись в землю на пологом склоне севернее Вингена, заняв позицию, господствовавшую над въездом в город и двумя проходами под железнодо-

рожной линией. Прежде чем атакующие роты развернулись вспять, германские войска сумели уничтожить оба танка и нанести значительный урон живой силе». [180]

Один из бойцов роты «В», рядовой первого класса Джон Хартман, вспоминал:

«Фрицы видели нас за целую милю. Они спокойно ждали, пока мы подойдем на близкое расстояние, после чего открыли бешеный огонь с двух сторон. У нас не было шансов». [181]

В 12.00 наблюдавший за развитием ситуации вокруг Вингена генерал Херрен отправил полковнику Моргану сообщение: «К 15.00 сего дня выбить немцев из Вингена, и с высот к северу от города! Задействуйте артиллерию с передовыми наблюдателями, и танки. Приготовьтесь отразить контратаки». [182] Чтобы усилить впечатление, Херрен покинул свой командный пункт в Ла-Пти-Пьер и в 13.40 приехал на КП полковника Моргана, где затребовал полный отчет о ситуации. Генерал Херрен разговаривал с полковником Морганом и его штабом сорок минут.

На германской стороне, в Вингене,unterштурмфюрер Кюртен за ночь провел бойцов своей 6-й штабной роты через самый западный проход под железнодорожными путями к домам, стоявшим на западной окраине города, с южной стороны насыпи. Когда утром началась первая атака американцев, он и его люди как раз занимали дома, обращенные к проходу.

Кюртен со своими подчиненными сделал все возможное для отражения атаки — и это удалось сделать, как только пехоту отсекли от танков. Позже он вспоминал: «Американская пехота решила доверить свою работу более защищенным танкам». [183] Танки без прикрытия пехоты вышли на позицию и открыли огонь по домам, где, по их мнению, находились германские войска. Пока американцы обстреливали дома, Кюртен и его люди спустились в подвалы. Оттуда они хорошо видели бой — подвальные окна располагались ниже того уровня, до которого танкисты могли опустить стволы своих пушек.

Кюртен описал случай, едва не приведший к серьезным последствиям. Свой скучный рацион продуктов (консервы из фруктов, обнаруженные в подвале брошенного дома) они делили с американским пленным, которого из-за обстрела не смогли вовремя отконвоировать в церковь. Когда закончился обстрел, Кюртен и его товарищи, к своему ужасу, обнаружили, что в карманах американца лежали две ручные гранаты. Бойцы 6-й роты отобрали у него ружье, но даже не подумали обыскать.

По-видимому, у Кюртена и его подчиненных не было фаустпатронов — в отличие от стоявших восточнее бойцов 1-го батальона. В 12.00 один из солдат, наблюдавших за обстановкой вблизи командного пункта, доложил о приближении американских танков к зданию старой школы. Когда танк, грохоча гусеницами, выехал к зданию школы, навстречу вышло несколько американских пленных (больных, а не раненых в бою) — и один из американских медиков.

Помахав флагом Красного Креста, американский медик сделал несколько шагов вперед, предупреждая о том, что в школе размещен пункт медицинской помощи. Это не возымело эффекта: танкисты открыли огонь по школе прямой наводкой, убив нескольких вышедших из здания американских пленных. [184]

Карлау вспоминал: «Следующие полчаса оказываются самыми нервными. Вооружившись фаустпатронами, мы с Рутшманном (командиром 4-й роты), командиром взвода Матесом и одним из артиллерийских наблюдателей занимаем позицию возле дома». Без пехоты танк более уязвим. С тридцати метров Матес точно попадает в «Шерман». Экипаж выбирается наружу и в поисках укрытия бежит к пункту медицинской помощи. Как писал Карлау, «германская сторона ликовала». [185]

Сразу после 15.00 наблюдатель доложил о приближении еще двух «Шерманов». Один танк свернул в боко-

вую улицу, второй продолжал движение к зданию школы. Теперь «смертельный» удар нанес Рутшманн, выстреливший фаустпатроном в танк из чердачного окна, с расстояния всего 8 метров. Экипаж и в этом случае уцелел, выбравшись наружу¹.

Когда во второй половине дня атака подошла к концу, вернулась наша делегация, отправленная для переговоров с атакующими. В сопровождении американского медика роттенфюрер Хейнц Мохнер (один из помощников доктора Лаутеншлагера, лучше других разбирающийся в английском языке) поехал к линии американских войск на захваченном джипе, над которым развевался белый флаг. Вернувшись, Мохнер сообщил, что американцы обращались с ним корректно. Предложение о возврате захваченных нами американских пленных, включая двух офицеров-медиков, в обмен на доставку наших тяжелораненых в госпиталь, где они могли получить необходимую хирургическую помощь, — это предложение было отклонено. Правда, роттенфюрера Мохнера снабдили некоторыми медицинскими препаратами. Мохнеру не завязали глаза, так что он получил возможность разглядеть множество танков, с которыми мы уже столкнулись. Один из американских офицеров, то ли желая пооткровенничать, то ли ради хвастовства, то ли решив обосновать отказ от нашего предложения, уверял Мохнера, что Винген уже к вечеру будет в руках американцев. Если он говорил искренне, то наверняка он и его товарищи решили, что зря потратят время на организацию такого обмена — и, следовательно, упустят момент для атаки. Хотя американец был настроен чересчур самонадеянно, все же мы получили запас столь необходимой плазмы и препаратов для лечения непрерывно прибывающих раненых.

¹ Карлау писал в мемуарах, что уничтожение двух танков поправило репутацию 1-го батальона, несколько пошатнувшуюся из-за ночного панического отхода. *Carlau H-H. Личный дневник, январь 1945 года* (неопубликованное). С.13.

Снаряд, которым подбитый танк выстрелил по зданию школы, прошел навылет через большую классную комнату — и не взорвался, но нагнал страху на лежавших на полу раненых. (Похоже, что танкисты стреляли противотанковой болванкой: высокоеффективная взрывчатка причинила бы значительно больший урон.) В здании находилось более ста раненых с обеих сторон. Мертвых в большом количестве выносили на улицу, освобождая место живым. Сцена была жуткая. Доктор Лаутеншлагер сunterштурмфюрером Карлау решили перебазировать пункт медицинской помощи в здание, расположенное в не столь опасном месте. Решение выглядело здравым, учитывая отказ американцев принять раненых и неприятный инцидент с обстрелом нашего импровизированного госпиталя.

Менее чем в ста метрах находилась бывшая почта. После наступления темноты всех раненых с помощью местных жителей перенесли в более просторное здание. Местные сделали четыре больших флага Красного Креста, вывесив полотнища на всех четырех стенах этого внушительного здания. [186] Той же ночью команда оперативной группы «Винген» в сопровождении представителей городских жителей изъяла продукты из брошенных домов. В основном это были собранные с полок домашние консервы. Дошло дело и до них: мы уже использовали все захваченные американские пайки и присененные с собой скучные запасы провизии.

В суматохе боя не всем раненым удалось благополучно добраться до пункта медицинской помощи, где находились доктор Лаутеншлагер и его помощники. Некоторых смогли дотащить только до располагавшихся рядом домов и подвалов.

Когда днем ранее оперативная группа «Винген» начала штурм города, рядовой первого класса Артур Стельцер из взвода связи штабной роты 1-го батальона 179-го пехотного полка стоял в очереди за пищей. Он получил ранение, пытаясь добраться до леса: выстрелом пере-

было бедренную кость. Истекая кровью и мучимый адской болью, Стельцер 36 часов провалялся под снежным одеялом рядом с лесной дорогой. В ночь на 5 января его нашли двое солдат из оперативной группы «Винген» и дотащили до ближайшего подвала. Испугавшись, что его спасли немцы, да еще из СС, Стельцер (еврей по национальности), личный жетон которого ясно демонстрировал религиозную принадлежность владельца, с удивлением обнаружил, что рану обработали и его жизни не угрожает опасность. Через много лет Стельцер написал автору о солдатах, взявших его в плен: «Они спасли мне жизнь». [187]

В Говарда Сильвестера из роты «С» 276-го пехотного полка, участвовавшего в атаке на позицию круговой обороны на пятый день нашего наступления, попало семь пуль, выпущенных из германского пулемета.

Он отказался от эвакуации, чтобы не подвергать товарищем смертельной опасности. Вместо этого он попытался ночью добраться до линии американской обороны. Это сделать не удалось, и он попал в плен к нашим бойцам, которые перенесли Сильвестера в подвал, срезали с него одежду и перевязали раны. По воспоминаниям Сильвестера, в том подвале находилось 10—15 раненых немцев и, кроме него, не было ни одного американца.

«Если учесть, что им пришлось пережить, со мной обращались хорошо», — впоследствии вспоминал Сильвестер. «В подвале стояла большая фляга. Когда я просил пить, санитар черпал из фляги и приносил мне глиняную кружку пива. Через несколько дней спасший меня немец-санитар сказал, что они отступают, и попросил замолвить слово за своих раненых немецких товарищей. Пожав мне руку, он сказал: «Да хранит вас Бог!» 7 января Сильвестера подобрали солдаты родной части, из роты «чарли» капитана Гринуолта — и немедленно эвакуировали его в госпиталь. Восстановившись после тяжелых ранений, Сильвестер еще два года валялся в госпиталях. [188]

Лейтенант Арнест принял командование ротой «А» на Циттерсхаймской дороге и благополучно отправил в тыл пострадавших в тяжелом бою у перекрестка, поблизости от прохода под железнодорожной линией — своего раненого командира, капитана Хендрикsona и других раненых. В тот день рота «Эйбл» потеряла восьмерых человек убитыми и огромное количество — ранеными.

Лейтенант Арнест принял роту в критический момент боя. Рота оказалась разделена на части: три взвода, находившиеся под его непосредственной командой, вели бой в Вингене, а остальные занимали оборонительные позиции к югу от городской окраины. Лейтенант не имел связи ни с командным пунктом, ни с другими взводами, находившимися вне пределов досягаемости раций «уоки-токи» типа «эс-си-ар»-536.

Отправив в тыл раненых, Арнест затеял новую попытку пройти через перекресток. Вместе с танкистами они выработали последовательность действий. Несколько стрелков подсказывали командиру танка, где находятся наиболее важные цели, а другие стреляли по подвальным окнам. Все остальные наблюдали за окнами первого и второго этажей, стреляя по любым движущимся целям. Таким образом, пока танк обстреливал назначенные ему цели, враг не мог поднять головы. По воспоминаниям Лоури, несмотря на такую слаженную работу, «противник превосходил нас и почти все время подавлял своим огнем». [189]

Но американцы продолжали настойчиво действовать, и, применив ручные гранаты и автоматическое оружие, рота «Эйбл» все же смогла пробиться вперед и в одном из домов у перекрестка взяла в плен 13 солдат из оперативной группы «Винген».

Они сдались только перед лицом неминуемой гибели, расстреляв последние патроны. Почти все уже были ранены. С точки зрения американцев, наши бойцы держались уверенно и даже заносчиво. Пленных в сопро-

вождении конвоя из двух солдат отвели на командный пункт роты «эйбл». [190]

Когда поддерживавший атаку танк отошел назад, небольшая группа оставшихся в живых солдат роты «А» также решила вернуться на исходные позиции¹. Их сменили подразделения 2-го батальона 274-го пехотного полка.

Вернувшись в роту, уцелевшие в бою за перекресток рассказали о впечатлениях их первого непосредственно го контакта с противником. Лоури вспоминал: «Каждый солдат-пехотинец признавал, что немцы были чертовски хорошими вояками. Один из бойцов заметил, что «если мы останемся живы и нам опять придется воевать, надеюсь, немцы будут сражаться на нашей стороне». [191]

Подразделение, сменившее роту «А», — а именно 2-й батальон 274-го пехотного полка, которым командовал подполковник Чевес, выставило на передовую три стрелковые роты. Все три роты имели приказ «пробиться в город любым возможным способом». [192]

Ввод в бой подкреплений немедленно изменило баланс в пользу атаковавшей стороны. В личном дневнике Карлау этот бой описан такими словами:

«В конце дня мы стали свидетелями новой атаки роты американцев против нашей 2-й роты. Еще две роты, поддерживаемые танками, обошли с флангов взвод Хафнера (3-я рота). После часового боя остатки взвода попали в плен. Не имея резервов, мы ничем не могли им помочь. [193]

Прибытие 2-го батальона 274-го полка (не входившее в план дневных операций) было результатом нараставшего давления со стороны командования всех уровней, требовавшего скорее овладеть Вингеном. Должно быть, именно в этот день с его огорчительно непоследовательными действиями американских войск терпение бригадного генерала Херрена лопнуло, и он решил, что ис-

¹ Солдаты 276-го полка уже знали, что танкисты роты «би» 781-го танкового батальона не станут вести боевые действия ночью.

править положение в Вингене может только очень сильное действующее лекарство. Отвечая на настойчивые запросы командира 45-й дивизии, требовавшего результатов (командир приданной тактической группы подчинялся 45-й дивизии), и на аналогичные запросы командаира корпуса, Херрен пришел к выводу, что нужны радикальные меры. 15.00 — назначенный срок, к которому он приказал «выбить противника» из Вингена, прошел без значительных успехов в продвижении войск.

Поэтому Херрен был готов изменить структуру управления и постараться найти командаира, способного решить поставленную перед войсками задачу.

Утром подполковник Чевес и его оперативный офицер капитан Бойе направились в Ла-Пти-Пьер на КП тактической группы «Херрен». Отдав свою роту «G», Чевес хотел знать более точную картину всей ситуации внутри и вокруг Вингена, которую не мог бы получить на командном пункте 274-го полка, находившемся еще дальше, в Вейтерсвиллере.

Начальник оперативного отдела тактической группы «Херрен», полковник Ричардсон, не только радушно принял визитеров, но и предоставил им всю необходимую информацию. По воспоминаниям Чевеса, при взгляде на карту с обстановкой «мы впервые поняли, до какой степени ненадежно положение американских сил». [194]

Когда Чевес и Бойе собрались уходить, на КП прибыл бригадный генерал Херрен. После короткого разговора генерал взял с Чевеса обещание «помочь полковнику Моргану любыми возможными средствами». При этом Херрен сообщил Чевесу, что командир 6-го корпуса генерал-майор Брукс «крайне озабочен необходимостью скорейшим образом исправить ситуацию».

В середине дня, возвратившись на свой КП в Пуберг, Чевес поднял две оставшиеся у него роты — «изи» и «фокс» и направил эти подразделения через лес на восток, вслед за ротой «джордж».

В воспоминаниях Чевеса описано, как он смотрел на Винген с господствующих высот к юго-западу от города:

«Слева от города находились железнодорожные пути. Пологий склон резко переходил в густой, грозно темневший лес. Именно оттуда немцы прорывались в город, яростно поливая огнем всех, кто находился в долине. Они еще оставались в городе, но было невозможно понять, какие здания заняты противником... Бой в городе и его окрестностях быстро усиливался. Мои люди пытались идти вперед. Казалось невозможным различить, откуда стреляют свои, а откуда — противник. Стоявший на дороге примерно в 300 ярдах от нас (менее 300 метров) американский танк медленно повел дулом пушки в нашу сторону. В полуоцепенении я наблюдал, как выпущенный танком снаряд разорвался в росших около нас деревьях. Возникло дикое желание лечь и лежать, уткнувшись носом в землю, пока эта грохочущая громадина не уедет прочь. Наконец обстрел прекратился, и я вызвал по радио [под] полковника Иверсона: «Черт побери, прекратите огонь из танка!» [195]

Призыву Чевеса пошли навстречу. Танк больше не стрелял в сторону его КП.

Во второй половине дня отделение из состава роты «G» пробилось к первым домам на краю города, в конце концов столкнувшись с бойцами роты «A» 276-го пехотного полка, которые вели бой около перекрестка. По воспоминаниям Фрэнка Лоури, встреча едва не закончилась трагедией:

«2-му батальону 274-го полка было приказано атаковать Винген с запада, но, видимо, подразделениям не дали информации о том, что в городе уже ведет бой один взвод роты «A». Огонь по роте «A» прекратили лишь после того, как с улицы донеслась цветистая английская речь с такими оборотами, какие может применить и оценить только американский «джи-ай». Счастье, что от этого «дружественного» огня не пострадал ни один пехотинец. Им и так крепко досталось от огня противника.

Невозможно описать словами чувства этих смертель-

но уставших людей, увидевших, что к ним идут подкрепления (три стрелковых роты 2-го батальона 274-го полка). Их молитву услышали. Они почти потеряли надежду выйти живыми из боя». [196]

Вот как эту ситуацию описывал Чевес: «Счастье, что между двумя этими ротами не завязалось перестрелки. Ни одна рота не знала планов и местоположения других рот. Все это было частью одной всеобщей неразберихи». [197]

К концу дня 5 января скоординированная полковником Морганом атака по 4 направлениям, имевшая целью восстановление контроля над Вингеном, достигла несколько меньших результатов, чем ожидалось:

— рота «А» 276-го пехотного полка так и не начала полноценной атаки силами всей роты, вместо этого выдвинув на городскую окраину несколько разрозненных подразделений для ведения разведки, и через некоторое время уступила свои исходные позиции роте «Г» 274-го полка;

— рота «С» 276-го полка с двух попыток не смогла захватить укрепленные по кругу позиции на господствовавших высотах к северу от Вингена и в результате отступила;

— рота «И» 276-го полка с приданым взводом, собранным из остатков роты «В» 276-го пехотного, при поддержке танков «Шерман» из роты «В» 781-го танкового батальона, выдвинулась сразу к двум проходам под железной дорогой, но потеряла оба танка и вынужденно отошла назад;

— на ночь в Вингене оставалось всего три стрелковых роты 2-го батальона 274-го полка, занимавшие часть юго-западного сектора города.

Подполковник Чевес написал об этом последнем достижении: «Мой батальон не добился в общем ничего — за исключением позиции, с которой можно было начать атаку на следующий день». [198]

Когда подполковника Чевеса вызвал бригадный генерал Херрен, находившийся на КП 276-го полка полковника Моргана в Циттерсхайме, Чевес был на командном пункте в Пуберге, где с командирами рот обсуждал план завтрашней операции. Снова взяв с собой оперативного офицера, капитана Бойе, Чевес в темноте целый час преодолевал на джипе четырехкилометровый отрезок обледенелой горной дороги.

Не теряя зря времени, Херрен спросил, считает ли Чевес возможным «выбить этих немцев из Вингена». Получив утвердительный ответ, Херрен отдал Чевесу командование всей операцией. Бригадный генерал еще раз выразил уверенность в том, что «в городе не более 50 немцев». Тем не менее он передал Чевесу весь 276-й полк (за минусом 2-го батальона, оставшегося восточнее, в распоряжении 313-го пехотного полка) и танковую роту¹.

Пытаясь использовать 6 января по возможности все шансы, Херрен сформулировал весьма конкретные приказы:

— атака должна была начаться в 08.00 с развитием строго по направлению «запад-восток»;

— Чевесу не разрешалось применять артиллерию по двум городским зданиям, где, как предполагается, содержат американских пленных (католическая церковь и здание, отмеченное флагами Красного Креста). Американские пленные должны быть освобождены в первую очередь;

— Чевес должен был обеспечить всех бойцов ручными гранатами и организовать огнеметные команды;

— перед атакой Чевес должен был обеспечить бойцам горячую пищу;

¹ Судя по журналу оперативного офицера 276-го полка, бригадный генерал Херрен находился на командном пункте в Циттершайме с 17.56 до 22.25. С 20.25 Херрен находился на КП с подполковниками Чевесом и Иверсоном (командиром 3-го батальона 276-го пехотного). Иверсон убыл в 22.42, а Чевес — в 22.50. В это же время (в 21.00) Херрен сформулировал свои приказы, фрагментарно записанные в журнал.

— в дополнение к артиллерийской роте 276-го полка Чевесу давали передовых наблюдателей из 45-й дивизии для обеспечения «всей необходимой вам [Чевесу] артиллерийской поддержки».

Херрен обещал, что встретится с Чевесом следующим утром, в 6.00. Бригадный генерал убыл из расположения 276-го полка лишь после телефонного разговора с командиром 6-го корпуса, в котором обещал, что Винген будет взят 6 января 1945 года, не позднее 11.00. [199]

После отъезда генерала Херрена подполковник Чевес, не ожидавший такого поворота событий, некоторое время пребывал в полной растерянности. Вскоре он собрался с мыслями и попросил доложить обстановку в зоне боевых операций 276-го полка. Текущую ситуацию обрисовал начальник штаба 276-го пехотного полка подполковник Дэн Рассел:

— 1-й батальон, которым теперь командовал капитан Брукс, потерял практически всю роту «В» и занимал оборонительные позиции к югу от Вингена;

— 2-й батальон под командованием подполковника Коля, все еще остававшийся в подчинении 313-го пехотного полка, держал оборону по линии реки Модер близ Вимменау и, таким образом, не мог принять участия в завтрашней операции;

— 3-й батальон под командованием подполковника Сида Иверсона был в основном дислоцирован к северу от железнодорожной линии и понес значительные потери (к тому же рота «К» этого батальона находилась в резерве 6-го корпуса). Батальон Иверсона мог действовать в лучшем случае за полторы стрелковые роты. [200]

За час до полуночи Чевес и его оперативный офицер убыли из расположения 276-го полка в Циттерсхайме в направились в Пуберг. [201]

Неожиданное решение Херрена не имело precedента в период Второй мировой войны — и, возможно, за всю историю американской армии, начиная с 1775 года. Че-

рез голову сразу двух полковых командиров батальона получил приказ на выполнение задачи, решение которой требовало привлечения сил, находившихся в распоряжении соседнего полка. Беспрецедентность ситуации заключалась еще и в том, что Херрен не отстранил ни одного, ни другого командира полка от исполнения обязанностей. Вместо этого он просто отодвинул этих командиров на второй план, ограничив их участие в решении задач ближайшего дня. Очевидно, что Херрен не верил, что эти люди способны решить поставленную задачу, но по каким-то неизвестным причинам не решил официально отстранять их от должности. Вероятно, Томас Херрен, ветеран Первой мировой, которому исполнилось 49 лет, сам оказался в трудном положении. На Херрена определенно давили события последних двух дней и сразу два старших генерала. Можно сказать, что принятное решение было нацелено на скорейшее изменение ситуации. Очевидно, он искренне верил в то, что Чевес справится с порученной миссией.

Вернувшись на КП в Пуберг, Чевес собрал командиров рот и штаб для принятия решения и составления приказов на следующий день. Мысленно он уже представлял план завтрашней операции:

— 2-й батальон 274-го пехотного полка начинает атаку с занимаемых позиций на юго-западной окраине города;

— 3-й (неполный) батальон, поддерживаемый ротой «С» 376-го пехотного полка, снова атакует позиции на господствующих высотах к северу от города (по выражению Чевеса, «возвышавшихся как башня»), одновременно и согласованно с атакой 2-го батальона 274-го полка. [202]

— 1-й батальон 276-го пехотного полка (за вычетом роты «С») остается в резерве на занимаемых позициях юго-восточнее Вингена и готовится отразить контратаку германских войск.

Начиная сомневаться в количественной оценке находившихся в Вингене германских сил («50 немцев»), Чевес

решил идти вперед вместе с одной из рот 2-го батальона 274-го полка; поскольку он не знал точного местонахождения германских войск, это обеспечило бы гибкость маневрирования силами двух остальных линейных рот. Он выбрал для себя роту «F». Командир этой роты, капитан Девенпорт, был самым опытным из всех ротных командиров его батальона, а сама рота «фокс» была еще свежей и не успела понести серьезных потерь.

В конце той бессонной ночи Чевес приказал роте «E» капитана Юджина Сиссона занять позиции справа от роты «F» для поддержки атаки. Роту «G» первого лейтенанта Кэссида Чевес оставил в резерве. После этого все покинули КП и ушли готовить приказы и готовиться к атаке.

В городе командиры и штабы оперативной группы «Винген» также напряженно готовились к завтрашней схватке. Под покровом темноты пленных американцев отконвоировали в церковь Св. Феликса. На командный пункт 1-го батальона прибыли командир 3-й роты унтерштурмфюрер Ганс Якобс и командир 6-й роты Пауль Кюртен. Вместе занимая позиции в домах, расположенных южнее железнодорожной насыпи между двумя проходами, они в течение дня успешно отбили три атаки американцев. В последние двенадцать часов обе роты, а также поддерживавшая их действия 4-я (пулеметная) рота понесли тяжелые потери. Командир 1-го батальона гауптштурмфюрер Бургшталлер решил за ночь убрать потрепанные 3-ю и 6-ю роты с открытых передовых позиций ближе к дороге, находившейся у развязки восточнее центрального прохода под железнодорожными путями, и расположить их прямо перед КП 1-го батальона. Здесь на углу стоял дом (в американских документах его называли «Синим домом»), который решили превратить в бастион, устроив противотанковые заграждения из подручных средств. Общее командование двумя ротами на этом решающем участке обороны принял унтерштурмфюрер Якобс. [203]

Карлау и старший группы его посыльных занялись поиском нового, менее открытого для обстрела командного пункта, однако не нашли ничего подходящего. Дома в предпочтаемом секторе оказались хилой постройки, либо не имели подвала, или были серьезно разрушены артиллерийско-минометным обстрелом.

Уже в сумерках я вернулся на КП нашего 3-го батальона и рассказал гауптштурмфюреру Крецингеру о событиях, произошедших за день на участке 1-го батальона. Я узнал обо всем, что произошло в зоне расположения 3-го батальона, а также услышал про атаку американцев (роты «С» 276-го полка) на позицию круговой обороны 11-й роты и взвода саперов, стоявших на северной границе города. Их положение становилось все менее устойчивым. В какой-то момент для поддержки их обороны могло понадобиться ввести в бой резерв нашего батальона — 3-й взвод шарфюрера Линуса Майера из 13-й роты.

В тот вечер к нам присоединился Карлау, заглянувший в наш прочный подвал со сводчатым потолком. Мы вместе рассуждали о событиях наступавшего дня. Все с нетерпением ждали подкреплений, обещанных в приказе от 3 января. Боевые возможности день ото дня сокращались, и нам настоятельно требовалось подкрепления. Мы остро нуждались в боеприпасах и продуктах. В течение дня нам несколько раз слышался шум не слишком далекого боя, и все надеялись, что к нам уже идут подкрепления.

Но это был только мираж: мы принимали желаемое за действительное.

III. ДВЕРЬ ПОСТЕПЕННО ЗАКРЫВАЕТСЯ

То, что мы слышали, вполне могло быть столкновением между частями 45-й пехотной дивизии и германскими войсками к востоку и северу от Вингена.

Для 1-го и 3-го батальонов американского 179-го пехотного полка, дислоцированного к северу от Вингена, ночь с 4 на 5 января прошла достаточно спокойно. Такой же спокойной выдалась эта ночь для батальонов 180-го пехотного полка, выдвинутых на север от дороги Винген — Вимменау с целью закрытия прохода, образовавшегося в первый день Нового года после развала тактической группы «Хаделсон».

Единственным значительным событием в секторе обороны 179-го полка вблизи Вингена оказалась попытка просачивания со стороны германских войск, о которой было доложено между 04.15 и 05.10 и которая закончилась неудачей. [204] Возможно, это была одна из групп, высланных по приказу штандартенфюрера Шрайбера для снабжения оперативной группы «Винген». Остаток дня 5 января прошел относительно спокойно в ожидании возможной попытки германских сил выдвинуться на этом участке и в подготовке совместной атаки с 180-м пехотным полком в северном направлении, намеченной на 6 января.

Однако до начала этой согласованной наступательной операции первому и второму батальонам 180-го полка предстоял целый день боя.

Несмотря на все старания роты «G» 180-го пехотного полка «выдавить» подразделения 506-го мотопехотного батальона СС из хорошо укрепленных позиций, открытых на склонах Ребберга (в километре от Вимменау), 4 января германские войска все еще оставались на занятых ими рубежах. Несмотря на тяжелые потери, мотопехота СС продолжала с ожесточенным упорством удерживать позиции на самом верху горы.

В 08.00 утра 5 января американцы возобновили штурм. 2-й батальон попытался взять Ребберг в кольцо, причем рота «G» зашла слева, чтобы атаковать гору с запада, а стрелковый взвод роты «F» атаковал эту же гору с востока. Спустя пятьдесят минут после начала этой атаки оперативный 2-го батальона доложил в штаб, что рота

«G» еще продолжает штурм. Лишь в 09.15 из 2-го батальона смогли доложить, что рота «G» находится на вершине и готовится перейти через долину на следующую гору, расположенную к северу (если точнее — Миттельберг, высотой 353 метра). [205]

Позднее тем же утром, выдвигаясь в восточном направлении за Ребберг и Миттельберг, рота «F» столкнулась с остатками действовавших в этом районе германских войск. В этом столкновении солдаты роты «фокс» захватили в плен 48 германских солдат и насчитали на поле боя 36 убитых немцев. Большинство пленных были из оперативной группы «Штаммле» (2-й батальон 951-го гренадерского полка, 361-й фольксгренадерской дивизии). Допросив пленных, американцы поняли, что этот батальон во всех смыслах прекратил существовать. Семеро из сорока восьми пленных принадлежали 506-му мотопехотному батальону СС. Судя по их показаниям, остатки батальона ушли примерно на 1000 метров северо-западнее к высоте 340, находившейся в южной части долины Кинцбронн. [206]

Во второй половине дня роты «G» и «В» 180-го полка доложили о «сильнейшей перестрелке», завязавшейся с мотопехотой СС, устроившихся на хорошо защищенных позициях у высоты 340. По-видимому, германские мотострелки подпустили солдат из «Тандерберд» на очень близкое расстояние и открыли огонь в упор. Тем не менее американцы преодолели их сопротивление и продолжили атаку. Убив примерно 60 германских бойцов, они захватили в плен 31 человека (среди них было 8 раненых, которых отправили в госпиталь), взяли один 81-мм миномет, 15 пулеметов и три разбитые германские рации. [207]

В это время рота «F» была контратакована на горе Миттельберг германскими силами численностью примерно около взвода, который на самом деле, учитывая понесенные ранее потери, мог оказаться ротой. Солдаты из роты «фокс» убили 15 немцев, прежде чем контратака

ка захлебнулась, а остальные отступили. Командир роты «F» 180-го пехотного полка докладывал, что атаковавшие их немцы сражались как «парашютисты-десантники: многие контратаковавшие германские солдаты получили ранения, но продолжали вести огонь вместо того, чтобы взывать о помощи». [208]

Очистив высоту 340, рота «G» продвинулась вперед еще на 1100 метров в северо-восточном направлении, пересекла долину Кинцбронн и поднялась на высоту 330. Здесь, примерно в километре от Вильденгута, они наткнулись даже не на «пару пулеметов MG», а встретили контратаку германского подразделения численностью до роты, отбросившую американцев метров на 600 назад, на дорогу, проходившую вдоль Кинцброннской долины. [209]

Во время этого столкновения погиб командир роты «G» первый лейтенант Поллар и четверо или пятеро его солдат. По-видимому, мотопехотинцы СС дождались, пока рота «Джордж» окажется на одной с ними линии, после чего открыли огонь с фланга. [210] Германские позиции было трудно разглядеть в свете позднего зимнего солнца. Остатки роты «G» прекратили дальнейшее движение и начали окапываться, чтобы успеть до темноты.

Из трех рот 2-го батальона меньше всего проблем встретила рота «Е», которая добилась самого значительного продвижения для ликвидации разрыва обороны на южном краю «выступа у Битче». Пройдя 1500 метров, рота в сумерках вышла на открытые места близ западной окраины Вильденгута.

Слева (к западу) от 2-го батальона 180-го полка выдвигался соседний, 1-й батальон, достигший заметно большего прогресса в первой половине дня, когда до этого находившаяся в резерве рота «В» вместе с ротой «G» вступила в бой с мотопехотинцами 506-го батальона СС на высоте 340. [211]

Рота «А» до 15.30 пересекла долину Киндсбронн и к концу дня оказалась на открытом (северном) горном склоне на полпути между долиной Киндсбронн и дорогой в долине Ротбах, находившейся в пятистах метрах. Здесь им было приказано устроить позицию.

Рота «С» за день усилила свое положение, переместившись несколько северо-восточнее в направлении прохода на западном краю долины Ротбах и заняв те же позиции, что занимала рота «С» 179-го полка — до того, как была вытеснена оперативной группой «Винген». Рота «С» 180-го пехотного полка была усиlena одним взводом из состава роты «С» 179-го полка.

В конце второго дня атаки командир 180-го полка, полковник Далени, мог объявить, что его люди вышли на рубежи, назначенные на первый день наступления его полка. Цепкая оборона германских батальонов в условиях заросшей густым лесом пересеченной местности задержала ликвидацию разрыва в районе «выступа у Битче» на один день. На какое-то время 180-й пехотный полк находился в тесном взаимодействии с подразделениями 179-го полка на левом фланге и 313-го полка (с приданым этому полку 1-м батальоном 314-го пехотного) на правом фланге, что, без сомнения, обеспечивало протяженную и целостную линию обороны.

Оставался незакрытым проход шириной около 1500 метров — почти в милю — между левой (наиболее западной) ротой 2-го батальона 180-го полка и правой (наиболее восточной) ротой 1-го батальона того же полка. Учитывая характер лесистой местности северных Вогезов, через такой разрыв в обороне могли незамеченными пройти значительные силы противника, особенно в ночное время. Это вызывало серьезное беспокойство полковника Далени, отдавшего приказ патрулировать район и выставить блокпосты. [212] Однако эти меры не принесли желаемого результата.

В 17.40 полковник Далени, находившийся на КП пол-

ка на восточной окраине Вимменау (севернее железной дороги), подписал боевой приказ № 180. В приказе значилось, что наутро атака продолжится в 09.00. 3-й батальон, находившийся в резерве в течение двух дней, освободит 2-й батальон и начнет выдвигаться по правому (восточному) флангу, в то время как 1-й батальон продолжит наступление на западном фланге полка. Силами двух батальонов полк должен был овладеть рубежом, намеченным на вторую фазу наступления, — гребнем, возвышавшимся над долиной Ротбах, между Вильденгутом (на востоке) и Мельхом (на западе). Этот разрыв следовало сократить, причем 190-й полк должен был сомкнуться с 1-м батальоном 314-го пехотного полка (приданным 313-му полку, в свою очередь, временно подчинявшемуся 45-й пехотной дивизии) на правом фланге и с 179-м полком — на левом фланге. [213]

К ночи в контакте с германскими силами на высоте 330 (конкретно, с 506-м мотопехотным батальоном СС) оставалась только рота «G». Дойдя до Ротбаха, патруль роты «G» услышал, как немцы рубят лес и окапываются за дорогой с противоположной стороны ручья. Из роты «E» также докладывали, что слышат, как германские подразделения окапываются напротив их позиций. [214]

Примерно в 21.00 у полковника Далени и его оперативного офицера появились новые соображения: они решили, что утром 3-й батальон пройдет через боевые порядки 2-го батальона. Чтобы 3-му батальону не пришлось «ввязываться» в бой с германским подразделением, находившимся перед позициями роты «G», или входить в «котел», явным образом формировавшийся на правом фланге (к востоку), Далени приказал командиру 2-го батальона атаковать ранним утром и отбросить противника по всему фронту батальона до самой дороги в долине Ротбах. Тогда 3-й батальон пройдет еще дальше на восток сквозь позиции роты «E». [215]

Хотя, не зная подробностей о боевых действиях к востоку и северу от занимаемых нами позиций, мы моли-

лись, чтобы эти части шли к нам на помощь, командиры оперативной группировки «Винген» не могли полагаться на то, что помощь уже выслана. Среди германских бойцов не раз возникали слухи, будто к нам уже пробиваются части, которые вот-вот нас высыпят!

Циркулировало два варианта слухов. Некоторые считали, что прибыл наш 2-й батальон 12-го горнопехотного полка СС и он уже на подходе. Другие верили, что на выручку идет 506-й мотопехотный батальон СС.

У нас по-прежнему не было никакой информации от разведпатруля 1-го батальона, высланного сутки назад. Мы не знали, что с ними приключилось. Наш радиоспециалист по-прежнему не мог установить связь ни с одной германской радиостанцией. Ночью 5 января мы, и буквально, и фигулярно выражаясь, бродили в потьмах.

Мы с Карлау решили, что наше положение требует отправить еще один патруль в направлении основных германских сил, на сей раз — из состава 3-го батальона. Старшему патрулю поручалось сделать доклад первому встреченному германскому офицеру, точно описав нашу ситуацию. Мы хотели, чтобы он обрисовал наше положение и объяснил, что по соображениям безопасности мы не можем положиться на письменный рапорт. Гауптштурмфюреру Шютце поручили найти в его 13-й роте младшего командира, способного выполнить такую задачу. Уже через минуту нам доложили, что опасную миссию готов взять на себя унтершарфюрер Карл Ки-фер. Ему предложили самому выбрать двух сопровождающих.

Ки-феру предстояло незаметно пройти через боевые порядки противника, вполне готового к такой возможности. Около 18.00 на командный пункт 179-го полка поступила информация, что «судя по всему, фрицы захотят прорваться на север от Вингена». В это же время штаб 179-го полка заверил 180-й пехотный, что «такая попыт-

ка будет пресечена силами специально выделенной роты». [216] Штаб 180-го полка передал эту информацию в батальоны.

IV. ИСПЫТАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВИНГЕНА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Бои усиливались. Судьба жителей Вингена становилась тяжелее с каждым прожитым часом. Многие городские дома были уже разбиты огнем американской артиллерии, залпами танковых пушек и минометов. Их обитателям пришлось добираться в другие дома и просить убежища. [217]

Мадам Анни Мати вспоминала: «Мы знали имена всех немецких солдат, то и дело входивших и выходивших из нашего подвала. Им было нечего есть, и мы поделились с ними пищей». [218] Вечером 5 января семье Мати пришлось эвакуироваться из своего дома, изъятого для военных целей. В полнейшей темноте они перебрались в другой дом, в восточной части города, стоявший неподалеку от прохода под железнодорожными путями.

«С нами находился брат бывшего директора стекольной фабрики [фабрики «Лалик»]. Он приехал погостить, но попал под боевые действия и не смог покинуть город. В темноте мы пробирались через поваленные изгороди, через спутанные провода, кучи разбитого кирпича и прочие обломки, направляясь к дому его брата [чуть севернее железнодорожных путей]. Над нашими головами взвизгивали пули, в небе то и дело полыхали вспышки, ночь была полна огня и дыма. Мы уже дошли до прохода под путями, когда моя бабушка произнесла: «Все, я больше не выдержу», — и упала на землю. Несколько раз вздохнув, она умерла.

Напрягая все силы, мы едва смогли дотащить ее тело до дома, вокруг которого собрались солдаты с ружьями и гранатометами. «Вы куда идете? — закричали они. — Не знаете, что ли, что дом обстреливают?» Мы так устали, что это уже не имело значения. Нас отвели в подвал. При

свете свечи мы перешагивали через убитых и раненых немецких солдат. Бабушку отнесли в одну из комнат.

Мы устало рухнули на кучу угля, чтобы отдохнуть от едва пережитого ужаса, но из разбитого окна тянуло таким холодом, что нам пришлось искать другое место. Под лестницей мы обнаружили нишу и тут же вдвоем втиснулись в нее. Только мы примостились, как стену подвала пробил снаряд, угодивший точно в кучу угля, на которой всего минуту назад сидели мы. В стене осталась дыра. Куски угля разлетелись по темной комнате. Мы снова чудом избежали смерти». [219]

5 января мадам Паула Фельден написала в подвале отеля «Венк», где находилась с больной материю, родственниками и соседями:

«Вскоре после первой атаки немцев [4 января] бои начались опять. Пулеметы грохотали без умолку. В наш подвал зашел санитар, чтобы проверить, нет ли здесь раненых, но он не мог помочь моей матери. Он сказал: «Мы захватили плацдарм за рекой, но если не получим подкреплений, то нас возьмут в кольцо и всех перебьют». Он добавил, что воевал в Польше, России и Норвегии, но еще никогда не видел ничего подобного. Он сказал, что им пришлось добираться до Вингена из Финляндии.

После относительно спокойной ночи стрельба с новой силой продолжилась 5 января. В тот вечер к нам присоединилось еще больше соседей — после того как им удалось погасить свои горевшие дома. В подвале находилось около 26 человек. У нас был свет: в доме еще в 1920 году установили свой генератор. Благодаря электричеству мы могли слушать приемник и следили за ходом сражения в Вингене.

Неожиданно погас свет, и мы оказались почти в полной темноте. В воздухе повисли напряжение и страх. Когда стрельба стихала, мы слышали, как стонет моя мать. Потом зазвонили колокола протестантской церкви. Мы решили, что это знак начала перемирия, и с облегчением ждали, что стрельба вот-вот прекратится.

К сожалению, мы ошибались. Сражение продолжало идти своим ходом. Видимо, в один из колоколов попала пуля, и от этого начали звонить остальные». [220]

V. РАЗБОР СРАЖЕНИЯ

Связь

К 5 января невозможность установить радиосвязь между командованием Вингенской оперативной группы и вышестоящими штабами стала решающим фактором, повлиявшим на все аспекты развернувшегося в Вингене сражения. Без связи ни штандартенфюрер Шрайбер, ни генерал-майор Филиппи не могли узнать обстановку в городе. Все, что они знали, было получено из единственного радиоперехвата: «немецкие солдаты находятся в Вингене». Все предпринятые нами попытки наладить связь с внешним миром закончились неудачей, и мы не знали, высланы ли подкрепления. Патрули, отправленные в тыл в последние 24 часа, оставались нашей единственной надеждой получить указания о дальнейших действиях. Без связи у нас не было никакой надежды на помощь и подкрепление свежими войсками, боеприпасами и пищей. Даже для связи батальонов внутри Вингена мы полагались только на посыльных, доставлявших информацию из одного конца города на другой.

Несомненно, что трудности со связью серьезно ограничивали возможности германских войск, — однако у американской стороны тоже не обоходилось без проблем. Их радиокоммуникации также часто нарушались в горной местности, и по этой причине американские командинги полагались в большей степени на проводную связь. Радио давало хорошие и отличные возможности для связи на коротких расстояниях — между командингами рот и взводов, но даже в этих случаях иногда не работало.

Получив боевой приказ полковника Далени № 80, командир 3-го батальона 180-го полка с огромными трудностями проложил проводную связь на будущий пере-

довой командный пункт. Очевидно, он думал, что это обеспечит надежную связь во время утренней атаки. [221]

Попытки американцев наладить надежную проводную связь осложнялись несколькими факторами. Начальник связи 180-го полка жаловался, что ему не хватает проводов. Максимум, что он смог получить от дивизии, — 7,2 км на один день обеспечения связи целого полка. Это не хватало для организации проводных линий от полка до каждого батальона, особенно в условиях горной местности, и тем более не хватало для устройства линий связи с ротами внутри каждого батальона. К тому же подразделения всех уровней были вынуждены поддерживать связь в условиях непрерывного артиллерийского и минометного огня, регулярно рвавшего провода. [222]

Устройство проводной связи было одной из главных забот 276-го пехотного полка, возможно, потому, что в сравнении с другими в распоряжении этой части имелось намного больше провода. В пояснительной записке к отчету о боевых действиях 276-го полка в январе 1945 года полковой командир записал следующее:

«В ходе боевых операций в Вингене полковой и батальонные взводы связи 276-го полка справились с потерей линий основной связи, произшедшей в связи с отходом из города, и в течение всего сражения за Винген поддерживали бесперебойную связь. Связь с батальонами, осуществлявшаяся с КП полка в Циттерсхайме, осуществлялась по каналам, проложенным через город. С захватом Вингена возникла необходимость прокладки новых проводов через Ла-Пти-Пьер и далее на север, до командных пунктов в Вимменау и Роштейге... Всего за период действий в районе Вингена в полку проложено около 250 миль проводной связи. Проводная связь непрерывно нарушалась огнем танков и артиллерии и требовала круглосуточного технического обслуживания. Помимо этого, ежедневно в полку передавалось более 150 радиограмм...»

В ходе сражения коммуникационные пути нередко оказывались в руках противника... так, один из посыльных, перевозивших бумажные сообщения, насчитал в своем джипе 10 пулевых пробоин». [223]

Тактические предпочтения американцев

После долгого опыта боев на Северном фронте мы в оперативной группе «Винген» считали, что знаем все о тактике и технике ведения боевых действий Красной Армией. Теперь нам пришлось осваивать методы ведения войны с новым противником.

Уже в первом столкновении с американцами нас поразило, что их войска старались преодолевать сопротивление противника не за счет усилий пехоты, в основном за счет превосходства в вооружениях (и они имели для этого все возможности). Создавалось впечатление, что американцы никогда не испытывали недостатка в боеприпасах.

Пехоту вводили в бой для нанесения завершающего удара только после того, как стойкое сопротивление оборонявшихся — например, засевших в доме германских солдат — эффективно подавлялось артобстрелом.

Мы тоже давно научились этой тактике, но из-за отсутствия артиллерийской поддержки с закрытых позиций не могли ее использовать в Вингене. Без связи мы в течение всей операции были лишены огня своей артиллерии и минометов. Но, даже имея такую поддержку, мы вряд ли смогли бынейтрализовать много объектов из-за нехватки боеприпасов на этом этапе войны.

Нас особенно удивляло почти полное отсутствие американских разведывательных патрулей в Вингене и его окрестностях. В результате отсутствие «человеческого фактора» привело к серьезным ошибкам в количественной оценке находившихся в городе германских сил и, возможно, размещению в районе Вингена недостаточ-

ного количества американских войск. Конечно, перспективы выбить из города почти два батальона закаленных горных пехотинцев одним батальоном, не имевшим боевого опыта, были призрачны. Можно предположить, что, если бы американцы знали, сколько германских солдат находится в Вингене, они собрали бы для атаки значительно большие силы.

Определенно, что атаки американцев не свидетельствовали о недостатке смелости у отдельных их солдат или командиров. Если у них и были недостатки, то, скорее, некоторая наивность в отношении эффективности стрелкового огня. Возможно, справедливость этого высказывания подтверждает отчаянный рывок капитана Хендриксона через перекресток. Можно вспомнить и начатый по свистку (прямо как в Перовую мировую войну) штурм ротой «С» 276-го полка хорошо укрепленной позиции к северу от города. Несомненно, демонстрация личной храбрости перед лицом неприятеля делает честь любому офицеру. Бывает, что нет другой возможности побудить людей к действию, к прорыву вражеского за- слона или к решительной победоносной атаке. Но иногда необдуманно героические действия имеют отрицательные последствия, уводят в сторону от решения боевой задачи — особенно если они сопровождаются значительными потерями или вызывают необходимость эвакуации раненого командира ценой гибели его солдат.

Наконец, привыкнув за время войны против Советов на севере к ночным операциям (на 60-й параллели ночь продолжалась всю зиму!), мы имели дополнительное преимущество из-за недостаточной активности американских войск в темное время суток. Ночью 4/5 и 5/6 января у нас было по 12 часов для планирования, перераспределения боеприпасов, которых все время не хватало, перегруппировки и отдыха.

К тому же большинство нашего личного состава находилось в домах, выбранных нами для устройства об-

ронительных позиций, а американцам приходилось ночевать в снегу. Вероятно, стремление наших оппонентов к ведению боевых действий днем было вызвано недостатком боевого опыта. Но во многих случаях мы это только приветствовали.

Расположение объединенного пункта медицинской помощи

Трудно понять, почему американский танк открыл огонь по нашему пункту медицинской помощи. Случайный выстрел сложно исключить: американский пленный и германский медик размахивали флагом Красного Креста на виду у командира танка и наводчика. Не исключено, что танкисты приняли их действия за военную хитрость или решили, что эти двое не хотят сами попасть под выстрел. В любом случае доктор Лаутеншлагер и его американские помощники правильно рассудили, что здание школы небезопасно и недостаточно хорошо выделяется, чтобы атакующие могли распознать в нем невоенный объект, в котором находится пункт медицинской помощи. Надежды на то, что в здании школы и раньше находился пункт медицинской помощи 1-го батальона 179-го полка, развеялись, как дым, после попадания снаряда — к счастью, не разорвавшегося и лишь оставившего дыру в стене самой большой комнаты.

Доктор Лаутеншлагер сделал из этого случая необходимые выводы. Когда медицинский пункт был размещен в новом здании, ближе к центру города, его отметили четырьмя огромными флагами Красного Креста, вывешенными на наружных стенах.

Это было удачным решением, сослужившим хорошую службу на следующий день.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. АД КРОМЕШНЫЙ

I. СМЕНА ОРИЕНТИРОВ

В зоне действий группы армий «G»/1-й армии 6 января стало днем объединения сил и принятия решения. Несмотря на наличие выхода из Вогезов в Цинсвиллере, который с таким трудом удерживал 1-й батальон 952-го полка 316-й фольксгренадерской дивизии, его узкие обледенелые дороги оказались непроходимыми для значительных масс тяжелой бронетехники. Поэтому для будущего выхода на Эльзасскую равнину 21-я бронетанковая дивизия сосредотачивалась севернее Виссембурга. Для руководства прорывом на востоке «низких» Вогезов штаб 39-го бронетанкового корпуса был перенесен из района западнее Бастони в расположение 1-й армии. Этот штаб должен был осуществлять руководство 21-й бронетанковой и 25-й мотопехотной дивизиями, находившимися в резерве группы армий «G». Позднее к ним присоединится 10-я бронетанковая дивизия СС «Фрундсберг».

Некоторые из этих решений были подсказаны генерал-лейтенантом Винтером из штаба верховного главнокомандования Вермахта (ОКВ), который провел один день в штабе группы армий «G» у генерал-полковника Бласковица. В отчете штабу оперативного руководства германской армии (*Wehrmachtsführungsstab*) Винтер сделал вывод, что на 6 января достигнуто «равновесие сил» двух сторон в северных Вогезах. Эффективность действий пехоты 89-го и 90-го корпусов резко сни-

зилась, что было следствием переутомления из-за погодных условий, особенностей местности и истощения физических сил. Противник мало-помалу отвоевывал господствующие позиции к северу от Вингена. Становилось очевидным, что инициатива в Нижнем Эльзасе переходит к противнику.

Исходя из этих оценок, генерал-лейтенант Винтер делал вывод о нецелесообразности продолжения операции в северных Вогезах в отсутствие новых подкреплений. Он полагал, что успех операции в Нижнем Эльзасе можно было обеспечить лишь наступлением 39-го бронетанкового корпуса. Винтер считал, что в случае, если наступление бронетанковых сил не сможет радикально изменить ситуацию, то главнокомандованию следует искать выход в решительном сражении в районе Хагенау, используя для этой цели все имеющиеся в наличии мобильные и пехотные части. [224]

Ранним утром группа армий «G» получила приказы главнокомандующего войсками на западе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта о дальнейших действиях против «англо-американских» [дословно!] войск, где указывалось, что конкретные детали операций будут утверждены лично фюрером. Для начала ставилась задача уничтожить все силы противника «между северными Вогезами и Рейном». Для подготовки наступательной операции было необходимо овладеть западными выходами из северных Вогезов и далее выдвигаться через район Саверна, блокируя шоссе Саверн — Сарребург. Последнюю операцию требовалось выполнить стремительно, задействовав в ней все наличные людские и материальные ресурсы. Предполагалось, что группа армий «G» сосредоточит дополнительные силы в районе севернее и восточнее Саарбрюкена — так, чтобы затем выдвинуть эти силы или в южном направлении, или через Битче совместно с 13-м корпусом СС либо с 90-м корпусом. [225]

В этот шестой день Бласковиц и его штаб решили вывести 36-ю фольксгренадерскую дивизию из зоны действий 13-го корпуса СС, чтобы использовать 36-ю дивизию на левом фланге 89-го корпуса. Они также пытались найти возможность для передислокации 256-й фольксгренадерской дивизии на правый фланг того же корпуса после ее замены на 36-ю дивизию. Однако на это требовалось несколько дней, поскольку 36-я дивизия только что высвободилась после атаки 6-дневной давности к востоку от Саррегемина. Личному составу дивизии предстоял марш протяженностью более 60 километров до района, где 36-я должна была сменить потрепанную и поредевшую 256-ю фольксгренадерскую дивизию. 21-я бронетанковая дивизия должна была прорвать линию Мажино южнее Виссембурга и наступать в направлении Саверна через Зульц-су-Форе с задачей блокировать Савернский проход.

Хотя Друденхайм еще не был очищен от частей из состава тактической группы «Линден» (конкретно — от подразделений 79-й пехотной дивизии), в этот день группа армий «Оберрейн» также добилась успеха, расширив плацдарм за рекой Рейн. Плюс по мере развития контр-атак подразделений тактической группы «Линден» близ Габшайма усиливалось сопротивление противника в районе плацдарма, который удерживался силами 14-го корпуса СС в Оффендорфе. [226]

II. СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Вероятно, я отключился от усталости, приткнувшись в углу подвала отеля «Де ла Гар» в Вингене, уже три дня служившего командным пунктом нашего батальона. Смертельно устав после очередного дня все более ожесточенных боев, я пытался отдохнуть хотя бы один час.

Окинув взглядом сводчатый, освещенный лишь несколькими свечами подвал, я с трудом различил очертания спящих — моего батальонного командира гаупт-

штурмфюрера Крецингера, посыльных и двух радистов из нашего взвода связи. Радисты тоже решили спать: они только что разрядили последние батареи, безуспешно пытаясь связаться хоть с какой-нибудь германской станцией. В одном подвале с нами находились трое местных жителей: мужчина и две немолодых женщины, чьи дома сгорели после того, как их обстреляла американская артиллерия.

Меня разбудило какое-то шевеление на улице у входа в подвал. Я уловил обрывок чьего-то разговора с поставленным у входа часовым. В подвал вошел унтерштурмфюрер Ольденбург, командир взвода связи нашего полка, в сопровождении гауптштурмфюрера Бургшталлера (командира 1-го батальона) и адъютанта 2-го батальона Карлау. Мои часы показывали 06.00 утра.

Мы выслушали рассказ Ольденбурга о его путешествии по американским тылам. Прошлым вечером, около 23.00, Ольденбург, сопровождаемый четырьмя младшими командирами из полкового мотоциклетного взвода, вышел с полкового командного пункта к западу от Мельха. Лесными тропами или напрямик через заросли они миновали долину Фюхстхол и Колхютте и пошли дальше, ориентируясь в основном по залпам обстрелившей Винген американской артиллерии, — пока наконец около 05.00 утра не прибыли на северо-восточную окраину города, в район расположения фабрики стекла «Лалик». Несколько раз они оказывались в непосредственной близости от позиций американцев — настолько близко, что слышали, как те разговаривают. [227]

Впервые за эти дни мы смогли установить связь с нашим полком. Именно Ольденбург был тем офицером, который 3 января принес нам на Каесберг приказ атаковать. Казалось, это было в другой жизни. Какие известия принес Ольденбург на этот раз? Сообщит ли он, что помочь рядом, или отправленные к нам подкрепления еще в пути? Что известно о подходе 2-го батальона нашего полка? Где батальон штурмовых самоходных орудий,

обещанный нам перед началом этого кровавого предприятия? Когда придет эта долгожданная помощь?

Всего минута — и мы поняли, что в нашем направлении не движется ни одно из этих отчаянно необходимых подкреплений. Новости были противоположного свойства. Ольденбург доставил из вышестоящего штаба приказ на отступление двух наших батальонов из Вингена, с последующим занятием обороны в районе долины Ротбах.

Мы были настолько ошарашены, что несколько минут не могли вымолвить почти ни слова. У нас на лицах было написано: «этого не может быть». Попросту невозможно, чтобы огромные жертвы двух полноценных егерских батальонов, положенные ради выполнения этой опасной, смертельной миссии, пошли прахом.

Видя и хорошо понимая наше мучительное состояние, Ольденбург попытался дать объяснения. С ночи 3 января, вернувшись от нас на командный пункт Шрайбера, Ольденбург был свидетелем всех дальнейших событий.

С нараставшим беспокойством на КП ожидали сообщений из Вингена: почти все радисты взвода связи полка только и делали, что прослушивали радиоэфир на всех возможных частотах, принимая только шум статических помех. В полк не вернулось ни одного посыльного. Первый патруль, высланный из 1-го батальона вечером 4 января, вероятно, был перехвачен американцами. Патруль Кифера, вышедший всего семь часов назад, если и не попал к американцам, то, должно быть, разминулся с Ольденбургом южнее Кольхютте. До полкового КП додшел лишь не очень понятный и очень краткий текст, случайно выхваченный из радиопереговоров противника, а именно: «Немецкие войска в Вингене!» Это сообщение Шрайбера передали из 89-го корпуса вечером 4 января.

Хотя в Винген не протянули телефонной линии для связи с батальонами, проводная связь до командного пункта 361-й дивизии генерал-майора Филиппи, находившегося в доме лесника в Баннштейне, действовала

исправно. Шрайбер, не уставая, требовал от Филиппи предоставить части для прорыва к Вингену (2-й батальон полка Шрайбера еще не прибыл из Дании). Но, похоже, что ни Филиппи, ни 89-й корпус вообще не располагали резервами, которыми они могли бы поделиться, не говоря уже про батальон самоходных штурмовых орудий.

По мере того, как Ольденбург терпеливо объяснял ситуацию, до нас начало доходить, что приказ штурмовать Винген отдан штабом, не уверенным в том, что успех нашей миссии может быть подкреплен какими-либо дополнительными силами. Хотя мы знали, что приказ пришел из 361-й дивизии, в подчинении которой состояла оперативная группа «Шрайбер», однако сомнительно, чтобы инициатором штурма был Филиппи: как мы догадывались, авторство принадлежало штабу намного более высокого уровня.

Ольденбург продолжал свои объяснения, сказав, что когда Шрайбер наконец понял, что ни у одного штаба, ни на каком уровне операции «Нордвинд» нет в наличии войсковых частей, способных развить наш успех в Вингене, — он начал требовать приказа об отходе из города. Шрайбер не хотел приносить своих егерей в жертву ни за что. Наконец, вечером 5 января на командный пункт Шрайбера поступил приказ на отступление из Вингена, и он тут же направил Ольденбурга с его миссией. [228]

Мы выслушали объяснения Ольденбурга, почти не прерывая его вопросами. Вероятно, мы еще не пришли в себя от столь неожиданного поворота событий. Однако, как только он закончил, нам пришлось задуматься об очевидных последствиях такого изменения ситуации. До рассвета оставалось совсем немного. Организовывать немедленный отход было поздновато. Оставалось ждать следующей ночи, чтобы с наступлением темноты у нас появилась хотя бы доля шанса произвести отход незаметно для противника.

Хотя все были согласны, что нужно еще день оставаться в Вингене, мы знали, что нам придется исполь-

зователь любые возможности для уменьшения потерь, чтобы сохранить в целости жизни и здоровье наших бойцов.

С другой стороны, мы должны были обеспечить, чтобы ни одно подразделение не оказалось отрезанным от своих во время боевых действий этого дня, спланированных для затягивания времени. Две эти максимы обусловили все наши тактические решения ближайших часов.

До того, как рассеялся ночной мрак, мы успели оповестить командиров рот об изменении ситуации, поставив всем задачу тянуть время на своем участке и беречь людей, при этом жертвуя территорией. Мы также строго предупредили ротных о необходимости постоянно следить за флангами, не допуская рассечения нашей обороны. Как позже выяснится, по злой иронии этот день окажется самым кровавым для обеих сторон, сражавшихся в Вингене... уже после того как мы получили приказ на отступление.

В тот день нам предстояло решить множество проблем, и не последней из них была судьба наших раненых. Но, независимо от этого, нам предстояло установить приоритеты, что прежде всего означало необходимость продержаться до конца дня.

Бургшталлер и Карлау проинформировали об изменениях, произведенных за ночь в расположении 1-го батальона. Они отвели 3-ю роту с хорошо укрепленной позиции рядом с западным проходом под железной дорогой и приказали командиру роты Гансу Якобсу устроить временный опорный пункт в доме на перекрестке у центрального прохода под жд-полотном (в «Синем доме»). Улицы справа и слева перегородили импровизированными баррикадами, дополнительно установив противотанковые мины. В доме и вокруг него устроили позиции для бойцов с фаустпатронами. Взяв захваченный американский джип, Ганс Якобс перебазировал командный пункт роты на место бывшего расположе-

ния КП батальона. Бургшталлер и Карлау оставили КП и уже подыскивали себе новое убежище вблизи римско-католической церкви.

6-я (штабная) рота 1-го батальона под командованием Пауля Кюртена, состоявшая из взвода связи и саперного взвода, насчитывала теперь всего 15 бойцов. Рота Кюртена заняла позиции около католической церкви. В свою очередь, наш 3-й батальон присоединил штабную роту (15-ю, под командованием оберштурмфюрера Буллендьи) из двух таких же передевших взводов к 1-му батальону, большая часть которого заняла позиции вблизи железнодорожной станции и грузового двора, располагавшегося к западу от станционного здания.

Все перемещения элементов 1-го батальона были направлены на удержание консолидированных позиций в течение всего наступавшего дня. Передислокацию закончили примерно в 05.00 утра. [229] На участке 3-го батальона существенных передвижений не производилось.

Не успели мы закончить совещание, как американская артиллерия приступила к давно ожидаемому обстрелу. Обстрел велся по нарастающей, в основном в двух секторах: на поросших лесом высотах к северу от железной дороги и на участке в непосредственной близости от католической церкви — как раз в том месте, где находились мы.

Через полчаса обстрел на время прекратился. Бургшталлер с Карлау перебежали на свой новый командный пункт, устроенный поблизости от старого в полуразрушенном доме с подвалом для дров. Ольденбург остался с нами.

С другой стороны фронта, в Пуберге, точно в 06.00 утра бригадный генерал Херрен прибыл на КП 2-го батальона 274-го пехотного полка. Вместе с командиром полка генерал направился на передовой командно-наблюдательный пункт, расположенный на восточном

краю Пубергского леса. Позиция обеспечивала отличный вид на город — особенно на его южную часть, расположенную за железнодорожной насыпью. Оставив генерала Херрена и сопровождавших его лиц в окопах, вырытых в относительно безопасном месте среди зарослей, полковник Чевес с офицерами перебазировался в здание «Виллы Франц», которое еще ночью выбрал для своего наблюдательного пункта. Большую часть ночи Чевес посвятил разработке детального плана действий завтрашнего дня. Не доверяя данным разведки, доложившей, что в городе находится «не более 50» германских солдат, он решил ударить в глубь германских позиций своими ротами, эшелонированными по правому флангу: впереди пойдет рота «F», за ней по правому флангу будет атаковать рота «E», а рота «G» будет следовать в резерве за ротой «F». Чевес разделил роту тяжелых пулеметов. 1-му пулеметному взводу под командованием капитана Девенпорта была поручена поддержка атаки роты «фокс». Остальная часть роты — а именно взвод счетверенных пулеметов калибра 30 с водяным охлаждением и шесть 81-мм минометов остались в распоряжении самого Чевеса. Противотанковый взвод 2-го батальона (из штабной роты) должен был передислоцироваться на край леса для непосредственной поддержки атаки огнем трех 57-мм противотанковых пушек.

Подполковнику Иверсону и подразделениям его 3-го батальона поручался штурм в одной линии и левее батальона Чевеса, с дальнейшим выдвижением через лес севернее железнодорожной насыпи до «высоты, похожей на башню» [230], господствовавшей над Вингеном. Находившиеся на этой высоте хорошо укрепленные германские позиции сильным продольным огнем пресекали любые попытки американцев выдвинуться на восток от проходов под железнодорожной линией.

В 07.45, как и было запрошено, началась артиллерийская подготовка. Пока все соответствовало плану Чевеса — кроме разве что наличия танков 781-го батальона. Танки опаздывали, и доклада от них еще не было.

Незадолго до окончания артподготовки капитан Девенпорт с ротой «фокс» начал выдвигаться вперед, сначала под прикрытием леса параллельно опушке, в южном направлении, а затем в 08.00 оказавшись на дороге, которая вела из Циттерсхайма, он двинулся прямо на Винген.

Обещанных танков видно не было.

Еще до 08.00 утра подполковника Чевеса вызвал к себе генерал Херрен. Херрен хотел, чтобы Чевес приказал командирам рот 2-го батальона «броском пройти через весь город», обосновав это следующей фразой: «В городе совсем мало немцев. Вообще, я не удивлюсь, если они уже отступили».

Чевес не был готов радикально менять свои приказы (даже по подсказке генерала) и вместо этого приказал Девенпорту «проследовать через город быстро, как только можно!» В общем, он не требовал ничего необычного.

Этот инцидент в самом начале атаки встревожил Чевеса. Много лет спустя Чевес вспоминал: «За моей спиной стоял генерал, грозный, как туча». [231]

С наблюдательного пункта, устроенного на втором этаже «Виллы Франц», Чевес отлично видел Винген, включая Циттерсхаймскую дорогу и «проход смерти» под железной дорогой. В это время артиллерия перенесла огонь на поросшую лесом высоту к северу от железной дороги. В числе снарядов были дымовые шашки, не позволявшие германским пулеметчикам наблюдать за наступавшими американскими ротами. [232]

Рота «фокс», не встречая сопротивления, продвинулась по Циттерсхаймской дороге и достигла перекрестка с южной стороны прохода под железной дорогой, миновав который повернула на восток. Здесь рота разделилась. Первый взвод лейтенанта Честера Дэвиса и капитан Девенпорт решили двигаться по правой улице (рю Принципаль). За ними следовал резервный третий взвод лейтенанта Джеймса Хейнса. Второй взвод лейтенанта Лино Деллабьянка выбрал поворот налево, на

рю де ла Гар, проходившую вдоль грузового двора. Впереди, по центру развязки, находился большой двухэтажный дом, выкрашенный в синий цвет.

Пока по ним не стреляли. Чевес начал сомневаться: неужели генерал Херрен оказался прав, и немцы уже вышли из города?

Осторожно продвигаясь вперед, бойцы роты «фокс» заметили в придорожной канаве пару трупов — и тут же услышали, как кто-то неизвестный произнес: «Остерегайтесь «Синего дома!» Как оказалось, засевшие в доме германские солдаты ждали, пока бойцы роты «фокс» окажутся прямо перед ними, всего в пятнадцати метрах от смертоносных пулеметных стволов.

Внезапным огнем из автоматического оружия убило наповал сержанта и ранило еще шестерых, включая командира роты капитана Девенпорта и его верного радиостава, рядового первого класса Уэйна Морнингстара. Несмотря на ранения, Девенпорт и его радиостав остались в строю. Через некоторое время Чевес, ждавший доклада роты «фокс», связался с Девенпортом.

«Я ранен, но им меня не остановить! Мы выбьем их отсюда!» В последних словах Девенпорта чувствовалась решимость.

Предостережение, которое услышали бойцы роты «фокс», исходило от одного из лежавших в канаве «трупов». Точнее — от лейтенанта Эдвина Кука (рота «В» 276-го пехотного полка), вместе с лейтенантом Гленном Пиблзом (1-й батальон 276-го полка) принимавшего участие во вчерашней атаке подразделений 3-го батальона 276-го пехотного полка, выдвигавшихся через проход под железной дорогой. Из-за плотного обстрела из автоматического оружия они не смогли уйти со своими отступавшими товарищами. Они пролежали в канаве остаток дня и всю ночь, так качественно изображая «опоссумов», что их приняли за мертвых даже германские солдаты, забравшие часы и ножи. После боя обо-

их лейтенантов, ослабленных и истощенных за 18 часов «лежки», эвакуировали в госпиталь.

Бой за «Синий дом» длился один час и закончился в 09.30. Его упорных защитников удалось выбить, обстреляв дом из базуки. Сопротивление германских бойцов в соседних домах лишь усиливалось по мере новых попыток роты «фокс» продвинуться вперед.

Капитан Девенпорт находился в передовой цепи своего отряда, осторожно продвигавшегося по рю Принципаль, когда его группу опять обстрелял противник, терпеливо ждавший в засаде. В этот раз еще один сержант был убит на месте, а радиста Морнингстара и самого Девенпорта ранило дважды. Одна из пуль попала в лицо над правым глазом, вызвав сильное кровотечение. Это случилось сразу после радиоразговора Девенпорта с командиром его 2-го взвода лейтенантом Деллабьянка, свернувшего от развязки по улице, которая шла на север вдоль железнодорожной насыпи. На вопрос командира о том, будет ли выполнена боевая задача, Деллабьянка ответил: «Постараюсь, но не думаю, что это вообще возможно».

В конце концов, Девенпорт, почти ничего не видевший из-за кровотечения, сдал командование. Вместо себя он назначил командиром группы самого старшего из сержантов Чарльза Петтэя. Когда убили Морнингстара и работать в эфире стало некому, Петтэй приказал уничтожить радио.

Начальник штаба роты лейтенант Ли Мэхон вышел на разведку, чтобы подыскать более выгодную позицию для пулеметов. Решив осмотреться, Мэхон вышел на открытое место, где попал под выстрел германского снайпера, предложившего ему сдаться. Когда Мэхон отказался и попытался укрыться, вторая пуля снайпера попала его точно в грудь.

Обстрел из автоматического оружия производился не только из домов, стоявших перед фронтом атаки роты «фокс», но также со стороны левого фланга — с гер-

манских позиций, удачно расположенных на краю заросших лесом высот непосредственно за и чуть выше железнодорожной насыпи.

Перекрестный обстрел также велся с левого фланга, со стороны кладбища и из домов, расположенных рядом. Единственным укрытием могли служить лишь неглубокие придорожные канавы по сторонам двух расходившихся от развилки улиц.

Подразделения второго взвода на левом фланге роты «фокс» попытались выдвигаться по неглубокой канаве вдоль железнодорожной насыпи. Здесь их поджидали германские солдаты, стрелявшие из окон второго этажа, откуда эта канава отлично просматривалась. Дождавшись, когда в канаве собралось целое отделение, засевшие в доме бойцы открыли огонь. Один из оставшихся в живых американцев так описывал ситуацию: «Все, что нам оставалось, — это упасть на землю и молиться в надежде, что немцы решат, что мы все убиты». Все, кроме двоих бойцов, были убиты или ранены (в основном убиты).

По рю Принципаль, отходившей от развилки вправо, двигалось отделение из первого взвода лейтенанта Дэвиса, которому было приказано защищать правый фланг. Выполняя приказ, они должны были на виду у противника пересечь открытую заснеженную равнину. При виде отделения пулеметы противника немедленно открыли огонь, причем не только из домов, находившихся слева от американских солдат, но и со стороны кладбища. Бойцы роты «фокс» попытались укрыться на берегу Модера. Не найдя там никакого укрытия, американцы решили спасаться в ледяной воде. «Один за другим они бросились в воду».

Отделение легких пулеметов, выделенных для поддержки атаки первого взвода, также имело приказ пересечь открытое пространство. Попав под такой же перекрестный огонь, отделение пулеметчиков потеряло

одного солдата убитым, шестерых ранеными и не смогло занять подходящей позиции.

Чтобы обозначить свое положение для частей огневой поддержки, лишенные связи командиры взводов пытались стрелять из ракетниц. Но это вызывало лишь усиление пулеметного огня со стороны германских сил.

Казалось, германские солдаты были везде и всюду. Темп продвижения роты «фокс» существенно снизился. «Постепенно отвоевывая этот важный французский город, мы с огромными усилиями продвигались от одного дома к другому, из комнаты в комнату», — по свежей памяти написал полковник Сэмюэл Конлей, командир 274-го полка, всего несколько недель спустя. Лишь тогда было обнаружено, что «силы [противника] насчитывали два батальона отборных войск СС ... Фантастическую решимость нашего противника демонстрировал тот факт, что они сдавались, только когда у них заканчивались боеприпасы и любое дальнейшее сопротивление было равносильно самоубийству».

Чевес вспоминал: «Упорный враг подстерегал нас повсюду — на холмах, на вторых этажах домов, на чердаках, на первых этажах и в подвалах. Надежно построенные каменные дома обеспечивали им идеальные оборонительные укрытия».

Пробиваясь от дома к дому, бойцы роты «фокс» применяли ручные гранаты. «Фрицы дрались отчаянно. Они не хотели сдаваться. Мы были охвачены безумной яростью и не имели времени брать пленных», — отмечал Чевес.

Со своего командно-наблюдательного пункта Чевес заметил, что Девенпорт, столкнувшись с препятствиями, до сих пор не запросил поддержку огнем. Чевес не мог знать, что Девенпорт вынужденно отказался от командования ротой из-за тяжелых ранений и что рация роты «фокс» уничтожена. Но, даже получив такой запрос, Чевес мало что мог сделать. На тот момент он продолжал ждать доклада от танкистов и не располагал передовы-

ми артиллерийскими наблюдателями, без которых наступавшие роты не могли эффективно распорядиться огнем. Ротные 81-мм минометы также оставались без наблюдателей, а 57-мм противотанковые орудия, находившиеся в выгодной позиции, не могли вести огонь потому, что в схватке за каждый дом давно перемешались и свои, и чужие. Это было одним из многих организационных недостатков тактической группы «Херрен», артиллерия которой до сих пор находилась в Соединенных Штатах, где завершала боевую учебу.

Чевес и его небольшая группа на «Вилле Франц» долгое время не могла установить связь с Девенпортом. В конце концов, в штабе решили, что радиостанция «эс-си-ар»-300 роты «фокс» вышла из строя. Чевес отправил в роту посыльного с запасной рацией. Тому пришлось идти окольными путями, чтобы не нарваться на пулю. Прошло порядочно, прежде чем капитан Бойе (оперативный офицер 2-го батальона 274-го пехотного полка) на наблюдательном пункте снова услышал позывные роты «фокс».

На связи был лейтенант Деллабьянка из второго взвода, доложивший командиру батальона, что он находится в «Синем доме» и что ему срочно нужна помощь, а именно — минометный удар по германским огневым точкам слева от кладбища, подвергвшим роту «фокс» сильному фланговому обстрелу. Лейтенант сообщил, что видит позицию противника и может скорректировать огонь по разрывам. Еще через десять минут Деллабьянка удовлетворенно сообщил, что цели накрыты огнем 81-мм минометов роты «хау». [233]

В этот момент Чевесу наконец доложили о том, что Девенпорт эвакуирован с поля боя, а его заместитель, первый лейтенант Мэхон, — убит. Предчувствуя, что рота «фокс» может остаться без командира, он приказал Деллабьянке продержаться до подхода другой роты, которая продолжит атаку.

Таким образом, миссия роты «фокс» подошла к кон-

цу. Личный состав роты доблестно исполнил свою работу. Они пробили оборону сильного противника, обронявшего свои позиции до последнего и готового или дождаться подкреплений, или отойти по приказу своих командиров. Чевес писал: «Солдаты роты, не имевшие боевого опыта, обладали волей к победе и энтузиазмом, которого иногда не хватает даже опытным ветеранам».

За четыре часа своего первого боя рота «Фокс» заплатила горькую цену. Имея на 08.00 численность 120 человек, рота потеряла 19 убитыми и 40 ранеными. Многие обморозились и были также эвакуированы в тыл. К тому же не все потери были вызваны огнем противника: своими же минами убило двух и ранило еще четырех бойцов.

Всего в 300 метрах восточнее этой переплетенной линии фронта, на командном пункте в сводчатом подвале отеля «Де ла Гар», мы с огромным напряжением ждали донесений от командиров рот.

Примерно в 11.00 к нам присоединились Бургшталлер, Карлау и немногочисленный состав штаба 1-го батальона. Их временный командный пункт, устроенный в подвале полуразрушенного дома, перестал быть надежным укрытием, и командир с адъютантом резонно предположили, что будет правильнее объединить наши КП.

Связи не было, так что мы могли следить за событиями только по шуму мало-помалу приближавшегося к нам боя. Из этого единственного источника информации мы знали, что фокальной точкой утренней атаки американцев была позиция, занятая нашей 3-й ротой возле «bastion» — или «Синего дома» на развилке дорог. Резервов у нас не было, так что мы едва ли могли что-то предпринять и ждали дальнейших событий, полагаясь на действия командира 3-й роты Ганса Якобса.

Генерал Херрен дважды в то утро появлялся на наблюдательном пункте Чевеса, чтобы получить отчет о ситуации. Судя по поведению, генерал не хотел ждать.

Чевес сказал, что намерен «взять оставшихся людей и лично возглавить штурм города». Генерал Херрен не одобрил этого предложения, сказав, что не хочет терять командира батальона. Чевес, довольный оказанным доверием, продолжил руководить атакой без какой-либо опеки со стороны генерала. Спустя годы в своих воспоминаниях Чевес с теплотой отзывался о генерале Херрне, говоря, что, по его мнению, тот находился в довольно щекотливом положении: в конце концов, Херрен пообещал командиру 6-го корпуса генерал-майору Бруксу, что к концу дня его бойцы очистят Винген от противника. Он прибыл, желая лично убедиться в том, что эта работа сделана.

Для Чевеса это означало, что у него тоже есть чем заняться. Чевесу предстояло перегруппировать силы и организовать поддержку дневной атаки. В этот момент на КП Чевеса в «Виллу Франц» прибыл с докладом командир танкистов.

Командир роты «B» 781-го танкового батальона капитан Джон Симкинс прибыл на своей «броне» слишком поздно, чтобы подключиться к отчаянной схватке, которую в этот момент вели стрелки роты «Фокс». Выругавшись, Чевес объяснил танкистам, что их опоздание и отсутствие огневой поддержки привели к большим потерям среди личного состава атаковавшей роты. [234]

Танковая поддержка до конца дня продолжала оставаться головной болью Чевеса. Проблема не смягчалась даже тем обстоятельством, что командир танкистов, капитан Симкинс, оказался однокашником Чевеса по военной академии в Клемсоне, откуда оба выпустились в 1939 году. [235] Танки роты «B» 781-го батальона все еще находились к юго-западу от города на дороге из Циттерсхайма, в километре от крайних домов Вингена. Симкинс колебался. Он никак не мог решиться ввести танки в город. В последние два дня боев он уже поддерживал 2-й батальон 276-го пехотного полка и за прошлый день

потерял два танка как раз перед «Виллой Франц». Он решил не рисковать и хотел убедиться, что танкам будет придана пехота, которая защитит его танкистов от прятавшихся в домах команд «фаустников». В их отдельном 781-м танковом батальоне никаких мотопехотных подразделений предусмотрено не было.

Получив от Чевеса заверения в том, что пехоты будет достаточно, Симкинс отправился за своими танками. У Чевеса появилась надежда, что хотя бы дневная атака будет поддержана бронетехникой.

Но вместо этого капитан Симкинс вскоре вернулся на КП Чевеса в сопровождении командира первого танкового взвода лейтенанта Гуса Ситтона. Танкисты не хотели выдвигаться к проходу, пока не увидят вокруг танков «своей пехоты». Наконец, узнав, что пехота ждет их в проходе под железной дорогой, лейтенант Ситтон ударился, чтобы выдвинуть свои танки вперед.

Однако через некоторое время танки (Чевес хорошо видел их со своего командного пункта в «Вилле Франц»), вместо того, чтобы соединиться со штурмовыми отрядами Чевеса, ожидавшими в проходе, снова остановились на Циттерсхаймской дороге. Слушая разговор командира взвода, находившегося в одном из танков колонны, и его ротного, который стоял рядом на КП, Чевес узнал, что на дороге, похоже, установлены мины. Чевес приказал своему саперному взводу расчистить проход в «минном поле». Прибывший на место человек из саперного взвода попросту откинул мины в сторону, и танки очень медленно и осторожно поползли вперед.

Чевес решил оставить роту «фокс» на рубеже, достигнутом незадолго до полудня, приказав двум другим стрелковым ротам пройти через позиции роты «фокс» и во второй половине дня продолжить атаку. Рота «джордж» первого лейтенанта Фреда Кэсси迪 (Кейси) по-прежнему шла слева, в основном придерживаясь рю де Ла Гар, параллельной железнодорожной насыпи.

Рота «изи» капитана Юджина Сиссона выдвигалась справа, по рю Принципаль. Эти три улицы шли параллельно на расстоянии от 50—60 метров друг от друга, в направлении восток-запад.

Вторую атаку батальона Чевеса назначили на 13.00. Атака должна была сопровождаться артиллерийским обстрелом поросших лесом высот на север от железнодорожной насыпи. Генерал Херрен был в ужасе от «позднего» начала нового штурма. Он не учел, что Чевесу потребовался час для того, чтобы передать приказы на ведение огня передовым наблюдателям 160-го батальона полевой артиллерии, находившимся не на «Вилле Франц», а стоявшим почти в двух километрах, на Кирхберге, вместе с 1-м батальоном 276-го пехотного полка.

Штабы двух батальонов оперативной группы «Винген» продолжали тесниться в сводчатом подвале отеля «Де Ла Гар» и не имели никакого прямого контакта с ротами. Все, что мы имели, — это звуки боя, происходившего метрах в 200 к западу от нас.

Около 13.00 мы услышали звуки артиллерийского налета, продолжавшегося минут пятнадцать и нацеленного против наших рот, предположительно окопавшихся в лесу к северу от железнодорожной станции. Оставалось надеяться, что наши бойцы врылись в землю достаточно глубоко, чтобы пересидеть этот ужасающий обстрел.

Чевес надеялся, что новая атака, начавшаяся ровно в 13.00, будет развиваться в более быстром темпе, поскольку враг должен был «смягчить» активность обороны. К этому времени он знал, что в городе многое более «50 немецких солдат». Во время утренней атаки его люди уже захватили в плен как минимум 50 человек.

Однако его надежды на ускоренное продвижение не оправдались. После войны Чевес вспоминал: «Наше движение вперед оставалось мучительно медленным. Это была трудная партия против искушенного и решительного противника, лучшего в германской армии. Мои пехотинцы сражались за каждый дом, крались по кан-

вам, запрыгивали в окна, вламывались в двери, то и дело вступая в рукопашные схватки самого жестокого и дикого свойства».

Помимо огневого контакта с решительным противником, занимавшим позиции в домах по фронту атаки, рота «джордж» и рота «изи» подвергались перекрестному обстрелу с кладбища и со стороны господствовавших высот, располагавшихся к северу от железной дороги (слева от них). Из всех угроз последняя оказалась наиболее труднопреодолимой.

Чевес вспоминал: «Противник вел убийственный фланговый огонь с хорошо укрепленных позиций, находившихся в густом лесу». Желая избавиться от обстрела с флангов, Чевес спланировал вспомогательную атаку роты «С» 276-го полка, параллельную атаке основных сил, по лесистым высотам к северу от города.

Рота «С» (276-го полка) капитана Гринуолта начала атаку в 11.00 и в 14.34 доложила в полк: «Пока продвигаемся медленно; в каждом окопе 4—5 немцев с автоматическим оружием». [236] В 16.20 на командном пункте 276-го полка в Циттерсхайме получили донесение командира 3-го батальона подполковника Иверсона о том, что к атаке роты «чарли» подключены один взвод из роты «I» и один взвод из роты «B», но темп продвижения остается «слишком медленным». [237] Чевес в своих записках отмечал, что поставленная задача оказалась для роты «С» попросту «невыполнимой».

Рота тяжелых пулеметов Чевеса выдвинула пулеметы вперед, чтобы поддержать огнем обе атакующие стрелковые роты. Один из пулеметных расчетов установил свой тяжелый пулемет 30 калибра с водяным охлаждением в окне второго этажа дома Бергмана, с юго-восточной стороны Циттерсхаймской дороги. Эта позиция обеспечивала хороший обзор и поле для обстрела не только в восточном направлении от Вингена (в этом направлении

наступали стрелковые роты), но и в сторону поросших лесом высот к северу от железнодорожной насыпи.

Рота «джордж» начала атаку колонной из взводов — первого, второго и третьего, двигавшихся вдоль железнодорожной насыпи. Лейтенант Кэссиди использовал простую, но эффективную тактику: он сосредотачивал на одном пункте обороны противника огонь трех 60-мм минометов, двух пулеметов калибра 30 с воздушным охлаждением и девяти автоматических винтовок Браунинга — а в это время пехотинцы его роты перебегали от одного дома к другому. Такой способ концентрации огневого воздействия позволил ему и его бойцам продвинуться дальше, чем это удалось роте «фокс», однако, взяв всего четыре дома, атакующие остановились из-за убийственного пулеметного обстрела с находившихся слева высот. Кэссиди перенес огонь всех имевшихся у него средств на высоты слева и на пулеметные гнезда, располагавшиеся справа от него, в районе кладбища. Перекрестный огонь ненадолго прервался, и головной взвод роты «джордж» получил возможность двинуться вперед.

Справа от роты «G» пыталась наступать рота «изи». Подойдя к домам, еще до полудня очищенным ротой «фокс», рота «изи» также выстроила взводы в колонну. Впереди шел первый взвод лейтенанта Уэйна Мешира. Едва этот взвод получил отпор, атака немедленно завязла. Лейтенант Мешир попытался найти более выгодный маршрут для атаки, но получил ранение, выпрыгивая из окна дома. Укрывшись за подбитым джипом, он получил второе ранение (смертельное). На этот раз стреляли со стороны кладбища.

«Из-за непрерывного обстрела невозможно поднять голову. Это равносильно самоубийству», — рассказывал сопровождавший Мешира сержант Эрнест Суэн. Наступление двух рот возобновилось, когда (снова с опозданием) подошли танки.

Чевес и генерал Херрен, то и дело интересовавшийся последними изменениями в ситуации, могли почувствовать некоторое удовлетворение, особенно в сравнении с результатами, достигнутыми ротой «фокс» уже утром. Однако дальнейшее наступление сдерживал фланговый обстрел с высот, находившихся слева от атакующих. Такое положение не устраивало лейтенанта Кэссида, командовавшего ротой «джордж», которая в наибольшей степени страдала от этого обстрела. Разговаривая по радио с подполковником Чевесом, он взорвался: «Черт побери, можно что-то сделать с этими высотами слева? И где 276-й, который уже должен быть там?»

Еще раз поговорив с подполковником Иверсоном, Чевес, к своему ужасу, выяснил, что подразделения 276-го полка практически не продвинулись вперед. Они захватили очень небольшую часть занятой противником возвышенности и теперь на 500 метров отстали от передовых отрядов, штурмовавших город. Из-за этого на левом фланге роты «джордж» образовался значительный разрыв. Получив более четкое представление о местоположении подразделений 276-го полка, Чевес смог поддержать Кэссида. Нейтрализация противника в этой зоне была невозможна до получения точных сведений о расположении своих сил на высотах к северу от города. Чевес запросил дополнительный артиллерийский и минометный обстрел высот, занятых противником. Кэсси迪 получил возможную в тот момент помощь.

В 16.45, примерно за час до наступления темноты, к Чевесу подъехал командир танковой роты и запросил его согласие на отход танков на ночь в Циттерсхайм. Он заявил, что танкисты расстреляли боекомплект, заканчивается горючее и его танкам необходимо техническое обслуживание. Ответом Чевеса было категорическое: «Нет!» Он и представить не мог, чтобы боевое подразделение, приданное вверенной ему части, может отойти в тыл и ночевать в комфорте, в то время как его люди будут мерзнуть и бороться за выживание.

Ночь не торопилась наступать. Казалось, что роты «джордж» и «изи» вот-вот добьются успеха. Оставалось зачистить от противника всего пару домов. Это обрадовало генерала Херрена, покинувшего КП Чевеса в полной уверенности, что он выполнил обещание, данное генералу Бруксу прошлым вечером. Возможно, что и у Чевеса возникло чувство удовлетворения. Если так — он рано радовался.

Сразу после этого на КП вернулся командир танковой роты. Ткнув пальцем в направлении своих танков, двигавшихся в сторону Циттерсхайма, он невозмутимо объявил, что Херрен только что разрешил отвести танки на ночь.

Чевес больше ничего не мог поделать.

Когда танки отходили, оставив пехоту наедине с боевой задачей, до выполнения которой оставалось сделать последнее усилие, один из танкистов не нашел ничего лучшего, чем на прощание крикнуть: «Мы не воюем ночью!» Неудивительно, что его высказывание спровоцировало жуткую брань в рядах солдат роты «джордж», которым предстояло всю ночь трястись от холода в считанных метрах от сотен горных стрелков из Ваффен-СС.

* * *

На нашем объединенном командном пункте штабы двух батальонов пытались сосредоточиться на планировании ночных прорыва. Однако нам пришлось отложить составление планов, чтобы заняться решением самой первоочередной задачи нашего выживания.

В короткую паузу среди дневного артобстрела мы услышали не только звуки продолжавшейся ожесточенной автоматно-пулеметной стрельбы, но и отрывистые сухие выстрелы из танковых пушек, время от времени дополнявшиеся лязгом гусениц танков, дравших заледенелую землю и бульжник при смене позиций.

Шум боя, еще несколько часов назад всецело сосредоточенный в районе «Синего дома» и развилики двух дорог, медленно и неумолимо перемещался в нашем направлении. [238]

Чтобы оценить ситуацию в отсутствие какой-либо прямой связи с нашими сражавшимися ротами и их доносений, Карлау пришлось вместе с одним из младших командиров подняться на чердак стоявшего рядом полуразрушенного дома. В наступавшей темноте он не смог разглядеть ничего конкретного.

Было самое время что-то предпринять. Мы без особой фантазии могли предположить, что всего через несколько минут в дверь нашей подземной цитадели постучатся американцы. Нужно было выбираться наружу и организовывать контратаку — пока нас не выкурили из этого подвала или не устроили что похуже¹.

Мы с Карлау собрали всех способных двигаться и, вооружившись чем смогли, в основном автоматами и винтовками, ринулись в темноту на улицу, освещаемую лишь сполохами горевших домов.

Держась вместе, наша небольшая группа, состоявшая из восьми или десяти человек, быстро обогнула угол здания отеля, справа от выхода из нашего подвала, и по короткой улице побежала бегом к железнодорожной станции, которая, судя по всему, оставалась в наших руках.

Пересекая пути, мы встретились с бойцами саперного взвода 3-го батальона под командой обершарфюрера Хорста Штихля. Мы вызвали Штихля с господствовав-

¹ Одним из поводов для немедленной контратаки было то, что мы опасались прорыва американских сил к католической церкви и освобождения 256 американских пленных. Теперь, при более трезвом рассмотрении, этот страх выглядит необоснованным. Освободив пленных (которых на самом деле никто не охранял), американцы могли создать себе большие проблемы из-за хаоса, неизбежно связанного с их эвакуацией.

ших высот посыльным, передав приказ усилить нашу контратаку его взводом, насчитывавшим примерно сорок бойцов. Нам показалось, что в тот момент присутствие его взвода на позиции не было необходимым — к ночи американцы прекратили атаковать высоты, отложив это на следующий день. Теперь наши силы насчитывали почти 50 бойцов.

Ненадолго собравшись у пологой насыпи на дальнем конце грузового двора, мы в итоге разбились на две группы приблизительно одинаковой численности. Ту, что находилась западнее, возглавил командир 1-го батальона Бургшталлер, а ту, что была восточнее, мы с Карлау.

Непроглядная тьма нарушилась лишь в нескольких местах, где горели дома, разбитые огнем американской артиллерии. Благодаря плохой видимости наш небольшой отряд прошел по грузовому двору, не замеченный американцами. Однако по этой же самой причине мы не видели ни одной конкретной цели в Вингене, где между домами не могли не находиться американцы. Их выдавали лишь случайные вспышки от выстрелов. Судя по звукам боя, с этой стороны американцы находились в районе нашего пункта медицинской помощи, а в домах, располагавшихся между этим пунктом и католической церковью, не было позиций нашей обороны. Из всего, что мы знали — или могли предположить, — выходило, что пункт медицинской помощи в последние дневные часы был скорее всего захвачен американцами.

Собравшись с духом, мы рывком пересекли железнодорожные пути, перебежали через рю де ла Гар и перескочили через изгородь, крича и расстреливая последние патроны в направлении неожиданно ожившего американского пулемета. Вскоре стало понятно, что мы нарывались на левый фланг выдвигавшегося американского подразделения, не подозревавшего о нашей контратаке. Похоже, мы застали противника врасплох, заставив его прекратить движение. Стрельба со стороны противника начала затихать, и, по крайней мере, часть его сил ото-

шла на некоторое расстояние к западу. Оставив Штихля и его взвод на завоеванной позиции, Бургшталлер, Карлау и я вместе с нашими посыльными вернулись на КП.

Мы валились с ног. Судя по всему, противник находился в таком же состоянии. Шум боя неожиданно резко стих, за исключением отдельных эпизодических выстрелов.

Пожары постепенно догорали. Нас окружала непрглядная горная мгла. Казалось, сегодняшний бой закончился. [239]

Только что со своего наблюдательного пункта на «Вилле Франц» подполковник Чевес наблюдал отход первого взвода роты «В» 781-го танкового батальона. Танки уходили по улице, которая вела на Циттерсхаймскую дорогу, и Чевес знал, что не увидит их до следующего утра.

Чевес понимал, что остался наедине со своими проблемами, из которых главной, по его представлению, была чрезмерная растянутость сил. Такое представление возникло, когда Чевес обнаружил, что усиленная рота «С» соседнего 276-го полка находится далеко позади передовых отрядов его роты «Е» и роты «Г», сражавшихся в городе. Не овладев господствовавшими высотами, Чевес оставлял открытым свой левый фланг. Благодаря разрешению генерала танки ушли, стремительно наступала темнота, и теперь Чевес не представлял, как можно взять город до конца дня. Поэтому он подготовил приказ на прекращение атаки и организациюочной обороны. [240]

К моменту нашей контратаки его приказы еще только поступали в роты, продолжавшие штурм города. Было темно. Танки ушли, оставив роты, которые они поддерживали днем. В быстро опускавшемся ночном мраке солдаты 2-го батальона 274-го пехотного полка чувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Боевой дух командиров стрелковых рот и их подчиненных дошел до

самой низкой точки этого дня. Контратака германских сил началась точно в момент этого психологического перелома. Для Чевеса, находившегося на наблюдательном пункте, немецкая контратака началась с «серии громких взрывов», за которыми последовало яркое пламя, взлетавшее над силуэтами крыш. Он видел, как солдаты противника перебежали через железнодорожную насыпь и ударили во фланг его роты «джордж». Атака прошла через центр боевого порядка роты и отсекла наиболее передовые отряды от тех, что шли позади.

Чевес сразу подумал, что противник наконец получил подкрепления. Ему было известно как факт, что «немцы отчаянно стремятся развить успех [их] наиболее глубокого прорыва в боевые порядки 7-й армии».

От германской контратаки пострадали обе роты, «изи» и «джордж», но сильнее всего досталось роте «джордж», находившейся ближе к противнику на наиболее открытой позиции. Джордж Крумм, сержант роты «джордж», открыл по наступавшим пулеметный огонь. Ненадолго задержав нашу атаку, он обеспечил командиру роты, первому лейтенанту Кэсси迪, возможность увести назад тех, кто в этот момент оказался на открытом месте. Они укрылись в домах на краю города. Наступившая ночь показалась Кэссиди «самой долгой в жизни ночью». Он оставил в Вингене большую часть роты и не знал, что с ними стало. [241] По радио Кэссиди доложил Чевесу, что рядом находится «всего пять или шесть бойцов и он отрезан от остальных».

Пострадала и рота «изи» капитана Сиссона.

Собирая уцелевших из роты «фокс», Чевес не смог найти лейтенанта Честера Дэвиса, самого старшего из оставшихся в роте лейтенантов. Тем не менее он попытался организовать периметр обороны батальона против германских сил, вероятно, получивших подкрепление.

Чевеса сильно беспокоило, что он может «потерять [свой] батальон в первом бою». Он боялся, что против

него «с разных направлений действуют два или три батальона противника». [242]

Он приказал роте тяжелых вооружений и 160-му батальону полевой артиллерии сосредоточить огонь на железнодорожной станции.

В донесении командующему 7-й армией генералу Патчу об итогах боевой операции полковник Конлей (командир 274-го пехотного полка) написал следующее:

«Беспощадным ударом [противник] успешно рассек и изолировал атаковавшие роты. Боевые порядки смешились... Обстрел производился с многих зданий в тылу [рот] «Е» и «Г», что обеспечивало врагу преимущество ведения огня по движущимся силуэтам. Обе противоборствующие стороны применяли ручные гранаты, стены домов пробивали выстрелами из базук и артиллерии. Смерть была повсюду.

Контратака противника оказалась успешной в том смысле, что это повлекло временное прекращение атаки; для устройства ночной оборонительной позиции примерно в 200 ярдах позади и реорганизации сил потребовалось основные подразделения рот «L» и «G». [Напротив,] множество разрозненных групп из обеих рот всю ночь оставались в изолированных друг от друга домах, в окружении сил противника». [243]

Хотя намерения 2-го батальона 274-го полка «залечь» на ночь оказались прерваны нашей контратакой, другие находившиеся в Вингене американские подразделения не испытали подобных неудобств. В 19.00 подполковник Иверсон приказал роте «С», приданной 3-му батальону 276-го пехотного, окопаться на ночь на занимаемых позициях. Этот приказ соответствовал намерениям оперативного отдела тактической группы «Херрен», ровно в 21.00, после ознакомления с ситуацией в Вингене, выпустившей приказ: «Окопаться, занять оборону, разведать местность!»[244]

Более агрессивные действия предполагались в зоне расположения 1-го батальона 276-го пехотного полка.

Командир батальона запросил на ночь заградительно-беспокоящий огонь по высотам севернее Вингена и в 23.35 подтвердил, что снаряды «ложатся отлично». [245]

На американской стороне после нашей контратаки возникло два противоположных мнения о дальнейших действиях германских сил. Вечером 6 января в специальном донесении о «Действиях в Вингене» начальник разведки пехотного 179-го полка написал, что германские подразделения «знают о том, что они отрезаны от основных сил, предпринимают настойчивые усилия для сохранения контроля над городом. Вероятно, ожидают подкреплений и подхода тяжелых вооружений с севера или северо-востока». [246]

Выводы разведки 274-го полка в донесении № 9 на 5/6 января были двойственными. Разведка полка докладывала: «Противник в Вингене может отступить или может остаться, чтобы защищать город до последнего бойца. Реализация того и другого варианта может начаться немедленно». Далее автор отчета приводит довольно вычурное соображение: «Но план врага не способен эффективно повлиять на нашу миссию». [247]

В то же время полковник Морган и штаб его 276-го полка пришли к наиболее точным выводам, основанным на фактах,— и, вероятно, на допросах пленных из оперативной группы «Винген». Пленные утверждали, что «противник намерен защищать город... и ожидает подхода артиллерии и подкреплений. Противник предполагает с боем выйти из Вингена, если не получит подкрепление в этом районе». [248]

Вернувшись на командный пункт после успешной контратаки, мы попытались продолжить обсуждение с того момента, на котором оно было прервано. Мы не следили за временем: все равно город уже накрыла темнота, наступления которой мы так ждали. Какие вопросы нам предстояло решить и как именно выстроить план

действий этой ночью, если на первой стадии просачивания из города мы хотели оторваться от противника?

Немедленного разрешения требовали сразу несколько вопросов. Что делать с американскими пленными? Мы решили оставить их в церкви, поскольку не имели достаточно людей для конвоирования: по последним подсчетам, у нас было 256 пленных. Кроме того, они только осложнили бы движение и могли выдать нас врагу. Эвакуировать пленных вместе с нами не имело смысла. Однако мы решили вывести в расположение германских войск восемь пленных офицеров, в качестве своего рода военного трофея и символа нашего успеха в Вингене.

Мы хорошо представляли, что при отступлении потребуется идти по резко пересеченной местности и что многие наши бойцы, получившие нетяжелые ранения, не смогут идти и карабкаться по горам на маршруте нашего скрытного перемещения.

Нам предстояло оставить раненых в Вингене, имея в виду, что они очень скоро попадут в плен, но потом будут вывезены оттуда и отправлены в американские госпитали. Решение вопроса о том, кого можно взять на марш, а кого придется оставить, мы возложили на командиров рот.

Поскольку с середины дня не было никакой связи с пунктом медицинской помощи, мы решили, что он уже захвачен американцами. Успокаивала лишь мысль, что наши многочисленные раненые находятся под присмотром доктора Лаутеншлагера, который ни за что не оставил бы своего поста. Мы всецело ему доверяли и надеялись, что доктор сделает все возможное, чтобы поскорее вывезти наших раненых в американские госпитали.

Но лишь по прошествии десятилетий мы узнали о том, что на самом деле произошло на нашем пункте медицинской помощи.

III. ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ВЕРОЛОМСТВО

Первым американским подразделением, подошедшем к «дому Красного Креста», оказался второй взвод роты «фокс» 274-го пехотного полка, атаковавший в этом направлении. [249] Судя по записям из архива роты, бойцы второго взвода заметили гауптштурмфюрера доктора Ганса Лаутеншлагера и американского лейтенанта медицинской службы, сообщивших, что все германские и американские пленные были прошедшей ночью переведены из бывшей школы в другое здание, находившееся рядом¹. До этого момента действовал приказ не стрелять по школе. Как только выяснилось, что в здании школы больше нет раненых, американцы получили приказ вести огонь по школе из всех видов оружия.

Гауптштурмфюрер доктор Лаутеншлагер не имел связи с командиром и штабом 1-го батальона, прошлой ночью оставившим КП, до этого находившийся рядом с его импровизированным госпиталем. Теперь доктору пришлось действовать самостоятельно, не рассчитывая на то, что ситуация может улучшиться. Для себя он уже принял решение, что будет исходить только из интересов раненых.

После долгого спора с американским коллегой (из 1-го батальона 179-го пехотного полка) он предложил следующее: он освобождает из плена капитана медслужбы, его помощника, 10 американских санитаров и 20 больных и раненых американцев, находящихся на территории пункта медицинской помощи при условии, что всех германских раненых без задержки эвакуируют в госпитали для соответствующего лечения.

Для себя Лаутеншлагер оговаривал условие, по которому он, как единственный медик в оперативной группе «Винген», после передачи раненых с пункта медпомощи

¹ Информация из книги Фахардо о том, что раненых перевезли в церковь, не соответствует действительности.

вернется в свою часть для дальнейшего исполнения врачебного долга. [250]

Американский медик, капитан, удовлетворился этим соглашением, и оба направились на командный пункт 2-го батальона 274-го пехотного полка на «Виллу Франц», в сопровождении конвоя американских солдат, предположительно из роты «G» 274-го пехотного, поскольку именно это подразделение атаковало по рю де ла Гар, на которой стоял «дом Красного Креста». По дороге их вызвали в находившийся на Циттерсхаймской дороге дом Бергмана. Там была позиция отделения пулеметчиков из роты «эйч», а также группа американских и немецких раненых, вероятно, ждавших прибытия доктора Лаутеншлагера. [251]

Прибыв на «Виллу Франц», медики встретились не только с подполковником Чевесом и его оперативным офицером капитаном Бойе, но и майором Полом Дарбином, в то время служившим начальником разведки 274-го полка. Вскоре к ним присоединился бригадный генерал Херрен. [252]

Впоследствии майор Дарбин вспоминал, что доктор Лаутеншлагер был «озабочен тем, что его пункт медицинской помощи может пострадать от огня американских военных. Он сказал буквально следующее: «Вы убьете своих людей!» и подтвердил, что вместе с немцами там находятся раненые американцы». [253]

Затем доктор Лаутеншлагер сообщил, что уже договорился с хирургом 1-го батальона 179-го полка: «Американский офицер-медик уверял, что его командиры примут нашу обоюдную договоренность. Таким образом, 3-я рота, державшая позиции непосредственно напротив пункта медицинской помощи, должна была прекратить сопротивление и сдаться американцам». Доктор Лаутеншлагер вспоминал: «Ожесточенный бой за каждый дом мало-помалу приближался к нашему импровизированному госпиталю. В интересах более чем ста германских и двадцати американских раненых я по-

говорил с командиром 3-й роты, попросив его прекратить сопротивление. В тот момент оборону в последнем доме, находившемся перед пунктом медицинской помощи, держали раненый командир 3-й роты оберштурмфюрер Якобс и семеро его бойцов, отстреливавшихся из подвала». [254]

Доктор Лаутеншлагер писал: «Затем меня привели на американский пункт медпомощи, где я смог поговорить с американским офицером-медиком и его помощником. Капитан, а также его командир, майор, поблагодарили меня за хорошее обращение с их ранеными и медицинским персоналом». [255]

Все бы ничего, но когда доктор Лаутеншлагер приготовился вернуться за линию германской обороны, американцы отказались выполнять обещание, данное их офицером-медиком. Вместо этого Лаутеншлагера оставили в американском плену. Ему объяснили: солдат, сопровождавший его на командный пункт, по ошибке не завязал доктору глаза. В результате он видел расположение американских войск и мог передать эту информацию. Скорее всего, решение исходило от генерала Херрена, который привел именно эту причину в ответ на протест майора Дарбина, сказавшего, что немецкий врач находился «под защитой флага Красного Креста». Дарбину приказали доставить Лаутеншлагера и еще четырех пленных на командный пункт 274-го полка, для допроса. Впоследствии Дарбин вспоминал: «Передо мной в машине сидел очень злой немецкий офицер-медик с хорошо заметным знаком Красного Креста на рукаве... Он держал руки за головой. Не хотел бы я оказаться в его положении». Сразу после этого майор Дарбин попросил перевести в 3-й батальон 274-го полка к подполковнику Карлу Ландстрому начальником штаба. [256]

Продолжавшиеся боевые действия задержали эвакуацию пункта медицинской помощи, которая произошла только во второй половине дня 7 января.

IV. ИСПЫТАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВИНГЕНА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Участь гражданских жителей Вингена, решивших остаться в городе или захваченных врасплох быстро разворачивавшимися событиями, ухудшалась по мере приближения боя и с каждым артиллерийским налетом. В какой-то момент во второй половине дня в небо поднялись клубы черного дыма: в отель «Венк» угодил артиллерийский снаряд, вызвавший пожар в подвале.

Хозяйка отеля Паула Фельден впоследствии вспоминала о своих волнениях и страданиях двадцати пяти других гражданских жителей. Они решили, что в подвале будет безопаснее всего. Вот что им пришлось пережить:

«Время ползло очень медленно. Начавшееся на рассвете сражение усиливалось. Казалось, этому не будет конца. Примерно в час дня вокруг поднялась невообразимая стрельба. До этого мы только и делали, что молились, а теперь все вдруг замолчали. Мы были как будто парализованы от страха и ужаса. В отчаянии мы сбились в небольшие группки и так сидели, не говоря ни слова.

Примерно через час мы почувствовали запах дыма. Одна женщина открыла дверь, которая выходила в холл. Там горел уголь!

Там была целая машина угля, которую нам привезли недель шесть назад! Подвал сразу наполнился дымом и гарью. Мы могли спастись, только немедленно выбежав на улицу! Никто не раздумывал. Женщины похватали детей — и, кто в чем был, некоторые в тапочках, — бросились к выходу. Мужчины на руках несли мою смертельно больную мать. Не теряя времени и не думая ни о чем, мы бросились в неизвестность.

Наконец, все оказались на улице. Ступая через мертвые тела, спотыкаясь оброшенное оружие и обломки, мы пытались дойти до гаража. Кур и свиней спасти не удалось, и они сгорели заживо. Самые смелые, мужчины и женщины, заскочили обратно в подвал, чтобы при-

нести одежду и защитить нас от холода. Дорогу переграживали горевшие грузовики с амуницией.

Часа через два мы с опаской вышли из гаража и двинулись было в сторону соседнего дома, находившегося через дорогу, но увидели, что к этому же дому отступают немцы. Мы хотели уйти, но они разрешили нам оставаться и ушли сами. Через час они снова вернулись со своим офицером, так что мы вышли обратно на дорогу, под визг пуль и летящие обломки¹.

Не знаю как, нам удалось добраться до фабрики стекла [находившейся в восточной части города, рядом с железной дорогой]. Мы искали подвал, но не нашли ничего подходящего. Мучимые голодом, болью и страхом, мы думали, что эта ночь не кончится никогда». [257]

За ночь до этого мадам Анни Мати вместе с родственниками и друзьями перебралась в один из домов в самой восточной части Вингена, за одним из проходов под железнодорожной линией. Весь день они провели в подвале вместе с германскими солдатами и их ранеными товарищами. Анни Мати вспоминала:

«Последний день был хуже всех. Занимавшие дом немецкие солдаты то входили, то опять выходили из подвала. Получив очередной приказ, они сменяли друг друга. Ниже дома находилась стена, за которой устроили позицию для нескольких непрерывно стрелявших пулеметов. Каждая очередь вызывала ответ с другой стороны. Мы прижимались друг к другу всякий раз, когда по ним или по дому попадал артиллерийский снаряд. Американская артиллерия находилась в Циттерсхайме и била по Вингену все сильнее и сильнее.

Невозможно описать, как мы страдали от окружавшего ужаса. Нам было нечего есть. В спешке мы вместо провизии захватили с собой белье. Хуже, чем голод, мучила только жажда. Остававшиеся в подвале немецкие солдаты делились с нами тем, что у них было, поэтому мы остались живы.

¹ В этом секторе вела бой наша 2-я рота.

Солдат оставалось все меньше и меньше. Теперь мы знали их имена — и, когда мы спрашивали: «Где Франц, где Петер?» — нам отвечали, что они «получили свое». В подвал то и дело вносили раненых, за которыми ухаживал санитар, — но у него не хватало медикаментов и бинтов. Нам предстояла еще одна ночь в подвале или, точнее, в аду». [258]

V. ДВЕРЬ ЗАКРЫЛАСЬ

В этот период линия соприкосновения двух сил проходила от Мейзенталя на западе до Рейпертсвиллера на востоке. С американской стороны на западе занимал позиции 179-й пехотный полк, которому противостояли части 257-й фольксгренадерской дивизии из сектора 90-го корпуса. На востоке с американской стороны стоял 180-й пехотный полк, действовавший в основном против 361-й фольксгренадерской дивизии (и против оперативной группы Шрайбер из дивизии «Норд») в секторе 89-го корпуса.

В один из дней 180-й пехотный полк должен был присоединиться к атаке соседнего 179-го пехотного в северном направлении. К этому моменту бойцы 179-го полка уже несколько дней держали позиции в окопах между перекрестком у «Колонн» к югу от Мейзенталя и шоссе А-12, соединявшим Кольхютте и Вимменау.

Задачей 180-го было перекрыть долину Цинтсел по обе стороны Маутерхаузе, в шести километрах к северу от их текущей позиции. Задачи 179-го полка состояли в том, чтобы, во-первых, овладеть Альтхорном, а затем — долиной Брайтенбах (между Марто-Неф и Лембергом). 1-й батальон 314-го пехотного полка (в это время стоявший в Вильденгуте) должен был соединиться с ними на правом фланге 180-го полка. В результате общих усилий закрывались последние несколько километров из когда-то 10-км разрыва в американской обороне, образовав-

шегося после разгрома тактической группы «Хаделсон». Одновременно завершалась изоляция оперативной группы «Винген».

В боевом приказе № 80 командира 180-го полка изначально предполагалось, что атака 1-го батальона на левом фланге будет поддержаны следующими силами:

- одним взводом роты полковой артиллерии с двумя гаубицами М3 калибра 105 мм;
- одним взводом роты противотанковой артиллерии с тремя противотанковыми орудиями калибра 75 мм;
- и одним взводом роты «В» батальона химических вооружений с четырьмя тяжелыми минометами калибра 4,2 дюйма (107 мм). [259]

Такая же поддержка была обеспечена справа от 3-го батальона. В последние два дня этот батальон стоял поблизости от Вимменау в резерве полка. 2-й батальон полкового резерва занимал исходные позиции в южной части Киндсброннской долины, к юго-западу от Вильденгута, и готовился контратаковать.

Таким был изначальный план, освобождавший измотанный 2-й батальон от продолжения утренней атаки и обеспечивавший его бойцам возможность для отдыха. Однако поздним вечером 5 января полковник Далени и его оперативный офицер майор Шредер решили, что 3-му батальону не стоит беспокоиться о судьбе «остатков» 2-го батальона. Вместо этого 3-му батальону предлагалось пройти через боевые порядки восточной роты 2-го батальона (роты «Е») и предоставить 2-му батальону самому решать поставленную задачу, а именно — «зачистку» от германских сил по фронту батальона до лесной дороги в долине Ротбах.

Поэтому случилось так, что в то утро 180-й полк атаковал силами всех трех батальонов: 1-й батальон выдвигался на левом (западном) фланге, 2-й батальон шел в центре, а 3-й батальон — справа. Вскоре после того

как полк пересек линию исходного рубежа атаки, его бойцы обнаружили, что угодили в настоящее осиное гнездо. В этой части долины Ротбах германскую линию основной обороны занимал разведывательный батальон «Норд». Это подразделение недавно (в числе прочих) прибыло маршем из Дании и пополнило оперативную группу «Шрайбер», являвшуюся передовым отрядом 6-й горной дивизии СС «Норд».

Эти свежие силы вступили в бой в секторе 2-го батальона. В 09.43 рота «G» атаковала линию германской обороны и при подходе к высоте 330 попала под обстрел. В 10.06 соседи справа докладывали о «сильном пулеметном обстреле в зоне действий роты «джордж». Примерно через один час и пятьдесят минут боя командир роты «джордж» оценил количество германских солдат, принимавших участие в обстреле его роты, «примерно в одну сотню человек», а еще через двадцать минут, в 11.25, рота «джордж» подверглась атаке на левом фланге, которая была отбита.

В 14.13 2-й батальон доложил: «Рота «G» попала в самый ад. Они пошли в атаку десять минут назад, попытались взять высоту [330], а сейчас вынужденно окапываются и занимают оборону».

В конце концов, после пяти с половиной часов жестокого боя, бойцы роты «джордж» при поддержке одного взвода роты «Е» смогли оттеснить противника.

В 17.30 2-й батальон доложил о том, что высота взята. При осмотре было обнаружено, что оборонявшиеся выкопали около 90 расположенных по кругу стрелковых ячеек, каждая на 2—3 бойца. На позиции обнаружили восемь убитых солдат 506-го мотопехотного батальона СС и три разбитых пулемета.

Американское боевое охранение, выдвинувшееся по дороге в долину Ротбах, противника не обнаружило.
[260]

Вот как в германской литературе отражен отход 506-го мотопехотного батальона СС: «6 января примерно в 14.00 506-й батальон оставил позиции, атакованные противником при поддержке танков, и отошел к основной линии германской обороны у Фюхстхола. Здесь уже занимала позиции 3-я рота батальона». [261]

На левом фланге атаки 189-го полка продвинувшаяся к 10.08 на 200 ярдов рота «эйбл» также столкнулась с сопротивлением германских сил. Рота попала не только под чрезвычайно плотный обстрел из стрелкового оружия, но также под огонь 75-мм орудий и 20-мм автоматических пушек. К 11.00 роту контратаковали от ста до 150 германских солдат. Передовые наблюдатели из «Тандерберда» скорректировали артобстрел как можно ближе к позициям роты «А». В это же время рота «бейкер» выходила на исходные позиции, чтобы помочь своим соседям. Однако к 11.28 рота «эйбл» вынужденно отступила на исходные рубежи утренней атаки. [262]

Одновременно с тем, как рота «эйбл» вступила в бой с противником на предполагаемой основной линии германской обороны в центре участка 1-го батальона, рота «чарли» также столкнулась с врагом (вероятно, это был пост передового охранения). Выдвинувшись к долине Ротбах по лесной дороге, рота «чарли», которую поддерживали танки и самоходные артиллерийские установки, попыталась зайти во фланг германской обороны с запада и попала под сильный артиллерийский обстрел. За короткое время пребывания в окрестностях Фюхстхола (примерно в 14.00) рота «чарли» подверглась жестокому обстрелу «как минимум батальона германской артиллерии», выпустившего около 300 снарядов. После того как рота «эйбл» получила отпор в центре атаки, а рота «чарли» подверглась сильнейшему налету германской артиллерии, командир 1-го батальона решил отвести роту «чарли» на исходные позиции. [263]

Действия роты «чарли» в окрестностях Фюхстхола также нашли отражение в журнале боевых действий

257-й фольксгренадерской дивизии. «На 10.30 патруль 457-го гренадерского полка докладывает о роте противника, которая при поддержке 4 танков выдвигается через Фюхстхол в северо-восточном направлении». [264]

В то время как 1-й батальон столкнулся с серьезным сопротивлением на правом фланге, а рота «G» вела жестокий бой за высоту 330, рота «F» на западном краю обороны 2-го батальона была обстреляна с лесистых высот, располагавшихся к северо-западу от перекрестка дорог у Вильденгута. [265]

Рота «I», занимавшая позиции правее роты «E», в 12.04 доложила об огневом контакте с противником, находившимся восточнее дороги в долине Мельх, примерно в 800 метрах к северу от перекрестка. Спустя сорок минут из роты доложили: «У нас немцы с обоих флангов». Не теряя контакта с наступавшей справа ротой «A» 314-го пехотного полка, рота «I» оставалась в соприкосновении с противником в течение всего дня. [266]

В 10.58 рота «F» достигла Вильденгута, чтобы сменить 1-й батальон 314-го полка. Несколько позже к роте «F» присоединилась большая часть роты «L». Весь день Вильденгут подвергался сильному заградительному обстрелу. [267]

Ближе к вечеру начальник штаба 180-го полка получил данные о потерях в 1-м батальоне. Сильнее всех пострадала рота «С», потерявшая 5 человек убитыми и 15 ранеными. Еще 7 человек сорвались «с катушек», не выдержав напряжения жестокой битвы. Численность роты «С» после боя составила 64 человека. Рота «А» имела в строю всего 81 бойца и получила еще одного офицера из роты «В» для усиления командного состава. Рота «В» оставалась наиболее пригодной к бою стрелковой ротой 1-го батальона и к концу дня насчи-

тывала 93 бойца, сидевших в заснеженных стрелковых ячейках¹.

Именно при отступлении роты «чарли» на исходный рубежи был перехвачен патруль унтершарфюрера Ки-фера. В подвале на КП нашего 3-го батальона Кифер получил приказ незаметно пройти через боевые порядки врага и найти своих, чтобы сделать доклад первому встреченному немецкому офицеру. Его доклад должен был включать данные о нашем текущем положении в Вингене, включая нехватку боеприпасов и провизии, информацию о большом количестве раненых — и о том, с каким напряжением мы ждем подкреплений. Выбрав себе двух сопровождающих, Кифер отправился в путь 5 января незадолго до полуночи. 35 лет спустя мы узнали, что случилось с его патрулем.

Выйдя из Вингена практически по тому же маршруту, по которому мы входили в город в ночь с 3 на 4 января, Кифер и его люди примерно через час услышали американских солдат, негромко переговаривавшихся на посту, и успешно их миновали. (Примерно в это же время навстречу, то есть в направлении Вингена, так же незаметно проследовал унтерштурмфюрер Ольденбург, доставивший нам приказ об отступлении.)

6 января, перед самым рассветом, Кифер и его товарищи пересекали шоссе Д-12. Они заметили слева три

¹ Журнал оперативного офицера 180-го полка, 6/7 января, запись № 86 на 20.37. Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что полноценная американская стрелковая рота должна насчитывать 193 человека. Интересно, что в утреннем донесении содержится несколько больше информации. Несомненно, что американцы очень оперативно выдавали наверх данные о потерях и запросы на пополнение. Судя по официальным утренним донесениям от 6 и 7 января 1945 года, численность составляла:

рота «А»: 121 до начала атаки 6 января и 115 по состоянию на утро 7 января;

рота «би»: 138 до начала атаки 6 января и 137 по состоянию на утро 7 января;

рота «си»: 111 до начала атаки 6 января и 105 по состоянию на утро 7 января;

американских танка или самоходных артиллерийских установки и несколько солдат, занятых оборудованием блокпоста. Очевидно, их выдал свежевыпавший снег, потому что в направлении места перехода через дорогу немедленно выехал джип с тремя бойцами.

Американцы окликнули наш патруль, который скрылся в лесу, но не стали преследовать.

Соблюдая осторожность, Кифер и его спутники продолжили движение в северо-восточном направлении. После того как в середине дня они пересекли долину Киндсбронн и поднялись на гору, члены патруля неожиданно обнаружили, что находятся в тылу американских позиций (это была рота «С» 180-го пехотного полка). Поначалу в столь небольшой группе германских солдат не распознали чужаков — тем более что они старались не высываться. Однако в какой-то момент при отходе роты на прежние позиции американские пехотинцы наткнулись на трех наших и взяли их в плен. [268]

В то время как атака 180-го пехотного полка в направлении долины Цинтсел не принесла явного успеха, наступление 179-го полка развивалось следующим образом. Утром 1-й и 3-й батальоны 179-го пехотного полка начали атаку в то же самое время, что и соседи справа из 180-го полка. (2-й батальон 179-го полка все еще оставался на оборонительных позициях в окрестностях Гетценбрюка — Саррейнсберга).

Атака стрелковых рот двух батальонов, имевшая целью овладеть вершинами Каесберга к северу от шоссейной дороги Гетценбрюк — Вимменау, находившимися под контролем германских войск, была встречена обстрелом из тяжелых пулеметов, минометов, артиллерии и самоходных орудий, который продолжался весь день.

Американцам противостояли подразделения 457-го гренадерского полка. Роты этого полка хорошо укрепили позиции на северной стороне дороги Гетценбрюк — Вимменау, выставив охранение к югу от дороги, в том

числе поблизости от перекрестка у памятника «Св. Петр и двенадцать апостолов».

На левом фланге атаковал 3-й батальон 179-го полка. Впереди шли роты «I» и «K»; рота «L» находилась в резерве. Рота «I» столкнулась с сопротивлением германских сил примерно в 10.45, на дистанции 500—600 метров от шоссе, у которого, как ожидалось, была расположена линия основной обороны. Лишь с подходом танков, вступивших в бой после того как они нашли подходящую для движения дорогу, рота «айтем» смогла продолжить наступление за шоссе. К концу дня американские войска прошли половину пути между перекрестком у «Колонн» и памятником «Апостолы», заняв стрелковые ячейки, оставленные их германскими «строительями».

Рота «K», с самого начала имевшая танковую поддержку, продвинулась к северу по дороге Винген — Хехнершерр до самого ее пересечения с шоссе. Рота успешно преодолела сопротивление германских войск к северу от шоссе и к концу дня овладела позициями на Каесберге, примерно в 400 метрах от пересечения дорог. Американские подразделения выставили два блокпоста на шоссе, в 300 метрах к западу и к востоку от перекрестка.

На правом фланге полка 1-й батальон атаковал ротами «B» и «C», оставив в резерве роту «A». Обе передовые роты наступали вдоль шоссе в северном направлении при поддержке танков. В 12.35 рота «C» 179-го пехотного полка уже достигла намеченного на день рубежа на восточном склоне Каесберга. Рота не встретила сопротивления противника.

Одновременно с тем, как свою боевую задачу выполнила рота «чарли», другая рота, «бейкер», следя слева от «чарли», наткнулась на германский блокпост у пересечения шоссе с лесной дорогой, которая вела на восток в Фюхстхол и долину Ротбах. Однако к вечеру рота «B» доложила, что при поддержке трех танков германский

блокпост взят, а шестеро его защитников захвачены в плен. После этого бойцы роты «бейкер» продвинулись до восточного склона Каесберга и заняли позиции слева (к юго-западу) от роты «чарли».

Для предотвращения фильтрации противника через американские оборонительные позиции роте «А» было приказано вести патрулирование между 1-м и 2-м батальонами, а также (по просьбе оперативного отдела 180-го полка) между позициями самой правой роты 179-го полка (роты «С») и самой левой роты 180-го полка (роты «С»).

Оперативный офицер 180-го пехотного полка сообщил коллеге из 179-го полка, что выставит блокпост на участке шоссе к северу от Кольхютте силами одного взвода роты «Л». [269]

Бой, в котором участвовали два батальона 179-го полка в этот шестой день, описан с германской стороны в журнале боевых действий 275-й фольксгренадерской дивизии:

«Примерно в 13.30 значительные силы противника почти одновременно атаковали перекресток дорог к юго-востоку от Мейзенталя («Колонны») и перекресток, находившийся в одном километре к северу от Кольхютте. Хотя атака к юго-востоку от Мейзенталя была отбита огнем нашей артиллерии и ракет, противнику удалось окружить самый восточный опорный пункт нашей обороны, не имевший непосредственного контакта с соседями, и после этого занять Каесберг. Это вызвало необходимость отвести роту на нашем левом фланге на 200 метров к северу, во избежание обхода ее позиций с фланга. Противник атаковал новую позицию и был отброшен.

То, что противник атаковал в нескольких местах между Саррейнсбергом и Каесбергом, приводит к мысли о его намерении получить контроль над всей дорогой, проходящей от Саррейнсберга до Вимменау через Винген.

Командир 457-го гренадерского полка считает, что необходимо сократить протяженность основной линии обороны полка, вытянутой к западу... [Новая] линия обороны должна проходить: от Клостерберга-Восточного до Плакенберга-Западного и Лагенберга-Западного. Командир дивизии запросил согласие корпуса, при этом отметив, что... в настоящее время нет абсолютной необходимости держать существующую линию обороны по причине отхода наших сил из Вингена, Вимменау и Рейпартсвиллера¹.

В течение дня 457-й гренадерский полк держал оборону на южных склонах Каесберга, рядом с дорогой и недалеко от позиций, оставленных оперативной группой «Винген» 3 января, когда наши батальоны вышли на кружной маршрут до Вингена.

К вечеру боевые действия к северу от Вингена закончились, и, хотя два полка 45-й пехотной дивизии (и приданый дивизии 79-й батальон) не решили всех поставленных задач, они закрыли брешь в обороне американцев, образовавшуюся в утренние часы 1 января. Находясь в Вингене, мы еще не знали, что придется выходить не через разрыв в обороне, а через вновь образованные боевые порядки американцев.

VI. НАЧАЛО КОНЦА СРАЖЕНИЯ ЗА ВИНГЕН

Еще находясь на объединенном командном пункте в подвале, приняв решения по поводу судьбы раненых и американских пленных, мы срочно дали всю информа-

¹ Интересно и даже интригующе, что эта запись в журнале 257-й фольксгренадерской дивизии, в которой упоминается наш отход из Вингена, была сделана вечером 6 января, когда мы еще находились в городе. Это ясно указывает не только на хорошую связь между корпусами и командными пунктами 257-й и 361-й фольксгренадерских дивизий, но также говорит об уверенности командования в том, что мы сможем благополучно отступить с позиций в тылу противника.

цию командирам рот двух наших батальонов. Вечером, благодаря наступившей темноте, мы могли свободно перемещаться по улицам и связываться с ротами.

Все командиры согласились, что самая трудная и критически важная часть нашей ночной операции — это неизвестный уход с занимаемых позиций. Эта задача была особенно трудной для 1-го батальона, остававшегося в непосредственном контакте с противником. Взяв с собой посыльного, Карлау отправился сообщить об этом командирам 1-й и 2-й рот. По дороге на позиции рот он отступил, перепрыгивая через пролом на мосту через Модер, упал и ударился головой, кроме ушибов, получив еще и сотрясение.

2-я рота, которой теперь командовал раненый унтерштурмфюрер Лугинбюль, должна была первой начать отход. Эту тонкую операцию, в течение которой американцы, наблюдавшие за позициями роты, не должны были заметить ничего необычного, предполагалось выполнить под прикрытием 1-й роты (под командованием оберштурмфюрера Штрауха).

После этого 1-я рота, какое-то время самостоятельно прикрывавшая весь плацдарм за Модером, должна была отступить и последовать за 2-й ротой. Двум ротам предстояло сначала пройти мимо католической церкви, а затем скрытно проследовать по улице на границе города к восточному проходу в железнодорожной насыпи. Районом для сбора всех подразделений были назначены высоты к северу от домов, располагавшихся в восточной оконечности Вингена, рядом с фабрикой стекла «Лалик».

Когда на объединенном командном пункте появились двое последних бойцов 3-й роты и доложили о том, что все дома, которые обороняла их рота, захвачены американцами, мы решили, что производить разведку в этом направлении бессмысленно.

В течение дня 4-я рота (рота тяжелых пулеметов под командованием унтерштурмфюрера Рутшманна), зани-

мавшая позиции на лесистых высотах к северу от города, вынужденно уступила атакам подразделений 276-го пехотного полка. Из этой роты возвратилось совсем немного бойцов.

Вместе с командиром 6-й роты Кюртеном Карлау обеспечил незаметный отход оставшейся части бойцов 1-го батальона. [270]

Командиров рот нашего 3-го батальона собрали на КП, чтобы проинструктировать и выдать приказы. 11-я рота должна была постепенно оторваться от противника. Удачно, что 12-я рота уже находилась почти в районе, намеченном для сбора. От 13-й роты, занимавшей позиции к югу от железнодорожной насыпи, требовалось оставаться на месте до окончания отхода 1-го батальона, а затем проследовать за ним в направлении восточного прохода под насыпью.

Из подразделений, которым было приказано обороňять железнодорожную станцию и примыкавшие к ней пути, остался только наш саперный взвод. Саперы уходили последними. Остальная часть штабной 15-й роты, которой командовалoberштурмфюрер Булленда, и воевавший в пехоте взвод связи были потеряны еще до нашей вечерней контратаки.

Наша 13-я рота под командованием oberштурмфюрера Шютце, среди прочих задач, охраняла пленных. 3-й взвод этой роты нес караул снаружи здания церкви. Прежде чем начать отход, они сообщили находившимся в церкви 256 американцам, что «после контратаки весь Винген находится в руках германских войск». Сообщение явно никого не убедило и вызвало смех на американской стороне. После этого двери церкви заперли, и наши солдаты ушли незаметно для американских пленных.

Оберштурмфюрер Шютце приказал нескольким самым надежным бойцам сопровождать восьмерых американских офицеров, из которых семеро были из 1-го батальона 276-го пехотного полка, а один — из 3-го батальона. Предполагалось, что американские офицеры, ко-

торых содержали отдельно, в доме священника, пойдут с нами до места расположения основных германских войск.

Позаботившись обо всем, мы собирались покинуть объединенный командный пункт. Оставалось только прощаться с примерно пятнадцатью тяжелоранеными, которых мы до этого перенесли в подвал. Мы оставили их под присмотром трех немолодых гражданских жителей Эльзаса в ожидании нового дня и американского плена.

* * *

Я медленно шел по улице в направлении восточного прохода под насыпью. Улица шла параллельно железной дороге. Почти все дома, стоявшие справа и слева, горели, и огонь пожаров озарял улицу жутковатым светом. Какое-то время я оставался в проходе под ненадежным прикрытием насыпи, направляя к месту сбора группы бойцов из обоих батальонов. (Эта картина по сей день стоит у меня перед глазами.)

Начался сильный снегопад. Снег падал на изрытую воронками долину, помогая скрыть отход от наблюдения противника и скрадывая негромкие звуки, сопровождавшие выдвижение из города колонны опытных горных стрелков. Достаточно часто, пожалуй, три раза в минуту, над нашими головами проносились снаряды американских пушек, падавшие сравнительно недалеко от меня, в лесу на высотах к северу от города.

Мимо меня по проходу прошла очередная небольшая группа. «Вы последние?» — спросил я. «Унтерштурмфюрер, мы не знаем», — безнадежно честно ответили бойцы. Честно говоря, и я не представлял, как мы сможем отойти незаметно для американцев. Кто пройдет следующим? Еще одна группа наших солдат или американский патруль, готовый начать преследование?

Задавая себе эти жизненно важные вопросы, я не мог не думать обо всей нашей операции в Вингене, окончательно избавляясь от иллюзий по поводу первого, так легко достигнутого успеха. Чего мы достигли ценой всех наших жертв и такого большого числа убитых и раненых? Неужели германское командование, отправившее нас на такое кровавое дело, с самого начала знало, что не имеет возможности развить успех оперативной группы «Винген» в случае, если удача будет на нашей стороне? Такие мысли совершенно выбивали из нормальной колеи, ведь в тот момент мы уже не могли ничего изменить... как не могли повлиять на события в самом их начале.

Все, что оставалось, — это целиком сосредоточиться на решении задачи, предстоявшей «здесь и сейчас». Нам предстояло незаметно для противника «просочиться» через его боевые порядки, чтобы в обратном направлении пройти тот же маршрут, который Ольденбург нашел безопасным и свободным от присутствия американских войск всего 12 часов назад.

Около полуночи взводный сержант, оказавшийся в проходе со своими бойцами, сообщил мне, что, по его сведениям, они выходят из Вингена последними и что он уверен в отсутствии в городе наших бойцов. После этого я также покинул Винген и вместе с этой небольшой группой направился к месту сбора.

Разведывательная информация, поступавшая в течение этого вечера на американские командные пункты, указывала на возможность ночного отступления и выхода германских батальонов из города. Окружавшие Винген американские войска получили приказ приготовиться к такой возможности.

1-му батальону 180-го пехотного полка приказали организовать временный взвод с приданым танком, с задачей выставить пост охранения на железнодорожной линии у восточного выхода из города, а также на шос-

се Д-12, примерно на половине пути между Вингеном и Вимменау. Координировать действия этого временно-го взвода поручили разведывательному взводу 180-го полка, которому был придан танк. Дополнительно для предупреждения возможных последствий прорыва двух находившихся в Вингене батальонов СС роту «F» 180-го полка перебазировали из Вильденгута (где ее утром сме-нил 1-й батальон 314-го полка) — на западную окраину Вимменау. [271]

На вопрос начальника штаба 180-го полка о том, на- сколько 1-й батальон готов к возможному выходу «этих фрицев из Вингена», командир батальона ответил: «У нас круговая оборона!» [272]

VII. РАЗБОР СРАЖЕНИЯ

Цена недостаточной подготовки

Непростительное опоздание танкового взвода, в то утро имевшего приказ поддержать атаку 2-го батальона 274-го полка, стало одной из причин тяжелых потерь, понесенных ротой «фокс». Танки появились так позд-но, что вообще не приняли участия в утренней атаке, и смогли поддержать лишь дневную атаку рот «джордж» и «изи». Это лишило весь план атаки ритма и напора.

Как вскоре обнаружилось, наибольший эффект боевых действий достигался комбинированными войско-выми группами с соответствующим вооружением. Аме-риканская артиллерия и минометы беспрепятственно обстреливали наши позиции, выбивая личный состав и затрудняя смену позиций. В это время танки подавляли опорные пункты нашей обороны, обеспечивая амери-канской пехоте возможности для штурма. Это был не просто эффективный, а единственно здравый способ штурма превращенных в крепости домов Вингена.

По воспоминаниям Чевеса, недостаточная координация действий пехоты и танков в 70-й пехотной дивизии была следствием сокращенного курса их обучения. «Я впервые действовал вместе с танками... мы ни разу не отрабатывали этого за все время обучения в Штатах». [273]

Хотя рота «фокс» не имела возможности скоординировать танковую поддержку по той простой причине, что танков с ними не было, у них имелось другое тяжелое вооружение. Однако в журнале боевых действий значится, что для поддержки использовались только 81-мм минометы роты «эйч» 274-го полка, да и то эпизодически. Во время атаки своего батальона Чевес периодически задействовал один взвод тяжелых минометов калибра 2,4 дюйма (из батальона химвооружений), четыре противотанковые пушки 276-го пехотного полка и артиллерийскую роту из своего полка. Несмотря на то, что противотанковые орудия можно было перебросить на прицепе у грузовика и разместить их на нужной позиции, это не давало той маневренности (а также защиты и огневой мощи), которую обеспечивали танки «Шерман».

Кроме нехватки опыта, были и другие недостатки, проявившиеся после чересчур торопливого и жесткого ввода в бой подразделений тактической группы «Херрен». Поскольку артиллерийская бригада 70-й пехотной дивизии все еще находилась в Соединенных Штатах, генерал Херрен отдал 160-й батальон полевой артиллерии для «непосредственной поддержки» 2-го батальона 274-й пехотной дивизии. (По всей вероятности, на то было разрешение командира 45-й пехотной дивизии, в подчинении которой находился 160-й батальон полевой артиллерии.) В норме такое взаимодействие предусматривало участие передовых наблюдателей и в атаке роты «фокс», и в дальнейших атаках рот «джордж» и «изи». Однако по необъяснимым причинам ничего такого не произошло. Другую отличную возможность для управления огнем

можно было обеспечить размещением группы связистов артиллерии на командном пункте подполковника Чевеса. Так как командный пункт Чевеса имел всего одно преимущество — хороший вид на тот район Вингена, который брал штурмом 2-й батальон 274-го полка, то присутствие даже одного артиллерийского наблюдателя могло принести весьма значительный эффект.

Поразительно, но этого также не было сделано. Связисты 160-го батальона полевой артиллерии находились с 1-м батальоном 276-го пехотного полка «справа от нашего [Чевеса] командного пункта, в миle или около того». Как результат, 6 января командиру штурмовавшего Винген пехотного батальона потребовалось более часа, чтобы отдать поддерживавшей его артиллерию приказ на открытие огня. Возможно, связисты 160-го артбатальона и передовые наблюдатели еще никогда не поддерживали действия пехоты своей 45-й дивизии, но за это пришлось рассчитываться пехоте, атаковавшей Винген.

Огорчительными были и потери из-за «дружественного» огня (особенно в роте «фокс»), возможно возникшие в результате того, что среди атакующих не было передового наблюдателя, управлявшего огнем минометного взвода.

Извлеченный опыт

Ночной отход с занимаемых позиций — одна из наиболее тонких и трудных в исполнении боевых операций. Бойцам предстояло не только отыскать дорогу в ночной темноте, но и сделать это незаметно, тихо и избегая вообще всякого внимания со стороны противника. Короче, любые подобные действия, точные и скрытные, могут выполняться лишь при условии их тщательной координации со всеми участниками отхода и таким образом, чтобы ни одно из подразделений, снимающихся

с позиции, не оставляло за собой «прорехи» в постепенно исчезающем боевом порядке. Успешный отрыв от американцев, оставшихся в Вингене, требовал исключительно точного чувства времени, превосходной шумовой и светомаскировки, а также идеальной ориентации на местности — то есть всего, что было отработано за три года боев против Красной Армии на севере Карелии. К счастью, наши бойцы имели ясное и правильное представление о точном расположении американцев, о том, какие дома они занимали, и всем прочем. В этом же контексте следует рассматривать решение отказаться от разведки в направлении позиций 3-й роты: со слов двух бойцов этой роты мы знали, что дома в секторе обороны 3-й роты уже заняты американцами — поэтому отправлять людей в этом направлении было делом опасным и бессмысленным.

Мы также надеялись (полагаясь на эффект нашей единственной контратаки), что американцы не горят желанием патрулировать город вочные часы. Несомненно, что последнее было главным условием, обеспечившим благополучный отход примерно 210 бойцов оперативной группы «Винген»; даже превосходно организованное отступление может в два счета превратиться в беспорядочное бегство, лишь стоит противнику уловить смысл происходящего и начать преследование.

Как будет показано далее, американцы ничего не знали о нашем отходе до 07.00 утра, когда в последние минуты исчезавшей ночной темноты в заснеженных горах развернулись неожиданные события.

Боевой дух войск

Несмотря на ужасающие потери от гипотермии, огня собственной артиллерии и минометов, а также в результате огневого воздействия германского стрелкового оружия, американские пехотинцы из 2-го батальона 274-го пехотного полка и ряда подразделений 276-го пехотного

полка продолжали атаковать — хотя при этом их усилия поддерживались лишь спорадическими действиями других американских частей. Настойчивость этих людей, проходивших первое боевое крещение и стремившихся выполнить боевую задачу, говорила о хорошей индивидуальной и групповой слаженности (в масштабе небольших боевых единиц) и высокой дисциплине.

Судя по воспоминаниям ветеранов, ощущения бойцов оперативной группы «Винген» в ночь оставления Вингена были троякими:

— острое чувство разочарования из-за приказа вышестоящего командования, в соответствии с которым мы, потеряв многих наших товарищей, оставили с таким трудом завоеванные позиции. Мы чувствовали, что все наши усилия буквально «втолкнаны в снег»;

— чувство облегчения — потому, что той ночью мы без единого выстрела уходили все дальше от Вингена, живые и почти здоровые;

— оструя необходимость собрать все оставшиеся физические и моральные силы, чтобы, несмотря на истощение, пройти через едва угадываемые боевые порядки врага.

Какие бы ошибки ни совершило наше командование и какие бы игры оно ни проиграло, мы сами уже вышли из петли, неумолимо затягивавшейся вокруг Вингена. Как бы там ни было, этой зимней ночью мы ушли в район, предназначенный для сбора, откуда собирались пойти дальше — чтобы в конечном счете вернуться к своим. Избежим ли мы общей виселицы или взойдем на ледяные ступени нового эшафота?

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ. ОТСТУПЛЕНИЕ

I. УХУДШЕНИЕ СИТУАЦИИ

К 7 января положение 1-й армии и всей операции «Нордвинд» решительно изменилось. Целью всех усилий и жертв первых пяти дней наступления было овладение выходами из северных Вогезов. В этом состояло поставленное Гитлером условие использования оперативного резерва, то есть 21-й бронетанковой и 25-й мотопехотной дивизий. Однако к утру седьмого дня наступившего 1945 года фокус основных усилий переместился на север Эльзасской равнины — в Виссембургский коридор. Шестого числа обе дивизии резерва покинули районы сосредоточения на фронте северных Вогезов и к концу дня вступили в бой к северу от Виссембурга с направлением атаки на юг.

6 и 7 января генерал-полковника Бласковица и штаб группы армий «G» посетил заместитель начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами. Его выводы были следующими:

«Боевой дух и поведение солдат остаются на недосыпаемо высоком уровне, несмотря на крайнее физическое напряжение и явное превосходство противника в материальном обеспечении. С преодолением первого шока методичность и настойчивость противника значительно выросли. Противник способен вводить в бой свежие силы и давать войскам отдых, в то время как наши войска, напротив, вынуждены сражаться без отдыха. Яв-

ное снижение боевых качеств наших войск объясняется не только краткостью и недостаточностью их подготовки в составе Резервной армии, но также отсутствием в частях опытных младших командиров и компетентных командиров батальонов и рот. ... Предварительным условием любого нового штурма будет обновление личного состава. Кроме того, проявилась недостаточность артиллерийской поддержки, вызванная нехваткой передовых наблюдателей и радиооборудования». [274]

Стало очевидно, что никакой дальнейший прогресс наступления в северных Вогезах невозможен без усиления или хотя бы массовой замены войск, и таким образом внимание всех переключалось на будущую атаку 39-го бронетанкового корпуса, в состав которого изначально входили 21-я и 25-я дивизии под командованием группы армий «G».

Именно в этом контексте и следует рассматривать отступление оперативной группы «Винген». Хотя 4 января нам удалось захватить и удержать эти превосходные позиции, обеспечивавшие плацдарм для решающего прорыва вдоль долины Модера, что могло позволить бронетанковому резерву выйти на Эльзасскую равнину, — у германского командования не нашлось сил даже для закрепления нашего успеха, уже не говоря о его дальнейшем развитии. По сути, основные усилия 90-го и 89-го корпусов были направлены на удержание позиций на севере, в то время как с северо-запада не мог прорваться 13-й корпус СС. Кроме собственно бронерезервов, не имелось никаких других сил, способных прорваться к нам в Винген и образовать коридор, по которому мог бы пойти поток наших войск. В конце концов, именно осознание этой ситуации привело к тому, что вышестоящий штаб приказал остаткам оперативной группы «Винген» оставить город.

II. ИЗ ОГНЯ ...

Вскоре после полуночи вместе с небольшой группой последних вышедших из города бойцов я добрался до места сбора, которое находилось в лесу за последними домами на северо-восточной окраине Вингена. Там уже собралась почти вся оперативная группа — вернее, ее остатки, сбившиеся в отдельные небольшие группки. Вскоре я нашел ту, в которой собирались офицеры, и доложил о своем прибытии гауптштурмфюреру Крецингеру.

Без долгих споров мы согласились, что нас поведет унтерштурмфюрер Ольденбург, всего двадцать часов назад незаметно для врага проскользнувший в Винген с офицерским патрулем и доставивший приказ к отступлению. Раз он нашел безопасную дорогу от германских позиций до города — значит, сможет вывести в обратном направлении, избежав встречи с силами врага.

Мы ждали прибытия бойцов 1-го батальона (из 4-й роты), которым пришлось отрываться от противника. Пока мы ждали, американская артиллерия продолжала вести заградительный огонь. Поблизости от нас то и дело падали снаряды, что вовсе не добавляло комфорта. По нашему мнению, факт обстрела доказывал, что американцы обнаружили уход оперативной группы.

Наконец, решив, что к группе присоединились все, кто покидает Винген, мы начали медленное движение по ночным горам. Мы совершенно не представляли, что находилось на севере. Американцы могли попытаться нас окружить и занять позиции, обращенные на юг, в сторону Вингена; однако им как минимум следовало иметь позиции, обращенные к северу и препятствующие выдвижению германских сил туда, где в последние три дня сражались наши бойцы. В любом случае в зоне нашего движения могли находиться патрули, посты наблюдения и любые другие активные группы врага.

Примерно в 02.00 ночи мы сформировали колонну, в

голове которой шел Ольденбург. Никто не пытался разбивать людей поротно или побатальонно: мы даже не пересчитали личный состав в начале марша. Однако были приняты меры, чтобы колонна не разорвалась на части во время движения — почти те же, что и четыре дня назад. Мы понимали, что выживем только вместе — с учетом наших скромных запасов патронов и физических сил. Шансов на благоприятный исход было в лучшем случае «пятьдесят на пятьдесят».

Густо непрерывно падавший снег скрадывал звуки и маскировал движение, при этом создавая нам дополнительные трудности. Ольденбург и другие, шедшие впереди, с огромным трудом пробивали тропу для остальной группы. Я не один раз прошел вдоль колонны, стараясь убедиться, что никто не сбился с пути, потеряв из виду впереди идущего. Несколько раз я проходил мимо группы из восьми американских офицеров, сопровождавших нас не по своей воле. За ними присматривали два бойца из нашей 13-й роты. Я им немного сочувствовал. Наверняка американцы понимали, что стали жертвами своего непрофессионализма или, в лучшем случае, наивности. Кое-кто из них нес персональную ответственность за то, что не озабочился безопасностью своих людей. Три дня назад это позволило нам наголову разгромить американские войска в Вингене.

В какой-то момент мы пересекли шоссе и начали подниматься к вершинам Вейнбурга. Снег заглушал все звуки. Мы не видели ни вражеских постов охранения, ни патрулей, ни других позиций. К этому времени большая часть наших людей совершенно выбилась из сил. Возникла серьезная опасность потери бдительности, что при внезапном столкновении с противником могло привести к самым катастрофическим последствиям.

Перебравшись через Вейнбургскую гряду, мы направились к шоссе, на которое вышли южнее придорожной гостиницы под названием «Каминталер-Хоф». Гостиница принадлежа-

ла деревне Кольхютте и в тот момент пустовала. Жителей, вероятно, эвакуировали. Мы подошли к гостинице, кажется, около 05.30 утра. Ольденбург придерживался мнения, что мы, вероятно, уже миновали позиции американской обороны и находились теперь на ничейной земле между оборонительными линиями воюющих сторон. Настала пора решать, ускорить ли нам движение или уступить соображениям безопасности (до астрономического рассвета оставалось менее полутора часов).

Приняв во внимание состояние людей, мы решили, что первое важнее второго. Всю группу построили напротив «Каминталер-Хоф». Чтобы обезопасить колонну, мы выставили на основных направлениях четыре пулемета MG-42.

Теперь, находясь в относительной безопасности, мы в первый раз пересчитали личный состав подразделений. Наш 3-й батальон вышел из Вингена, имея в строю 3 офицера и 107 рядовых солдат. 1-й батальон насчитывал 6 офицеров и 110 солдат. Таким образом, из Вингена вышло меньше трети бойцов, неделю назад вышедших на задание (тогда нас было 750 человек). Что еще хуже, не все из оставшихся сегодня вернутся к своим.

Я распорядился пересчитать все наличные патроны к пулеметам. Как оказалось, у нас в запасе было всего 360 выстрелов. Распределив эти жалкие крохи между нашими новыми MG-42 (около 1200 выстрелов в минуту), мы имели всего по 5 секунд непрерывного огня на пулемет. Крайняя усталость в сочетании с огромным желанием добраться к своим, плюс естественные эффекты ночного боя могли заставить пулеметчика вложить все драгоценные патроны в первые же две очереди. Мы строго предупредили всех стрелков о необходимости бречь патроны.

Офицеры и младшие командиры провели короткое собрание. Унтерштурмфюрер Ольденбург еще раз высказал мнение, что мы уже прошли основную линию американской обороны и дорога впереди должна быть

свободна¹. Укрывшись под навесом у входа в гостиницу, мы при тусклом свете фонарика изучили карту. Я скопировал обозначения из карты Ольденбурга на свою карту, отметив на ней линию германской обороны в районе Фюхстхола и Ротбах-Тал, а также местоположение командного пункта штандартенфюрера Шрайбера в западной части Мельха. Еще до того, как Ольденбург вечером 5 января отправился выполнять свою миссию, Шрайбер определил участок обороны в долине Ротбах, где надлежало занять оборону 3-му батальону по возвращении из Вингена.

1-й батальон Шрайбер решил отправить в резерв. Разумеется, он не предполагал, что наши боевые возможности в такой степени уменьшатся.

Оба командира батальона согласились, что с этого момента движение колонны возглавит 3-й батальон. Мы не ожидали особых трудностей и предполагали, что, спустившись долину Ротбах и дойдя до Фюхстхола, должны встретить наши войска, вероятнее всего — дивизионных разведчиков из 6-го разведбатальона «Норд».

Я вызвался командовать передовым охранением нашего батальона и вывести всю группу к позициям германских войск. Для этого я не только разметил карту, но и выучил маршрут наизусть. По словам Ольденбурга, пройдя не более пяти километров по дороге, мы должны были встретить своих. Передовое охранение состояло из остатков нашей 11-й роты. В этом отряде было всего

¹ При оценке ситуации Ольденбург имел доступ только к разведанным, поступившим на командный пункт оперативной группы «Шрайбер» к вечеру 5 января, до его путешествия по американским тылам. На тот момент линия соприкосновения между германскими и американскими силами в этом секторе действительно проходила на поддороге между Модером и долиной Ротбах. Ольденбургу и его небольшой группе повезло, и в ночь с 5 на 6 января они благополучно проскользнули между всеми американскими позициями. Ранним утром 7 января — как минимум через 26 часов после его вояжа — эта информация оказалась неактуальной.

пять солдат и двое младших командиров, так что «рота» более не могла считаться «боевой единицей». Однако этот отряд под командой опытного обершарфюрера Хьюера отлично соответствовал задаче ведения передовой разведки.

Около 06.00 утра я вместе с остатками этой когда-то очень достойной роты покинул «Каминталер-Хоф». Колонной по одному мы зашагали по дороге. Остальные бойцы нашего батальона двигались в 300—400 метрах за нами. 1-й батальон шел позади. Без помех пройдя пару километров, мы вышли к месту, где шоссе пересекалось с лесной дорогой. Никакого противника поблизости не оказалось (да и не ожидалось), и единственным напоминанием его присутствия были установленные посередине дороги противотанковые мины. Мы оставили мины на месте.

До перекрестка мы шли около тридцати минут, после чего свернули на лесную дорогу, которая должна была вывести к проходу, находившемуся чуть восточнее и отделявшему долину Фишбах от долины Ротбах. На карте проход был помечен как «возвышенность 364», так что нам предстояло подняться по лесной дороге на тридцать метров. За нами на снегу тянулись глубокие следы, и остальная часть группы не могла сбиться с пути. На часах было 06.30.

Ночью, в то самое время, когда мы скрытно выходили из Вингена, командир 2-го батальона 274-го пехотного полка подполковник Чевес продолжал ломать голову над тем, как решить задачу овладения Вингеном.

6 января в результате нашей вечерней контратаки его штурмовые роты («изи» и «джордж») оказались разделены. Это не позволяло Чевесу решить задачу «очистки» города от противника. Впоследствии Чевес написал: «Окончательная победа была в одном шаге от нас». Но в тот вечер победа, обещанная командиру 6-го корпуса, не давалась в руки Чевеса и его подчиненных. [275]

Хуже всего было то, что германская контратака отсекла передовые элементы двух атаковавших рот, вынудив остальных бойцов отступить и занять дома в западной части города. Остатки роты «фокс» пришлось задействовать для защиты флангов батальона на случай повторной контратаки. В целом потрепанный 2-й батальон не мог немедленно возобновить атаку утром — хотя именно этого ждали от Чевеса генералы Херрен, Фредерик и Брукс.

Ситуация еще больше запутывалась поступавшими донесениями, в части которых утверждалось, что «немцы отступают небольшими группами в направлении восточной окраины города». Чевес, однако, не доверял этим сообщениям, означавшим конец или упрощение стоявших перед ним проблем. [276] Готовясь к наступавшему дню, он рассчитывал на худшее — а именно, что вечерняя контратака означала не отход германских войск, а прибытие подкреплений. Он считал вероятным, что отмеченный наблюдателями отход представлял собой замену выходивших из боя подразделений свежими силами. Чевес ждал наступления еще одного трудного дня.

Он сосредоточился на решении трех основных проблем, не позволивших батальону добиться успеха. Во-первых, он собирался добиться четкого взаимодействия с танками. Далее, ему следовало координировать свои действия с батальоном 276-го пехотного полка на левом фланге. Наконец, ему срочно требовалось найти способ корректировки артиллерийского огня. Чевеса совершенно не удовлетворял вариант передачи запросов и целеуказаний через 1-й батальон 276-го пехотного полка, располагавшийся в районе Кирхберга.

Чтобы увязать все «до мельчайших деталей», Чевес поздним вечером 6 января посетил командный пункт 276-го полка в Циттерсхайме. Здесь он нашел простое решение второй проблемы: передовые группы смешанных сил 276-го полка каждые 15 минут должны были пускать белые ракеты. Эти ракеты позволяли судить о

наличии или отсутствии движения во время атаки на высотах к северу от железной дороги. Таким образом, Чевес и командиры его рот могли знать точное местоположение своих частей, своевременно предпринимая соответствующие маневры.

Третья проблема решилась даже более простым способом. Оставив капитана Бойе на командном пункте в «Вилле Франц», Чевес перебрался на «передовой» командный пункт, устроенный на КП 1-го батальона 276-го пехотного полка на северном склоне Кирхберга.

Отсюда он мог непосредственно наблюдать за полем боя и выдавать указания передовым наблюдателям артиллерии из 45-й дивизии, поддерживавшей действия тактической группы «Херрен». Радиообмен с передовыми ротами, невозможный с нового КП, обеспечивали с «Виллы Франц» капитан Бойе и его подчиненные.

Оставшаяся проблема эффективного взаимодействия с ротой танковой поддержки также была решена, в большей или меньшей степени. Чевес выделил танкистам команду из своего батальона, которая должна была идти впереди и разминировать проходы для танков.

Чевес приказал начать атаку через час после восхода солнца, в 09.00 утра 7 января. Такой поздний старт имел свои преимущества и опасности. С одной стороны, это давало командирам рот «E», «F» и «G» время на объединение их разрозненных подразделений и координацию сил, необходимых для захвата остальной части Вингена. На прибытие танков также требовалось отвести дополнительное время. С другой стороны, германские военные получали два лишних часа на подготовку к неминуемой атаке.

7 января, еще затмно, подполковник Чевес прибыл на командный пункт капитана Кертиса Брукса, находившийся на Кирхберге. Брукс, который всего три дня назад был оперативным офицером 1-го батальона 276-го

пехотного полка и теперь командовал этим батальоном, еще не отошел от встряски, полученной в ходе боя утром 4 января. Чевеса более чем устраивало расположение нового передового командного пункта, обеспечивавшего прекрасный вид на ту самую часть Вингена, где предполагалась атака его батальона. Чевесу, передовым наблюдателям и самому Бруксу, находившемуся в одном укрытии с ними, была обеспечена возможность наблюдать за боем с расстояния всего 600 метров.

Танки предсказуемо опоздали, так что Чевесу снова пришлось отложить атаку. Но команды разминирования уже начали свою работу и обеспечивали безопасное движение танков «Шерман».

С началом атаки командир роты «джордж» лейтенант Кэсси迪 (Кейси) вырвался вперед, к первой цели штурма, точнее — к тому самому дому, в котором находилась отрезанная во время нашей вечерней контратаки группа сержанта Крумма. В доме находилось около двадцати вполне боеспособных солдат, тут же присоединившихся к атаке своей роты. Пятнадцать раненых были эвакуированы в тыл. Чевес доложил по радио об их «освобождении». [277]

С этого момента атака развивалась только поступательно. Чевес вспоминал: «Танки держались на дистанции и расстреливали дом, после чего мы шли вперед и забрасывали дом гранатами. По мере нашего продвижения увеличивалось число пленных «фрицев». Дом за домом город быстро переходил в наши руки».

III. ... ДА В ПОЛЫМЯ

Как раз когда начался штурм Вингена, в котором держали оборону наши тяжелораненые товарищи, не имевшие возможности уйти вместе с нами, мы сoberшарфюлером Хьюером карабкались вверх по лесной дороге, следя за головным отрядом из шести едва державшихся на ногах солдат 11-й роты. Дорога, виляя, уходила

в северо-восточном направлении. Мы с Хьюером держались сзади, примерно в 30 метрах. Справа от нас круто поднимался горный кряж, возвышавшийся над долиной и шоссе, по которому шла основная группа. Слева стоял лес, редкий и — судя по тусклым лунным бликам от свежевыпавшего снега — почти лишенный подлеска.

В верхней точке прохода за очередным изгибом дороги должны были находиться те самые позиции, на которых мы впервые столкнулись с американцами в ночь со 2 на 3 января. Прошло всего четыре дня, но мне казалось, что наше первое вооруженное столкновение с новым противником случилось лет десять назад. Сказывались почти полное отсутствие сна и непрерывные бои.

Пройдя поворот, мы обнаружили на самой середине дороги какой-то темный и громоздкий объект. С ним только что разминулся наш передовой отряд, прошедший стороной у заснеженных деревьев. Подойдя ближе, мы опознали в объекте танк, и явно американский. Судя по всему, танкистов встревожил проход наших бойцов. Мы слышали, как внутри танка переговаривается экипаж. Сразу после этого мы заметили, как башенный пулемет взял на прицел наших товарищей, шедших впереди, очевидно намереваясь срезать всех шестерых одной очередью. Не раздумывая, мы бросили в беспечно открытый люк нашу последнюю ручную гранату. Одновременно с тем, как последний из наших разведчиков исчез за поворотом, мы с Хьюером, опасаясь, что внутри танка взорвется боезапас, отпрыгнули в разные стороны от танка.

Боезапас не взорвался, но очень скоро вблизи нашего передового отряда началась яростная стрельба. Позиции, через которые мы с боем прошли несколько дней назад, были заняты американцами, ожидающими атаки германских войск и развернутыми на северо-восток. Захваченные врасплох неожиданным взрывом ручной гранаты в своем ближайшем тылу, американцы открыли слепой огонь по лесу, находившемуся перед фронтом их обороны.

Позиции защищала рота «С» 180-го пехотного полка, которая окончательно перекрыла разрыв американской обороны, образовавшийся с разгромом тактической группы «Хаделсон». Всего несколько часов назад начальник штаба 180-го полка предупреждал командира 1-го батальона о том, что германские войска могут этой ночью прорваться из Вингена. Хотя командир батальона утверждал, что занял «круговую оборону», к роте «чарли» это утверждение явно не относилось. Позиции роты были развернуты строго на север.

Впрочем, американцы быстро поменяли направление огня, безошибочно сориентировавшись по характерному звуку германских автоматов и пулеметов MG-42, после подхода 3-го батальона влившихся в общую какофонию в тылу позиций роты «С».

В перестрелку первыми вступили 13-я рота и саперный взвод. Оказавшись у горевшего американского танка, двое наших товарищей увидели, что один из танкистов пытается выбраться из башни. Раненный в ноги, он вылез из люка по грудь и звал на помощь. Американца вытащили Хорст Штихль, командир саперного взвода, и Отто Ловенбрюк, командир отделения 13-й роты. Танкиста положили на снег рядом с его раненым товарищем. [278]

С началом стрельбы восемь пленных американцев спрятались в неглубокой канаве слева от лесной дороги. Воспользовавшись ситуацией, все восемь неожиданно вскочили на ноги и побежали по склону куда-то вправо, явно надеясь добраться до своих. Один из охранников, обершарфюрер Ганс Касти, крикнул: «Пусть уходят!» Пленные быстро растворились в сумраке. Их возвращение подтверждается записью из журнала оперативного офицера 179-го полка, где обозначены фамилии четырех:

«13.25... лейт. Уиллокс, лейт. Шилдс, лейт. О'Брайен, кап. Бернхардт и майор из 276-го пехотн. Все бежали из плена». [279]

Едва только рассвело, двое солдат нашей 13-й роты наткнулись на стрелковую ячейку, занятую двумя американцами из роты «ди» 180-го полка. Отпихнув в сторону беспечно оставленный на бруствере тяжелый пулемет 30 калибра с водяным охлаждением, молодой солдат Фриц Спон приказал американцам выйти из окопа. Один вышел сразу, а у второго возникли трудности. Он грелся в спальном мешке и от испуга никак не мог расстегнуть молнию. Спон тут же вытащил финку («пууко») и разрезал спальник, изрядно напугав американца. Взятых в плен «джи-аев» заставили нести носилки с раненым бойцом из 13-й роты. [280]

Основную тяжесть боя с блокировавшими наше движение американскими силами принял 3-й батальон 12-го горнопехотного полка СС. Наши товарищи из 1-го батальона обеспечивали прикрытие с левого (западного) фланга и со стороны тыла, но не вступили в серьезное столкновение с противником.

После часовой перестрелки командир 1-го батальона гауптштурмфюрер Бургштадлер уговорил нашего командира, Крецингера, выйти из боя и двигаться влево, в направлении долины Ротбах, откуда он и его люди могли бы прорваться к германским позициям.

По-видимому, Крецингер считал, что американцы оттеснены с позиций в непосредственной близости от дороги. Совершенно не поняв ситуации, Крецингер построил своих выбившихся из сил горных стрелков на дороге, чтобы начать марш в сторону узкого прохода в долину Ротбах. Но не успели они построиться, как американцы начали сильный обстрел из орудий и минометов. Хотя до этого потери среди наших бойцов от огня из стрелкового оружия оставались незначительными, точный артиллерийско-минометный залп с закрытых позиций произвел в рядах спасшихся из Вингена настоящее опустошение. Особенно сильно пострадал саперный взвод Штихля. Заряды, взрывавшиеся в вершинах

деревьев, осыпали стоявших на открытом месте бойцов смертоносными ошметками горячей стали и обломками дерева.

Теперь все были заняты тем, что отчаянно искали спасения от шрапнели и щепок. Отряд раскололся на небольшие группы, бежавшие прочь от дороги и пытавшиеся укрыться в долине Ротбах или Фюхстхол. В это время 1-й батальон и наша 13-я рота тоже попали под обстрел американской артиллерии и минометов. Пытаясь уйти через заснеженный лес, они попали под огонь из автоматического оружия с позиций роты «С» 179-го пехотного полка, стоявшей на правом (восточном) краю того самого батальона, штабной персонал которого еще находился в Вингене и ждал своего освобождения.

* * *

Вначале американские командиры не понимали сути событий, развернувшихся в заросших лесом горах над Вингеном. В штабе 180-го пехотного полка решили, что германская атака направлена с севера или северо-востока и в ней задействованы свежие силы, стремящиеся прорваться к Вингену. Это впечатление было усилено информацией, поступившей от одного из офицеров-связистов 171-го батальона полевой артиллерии (основанной на донесении передового наблюдателя из роты «С», где было сказано, что немцы наступают с северо-запада). [281]

Лишь после 09.00 полковнику Далени и его штабу стало ясно, что бой в горах над Вингеном явился результатом просачивания германских войск из города, а вовсе не следствием атаки, предпринятой для высвобождения или усиления германской группировки в Вингене.

Эту информацию, немедленно переданную в штаб полка, получили при допросе двух пленных, взятых 1-м батальоном 180-го пехотного (оба оказались передовыми

наблюдателями 7-й батареи 6-го артиллерийского полка «Норд»). [282] Хотя ситуация продолжала оставаться неясной, с этого момента командование 45-й пехотной дивизии точно знало, что какие-то германские части пытаются прорваться из Вингена.

Тем не менее беспокоясь о возможном стремлении германских войск прорваться к Вингену, командир 45-й дивизии передал в распоряжение 179-го полка взвод кавалерийской разведки. Командир 179-го полка отправил бронемашины взвода (M8) патрулировать дороги между Вимменау и Кольхютте, чтобы обнаружить и прекратить любое продвижение германских войск в южном направлении.

Когда бойцы 2-го батальона 274-го полка, которым командовал подполковник Боб Чевес, входили в Винген, Чевес получил с наблюдательного поста, находившегося на северном склоне Кирхберга, следующее донесение: «Паспорт» атакован. Направление атаки — Винген».

Увидев в донесении кодовое наименование 180-го полка («Паспорт») и вспомнив, что на совещании на КП 276-го полка говорили о трех батальонах 180-го полка, занявших позиции в долине Ротбах и готовых продолжить атаку утром, Чевес мог лишь предположить, что севернее Вингена в бой вступили дополнительные подразделения дивизии СС «Норд». Поэтому он имел все причины думать, что противник готов прийти на помощь двум батальонам, против которых он вел бой в городе.

Полученное донесение о положении 180-го полка вызвало беспокойство у командира 1-го батальона 276-го полка капитана Брукса (вместе с капитаном КП занимал подполковник Чевес). «Что будем делать?» — спросил он у своего соседа.

Чевес, ободренный достигнутым в то утро успехом, был краток. Он произнес: «Мы будем держаться здесь».

После войны Чевес признавался: «Мы не были уверены в своей готовности к обороне». На самом деле ложный сигнал об угрозе прибытия германских подкрепле-

ний не оказал на ход боя в Вингене никакого влияния. Командиры рот даже не получили этой информации.

Подразделения 1-го и 3-го батальонов 276-го пехотного и 2-го батальона 274-го пехотного полков при поддержке танков роты «В» 781-го танкового батальона и 160-го батальона полевой артиллерии вошли в город, не встретив сопротивления.

Чевес вспоминал, что они уже продвинулись в глубь города, когда «стало очевидно, что основные силы немцев уже отступили, оставив в Вингене небольшие изолированные группы прикрытия, сдававшиеся при первой возможности».

Еще через некоторое время американцы осознали, что «группы прикрытия» на самом деле состояли исключительно из раненых, которые остались в городе лишь потому, что не могли уйти с отступавшими. Эти люди охотно сдавались потому, что были уверены: вместо жестокого отношения, обычного для Красной Армии на Крайнем Севере, в американском плену им окажут качественную медицинскую помощь. Что им было делать? Эти солдаты выполнили свою миссию и не могли продолжать сопротивление.

Рота «изи» 274-го полка первой достигла церкви Св. Феликса. Вечером, пытаясь пробиться к своим товарищам, рота встретила ожесточенное сопротивление противника, поэтому утром ее бойцы приближались к церкви с особой осторожностью. Как вспоминал Чевес, когда открылась большая дверь, «наружу вырвалась целая орда в форме «джи-аев». «Трогало за душу, когда мы видели наших ребят, сплошным потоком валивших из церкви. Все задавали один и тот же вопрос: «С какой стороны наши?» — и немедленно уходили в этом направлении». Чевес, наблюдавший за этой сценой с расстояния 500 метров, приказал сержантцу из штаба проводить освобожденных солдат из Вингена до самого Циттерсхайма и возвратить каждого в свою часть — 179-й или

276-й полк. Инструктируя сержанта, он добавил: «Прoverь, чтобы в группе не было переодетых немцев».

Наряду с освобожденными американскими солдатами батальон Чевеса захватил в плен тяжелораненых 420 горных стрелков, не сумевших уйти вместе с нами. Согласно официальным американским документам, начиная с раннего утра 4 января, когда мы в первый раз вступили в бой с ротой «В» 276-го полка в лесах к северу от Вингена, наш противник понес следующие потери:

1-й батальон 276-го пехотного полка — 125;

2-й батальон 274-го пехотного полка — 65;

3-й батальон 276-го пехотного полка — 52.

К этим потерям можно добавить 306 солдат из штабной роты 1-го батальона и роты тылового обеспечения 179-го пехотного полка, взятых в плен утром 4 января.

К чести ветеранов 179-го пехотного полка необходимо сказать, что этот разгром носил ограниченный характер.

Несмотря на попытки сопротивления, штаб 1-го батальона и снаряжение были захвачены в почти нетронутом виде. Вероятно, чтобы скрасить огорчение от этих потерь, из 179-го полка доложили, что это их подразделения, а не новички из тактической группы «Херрен» отбили Винген, восстановив ситуацию четырехдневной давности. Документы соседнего 180-го пехотного полка указывают, что согласно донесению от 13.32 за 7 января Пэйгн [радиопозывной 179-го полка] вывел из Вингена примерно 125—150 американцев. [283]. На самом деле 179-й полк не имел к этому отношения. Бои в Вингене вели исключительно пехота тактической группы «Херрен». Желание 179-го полка замаскировать свои промахи усиливалось отношением многих бывалых солдат к необстрелянным солдатам из подразделений тактической группы «Херрен», которых, судя по официальным свидетельствам историков 179-го полка, называли «аме-

риканским фольксштурмом». [284] Хотя, в любом случае, если занявшим Винген американцам и не хватало опыта, то у них явно было в достатке мужества и других качеств настоящего солдата.

Для служивших в 1-м и 3-м батальонах 276-го пехотного полка и во 2-м батальоне 274-го полка битва за Винген-на-Модере стала настоящим боевым крещением. Они потеряли многих хороших друзей. Однако не все пали только под нашими пулями. Несколько десятков американцев (не зная того) погибли от огня своей артиллерии и минометов — по той простой причине, что в те дни ни один снаряд или мина не были выпущены из дула германского орудия. У нас не было такой поддержки, поскольку, как уже говорилось, ни одна из наших раций не могла держать связь в районе Вингенской долины, и мы потеряли машину с рацией еще до того, как добрались до цели. Одним из многих недостатков ввода подразделений дивизии по частям или в составе другой дивизии, располагавшей собственной артиллерией, была невозможность добиться полноценной координации артиллерийского огня. Пожалуй, недостаточное взаимодействие с передовыми артиллерийскими наблюдателями сказалось на тактической группе «Херрен» наиболее губительным образом.

Танковая поддержка также оказалась ненадежной. Наконец, в результате постоянного вмешательства вышестоящих штабов значительно пострадало управление войсками. Частые наезды генералов Фредерика и Херрена не только уменьшали, а резко увеличивали без того огромное напряжение, с которым действовали части атаковавшей Винген тактической группы «Херрен».

Но тем не менее американцы ликвидировали «нارыв» внутри своей обороны и вновь овладели Вингеном. Как было записано в оперативном донесении 7-й армии США: «6 января [так в оригинале] упорное сопротивление противника было сломлено, город очищен от противника».

Тем самым покончено с наиболее глубоким прорывом врага в районе северных Вогезов. В донесении также упоминалось о действиях других частей 6-го корпуса: «7 января все атаки развивались до крайности медленно. Линия наших войск продвинулась всего на одну милю к северу от дороги Вильденгут — Рейпертсвиллер. К концу, однако, стало ясно, что вражеские войска перешли к обороне и наступление противника окончательно выдохлось». [285]

Этот ретроспективный вывод оказался совершенно точным. К этому времени все возможности обеспечить проход бронетехники через северные Вогезы оказались исчерпаны, а оперативные резервы перебросили для решения новой задачи на Эльзасской равнине. Исключительная гибкость продемонстрировали как руководство 6-го корпуса в целом, так и 45-я дивизия — в частности, это касается быстрой переброски войск для закрытия разрыва в обороне, образовавшегося после разгрома тактической группы «Хаделсон». Это полностью лишило 90-й и 89-й корпуса шансов на выполнение задач операции «Нордвинд».

В документах группы армий «G» результаты этого дня отмечены еще более прозаически. «Враг предпринял новые атаки на линии фронта между Саррейнсбергом и долиной Цинтсельбах с численностью до батальона. Атаки не принесли успеха», — отмечает автор донесения. В донесении достаточно точно оцениваются потери оперативной группы «Винген» (хотя оценка числа выживших завышена):

Из задействованных в Вингене (Модер) сил оперативной группы, захвативших и в течение трех дней удерживавших город под ударами превосходивших сил врага (в результате чего противнику были нанесены значительные потери), примерно половина наших бойцов с боем вышла к основной линии обороны германских войск, предварительно уничтожив захваченные у врага танки, вооружение и технику. [286]

Правда, для 205 уцелевших бойцов оперативной группы «Винген» (изначально насчитывавшей 725 человек), вернувшихся к своим 7 января, этот рейд представлял нечто большее, чем только цифры понесенных и нанесенных врагу потерь. Измученных бойцов не радовали результаты их миссии. Непроглядной зимней ночью горные стрелки 1-го и 3-го батальонов 12-го горнопехотного полка СС незаметно для противника прошли сквозь линию американской обороны в труднопроходимой горной местности. Атаковав, они застали противника врасплох, овладев городом с эшелонированной по глубине обороной. В отсутствие артиллерийской поддержки или поддержки с воздуха они упорно сдерживали натиск более чем троекратно превосходивших сил противника, действия которого поддерживали танки, артиллерия и минометы.

* * *

В то утро в нескольких километрах к северу от Вингена, на заснеженных высотах, окончился последний бой из продолжавшегося в течение примерно тридцати дней второго сражения за город. Когда последние германские солдаты исчезли из виду, бойцы роты «С» 180-го полка осмотрели поле боя с обеих сторон от занимаемых позиций и подсчитали потери. Рота «чарли» потеряла 10 человек убитыми. Точное число раненых осталось неизвестным (многих уже вывезли на батальонный пункт медицинской помощи). Двое пропали без вести (вероятно, их взяли в плен наступавшие горные стрелки). Командир роты доложил, что его люди насчитали тридцать убитых немцев. Еще трое раненых немцев были взяты в плен. Их вывезли в госпиталь. В донесении значилось: «В плен взято двое рядовых и один офицер».

Все правильно. Офицером был я.

Метров через сто один из конвоиров вдруг вспомнил, что меня не обыскали. Меня развернули и с поднятыми

вверх руками поставили лицом к дереву. Как положено по уставу, меня заставили упереться руками в дерево и поставить ноги врозь. Обыскав карманы моего теплого бушлата, они нашли полпачки американских сигарет и штук двенадцать 9-мм патронов «Парабеллум» для моего пистолета. Кто-то забрал у меня планшет с картой.

Еще через несколько минут мы вышли к низине, посреди которой располагались глыбы песчаника, присыпанные свежим снегом. По-видимому, здесь находился командный пункт роты, в которой я гостил уже несколько часов. Сержант доложил капитану, явно командовавшему этой ротой. Здесь же находились еще несколько офицеров и сержантов. Кто-то пытался меня допрашивать, но я сделал вид, что не понимаю английского. Несмотря на протесты бойцов из моего конвоя, утверждавших, что я понимаю английскую речь, тот, кто вел допрос, не стал настаивать и ограничился моим именем и званием.

Капитан сделал по телефону несколько звонков в вышестоящие штабы, после чего меня вывели и повезли на джипе по занесенной снегом лесной дороге. Водитель держал карабин на коленях, а сидевший на заднем сиденье охранник подпирал мне спину стволом автомата. Война для меня закончилась.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Журнал начальника разведки 180-го полка — части, которая захватила в плен унтерштурмфюрера Цопфа, — отражает донесения из 1-го батальона. По поводу захваченного офицера в журнале записано: «Говорить отказался».

Вольф Цопф закончил последнюю главу этой книги 22 декабря 1998 года. Вместе с женой они уехали встретить Рождество в гости к сыну, невестке и孙女 в Карлсруэ. В рождественскую ночь Цопф потерял сознание от внутреннего кровотечения, вызванного разрывом аневризмы, о которой даже не догадывался. Пролежав две недели без сознания, он покинул этот мир 8 января 1999 года, через сорок четыре года и один день с того момента, когда он впереди своего батальона выходил из кольца, все туже затягивавшегося вокруг Вингена.

В этой книге, более чем 45 лет спустя, Вольф Цопф наконец заговорил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Führungshauptamt geheime Kommandosache no. 47/41.
2. Ziemke E.F. 1) The German Northern Theater of Operations: 1940-45. US Department of the Army: Pamphlet 20-271, 1959. P. 320; 2) lists the following German-Finnish military conferences: 25-28 May 1941 at Salzburg and Berlin; and 3 June 1941 at Helsinki. The Finnish president and his Foreign Affairs committee approved the results of the military conferences on 3 June 1941.
3. Oberkommando der Wehrmacht (OKW), Kriegstagebuch (KTR) 7, 913.
4. Приказ по оперативной группе «Норд» № 64/41 от 5 июня 1941 года. Тема: Маршевые инструкции (Kgr «N»-Ia 64/41 gKdos 5.6.41: Marschbefehl).
5. Секретный приказ по оперативной группе «Норд» № 331/41 от 17 июня 1941 года. Тема: Порядок оповещения (на период марша в обозначенные районы). (Kgr NORD Ia-331/41 geh. 17.6.1941: Vorbefehl).
6. Секретный приказ по оперативной группе «Норд» № 2/41 от 17 июня 1941 года. Тема: Изменение наименования и структуры.
7. Служебная записка командира дивизии СС «Норд» в адрес командира 36-го корпуса от 23 июня 1941 года. (SS-Division NORD-Kommandeur-23.6.1941, Schr^bn an den Herrn Kommandierenden General des XXXVI A.K.).
8. Служебная записка командира 36-го корпуса в адрес командира дивизии СС «Норд» от 24 июня 1941 года (Höheres Kommando XXXVI-Befehlshaber-24. Juni, Schr^bn an den Herrn Kommandeur der SS Division NORD).
9. Совершенно секретное донесение о состоянии дивизии СС «Норд» от 30 июня 1941 года (SS-Division NORD Ia 9/41 gKdos 30.Juni 1941, Zustandsmeldung der SS-Division NORD).
10. Stein G.H. Geschichte der Waffen-SS. Düsseldorf, 1967. S. 117; Wegner B. Hitlers politische Soldaten-Die Waffen-SS: 1933-45. Paderborn, West Germany, 1988. S. 177, 180.
11. John H. Wuorinen, ed., Finland and World War II, 1939-1944. NY., 1948. P. 105.
12. Ibid. P. 106.
13. Ibid. P. 109.

14. Ibid. P. 113.
 15. *Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg // Genesis und Scheitern einer Militärallianz*, Mil.Hist Studien 1988. Nr. 26. S. 116; *Ziemke E.F. The German Northern Theater of Operations Ziemke...* P. 157.
 16. Причины катастрофы под Саллой хорошо отражены в литературе. Вероятно, самое обстоятельное англоязычное исследование опубликовал Земке (хотя во время написания, в 1959 году, он не имел доступа к германским архивам). Другая превосходная работа была написана Ееро Кууссаари и Вилхо Нитетмаа (*Kuussaari E., Niitemaa V. Finlands Krig 1941-1945, Landstridskrafternas Operationer*. Stockholm; Helsingfors, 1949. см. стр. 89 и 95. См. работу Менгера (Menger), где на странице 119 перечислены советские источники, и работу Йоахима Руффа (Joachim Ruoff) «*Salla und die SS-Division NORD*», опубликованную в апрельском выпуске «*Der Freiwillige*» за 1984 год в издательстве «*Munin*»; см. также ответ Альфреда Штейриха (Alfred Steurich) на статью Руффа в письме из июньского выпуска «*Der Freiwillige*» за 1984 год.
 17. *Mäkelä J.L. Im Rücken des Feindes // Der finnische Nachrichtendienst im Krieg*. Stuttgart, 1967. S. 99—100.
 18. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht—Deutsch-finnische Waffenbruderschaft am Polarkreis // Geschichte der 6. SS-Gebirgs-Division NORD*. Osnabrück, 1969. S. 58.
 19. Ветеранов дивизии СС «Норд» по сей день преследуют воспоминания о том первом провале, кочующие из книги в книгу.
 20. *Bonn K. E. When the Odds Were Even*. Novato, CA 1994. P. 192.
 21. См.: *Ziemke E.F. The German Northern Theater of Operations...* P. 169.
 22. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 107.
 23. Ibid. S. 109.
 24. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 133, 139, 148.
 25. *Erfurth W. Der Finnische Krieg 1941-1944*. Munich, Wiesbaden-München, 1950. S. 71.
 26. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 165.
 27. Ibid. S. 165 и далее; *Erfurth W. Der Finnische Krieg...* S. 81.
 28. OKW KTB 7, 1942, 2:1346; *Erfurth W. Der Finnische Krieg...* S. 82.
 29. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 174—193.
 30. Ibid. S. 197; *Meininghaus L. Личный дневник*, 1943 — январь 1945 года, неопубликованное.
- После войны Руфф высказывал мнение, что «Норд» — единственная германская дивизия, специально обученная ведению активных боевых действий в лесных условиях.
31. Ibid. S. 254.
 32. Ibid. S. 259 и далее.
 33. *Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht...* S. 264; *Erfurth W. Der Finnische Krieg...* S. 230.

34. Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht... S. 267—281; Lapp K.W. Ssenosero // Die Kameradschaft-Unabhängiges Mitteilungsblatt für Soldaten. Innsbruck. 1994. № 5. S. 4—5; № 6. S. 4—5.

35. Наилучшую англоязычную версию смотри, опять же, у Земке. См., в особенности, главу 14, «Непобежденная армия», на стр. 292—310. На немецком языке операция «Бирке» наиболее полным образом освещена в документах ОКВ (OKW KTB 1944-1945. S. 1:868—913). Данная версия также включает политический и военный контекст событий, предшествовавших заключению сепаратного мира.

36. Mantyniemi M., Rinne V. Kun Puna-armeija miehitti Kuusamon syksylla 1944 («Как Красная Армия оккупировала Куусамо осенью 1944 года»). Koillisomat. P. 1—8.

37. См.: Ahto S. Aseveljet Vastakkain-Lapin Sota... P. 252.

38. Ibid. P. 280f.

39. Ibid. P. 80.

40. OKW KTB. С 7, 917; Brennecke J. Schlachtschiff Tirpitz. München, 1959. S. 76—158.

41. Данная оценка планов операции «Нордвинд» основывается на первоисточниках — включая серию в 8-и томах «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht» («Дневник войны в документах верховного главнокомандования Вермахта»), на подборке доктора наук Перси Шрамма и также на оригиналах приказов, подписанных генерал-фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом и генерал-полковником Йоханнесом Бласковицем; на рукописи, составленной германскими офицерами, после войны сидевшими в американской тюрьме [историческая серия «Американская армия в Европе», или «Серия «USAREUR»]; на сведениях из журнала боевых действий группы армий «G» — и на личных воспоминаниях некоторых немецких генералов.

Позднейшее и наиболее полное англоязычное исследование, касающееся планирования и подготовки операции «Нордвинд» (и достижения целей этой операции), было проведено Кейт Бонн (Keith Bonn) в книге «When the Odds Were Even». В полуофициальной версии, представленной Центром военной истории американской армии, в основном освещается реакция американских войск. — См.: Clarke J.J., Smith R.R. From the Riviera to the Rhine. US Government Printing Office, 1993. P. 492—532.

42. «Штаб 7-й армии и 7-я армия в период германского наступления», шестистраничный отчет, подготовленный по заказу «Army and Navy Journal» (1945. С. 1, 3).

43. Ibid. P. 2.

44. Schramm P.E., ed., Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1944-1945. P. 2:1347 и далее.

45. Wilutzky H. The Offensive of Army Group G in Northern Alsace in January 1945 // MS B-095, USAREUR Series. 1947. P. 16.

46 Ibid. P. 18.

47. Ibid. P. 19—20.

48. В работе над книгой были использованы следующие рукописи из серии USAREUR:

1) *Kogel B.* Angriff der 256. Volks-Grenadier-Division im Nordelsass im Januar 1945 (Unternehmen «Nordwind») (Наступление 256-й фольксгренадерской дивизии на севере Эльзаса в январе 1945 года (операция «Нордвинд»)) // MS B-537, USAREUR, May 1947.

2) *Linke E.* Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division an der Angriffs-operation «Nordwind» (257-я фольксгренадерская дивизия в операции «Нордвинд») // MS B-520, USAREUR Series, May 1947.

3) *Petersen E.* Kampfraum südlich Zweibrücken-Bitsch, 6.12.44—25.1.45 (4-й полевой корпус Люфтваффе/90-й пехотный корпус, 18 сентября 1944 года — 23 марта 1945 года) // MS B-071, USAREUR Series, June 1946.

4) *Philippi A.* Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass im January 1945 (Наступление 361-й фольксгренадерской дивизии в Северном Эльзасе) // MS B-428, USAREUR Series, February 1947.

5) *Reschke K.* Das LXXXIX. Armeekorps in der Operation «Nordwind» vom 31.12.1944-13.1.1945 («89-й корпус в операции «Нордвинд» с 31 декабря 1944 по 13 января 1945 года») // MS B-765, USAREUR Series, January 1948.

Кларк и Смит заявляли, что это событие произошло 28 декабря, но все участники с германской стороны подтверждают, что это было 27 декабря.

49. *Jung H.* Die Ardennen-Offensive 1944/45. Gottingen, 1971. S. 179—180.

50. *Reschke K.* Abwehrkämpfe des LXXXIX. Armee-Korps... S. 9—10.

51. Ibid. S. 12.

52. *Hold K.* The Winter Battles in the Vosges // MS B-767. USAREUR. Series 1948. P. 9.

53. См.: *Philippi A.* Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 18.

54. *Linke E.* Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division... S. 12—13.

55. См.: *Philippi A.* Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 28.

56. Архивы 7-й армии. «Оценка положения противника № 6» от 29 декабря 1944 года. (Национальный архив США в Мэриленде, группа (Record Group) 407, поступление (Entry) 427, бокс (Box) 4761. C. 6).

57. Ibid.

58. Seventh Army: Report of Operations. Heidelberg, 1946. P. 560.

59. Ibid. P. 561.

60. *Pence D.S., Petersen E.J.* Ordeal in the Vosges. Sanford, NC, 1981. P. 18—19.

61. 117-й эскадрон кавалерийской разведки (мех.), отчет о боевых действиях, январь 1945 года. С. 4.
62. Ibid. P. 2.
63. Bass M.A. The Story of the Century. NY., 1946. P. 100.
64. См.: Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 25.
65. См.: Ibid. P. 32—33.
66. См.: Kogel B. Angriff der 256. Volks-Grenadier-Division... S. 6—9.
67. См.: Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 27—28.
68. Ibid. S. 29.
69. См.: Bonn K.E. When the Odds Were Even... P. 198.
70. Записи оперативного журнала 179-го пехотного полка за 1—2 января 1945 года (NARA Record Group 407, Entry 427, Box 11091).
71. См.: Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 30.
72. Ibid. P. 30.
73. Emmerich K. First Army's Battles in Lothringen and North-Elsass from 15 September 1944—10 February 1945, Part III, 20 December 1944 — 10 February 1945. MS B-786, USAREUR, 1947, 40-11.
74. Ibid. P. 39.
75. Linke E. Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division... S. 22—23.
76. Приводится на основании утренних донесений соответствующих подразделений: 19-й мотопехотный батальон, часть 16.340, позиция 10792; 179-й пехотный полк, часть 20.208, позиция 17435; 141-й пехотный полк, часть 20.207, позиция 17410 (Национальное управление архивов и документации, Сент-Луис, Миссури).
77. Хуго Ланге, переписка с автором за 1997 год. В ночь на 2 января Ланге находился в патруле унтершарфюрера Будта.
78. Kogel B. Angriff der 256. Volks-Grenadier-Division... S. 19.
79. Журнал боевых действий группы армий «G» (Oberkommando der Heeresgruppe G) KTB 3b, 1.12.-131. 12.1944, 3.
80. Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... S. 28; Linke E. Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division... S. 22; Kogel B. Angriff der 256. Volks-Grenadier-Division... S. 31.
81. См.: Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 29.
82. Благодарственное письмо 45-й пехотной дивизии (Germany and Alsace, 1—31 January 1945, dated 23 Feb 1945, 1).
83. Mihlen K.F., von der. Report Concerning the Participation of the 559 Volks-Grenadier Division in Operation Nordwind // MS B-429, USAREUR Series, 1947, 7.
84. Zoepf W.T. Marsch auf Wingen. 1987. S. 10—20.
85. История 179-го полка. С. 104.

86. Zoepf W.T. Marsch auf Wingen. S. 11—12; Meininghaus L. Личная переписка. 1985. С. 7.
87. Carlau H-H. Личный дневник, январь 1945 года, неопубликованное. С. 4
88. Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, 3 января 1945 года, 07.30 и 11.15.
89. Интервью бригадного генерала Мэтэксиса, 8 марта 1998 года.
90. Оперативный журнал 179-го пехотного полка, 3 января 1945 года, 10.30 и 11.15.
91. Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, 3 января 1945 года. 14.10.
92. Там же. 14.45.
93. Philippi A. Angriff der 361.Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... S. 39, 41; Reschke K. Abwehrkampfe des LXXXIX. Armeekorps...
94. Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, 3 января 1945 года, 16.30, 18.22, 19.20.
95. Там же, 20.10, 21.15.
96. Carlau H-H. Личный дневник... С. 4—6; Zoepf W.T. Marsch auf Wingen. S. 27—35; Meininghaus L. Личная переписка. 1985. С. 22 и далее.
97. См.: Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 40.
98. См.: Ibid. S. 41; Reschke K. Abwehrkampfe des LXXXIX. Armeekorps...
99. Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, 3 января. С. 7 (21.15)
100. Там же. С. 8 (22.55)
101. Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 32—33, 37.
102. Сообщение, переданное фон Обстфельдеру Блаковицем и записанное в журнал боевых действий группы армий «G» (Ia Nr.141/44g.Kdos/chefs). 27.12.44, 20.00.
103. Philippi A. Angriff der 361.Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... S. 6; Mihlen K.F., von der. Report Concerning the Participation of the 559 Volks-Grenadier Division... P. 4.
104. Ibid. P. 10; Linke E. Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division... S. 24; Reschke K. Abwehrkampfe des LXXXIX. Armeekorps...
105. Philippi A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... S. 12; Mihlen K.F., von der. Report Concerning the Participation of the 559 Volks-Grenadier Division... P. 4
106. Журнал боевых действий группы армий «G». С. 22. Это подтверждает мнение Вилутцки, который считал, что решение было принято днем ранее. Wilutzky H. The Offensive of Army Group G... P. 25—26.

107. Petersen E. Kampfraum südlich Zweibrücken-Bitsch... S. 26; Linke E. Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division... S. 24—25.
108. Carlau H-H. Личный дневник... С. 7; Meininghaus L. Личный дневник... С. 18; Zoepf W.T. Личный дневник, сентябрь 1944 — февраль 1946, неопубликованное. С. 26.
109. Обстановка на американской стороне показана по следующим источникам: Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 25—27; Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 37—40; Донесение 3-го батальона 276-го пехотного полка от 3 января.
- Остальная информация была взята из воспоминаний, опубликованных в журнале Ассоциации ветеранов 70-й дивизии «The Trailblazer». Джозеф Ацевес (рота «В», 276-го полка), номер за весну-лето 1989 года; Уильям Гринуолт (командир роты «С» 276-го полка): номер за осень 1988 года; Говард Сильвестер (рота «С», 276-го полка), опубликовано зимой 1990 года; Джек Херман (рота «С», 276-го полка), номер за весну 1996 года.
110. Оперативный журнал 179-го пехотного полка, 4 января, записи на 04.50 и 05.00.
111. Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 39—40.
112. Ibid. P. 40; Cheves W., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 27.
113. Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 40.
114. Ibid. P. 41—43.
115. Журнал боевых действий 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 6.
116. Боевой приказ 180-го пехотного полка № 79/3 января.
117. Оперативный журнал 276-го пехотного полка, приказ № 40 бригадного генерала Херрена 276-му пех.—1000/4 января.
118. Schreiber. Kampfunter dem Nordlic/it, 320-345; also Consolidated IPW Report to G-2 Periodic Report no. 131, 5 January.
119. Cheves W.R. L'Operation NORDWIND et Wingen-sur-Moder, 2eme. Miami, FL, 1979. P. 37—41.
120. Kürten P. Kampfe der 6. SS-Geb.Div. NORD um den Ort Wingen-sur-Moder // Der Freiwillige. 1986. February.
121. Ibid; Carlau H-H. Личный дневник... С. 6—9.
122. Там же; Личный дневник доктора Лаутеншлагера и письма Эрику Франку Циттерсхайм (недатиров., прибл. 1977 год).
123. Zoepf W.T. Личный дневник... С. 7.
124. Из неопубликованной рукописи В.Т. Цопфа «Marsch auf Wingen (S. 74—76).
125. Донесение 3-го батальона 276-го пехотного полка, № 7, 2—3 января.
126. Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 30.

127. Донесение 3-го батальона 276-го пехотного полка, № 8. 3—5 января; Публикация «The Trailblazer», осень 1989. Р. 12.
128. Донесение 3-го батальона 276-го пехотного полка, № 7. 2—3 января.
129. Там же. № 8. 3—5 января; Публикация «The Trailblazer», осень 1989.
130. Журнал начальника разведки 276-го полка, 4 января. С. 41—48.
131. История 781-го танкового батальона. «Сражение в Вингене 4—7 января 1945». Приложение 1. С. 1.
132. Там же.
- 133 *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes...* P. 33.
134. *The Trailblazer*. 1996. Winter. P. 10.
135. 781-й танковый батальон. С. 1.
136. *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes...* P. 44—45.
137. Ibid. P. 40—46; Донесение 274-го полка № 7. 2—4 января. С. 2.
138. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4 января. Запись № 83 на 18.18.
139. Там же. Запись № 84 на 18.22.
140. Там же. Запись № 45 на 11.40 и № 51 на 12.35.
141. Отчет о боевых действиях 45-й пехотной дивизии, 1—31 января. С. 6—7.
142. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4 января. Запись № 88 на 19.12.
143. Там же, записи № 66 на 15.28 и № 85 на 18.40.
144. Отчет о боевых действиях 45-й пехотной дивизии. С. 6.
145. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4 января, запись № 65 на 15.26.
146. Там же. Запись № 63 на 14.50.
147. *Carlau H-H. Личный дневник...* С. 10.
148. Текст в оригинале: «4.1.45—Major Schuster-OberstEmmerich... Seit 9.00 Uhr 300 deutsche Soldaten in Wingen (H-Meldung)».
149. *Zoepf W.T. Marsch auf Wingen.* S. 87—88.
150. Ibid. S. 73—74.
151. *Rauscher L. Wingen-sur-Moder/Dans la tourmente de L'Operation NORDWIND 3—7 Janvier 1945.* 1989. S. 12; *Bonn K. E. When the Odds Were Even.* Р. 151. Показано, что потери среди мирного населения во время первого сражения за Винген были в три раза больше, чем во время второго боя за город 4—7 января 1945.
152. *Felden P. Wingen sur Moder // Societe d'Histoire et d'Archeologie de Saverne et Environs*, 1977. Р. 65.
153. Донесение начальника разведки 45-й пехотной дивизии, № 131 от 4 января. Интересно отметить, что все три контратаки ошибочно приписывались 2-му батальону 952-го гренадерского полка — хотя в тот день уже были взяты и идентифицированы пленные из 506-го мотопехотного батальона.

154. Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 40.

155. Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, № 817: 041130.

156. В 1944—1945 годах в американской армии процедура выбора оборонительных позиций определялась боевым уставом 100-5, раздел «Операции», глава. 11, «Оборона».

157. Оперативный журнал 276-го полка, 65а.

158. Запись выступления бригадного генерала армии США (в отставке) Теодора Мэтэксиса, по случаю открытия памятника 70-й пехотной дивизии в Форт-Беннинге, штат Джорджия, в октябре 1997 года. В период, когда дивизия проходила обучение, Мэтэксис (в то время — капитан) был помощником начальника оперативного отдела по боевой учебе. Во время операции «Нордвинд» майор Мэтэксис служил начальником штаба, а затем (после 6 января) — командиром 2-го батальона 276-го пехотного полка. См. также: Bonn K. E. When the Odds Were Even. P. 178—179; а также исследование Роберта Палмера, Белла Уайли и Уильяма Киста (Palmer R., Wiley B., Keast W. The Building and Training of Infantry Divisions. Washington, DC, 1948. P. 463—488).

159. Оперативный журнал 276-го пехотного полка, 3—4 января, запись № 77 на 17.20.

160. Оперативный журнал 180-го полка, 4 января.

Дословная цитата записи № 95 на 21.35 (командир 3-го батальона, 180-го пехотного полка). Данное боевое действие описывается в шести записях журнала, с № 71 (на 16.02) по № 96 (на 21.43). Находясь в Вингене, мы не отмечали присутствия американских танков в ночное время: танки всегда уходили с наступлением темноты.

161. Журнал боевых действий группы армий «G». С. 22—25.

162. Журнал боевых действий 257-й фольксгренадерской дивизии, 5 января 1945 года.

163. См.: Philipp A. Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 47—49.

164. См.: Ibid. P. 46.

165. Carlu H-H. Личный дневник... С. 9—10, 12.

166. Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 46—48.

167. Донесение 276-го пехотного полка № 9, 18.00 4 января, 18.00 5 января 1945 года.

168. Ричард Армстронг, процитировано Лоури. — Lowry F., et al. Company A, 276th Infantry in World War II... P. 45.

169. Ibid. P. 47.

170. Ibid.

171. Ibid. P. 49.

172. Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 49—50

173. Оперативный журнал 276-го полка. 4—5 января.

174. *Herman J.J.* Recollections of Charlie Company // The Trailblazer. 1996. Spring. P. 6—8.
175. Оперативный журнал 276-го полка. 4—5 января.
176. *Herman J.J.* Recollections of Charlie Company. P. 6—8.
177. Донесение 3-го батальона 276-го пехотного полка. № 8. 4—5 января.
178. Оперативный журнал 276-го полка. 4—5 января.
179. *Cheves W. R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 60.
180. *Lowry F., et al.* Company A, 276th Infantry in World War II... P. 47.
181. Ibid.
182. Оперативный журнал 276-го пехотного полка; приказ тактической группы «Херрен», помеченный 12.00 и внесенный в журнал в 12.45.
183. *Kürten P.* Kampfe der 6. SS-Geb.Div. NORD... S. 26—27.
184. *Carlau H-H.* Личный дневник... С. 12
185. Там же. С. 13.
186. В американской литературе, посвященной сражению за Винген, это здание упоминается как «дом Красного Креста».
187. Артур Шлетцер, в письмах автору, с мая 1996 по январь 1997 года.
188. *Говард Сильвестер (Howard Sylvester)*, в журнале «The Trailblazer», зима 1990. — P. 18.
189. *Lowry F., et al.* Company A, 276th Infantry in World War II... P. 47.
190. Ibid. P. 51.
191. Ibid. P. 50.
192. *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 57.
193. *Carlau H-H.* Личный дневник... С. 12—13.
194. *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 51
195. Ibid. P. 58.
196. *Lowry F., et al.* Company A, 276th Infantry in World War II... P. 58.
197. *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 60.
198. Ibid. P. 67.
199. Ibid. P. 70.
200. Ibid. P. 70—71. В основном совпадает с боевым приказом 276-го № 4, датированным 23.00 05 января 1945 года.
201. Ibid. P. 51, 69—71.
202. Ibid. P. 71.
203. *Carlau H-H.* Личный дневник... С. 12—13; *Kürten P.* Kampfe der 6. SS-Geb.Div. NORD...S. 27.

204. Оперативный журнал 179-го пехотного полка, 5 января 1945 года, с 04.15 до 15.10; а также донесение разведки 179-го полка от 5 января 1945 года, раздел 2-а.

205. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января. Записи №№ 21, 24 и 26.

206. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Записи №№ 14 и 16; Журнал начальника разведки 45-й пехотной дивизии, 4—5 января 1945 года. Запись № 10 от 21.35.

207. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Запись № 26.

208. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января. Записи №№ 32, 38 и 55; Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Записи №№ 19, 20 и 26.

209. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января. Записи №№ 71 и 73; Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Записи №№ 22, 23 и 27.

210. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января. Записи №№ 81 и 87.

211. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Запись № 55; Журнал начальника разведки 180-го полка, 4—5 января 1945 года, записи № 19, 1.

212. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Запись № 76 и далее.

213. Боевой приказ 180-го пехотного полка № 80 от 5 января 1945 года.

214. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года, запись № 27; Журнал начальника разведки 180-го полка, 5—6 января 1945 года, запись № 1. Записей о других патрулях нет.

215. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января. Записи №№ 88—90.

216. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Запись № 24.

217. Две жительницы Вингена оставили воспоминания о страданиях, перенесенных ими в те дни. Они жили всего в нескольких сотнях метров друг от друга: Паула Фельден, дочь владельцев отеля «Венк», находившегося у реки Модер на полдороге между двумя церквями, и Анна Мати, жившая у железнодорожной станции. Эти воспоминания были опубликованы (на немецком) в брошюре «Винген-на-Модере» (Societe d'Histoire et d'Archeologie de Saverne et Environs, 1977). Выдержки из этого текста в переводе на английский были приведены Чевесом (L'Operation NORDWIND).

218. Societe d'Histoire et d'Archeologie de Saverne et Environs. P. 65; Cheves W., Krumme G.W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 65—66.

219. Ibid.

220. *Cheves W., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 66.
221. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 4—5 января 1945 года. Запись № 89.
222. Там же. С. 91.
223. Отчет 276-го пехотного полка 19 ноября 1944 года — 31 января 1945 года. С. 6.
224. Журнал боевых действий ОКВ. С. 997, 1349; Журнал боевых действий группы армий «G», 6 января 1945 года. С. 33—34.
225. Там же. С. 30—31.
226. Там же. С. 29; Журнал боевых действий ОКВ. С. 99.
227. Сводный отчет начальника разведки 45-й пехотной дивизии. Приложение к регулярному донесению № 133. С. 5.
228. Там же. С. 5. См. также: *Schreiber F.* Die letzten Wochen des Geb.-Jäger-Regt. 12 Michael Gaissmair // Der Freiwillige (номер и дата неизвестна). S. 322; *Carlau H-H.* Личный дневник... С. 14; *Philippi A.* Angriff der 361. Volks-Grenadier-Division im Nord-Elsass... P. 58; Журнал боевых действий группы армий «G». С. 35; *Hohne G.* Der Angriff in den Vogesen, 1.1.45 bis 1.13.45. S. 2; *Reschke K.* Abwehrkämpfe des LXXXIX. Armee-Korps... S. 61.

Интересно отметить, что Филиппи датирует (в MS B-428) отступление «двух батальонов» на три дня позже, чем это происходило в действительности (то есть 9—10 января, а не 6—7 января). Шрайбер также пишет (S. 322), что «...Винген был оставлен вечером 8 января». Такую же ошибку делает Решке, написавший: «1-я армия... в конце концов дала разрешение на отход двух батальонов СС из Вингена... на линию основной обороны». Командир 89-го корпуса, Хоне, признает: «Однако мы не располагали войсками, способными развить успех [в Вингене]. Вскоре штабу корпуса пришлось отдать приказ на отступление этих батальонов из Вингена». С другой стороны, в журнале боевых действий группы армий «G» — наиболее надежном первоисточнике — правильно отмечено, что 7 января «приблизительно половина оперативной группы, получившей приказ атаковать Винген (Модер) и удерживавшей город, нанесла значительный урон живой силе противника и вынужденно отступила из Вингена после того, как уничтожила захваченные танки, оружие и технику».

229. *Carlau H-H.* Личный дневник... С. 14.
230. *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 71.
231. *Ibid.* P. 73.
232. События, происходившие во время атаки роты «F» 274-го пехотного полка, записаны на основе следующих источников:
Cheves W.R. L'Operation NORDWIND... P. 72—93; *Cheves W.R., Krumme G.W., Brook E.W.* Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 65—75;

Fajardo R. «Fox» 274th (June 1945) // The Trailblazer. 1992. Summer. P. 19—32; Conley S. After-Action Report Wingen-sur-Moder (February 1945) // Ibid. P. 6—8; Arnold C.E. The Trailblazers: The Story of the 10th Infantry Division. Richmond, VA, 1989. P. 126—129.

233. События, происходившие во время атаки рот «Е» и «Г» 274-го пехотного полка, записаны на основе следующих источников: Cheves W. R. L'Operation NORDWIND... P. 80—94; Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W., eds. Snow, Ridges, and Pillboxes... 74—79; Чарлз Блэкмэр, «Trailblazer Quarterly» лето 1990 и зима 1991; Фредерик Кэссиди, неопубликованная рукопись «Memories of Wingen», Р. 5 и далее, а также « Trailblazer Quarterly» (зима 1997); Эдмунд Арнолд, «The Trailblazers...». P. 128—131.

234. Чевес, в письме к автору, октябрь 1977 года.

235. В 1955 году военная академия в Клемсоне преобразована в университет Клемсона.

236. Оперативный журнал 276-го полка. С. 26, 40.

237. Там же. Запись № 49.

238. Carlaw H-H. Личный дневник... С. 14—15.

239. Хотя контратака упоминается во всех заслуживающих доверия американских источниках, ее точное время нигде не указано. Вероятно, наиболее точное время указано в оперативном журнале 276-го полка за 5—6 января и 6—7 января 1945:

Запись № 50 от 5—6 января, 17.00: «Командир 1-го бат. 276-го: ориентировочно город очищен, кроме гор к западу». Очевидно, что следует читать «к северу».

Запись № 1 от 6—7 января, 18.30: «Командир 1-го бат. 276-го докладывает о контратаке противника в Вингене, направлением с востока на запад».

Запись № 2 от 6—7 января, 18.42: «Командир 1-го бат. 276-го докладывает, что 2-й бат. 274-го вынужденно отступил к дороге».

Согласно приложению «С» к периодическому отчету № 132 начальника разведки 45-й пехотной дивизии от 6 января, в тот день в Вингене закат наступил в 16.53, а темное время суток начиналось примерно в 17.50. Таким образом, по общему мнению германских участников, наша контратака продолжалась не дольше тридцати минут. Можно полагать, что контратака германских сил началась около 18.10 и закончилась примерно в 18.40.

240. Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W., eds. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 90.

241. Memories of Wingen. P. 6.

242. Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W., eds. Snow, Ridges, and Pillboxes... P. 92.

243. After-Action Report Wingen-sur-Moder. P. 4—5.

244. Оперативный журнал 276-го пехотного полка, 6—7 января 1945 года, записи №№ 3 и 6.

245. Там же. С. 4, 10.
246. Специальный отчет начальника разведки 179-го пехотного полка, «Действия в Вингене». 6 января.
247. Донесение 274-го пехотного полка № 9, 5—6 января 1945 года.
248. Донесение 276-го пехотного полка № 10, 5—6 января 1945 года.
249. *Fajardo R.* «Fox» 274th (June 1945). P. 22.
250. Ганс Лаутеншлагер, доктор медицины, личный дневник; цитируется по копии из письма Лаутеншлагера в американский «Красный Крест», написанного во французской тюрьме, 15 декабря 1945 года.
251. Уильям Франкель, (рота «эйч» 274-го пехотного) в журнале «The Trailblazer», лето 1990. С. 9.
252. Пол Дарбин, в журнале «The Trailblazer», лето 1990. С. 8.
253. Там же.
254. Доктор Лаутеншлагер в письме Эрику Франку, Циттерсхайм, не датир., примерно 1977 год.
255. Там же.
256. См.: Пол Дарбин, в журнале «The Trailblazer», лето 1990. С. 8.
257. *Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes...* P. 94.
258. *Ibid.* P. 95.
259. Боевой приказ 180-го пехотного полка № 80.
260. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 5—6 января 1945 года, записи №№ 6, 8, 11, 14, 23, 33; сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.
261. *Schreiber. Die letzten Wochen des Geb.-Jager-Regt. 12 Michael Gaissmair...* S. 321.
262. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 5—6 января 1945 года, записи №№ 9, 10, 12; сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.
263. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 5—6 января 1945 года, записи №№ 9, 18; сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.
264. Журнал боевых действий 257-й фольксгренадерской дивизии, 6 января 1945 года.
265. Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка, 5—6 января 1945 года. Запись № 14.
266. Там же. С. 4, 10, 15, 16; Сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.
267. Сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.
268. Карл Кифер, в работе Вольфа Т. Цопфа «Marsch auf Wingen» (S. 77—86); Журнал начальника разведки 180-го пехотного полка,

5—6 января 1945 года, записи №№ 19, 32; Приложение к сводному отчету 45-й пехотной дивизии № 133, от 7 января.

269. Оперативный журнал 179-го пехотного полка, 5—6 января; периодический отчет разведки 179-го полка, 5—6 января; Сводный отчет о действиях 45-й пехотной дивизии, 1—31 января. С. 9—10.

270 *Carlau H-H*. Личный дневник... С. 15—16.

271. Сводный отчет 45-й пехотной дивизии, 1—31 января 1945 года. С. 10.

272. Оперативный журнал 180-го пехотного полка, 6—7 января 1945 года, запись № 86 на 20.37.

273. Этап боевой учебы, не пройденный бойцами тактических групп «Линден», «Харрис» и «Херрен», назывался «отработкой совместных действий» с подразделениями других родов войск. Этап занимал несколько месяцев и включал отработку действий совместно с танками. Палмер и др., Р. 448—449; Арнолд, «The Trailblazers», Р. 37—38; Кейт Бони, цитата из книги Теодора Мэтэксиса (в годы Второй мировой войны — командира 2-го батальона 276-го пехотного полка) «The 276th Infantry Regiment in World War II» (Hampton, VA, 1998. Р. 11).

274. Журнал боевых действий ОКВ, том. 8, 1000.

275 *Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W. Snow, Ridges, and Pillboxes...* Р. 97.

276 *Ibid.*

277 *Ibid.* Р. 100—101.

278. Штихль и Ловенбрюк, рассказано лично автору. — См.: *Zoepf W.T. Marsch auf Wingen...* S. 95—100.

279. Оперативный журнал 179-го пехотного полка, 7 января, по донесению майора Круза (1-й батальон). Неназванным офицером из 276-го полка, скорее всего, был майор Боб Нэтцел, начальник штаба 3-го батальона, попавший в плен днем 4 января.

280. Об этом автору рассказал Лоренц Хабербуш. См.: *Zoepf W.T. Marsch auf Wingen...* S. 101. Потеря одного пулемета и захват расчета в плен подтверждаются журналом 1-го батальона 180-го пехотного полка (на 09.10 и 09.18 утра).

281. Оперативный журнал 180-го полка, 7 января, 07.30.

282. Там же, 09.15.

283. Журнал начальника разведки 180-го полка, 7 января. С. 3.

284. *Warren P. Munsell Jr. The Story of the Regiment: A History of the 179th Infantry Regimental Combat Team*. San Angelo, TX, 1946. Р. 103.

285. Отчет о действиях 7-й армии. С. 575.

286. Журнал боевых операций группы армий «G». Январь 1945 года. С. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bishop L.V., et al, eds. The Fighting Forty-Fifth. Baton Rouge, LA, 1946.*
- Bonn K.E. When the Odds Were Even: The Vosges Mountains Campaign, October 1944 - January 1945. Novato, GA, 1994.*
- Brenner K. Die 6.SS-Gebirgs-Division «Nord» und ihr Anteil an der Operation «Nordwind» («6-я горная дивизия СС в операции «Нордвинд»). MS B-476, USAREUR Series, March 1947.*
- Carlau H-H. Личный дневник, январь 1945 года, неопубликованное.*
- Cheves W. R. L'Operation NORDWIND et Wingen-sur-Moder, 2éme (Operation NORDWIND and Wingen-sur-Moder). Miami, FL, 1979.*
- Cheves W. R., Krumme G. W., Brook E.W., eds. Snow, Ridges, and Pill-boxes: A True History of the 274th Infantry Regiment of the 70th Division in World War II. Privately published, 1946.*
- Clarke J.J., Smith R.R. Riviera to the Rhine. Washington, DC, 1993.*
- Docken D. Combat History: Company C, 1st Battalion, 275th Regiment, 70th Division. Privately published monograph, 1990.*
- Edmund A. The Trailblazers: The Story of the 70th Infantry Division. Richmond, VA. 1989.*
- Emmerich K. Die Kampfe der 1. Armee in Lothringen und Nordelsass, Teil III: 20.12.1944 — 10.2.1945 (The Battles of the 1st Army in Lorraine and Northern Alsace, Part III: 20 December 1944 — 10 February 1945). MS B-786, USAREUR Series, December 1947.*
- Fisher G. The Story of the 180th Infantry Regiment. San Angelo, TX, 1947.*
- Foster H.E Battle in the Lower Vosges-Summary of Earlier Operations. Unpublished monograph, 995.*
- Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten («Воспоминания солдата»). Neckargemünd, 1976.*
- Haupt W. Rückzug im Westen, 1944 («Отступление на западе, 1944»). Stuttgart, 1978.*
- Heeresgruppe G (Army Group). Kriegstagebuch (KTB) («Журнал боевых действий группы армий «G») December 1944 — January 1945.*
- Heiber H. (Editor). Hitlers Lagebesprechungen—Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen, 1942—1945. Stuttgart, 1962.*
- Hennann J. Die Ardennen-Offensive, 1944/45 («Наступление в Арденнах, 1944—45»). Göttingen? 1971.*
- Hodge S. Memoirs. Unpublished manuscript, 1980.*
- Hohne G. Der Angriff in den Vogesen, 1.1.45 bis 1.13.45 («Наступление в Вогезах, 1—13 января 1945 года»). MS B-077, USAREUR, June 1946.*
- Hold K. Die Winterschlacht in den Vogesen («Зимние сражения в Вогезах»). MS-B-767, USAREUR, March 1948.*

- Kogel B.* Angriff der 256.Volks-Grenadier-Division im Nordelsass im Januar 1945 (Unternehmen 'Nordwind') [Наступление 256-й фольксгренадерской дивизии в январе 1945 года («Операция «Нордвинд»)]. MS B-537, USAREUR, May 1947.
- Kühner O-H.* Wahn und Untergang, 1939—1945. («Иллюзия и разгром, 1939—1945») Stuttgart, 1957.
- Kürten P.* Kämpfe der 6.SS-Geb.Div. «Nord» in den Ort Wingen-sur-Moder («Боевые действия 6-й горной дивизии СС «Норд» в районе Вингена-на-Модере»). Der Freiwillige, Feb 1986, 26—28.
- Kürten P.* Личная переписка, 1979—1984, неопубликованное.
- Lautenschlager H.* Личный дневник, январь 1945 года, неопубликованное.
- Linke E.* Die Teilnahme der 257. Volks-Grenadier-Division an der Angriiffs-operation 'Nordwind'. («Участие 257-й фольксгренадерской дивизии в операции «Нордвинд»). MS B-520, USAREUR Series, May 1947.
- Lowry F., et al.* Company A, 276th Infantry in World War II. Privately published collection of recollections by members of the unit in WWII, 1991.
- Meininghaus L.* Личный дневник, 1943 — январь 1945 года.
- Meininghaus L.* Личная переписка. 1985.
- Mennel R.* Die Schlussphase des Zweiten Weltkrieges im Westen (1944/45) — Eine Studie zur politischen Geographie (The Closing Phase of the Second World War in the West (1944—45): A Study Through Political Geography). Osnabrück, 1981.
- Munsell W.P., Jr.* The Story of a Regiment: A History of the 179th Regimental Combat Team. San Angelo, TX: Newsfoto, 1946.
- Oberkommando der Wehrmacht (OKW), Kriegstagebuch (KTB) («Журнал боевых операций верховного главнокомандования германских вооруженных сил») / Edited by Percy E. Schramm. Bonn, 1964.
- Parker D.S.* War's Last Eruption // Military History. 1992. September.
- Pence D.G, Peterson E.J.* Ordeal in the Vosges. Sanford, NC, 1981.
- Petersen E.* Kampfraum südlich Zweibrücken-Bitsch, 6.12.44—25.1.45 (Combat Zone South of Zweibrücken-Bitche, 6 December 1944 — 25 January 1945). MS B-071, USAREUR Series, June 1946.
- Philippi A.* Angriff der 361.Volks-Grenadier-Division im Nord-Klsass im January 1945 («Наступление 361-й фольксгренадерской дивизии в Северном Эльзасе в январе 1945 года»). MS B-428, USAREUR Series, February 1947.
- Pommois L.M.* Winter Storm: War in Northern Alsace, November 1944 — March 1945. Paducah, KY, 1991.
- Reschke K.* Abwehrkämpfe des LXXXIX. Armee-Korps im Unterelsass und im Westwall vom 6. bis 31.December 1944 («Оборонительные бои 89-го корпуса в Эльзасе и районе «Западного вала» с 6 по 31 декабря 1944 года») // MS C-003, USAREUR Series, June 1948.

- Reschke K. Das LXXXIX. Armeekorps in der Operation «Nordwind» vom 31.12.1944—13.1.1945 («89-й корпус в операции «Нордвинд» с 31 декабря 1944 по 13 января 1945 года») // MS B-765, USAREUR Series, January 1948.
- Rittgen F. Operation NORDWIND: 21 dec 44—25 janv. 45. Sarreguemines, France, 1984.
- Samsel H. History of the 117th Cavalry Recon Squadron. Unpublished monograph, collection of supporting, related documents, n.d.
- Schreiber F. «Die letzten Wochen des Geb.-Jäger-Regt. 12 Michael Gaissmair» («Последние две недели 12-го горнопехотного полка «Михаэль Гайссмайр»). Der Freiwillige, issue and date unknown.
- Schreiber F. Kampf unter dem Nordlicht (Combat under the northern lights). Osnabriick, 1969.
- Spiwoks E., Stober H. Endkampf zwischen Mosel und Inn--XIII. SS-Armeekorps («Последний бой 13-го корпуса между реками Мозель и Инн»). Osnabrück: Munin, 1976.
- Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. (Association of German War Graves Caretakers) Elsass-Lothringen, Vogesen (Alsace-Lorraine, Vosges). Report, 1994, and correspondence, 1997.
- Zoepf W.T. Die 6. Gebirgsdivision NORD während der Operation «Nordwind», Dargestellt aus zeitgeschichtlichen Dokumenten («6-я горная дивизия СС «Норд» в операции «Нордвинд», из собраний исторических документов»). Unpublished monograph, 1987.
- Zoepf W.T. German Opponent Recalls Wingen Battle // The Trailblazer (Journal of the US 70th Infantry Division Association), Fall 1990.
- Zoepf W.T. Marsch auf Wingen (March on Wingen). Unpublished monograph, 1987.
- Zoepf W.T. Личный дневник, сентябрь 1944 — февраль 1946, неопубликованное.
- Zoepf W.T. Recollections regarding leadership, the law of land warfare, and the American opposition at Wingen / Responses to questionnaire by Keith E. Bonn, as part of research for a forthcoming book, 1996.
- Zoepf W.T. The Battles for Phillippsbourg, Dambach, and Bacenthal. Unpublished monograph, 1987.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Автор использовал записи в основном из Национального архива США, в то время находившегося в Суитленде, штат Мэриленд (теперь эти записи хранятся в архи-

ве, расположенному в Колледж-Парке, штат Мэриленд). Некоторые документы 45-й дивизии были получены из музея этой дивизии в Оклахома-Сити, штат Оклахома, благодаря поддержке директора музея Майкла Гонсалеса, капитана армии США (в отставке). Донесения рот предоставлены администрацией Национального управления архивов и документации (NARA) в Сент-Луисе, штат Миссури.

Seventh Army. Report of Operations, vol. II. Heidelberg: Aloys Graef, 1946. VI Corps. Historical Record, January — 23 April, 1945.

45th Infantry Division

G-2 Periodic Reports 128—150 (31 December 1944 — 23 January 1945).

G-2 Journal, 3—7 January 1945.

G-2 Report. Consolidated IPW (Interrogation of Prisoners of War) Report, 1—20 January 1945.

G-3 Report. Operations of the 45th Infantry Division, Germany and Alsace, 1—31 January 1945.

179th Infantry Regiment Operations Journal, Periodic Reports, and Intelligence Journal, 1—31 January 1945.

179th Infantry Regimental Commander's Report. «Unit History for the Period 1—31 January 1945». 12 February 1945.

179th Infantry Regiment Company Morning Reports, January 1945. Item 17435, Reel 20.208.

180th Infantry Regiment Operations Journal, Periodic Reports, and Intelligence Journal, 1—31 January 1945.

180th Infantry Regimental Commander's Report. «Unit History for the Period 1—31 January 1945». 15 February 1945.

180th Infantry Regiment Company Morning Reports, January 1945. Item 17436, Reel 20.208.

141st Infantry Regiment. Company Morning Reports, 1—31 January 1945. Item 17410, Reel 20.207.

274th Infantry Regiment. Company Morning Reports, 1—31 January 1945. Item 11786, Reel 16.372.

276th Infantry Regiment. Company Morning Reports, 1—31 January 1945. Item 26046, Reel 20.245.

117th Cavalry Reconnaissance Squadron (Mechanized)
S-3 Journal, January 1945.

After Action Report: Bitche Action, 1—3 January 1945.

19th Armored Infantry Battalion. Company Morning Reports, 1—31 January 1945. Item 10792, Reel 16.340.

Оглавление

Предисловие	5
На рассвете 7 января 1945 года	14
Прелюдия к операции «Нордвинд»: первые три года боевых действий дивизии СС «Норд»	20
День первый. Начало операции «Нордвинд»	106
День второй. Первое столкновение с противником	128
День третий. Приказано наступать	160
День четвертый. Штурм Вингена	192
День пятый. Оборона	246
День шестой. Ад кромешный	288
День седьмой. Отступление	342
Послесловие редактора	363
Примечания	364
Список литературы	379
Документы из архивов американской армии	381

Научно-популярное издание
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Цопф Вольф
ЭСЭСОВЦЫ В «КОТЛЕ»
Разгром горной дивизии СС «Норд»

Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Л. Субботина*

ООО «Яуза-пресс»
109439, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253

Подписано в печать 11.01.2011.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 3000 Заказ № 4132001

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-9955-0160-2

9 785995 501602 >

Эта дивизия была создана для боевых действий в экстремальных условиях. Это соединение по праву считалось элитой войск СС – в отличие от обычных частей Вермахта, эсэсовские горные стрелки не боялись ни русской зимы, ни морозов, ни снегопадов. В годы Второй Мировой 6-я горная дивизия СС «Норд» (*6 SS-Gebirgs-Division «Nord»*) отличилась как на Западном фронте, так и на Восточном – в Советском Заполярье и Карелии, где вступила в бой уже в июле 1941 года. Но ни специальная подготовка, ни богатый боевой опыт, ни фанатичная преданность фюреру не спасли эсэсовских горных стрелков от разгрома. Эта книга посвящена последним боям дивизии «Норд», участником которых был сам автор: «Мы уничтожили вражеский танк, бросив в открытый люк последнюю гранату-«толкушку» с длинной ручкой. Вместе с остатками своей роты, состоявшей теперь из семерых бойцов, я шел в авангарде горнопехотной дивизии СС, прорывавшейся из плотного кольца окружения...»

ISBN 978-5-9955-0160-2

9 785995 501602 >